

Геннадий Муравьев:
***ОТ ЭНЕРГЕТИКА ДО
ПИСАТЕЛЯ***

Усть-Илимск

2018 г.

Геннадий Муравьев: от энергетика до писателя [электронное издание] / составитель : С. С. Баландина, О. Н. Носкова; редколлегия МБУК «ЦБС» ; верстка: О. А. Петрачкова. – Усть-Илимск : Издание детской б-ки «Родничок», 2018. – 1 CD-ROM.

Электронное издание посвящено писателю, общественному деятелю, первостроителю, почетному гражданину города Усть-Илимска – Геннадию Федоровичу Муравьеву. Содержит авторские рассказы и публицистику, статьи о Муравьеве из местных и областных периодических изданий, фото писателя. Издание будет полезно краеведам и всем, интересующимся историей города и творчеством писателя.

Составители: София Сагитовна Баландина, Оксана Николаевна Носкова; редколлегия МБУК «ЦБС»: Т. В. Дребнева, О. Н. Терентьева, Л. В. Полищук, Н. Н. Шелепетко; верстка: О. А. Петрачкова.

Содержание

От составителя.....	4
О Г.Ф.Муравьеве.....	5
Статьи, очерки.....	25
Рассказы.....	154
Фотоархив Г.Ф.Муравьева.....	342
Библиографический список литературы.....	347

От составителя

Геннадия Фёдоровича Муравьева (1938-2010гг.) в Усть-Илимске знают не только как известного энергетика, писателя, но и как человека, гражданина, которому присуща активная, принципиальная жизненная позиция.

Геннадий Федорович родился 6 августа 1938 года в городе Судогда Владимирской области. Получив образование инженера-электрика, долгое время работал на объектах энергосистемы Иркутской области. На Усть-Илимскую землю Геннадий Федорович приехал в 1974 году по приглашению первого директора Усть-Илимской ГЭС Евгения Ивановича Гвоздева. Работая ведущим инженером по эксплуатации оборудования, принимал активное участие в пуске гидроагрегатов.

Его жизнь была богата и разнообразна. В силу занимаемых должностей и активной жизненной позиции он всегда был в центре городской жизни, и все это находило отражение в творчестве Геннадия Федоровича. Его очерки и статьи о городе и его жителях, об истории ГЭС интересны и достоверны.

А автобиографические рассказы, опубликованные в газетах и журналах, полны любви к окружающему миру. Геннадия Федоровича всегда интересовала психология внутреннего мира человека, его потаенные возможности и душевные ценности.

Энергичный, активный, общительный, он внес огромный вклад в воспитание молодежи, в развитие города, за это одним из первых был отмечен премией мэра Усть-Илимска «За вклад в развитие культуры города», удостоен звания «Почетный гражданин города Усть-Илимска».

Электронное издание «Геннадий Муравьев: от энергетика до писателя» выпущено к 80-летию со дня рождения Г.Ф.Муравьева и приурочено к 45-летию города Усть-Илимска.

В разделах издания представлены статьи о Г.Ф.Муравьеве, его рассказы и публицистика, фотоархив писателя, а так же видеоматериал из новостных передач ОАО «ИРТ», рассказывающие о жизни и творчестве писателя. Библиографический список литературы будет полезен исследователям творчества Г. Ф. Муравьева.

О.Н. Носкова

О Г.Ф. Муравьеве

За развитие культуры Усть-Илимска – премия мэра

Премия мэра города «За вклад в развитие культуры города Усть-Илимска» присуждалась нынче впервые. Конкурс проводился по нескольким номинациям: в области литературы, театрального искусства, культурно-досуговой деятельности, меценатства. Кандидатуры на соискание премии могли выдвигаться творческими коллективами, трудовыми коллективами муниципальных учреждений культуры, дополнительного образования, общественными организациями, авторскими и творческими коллективами, отдельными гражданами, независимо от возраста, образования, места работы. Главное, что учитывалось при рассмотрении кандидатов, - их вклад в культуру и искусство.

В числе победителей – Е.Н. Волосов, А.В. Квач, Т.Д. Коршунова, Г.Ф. Муравьев.

В номинации «За воспитание молодого поколения», за общественную и литературную деятельность» премии мэра удостоен Геннадий Федорович Муравьев, прозаик, публицист, автор рассказов для детей и юношества, статей и очерков о строителях и строительстве ГЭС, города.

В номинации «За информационную поддержку и освещение культурной жизни города, за создание тематической страницы «В интерьере – культура» победителем стал творческий коллектив редакции газеты «Вечерний Усть-Илим».

Мы поздравляем победителей конкурса с победой и званиями лауреатов конкурса и желаем дальнейших творческих успехов!

Тамара Беловодова

Г. Муравьев в «Свете»

Согласитесь, не часто публикации усть-илимских авторов появляются в московских журналах. Похвастаться этим могут далеко не многие. Поэтому для любого пишущего человека подобное событие является настоящим праздником.

Геннадий Федорович Муравьев – писатель, известный далеко за пределами города. Его рассказы и повести не единожды публиковались в журнале «Сибирь». А на прошлой неделе на адрес Геннадия Федоровича пришла бандероль, а в ней – последний номер московского журнала «Свет».

Еще в феврале 2007 года «Вечерка» опубликовала статью Г. Муравьева «Валентин Распутин: вера и неверие в «Прощании с Матерой», посвященную юбилею известного писателя. А до того, в ноябре автор отправил материал в два журнала – «Сибирь» и «Свет». «Сибирь» напечатала статью еще в первом номере, причем его главный редактор Василий Козлов дал ей очень высокую оценку, сказав, что такой необычный взгляд на произведение был высказан впервые. А вот из журнала «Свет» ответа долго не было. Бандероль стала неожиданным сюрпризом для Геннадия Федоровича. «Вечерка» поздравила автора и попросила поделиться с ней своей радостью.

- Читая еще в советские времена «Прощание с Матерой», - говорит Г.Ф. Муравьев, - я понял, что многие не понимали, для чего Валентин Распутин ее написал. Партийные и советские органы, состоявшие из людей неверующих, относились к писателю с пренебрежением, настороженно. Они знали, о чем он написал, но старались не объяснять этого. А простой народ недопонимал, а если понимал, то вслух не произносил своих мыслей. А в повести через образ простой женщины, глубоко верующей в Бога, которая противопоставляла себя людям, отрекшимся от него, проповедовались заповеди из Евангелия.

Сегодня человек отделяет себя от природы, не думает, что губя ее, он губит себя и своих детей. Потому и наблюдаем мы, как горят и вырубаются леса, загрязняются, отравляются реки. Все это происходит благодаря человеку. Мое сердце не выдержало, захотелось написать о том, что творится, как человек сам себя убивает. Судя по тому, что журнал опубликовал статью, да еще вынес ее анонсом на обложку, эта тема волнует многих россиян, и она близка издателям. Это радует.

Тамара Беловодова

Присвоено почетное звание

На одном из последних заседаний городской думы депутатами принято решение о присвоении звания «Почетный гражданин Усть-Илимска» Г.Ф. Муравьеву и В.А. Ванееву. Это стало своеобразным новогодним подарком людям, заслужившим народное признание.

В Усть-Илимск Геннадий Федорович, опытный инженер-энергетик, приглашен в 1974 году на пуск первых агрегатов строящейся Усть-Илимской ГЭС. Более 20 лет своей трудовой деятельности он посвятил гидроэлектростанции, успешно справляясь с большой производственной нагрузкой и проводя активную общественную работу.

С 1979 по 1986 годы Муравьев избирался депутатом Усть-Илимского городского Совета народных депутатов, работал в должности секретаря исполкома горсовета.

Где бы ни работал Геннадий Федорович, он всегда проявлял высокий профессионализм, ответственность и принципиальность. Глубоко видел жизнь людей, трудовых коллективов, много рассказывал о них в своих публикациях и на встречах.

Г.Ф. Муравьев имеет многолетний опыт литературного творчества. Его работы несут большую нравственную воспитательную силу, особенно для молодого поколения. В 2006 году он стал лауреатом премии мэра «За вклад в развитие культуры города Усть-Илимска».

Геннадий Федорович – человек широчайшего кругозора, интеллигентный, внимательный к людям. Он заслуженно пользуется уважением жителей города. За свою трудовую деятельность награжден медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», почетными грамотами Министерства энергетики России, имеет многочисленные поощрения.

Депутаты считают, что Г.Ф. Муравьев внес значительный вклад в развитие духовного и культурного уровня горожан.

Об этом забывать нельзя

Этот рассказ («Усть-Илимская правда» от 19-25 августа) появился очень своевременно. В дни, когда у людей из-за ломки привычного стереотипа мышления и жизни становится несколько муторно на душе, обязательно нужно оглянуться, всмотреться в прошлое, вспомнить, что же все-таки было в нем хорошего, светлого, а может быть, и святого, вспомнить самых дорогих людей, которые когда-то тебя окружали, которых ты считал и считаешь своими учителями жизни.

О таких людях в свойственной ему неторопливой манере и повествует в своем рассказе «Святое» Г. Муравьев. И читатель явственно видит всех этих спутников детства, юности, поры взросления рассказчика.

Возьмем мать рассказчика. Вот короткая сценка.

«- Задумай, сынок, и помолись, - сбудется, - тихо на ухо говорила мне мама.

Я не крестился, но поднимая голову, смотрел на чистые, будто умытые святой водой звездочки и что-то нашептывал.

- Ну-у, задумал? – помолившись небу и поднимая со льда четверть со святой водой, спросила мама.

- Задумал, - конфузливо ответил я.

- Что же?

- Пусть папа мне коньки купит.

- Где же денег-то взять, сынок? – словно чего-то испугавшись, торопливо выговаривала она.

- Ты сказала задумать, я и задумал.

- Ну, ладно, раз задумал, значит, будут тебе коньки, - вздохнув, сказала мама.

Новенькие коньки мне скоро купили...»

В этой картинке весь материнский характер: как бы ни было трудно, дал слово - сдержи!

Яркой получилась и сцена столкновения отца рассказчика с цыганами из-за места водопоя. Отец показал себя принципиальным человеком, цыгане — понятливыми, хотя и с некоторым опозданием. Как бы там ни было, столкновение завершилось благополучно.

Как живого представляю я и деда Дмитрия. Вот шагает он с внуком на речку половить раков. У воды снимает лапти, подворачивает штанины холщовых брюк и тщательно вытирает ноги о траву. Внуку это непонятно,

«-Де-да-а! - громко удивлялся я, - ноги ж чистые...

- Чистые, говоришь..! Однако не чище этой водицы, - окаяющим говором отвечал он, - а там раки живут. Вдруг заразу каку заташу...».

И ловя раков, дед не жадничает - ловит столько, сколько нужно на раз полакомиться им с внуком. Любовь к родной природе, бережливое отношение к ней - это у деда, как и у любого крестьянина, в крови.

Правда, бывают и исключения. Вот Кузьма Демидов, один из соседей. Он и мусор с дороги у дома не уберет, и осколки разбитого стекла бросит куда попало, и инструмент после работы на место не положит. И жизнь его жестоко наказывает.

Заболела корова-кормилица, за помощью обращаются к деду Дмитрию, который в помощи людям никогда не отказывает. Но корову спасти не удастся. Когда же корову забили и разделали, в пищеводе у нее нашли старый ржавый гвоздь.

«- Дело ясное, как божий день,- насупил густые брови дед Дмитрий. - Узнаешь? Не я ль тебе говаривал: убери гвозди из травы и речки, за баней, а ты-ы ухом не ведешь, все рукой машешь».

Прожил дед почти сто лет и до последнего дня был, как говорится, на своих ногах.

«Хоронила его вся деревня.

- Много было в нем святого, - вспоминали на поминках мужики, за то и берег его бог-то».

Так о чем же все - таки этот рассказ? Это выясняется в диалоге рассказчика с другом Федором. Диалог этот после вопроса друга, как объяснить большой интерес его (рассказчика) к церкви, превращается в монолог.

«...В Бога я никогда не верил, однако убежден, что Бог должен быть в каждом из нас, внутри каждой души. Все мы и есть носители божественного понятия. Имея, как говорится, Бога в себе, человек стремится к нравственной чистоте. Покаяние перед собственным Богом надо понимать как покаяние наедине с собой, как покаяние перед собственной совестью. В этом самоочищение и самопожертвование».

Дальше в монологе говорится о равнодушии к церковным праздникам и нравам (неточное слово) потому, что они напоминают нам о добре, о внимательности друг к другу, о простоте и привлекательности сложившегося веками уклада людской жизни.

Во всем этом я согласен с рассказчиком - героем и, конечно, с автором. Это вопрос наболевший, а поэтому повторяю: рассказ появился в печати очень своевременно. К большому сожалению, в последние годы все больше появляется среди нас «Иванов, не помнящих родства, которым не нужна ни история Родины, ни история своего рода, ни добрые обычаи предков. Такие пустоцветы думают только о своем достатке, своих интересах, они не придут к другу на помощь в трудную минуту, не защитят от преступника женщину, старика или ребенка. Им, кроме своего благополучия, как говорится, до лампочки.

Рассказ «Святое» как раз и направлен на восстановление всего доброго, что мы имели в духовной жизни в прошлом, против распространяющейся заразы «навсенаплевательства». Свою задачу он выполняет.

К недостаткам рассказа следует отнести некоторые длинноты, штампы при описании природы, языковые небрежности. Все это легко устраняется при дальнейшей работе над, несомненно, удавшимся рассказом.

А. Давыдов

Геннадий Муравьев: от энергетика до писателя

Наша Компания помнит своих ветеранов и с удовольствием рассказывает на страницах своей газеты об их жизни, труде, достижениях. Нередко и после выхода на пенсию они сохраняют активную жизненную позицию, много трудятся, занимаются творчеством, ведут широкую общественную деятельность. Сегодня наш рассказ об энергетике и писателе устьилимце Геннадии Муравьеве.

Геннадий Фёдорович Муравьев родился 6 августа 1938 года в городе Судогда Владимирской области в семье рабочих. В 1958 году, после окончания с отличием Муромцевского лесотехнического техникума, он направляется в поселок Октябрьский Чунского района Иркутской области, где устраивается на лесоперевалочной базе электромехаником тепловой электростанции.

В трудовую атмосферу ТЭЦ и «лесоперевалки» входит заинтересованно, живо, ответственно. Затем Муравьев назначается главным энергетиком комплексного леспромхоза, основная база которого располагалась в посёлке Лесогорск Чунского района, где строились крупный лесопильно-деревообрабатывающий завод и ТЭЦ. Производственная нагрузка на плечи Геннадия Фёдоровича была возложена большая, но лесопильный завод и ТЭЦ были успешно пущены.

В посёлке Октябрьский Геннадий Фёдорович встретил Галину Матвеевну Вокину, здесь они поженились, у них родилась дочь Татьяна. И вот уже почти пятьдесят лет Геннадий Фёдорович и Галина Матвеевна живут вместе.

В начале 60-х годов прошедшего столетия начинает интенсивно развиваться Иркутская энергосистема. Муравьёв встречается в Иркутске с управляющим энергосистемой П.Г. Некряченко, который предлагает Геннадию Фёдоровичу перейти работать в энергетику.

В 1961 году он по переводу переезжает в Шелехов для пуска и дальнейшей эксплуатации Иркутской ТЭЦ-5, где назначается начальником смены. На новом месте осваивается быстро. Свободного времени у него не было: всё отдавал производству и общественной комсомольской жизни города, строительство которого в те годы «гремело» по всей Иркутской области и стране.

В Шелехове знакомится и начинает дружить с журналистами местной газеты, иркутской областной газеты «Советская молодёжь», которые охотно принимали и публиковали статьи и корреспонденции от Муравьева Г.Ф о строителях и энергетиках готовящейся к пуску тепловой электростанции.

Здесь следует коротко остановиться на замечательном факте, который произошёл спустя сорок лет, когда Муравьёв Г.Ф. жил и работал в Усть-Илимске. В конце 2000 года Геннадий Фёдорович с супругой получили приглашение на 40-летний юбилей Иркутской ТЭЦ-5 (г. Шелехов). Сначала оба смутились.

«Прошло столько много лет, неужели помнят?» - возник вопрос. Однако приглашение было принято. На торжественном юбилейном вечере Геннадию Федоровичу и Галине Матвеевне вручили именные часы и (настоящий яркий сюрприз!) книгу «На шелеховском меридиане», во многом составленную и написанную по тем добрым публикациям Муравьева в шелеховской и иркутской печати о людях ТЭЦ-5. Радости и счастья не было предела.

Вот уж действительно, благоприятные действия человека, оставленный им добрый след рано или поздно откликаются яркой тёплой отдачей. В начале 1964 года руководство «Иркутскэнерго» предлагает Г.Ф. Муравьёву переехать в Железногорск-Илимский на пуск, а затем на эксплуатацию

Иркутской ТЭЦ-16. Он соглашается, так как не мог жить и работать в уже устоявшемся покое, такова его изначальная природа. Ему нужно было продолжать «кипеть».

На новом месте он трудится сначала начальником электротехнической лаборатории, затем заместителем начальника и начальником электроцеха. ТЭЦ-16 была успешно пущена.

В начале 1974-го Геннадий Фёдорович встречается с Е. И. Гвоздевым - главным инженером Усть-Илимской ГЭС, которую строители изо всех сил «штурмовали», готовили к пуску первых гидроагрегатов.

После продолжительной беседы Евгений Иванович предложил Геннадию Фёдоровичу переехать в Усть-Илимск для подготовки к пуску первых трёх гидроагрегатов и эксплуатации гидроузла. К этому времени Муравьёв успешно заочно окончил Иркутский политехнический институт, получив диплом инженера-электрика.

Евгений Иванович Гвоздев, прошедший школу Куйбышевской, Братской, Красноярской гидроэлектростанций, опытнейший талантливый гидроэнергетик, хорошо понимал, что на период пуска первых гидроагрегатов Усть-Илимскую ГЭС нельзя было оставлять без жёсткого, грамотного, постоянного контроля и координации.

Тогда на плотине гидроузла интенсивно работали тысячи строителей, а под временным шатром машинного зала и на открытом распределительном устройстве активно трудился многочисленный отряд монтажников, представителей заводов-изготовителей.

Е.И. Гвоздев подбирал себе помощника. На этот ответственный пусковой период нужен был не просто инженер, а опытный энергетик-эксплуатационник, который хорошо знал не только оборудование электростанции, но и всю её технологию. Мог отлично видеть, отслеживать, анализировать все совместные процессы строительства и эксплуатации гидроузла. Остановившись на кандидатуре Муравьёва Г.Ф., главный инженер не ошибся. Муравьёв в должности ведущего инженера по эксплуатации и

технике безопасности не только справился с возложенной на него производственной нагрузкой, но и сумел выкроить время на общественную работу. Уже в сентябре 1974 года, за два месяца до пуска первых гидроагрегатов, он объединил вокруг себя отряд молодых, энергичных, ответственных людей, с которыми выпустил первый номер стенной газеты «Голос энергетика».

На её полосах широко и интересно освещали ход подготовки к пуску гидроагрегатов; рассказывали о работе и задачах строителей; о проблемах эксплуатации и других задачах «котлована». Газета всем понравилась, около неё постоянно толпились, её читали. За первым номером вышли второй, третий... Ею заинтересовались главный редактор «Усть-Илимской правды»

Н.Т.Волков, руководители Усть-Илимского горкома партии. «Голос энергетика» получил одобрение, поддержку. Между редколлегией «Голоса энергетика» и журналистами «Усть-Илимской правды» завязалась творческая дружба. В дальнейшем «Голос энергетика» занял ведущее место среди всех стенных газет Усть-Илимска и Иркутской области. Его материалы охотно брали в «Усть-Илимскую правду», «Советскую молодёжь».

В «Усть-Илимской правде» нередко публиковались статьи Муравьёва, которые заинтересованно принимались читателями. Геннадий Фёдорович умел глубоко видеть жизнь людей, трудовых коллективов, их психологию. К каждой своей творческой работе относился проникновенно. Кстати, его «проникновенность» всегда заметна при общении с людьми, коллегами по работе.

В те далёкие, кипучие годы Муравьёв принимает активное участие в организации жизни творческого литературного клуба «Поиск». В 1979 году Геннадий Фёдорович избирается народным депутатом Усть-Илимского городского Совета народных депутатов. Городской Совет утверждает его секретарем горисполкома. В этой ответственной должности он трудится до 1986 года. Это был, пожалуй, один из самых горячих периодов строительства и подъёма Усть-Илимска.

Казалось, что Муравьёв оставил коллектив Усть-Илимской ГЭС, перешёл трудиться в более широкую и более ответственную сферу, однако энергетики всегда ощущали его близость, видели его труд на новом поприще. Гидроэнергетики читали в «Усть-Илимской правде» его материалы, в которых видели жизнь нашего города, широкий ход его строительства, деятельность городского Совета народных депутатов, деятельность горисполкома и каждого его члена, многих народных депутатов.

Нередко Муравьёв приходил на Усть-Илимскую ГЭС, где выступал перед коллективом, рассказывал о строительстве и перспективах города, о вводе нового жилья, детских садов, больниц, других объектов, нужных людям.

В 1986 году Муравьёв Г.Ф. возвращается на Усть-Илимскую ГЭС, где работает председателем профкома, затем секретарём партийного комитета. В 2000 году Муравьёв заболел, полностью потерял слух. В 2002 году он уходит на пенсию. Кое-кто из его коллег невольно подумал, что Геннадий Федорович, горячо влюблённый в энергетику, в людей, уйдя в «пенсионную ткань», не выдержит, сойдёт с жизненного пути. А он, напротив, всех порадовал своей стойкостью, своим упорством, своей любовью к жизни.

Скопившийся в его душе творческий и жизненный опыт как бы прорвался: Муравьёв начал живо писать рассказы, очерки, статьи. Все они приняты журналами, газетами, получили высокую оценку. Его рассказы, написанные о детях, с интересом читаются и взрослыми. Его очерк «Главный инженер» о первом главном инженере Усть-Илимской ГЭС Евгении Ивановиче Гвоздеве, а также многие статьи вошли в «золотой» фонд истории гидроэлектростанции и Усть-Илимска.

Все сочинения Геннадия Федоровича, все его творческие работы имеют заметную воспитательную силу, воспитательный заряд. Недаром в школах и библиотеках нашего города читают творческие работы Муравьёва Г.Ф. и активно их обсуждают.

Почти на всех диспутах присутствует сам автор. Своим зажигательным выступлением, своим образным словом он завораживает, приковывает внимание публики, особенно детей. На встречах с читателями он живо, интересно рассказывает не только о героях своих творческих работ, но и об истории Усть-Илимска и Усть-Илимской ГЭС, являющейся основой нашего замечательного города.

И вполне закономерно, что в декабре 2006 года Муравьеву Г.Ф. было присвоено звание лауреата премии мэра города Усть-Илимска «За вклад в развитие культуры города Усть-Илимска» (За воспитание молодого поколения, за общественную и литературную деятельность).

Его труд как энергетика-эксплуатационника всегда оценивался положительно. Он награжден многими грамотами, медалями и отличительными знаками. Геннадия Фёдоровича Муравьева в Усть-Илимске знают не только как известного энергетика, как писателя, но и как человека, гражданина, которому присуща активная принципиальная жизненная позиция.

Председатель профкома Усть-Илимской ГЭС А. В. Захаров

Территория сбывшихся надежд.

Твои люди, Усть-Илим

Пожалуй, многим усть-илимцам известно имя Геннадия Федоровича Муравьева. Этот человек частый гость библиотек и учебных заведений. Он ветеран энергосистемы, прозаик, публицист, литератор. Его рассказы, опубликованные в газетах и журналах полны любви к окружающему миру. Геннадия Федоровича всегда интересовала психология внутреннего мира человека, его потаенные возможности и душевные ценности.

- Я всегда писал о людях, но был противник того, чтобы писали обо мне, - признался в начале беседы Г.Ф. Муравьев. – Но, видимо настало и в

моей жизни время «половодья». Такое ощущение, что я выхожу из берегов судьбы. Чувствую, что пора поделиться прожитым...

«Геннадий Муравьев из тех людей, на счету которых каждая минута, каждый час. И он, конечно бы, не возражал, если бы в сутках было одним часом больше...», - так писала о молодом, но уже достаточно опытном энергетике Железногорская газета «Маяк коммунизма» в далеком 1968 году. Но и сегодня, спустя сорок лет, этот человек не перестает быть ярким примером неутомимого труженика и творца.

Большую часть своей жизни Геннадий Федорович Муравьев посвятил строительству и развитию нашего города. И в первую очередь, одному из главных объектов - Усть-Илимской ГЭС.

В Усть-Илимск Г.Ф. Муравьев приехал в 1974. К тому времени за плечами Геннадия Федоровича уже были техникум, институт, а также значительный опыт работы на теплоэлектростанциях: Лесогорская (Чунский район), Шелеховская, Железногорская. Именно он, Муравьев, принимал самое активное участие в запуске и эксплуатации каждой из этих ТЭЦ. " ... И вот затеплилось сердце станции. С любовью, будто за сыном, только начинающим делать первые шаги, следил мастер за процессом сборки. Прошли сутки, другие, но он не уходил, дожидался той долгожданной минуты, когда сам поставит под напряжение главное распределительное устройство щита...", - на первой полосе "Советской молодежи" в 1965 году публиковалась автобиографическая зарисовка Г. Муравьева.

В судьбе Геннадия Федоровича решающую роль играли люди, которые душой и сердцем "болели" за свое дело. Одним из таких был первый главный инженер Усть-Илимской ГЭС Евгений Иванович Гвоздев. С этим человеком у Муравьева состоялась встреча в мае 1974 года.

- Мы очень долго беседовали с Евгением Ивановичем, - вспоминает Геннадий Федорович. - Он тогда задал вопрос: "Вот вы пустили не одну ТЭЦ, и все они успешно эксплуатируются. Каким вы девизом руководствовались перед запуском?". Я ответил, что уяснил три главных

правила: первое - не тормозить и не служить помехой, а помогать строителям и монтажникам; второе - беречь людей, настраивать их на понимание роли техники безопасности, и третье – совместно с руководителями цехов повышать профессиональные знания эксплуатационного персонала и, соответственно, поднимать эффективность работы гидроэнергетического и электротехнического оборудования. Гвоздев улыбнулся и сказал: "Вот такие люди нам и нужны!".

Уже через два месяца семья Муравьевых переехала из Железногорска в Усть-Илимск, и Геннадий Федорович приступил к обязанностям ведущего инженера по эксплуатации и техники безопасности на Усть-Илимской ГЭС. Тогда планировался запуск сразу трех гидроагрегатов. Напряженный был период. В связи с тем, что еще не было полной укомплектованности основного оборудования, невольно пуск намечался по временной схеме. Это осложняло работу и строителям, и монтажникам, и эксплуатационникам. Слух о том, что где-то в глухой Сибири собираются запустить одновременно несколько гидроагрегатов, дошел до зарубежья. Такого не было еще в мировой истории строительства гидроэлектростанций. По этому поводу в августе 1974 года в Усть-Илимск приехала американская делегация в составе опытных гидроэнергетиков. Иностранцы буквально на коленках проползли по всем кратерам гидроагрегатов и откровенно поразились тому, что третий был пуст. Для него турбинное колесо еще транспортировалось по Енисею и Ангаре. Американцы выразили глубокие сомнения, что вряд ли одновременный запуск с таким состоянием ячеек гидроагрегатов возможен уже через считанные месяцы. На это Евгений Иванович Гвоздев твердо ответил, что событие это обязательно произойдет в декабре. И оно свершилось точно в намеченный срок! Тогда в Усть-Илимск съехались гидроэнергетики с разных уголков страны, и стояла задача объединить их, направить знания и опыт в единое русло, привести к единой дисциплине и требованиям правильной и качественной эксплуатации, соблюдению техники безопасности.

- После пуска первых агрегатов подступали новые трудности, - рассказывает Г.Ф. Муравьев. - Оборудование находилось в работе. За всем этим нужен был зоркий глаз специалистов. Но какие бы проблемы ни вставали на пути, я не помню, чтобы в коллективе вспыхивали какие-то серьезные конфликты. Сообща мы умели находить выход из любого положения. Мне, например, не зазорно было посоветоваться со своими подчиненными, а им - поделиться со мной толковыми предложениями. Коллектив постоянно жил техническими задачами по улучшению работы каждого агрегата.

В 1980 году Усть-Илимская гидроэлектростанция была сдана в эксплуатацию с оценкой "отлично". Однако с уст первостроителей еще долго не сходили слова "котлован", "гребень плотины". Ведь именно с этими понятиями было связано одержимое - "Надо!", мужественный труд строителей и монтажников. Это была общая победа!

"Первые 50 миллиардов киловатт-часов гидрогенераторами Усть-Илимской ГЭС были выработаны за 3 года 10 месяцев. Для сравнения Братская ГЭС такую выработку обеспечила за 5 лет 2 месяца, Красноярская - за 4 года 4 месяца. В период тот Усть-Илимская ГЭС так же добилась самых высоких результатов по себестоимости электроэнергии." - отвечает Геннадий Федорович на вопрос о степени эффективности нашей ГЭС в своем публицистическом материале, опубликованном в литературном журнале "Сибирь". В этом же издании Муравьев делится воспоминаниями о Е.И. Гвоздеве.

Производство и творчество - две большие и неразрывные любви, которые, как два крыла, сопровождают жизненный путь этого уникального человека. Увлечение живописью привил школьный учитель рисования, публицистика и проза проснулись в душе юноши в годы учебы в Муромцевском лесотехническом техникуме. Ну а стенная печать стала просто идеей, без которой Муравьев не мыслил развитие производственного процесса и самое главное - сплоченности коллектива. Геннадий Федорович

по сей день трепетно хранит газеты разных лет со своими многочисленными публикациями. И среди изданий преобладающее место занимает, конечно, "Усть-Илимская правда". Писал в основном о тех героических людях, которые строили Усть-Илимскую ГЭС. Став депутатом Усть-Илимского городского Совета народных депутатов, а затем секретарем Усть-Илимского горисполкома, все больше выступал со страниц газеты с отчетами перед своими избирателями, как разворачивается строительство города и какую работу проводят депутаты... А строились тогда ЛПК, правобережная часть, хлебозавод, мясокомбинат... В то время Г.Ф. Муравьев работал плечом к плечу с первым мэром г. Усть-Илимска Ю.Ф. Федотовым, его заместителями: Л.Л. Алексеевым, Л.А. Захаровым, Н.М. Прокопенко, А. И. Чеваковой и другими. Через шесть лет Геннадий Федорович вернулся на родное предприятие, где продолжил свою беспокойную деятельность инженера и общественника.

С 2002 года Геннадий Федорович Муравьев находится на заслуженном отдыхе. Но и сегодня этому седовласому обаятельному мужчине не свойственно слово "отдых". Он боится чего-то еще не успеть в своей жизни: в голове еще много не написанных рассказов, не высказанных воспоминаний... Не прерывает Муравьев связь с родными местами - старинным городом Судогдой (Владимирская область), родным лесотехникумом, бывшими коллегами. Беспокоит его и дальнейшая судьба своей второй родины - Усть-Илимска, потому что Геннадий Федорович и его супруга Галина Матвеевна твердо решили: отсюда больше - никуда! Г.Ф. Муравьев является активным членом общественного комитета "Ангара- 185". Свое мнение по поводу строительства Богучанской ГЭС он ярко изложил в журнале "Свет" в статье "Пророчество Валентина Распутина".

- Как известно, природа ошибок не прощает, - рассуждает Геннадий Федорович. - Когда люди забывают о святом, приходит беда. Помнится нелепая идея - перенести русла рек. Непременно произошла бы экологическая катастрофа. Я вовсе не против строительства Богучанской ГЭС. Это же

делается для развития экономики Красноярского края, Иркутской области, России - в целом. Но необходимо заранее проанализировать, что мы будем иметь после запуска новой гидроэлектростанции? Целиком поддерживаю мнение нашего губернатора А.Г. Тишанина, который четко сказал, что нам нужно прежде всего принять меры к тому, чтобы очистить стоки действующих промышленных объектов городов: Байкальска, Ангарска, Усоля-Сибирского, Братска, Усть-Илимска. Сама ГЭС воду не загрязнит, ее будут травить промышленные предприятия. Поэтому запуск ее целесообразен на более низких отметках. Первые годы стоит понаблюдать, какие произойдут климатические изменения вдоль всей поймы Ангары, как они отразятся на здоровье людей. Лишь после этого предпринимать дальнейшее решение.

За свой долголетний и безупречный труд Геннадий Федорович отмечен различными наградами. Среди них: звание Ветерана труда, Почетная грамота Минэнерго СССР, Почетная грамота министерства топливной и энергетической промышленности, медали в честь 100-летия В.И. Ленина и «За долголетний труд в Иркутской энергосистеме», звание лауреата премии мэра г. Усть-Илимска «За вклад в развитие культуры города Усть-Илимска»

Бесспорно, судьба нашего легендарного земляка достойна большой и интересной летописи, ведь в этом году исполняется ровно полвека, как Г.Ф. Муравьев впервые шагнул на Иркутскую землю, и этот четкий след стал территорией его сбывшихся надежд!

Н. Иванишина

С любовью к Родине

Литературная конференция по рассказу нашего земляка Г.Ф. Муравьева «Грачи» прошла недавно в городской библиотеке им. Ю.Ф. Федотова. В этой встрече принял участие сам автор, ветераны Великой Отечественной войны,

члены общественной организации «Отечество», участники литобъединения «Поиск», школьники.

Учащиеся 11 класса школы № 15 и их педагог Н. В. Пешкова – давние друзья библиотеки. Нынче ребята заканчивают школу и решили передать эстафету десятиклассникам, чтобы интерес к литературе не иссякал.

Импровизированный урок по рассказу «Грачи» провела преподаватель В.Ф. Городецкая. Ребята размышляли над образом главного героя рассказа, говорили о любви к Родине, о целостности человеческой природы, доброте и нравственности.

Г.Ф. Муравьев с удовлетворением отметил: «Если рассказ задел душевные струны, значит, я достиг своей цели.

Отвечая на вопросы школьников, Геннадий Федорович сказал, что описанные в рассказе события имеют реальную основу. Прожив в Сибири 30 лет, писатель трепетно любит свою малую родину, постоянно обращается к ней в своем творчестве.

Г.Ф. Муравьев предоставил для этой встречи картины своего земляка и учителя, заслуженного художника России Н.М. Виноградова. На одной из них изображен Г.Ф. Муравьев пятнадцатилетним подростком. Очень дороги ему пейзажи родины, вид Никольской церкви, где его крестили.

В рассказе Г.Ф. Муравьева «Святой» образ художника навеян любимым учителем.

О. Нетецкая

Памяти товарища

Ушел их жизни неумимый труженик, прекрасный человек

Муравьев Геннадий Федорович.

В 1958 году, после окончания техникума, Геннадий Федорович направлен на работу в Иркутскую область, в Чунский район. Затем трудился на тепло-электростанциях Шелехова, Железногорска, учился заочно в

Иркутском политехническом институте. После окончания вуза, в 1974-м году, приехал в Усть-Илимск и приступил к обязанностям ведущего инженера по эксплуатации и технике безопасности на Усть-Илимской ГЭС. Его кредо с самого начала работы – помогать строителям, а не спорить, беречь людей, настраивать их на соблюдение правил техники безопасности.

В 1980 году Усть-Илимская электростанция сдана в эксплуатацию с оценкой «отлично». О периоде строительства Усть-Илимской ГЭС, трудностях и героизме людей Геннадий Федорович писал в публицистическом материале в литературном альманахе «Сибирь», в местной газете.

Производство и творчество – две большие и неразрывные части – сопровождали Г.Ф. Муравьева всю жизнь. Он принял активное участие в развитии стенной печати на Усть-Илимской ГЭС. С 1979 года по 1991 г.г. был депутатом Усть-Илимского городского совета народных депутатов, секретарем исполкома. Затем снова вернулся в родное предприятие.

С 2002 года Геннадий Федорович на заслуженном отдыхе, но не терял связи с коллективом Усть-Илимской ГЭС.

За долголетний и безупречный труд Г.Ф. Муравьев награжден медалью «Ветеран труда», званием «Почетный гражданин города Усть-Илимска», Почетной грамотой Министерства топливной и энергетической промышленности, медалью «За трудовую доблесть», дипломом «Лауреат премии мэра за вклад в развитие города Усть-Илимска», званием «Ветеран Иркутскэнерго».

Память о Геннадии Федоровиче Муравьеве – прекрасном производственнике, неравнодушном, добром, интеллигентном, творческом человеке останется жить в наших сердцах.

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким Г.Ф. Муравьева. Ушел поистине незаменимый человек.

Администрация,
профсоюзный комитет, коллектив

Усть-Илимской ГЭС.

Администрация города и городская дума выражают соболезнование родным и близким по поводу ухода из жизни ветерана труда, почетного гражданина города Усть-Илимска **МУРАВЬЕВА Геннадия Федоровича.**

Уроженец Владимирской области, Геннадий Федорович большую часть жизни посвятил Сибири. После окончания в 1958 году Муромского лесотехнического техникума он приехал в Чунский район Иркутской области. Далее была работа на пуске и эксплуатации ТЭЦ в Железногорске-Илимском, а в 1974 году уже опытный инженер-энергетик Муравьев был приглашен на пуск первых агрегатов строящейся Усть-Илимской ГЭС, на которой трудился почти 30 лет. Исключением стал период работы Геннадия Федоровича на выборной должности секретаря горисполкома с 1979 по 1991 гг.

Его жизнь была богата и разнообразна. В силу занимаемых должностей и активной жизненной позиции он всегда был в центре городской жизни, и все это находило отражение в творчестве Геннадия Федоровича. Его очерки и рассказы о городе и его жителях, об истории ГЭС интересны и достоверны. Энергичный, активный, общительный, он внес огромный вклад в воспитание молодежи, в развитие города, за это одним из первых был отмечен премией мэра Усть-Илимска «За вклад в развитие культуры города». Вечная память останется в сердцах родных, близких, друзей, коллег, поклонников литературного таланта, всех, кто знал Муравьева Геннадия Федоровича.

Коллектив редакции газеты "Усть-Илимская правда", члены литературного объединения "Поиск" глубоко скорбят по поводу смерти **МУРАВЬЕВА Геннадия Федоровича.**

На протяжении всей жизни он был настоящим другом "Усть-Илимки". В нашей газете публиковались репортажи, очерки со строительства Усть-Илимской ГЭС, автором которых был Геннадий Федорович. Он стоял у

истоков создания литературного объединения "Поиск", свои рассказы начал печатать именно в нашей газете.

Неравнодушный, творческий человек, Г.Ф. Муравьев до конца своей жизни был связан с литературой, активно печатался не только в местной прессе, но и центральных журналах.

Выражаем искренние соболезнования семье Геннадия Федоровича Муравьева.

Память о нем - в наших сердцах.

Статьи, очерки

Вера и неверие в повести «Прощание с Матёрой»

«Если Бога нет, то всё дозволено»

Ф.М. Достоевский

Сколько надо было Валентину Распутину иметь душевных сил, мужества и смелости, чтобы в семидесятых годах недавно ушедшего столетия написать повесть «Прощание с Матёрой».

На встречах знаменитого писателя с читателями я не удосужился спросить, как ему в ту пору, когда не было возможности свободно думать, открыто говорить друг с другом о вере в Бога, о Церкви, о Библии, когда приходилось переносить немало страха, удалось избежать тяжелейших ударов от власть держащих за откровенно написанную им повесть, читая которую, едва ли ни на каждой странице встречаешься с бьющей в сознание

Правдой - Правдой о вере в Бога. Столпы российского общества «утопического» социализма, довольно легко рассыпавшегося на наших глазах, однако были вовсе не глупы и понимали, что на веру в Иисуса Христа, в Православную церковь мир смотрит не просто философски, но как на вопрос всей человеческой жизни. Они понимали, что Святое Евангелие с древних времён для всех верующих людей Земли являлось (да и является!) Конституцией, а Конституция, как известно, - основным Законом! Ведь дело в том, как человек относится к вере - правдиво, искренне, проникновенно или вовсе не верит, - таково его отношение с окружающим миром: с людьми, обществом, природой.

На одной из первых страниц повести В. Распутин пишет: «Была в деревне своя церквушка, как и положено, на высоком чистом месте, хорошо видная издали с той и другой протоки: церквушку эту в колхозную пору приспособили под склад. Правда, службу за неимением батюшки она потеряла ещё раньше, но крест на возглавии оставался, и старухи по утрам слали ему поклоны».

Я уверен, что эти несколько строчек, написанных в повести почти первыми, являются стержневыми, главными для всего произведения.

С Валентином Распутиным я почти ровесник; и мне, родившемуся и выросшему на святой владимирской земле, тоже пришлось видеть собственными глазами, как в «колхозную пору» на милой моему сердцу родине разоряли, закрывали и даже взрывали православные храмы, а священников отправляли неизвестно в какую сторону. Тогда, будучи мальчиком, да и несколько позже, я ещё не понимал, почему «безбожники» (это слово я слышал из уст родной мамы) уничтожали великолепные православные соборы и церкви, а погосты, примыкающие к ним, превращали в парки с танцплощадками.

У меня нет сомнения в том, что автор «Прощания с Матёрой» словами «в колхозную пору» смягчает и стремится (и это ему удалось!) «спрятать», а, вернее, завуалировать выражение «советскую коммунистическую пору»,

пору, когда в сознание людей настойчивей и настойчивей вбивался «пролетарский бог», которым торопились затмить Спаса Иисуса Христа, а вместе с ним Православную церковь и все её жизненные устои.

Власть тоталитарного государства, упорно туша в сознании народа познания о Боге, о вере в Бога, омрачала нравственное чувство, стремилась перепутать добро и зло, ложь и правду. Хотя следует заметить, что через отдельные призывы и плакаты «колхозной поры» в общество нередко «старались» пролить и понятие о святости, нравственности, любви друг к другу, только без веры в Бога.

Но ведь давным-давно известно, что между нравственностью и религией существует прочная и глубокая внутренняя связь, природу которой ясно выразил Ф.М. Достоевский: «Если Бога нет, то всё дозволено».

Столпы коммунистического тоталитаризма понимали, природа человека такова, что однажды войдя в атмосферу зла (греха), он уже не может самостоятельно оставить грех или вырваться из него, а будет находиться «в цепях» несвободы, как бы в муках и во тьме, где способности и талант человека гаснут или силой направляются по иному, противочеловечному пути.

Вот что по этому поводу говорит в «Прощании с Матёрой» Дарья — мудрая и «самая старая из старух» из деревни Матёра:

«Человек сотворен, жить пущен, а ему, ишь, другого себя подавай. Запутался, ох, запутался, вконец заигрался. ...И я себя другой раз ловлю, что не то делаю. Ить ничё не стоит сделать как надо - нет, ноги не туды идут, руки не то берут. Будто как по дьявому наущению. Если это он, много он успел натворить, покуль народ хлестался, есть Бог али нету. Прости, Господь, милостивый, прости меня, грешную...»

Только сейчас мы начинаем глубоко осознавать, что идеология и принципы российского общества XX века, будто бы ведущие к счастью, в действительности многих наполняли горем и страданием, а многих держали в

«ежовых рукавицах» или вели по «узкому светлому» коридору, где не шагнёшь ни вправо, ни влево.

В начале XXI века российский мир «перевернулся». Казалось бы, сейчас православных христиан никто не преследует, не лишают гражданских прав, но наши души, как и прежде, находятся в настороженном состоянии: вот нас пригласили друзья в гости, на праздничный обед, но, находясь за столом, да и перед тем, как за него сесть, ни у кого не поднимается рука, чтобы перекреститься — поблагодарить Бога, сказать Ему «спасибо» за предоставленное хорошее кушанье. Или проходим с коллегами-сослуживцами, просто со знакомыми мимо церкви, и никто не останавливается на минуту-другую, чтобы помолчать, за что-то хорошее мысленно поблагодарить Бога или попросить прощения и сотворить крестное знамение. Почему так? Ведь, находясь наедине с собою дома или в церкви, мы молимся, вроде бы искренне верим. Нам стыдно? Или чего-то боимся? Да, и стыдимся, и боимся. Боимся молчаливых насмешек, боимся, что нас посчитают «ненормальными», «свихнутыми», «чокнутыми». Боимся, что не поверят, что мы верим.

Нередко я задумываюсь над этим и прихожу к тому, что нам ещё далеко до подлинных христиан, так как наши души и разум ещё не вышли из «оков» глубокого продолжительного неверия, к тому же наше общество окунали в «звериный образ» жизни, где отсутствует и предыдущая идеология, и внедрилось равнодушие к вере в Бога.

Кто же может освободить человека из этих невидимых, но крепких «оков»? Кто? Сам Бог, наш Спаситель! Он может спасти и тех, кто «оковы зла» куёт, и тех, кого в них заковывают. «И если услышит, кто слова Мои и не поверит, Я не сужу его: ибо я пришёл не судить мир, но спасти мир»,— слышим мы через Святое Евангелие Иисуса Христа.

Бог сделал всё возможное, сотворив человека, не бросил его на растерзание злу. Об этом, как бы от лица Спасителя, говорил блаженный Августин: «Я есть пища твоя, но вместо того, чтобы мне преложиться в тебя,

ты Сам преобразуешься в Меня. Будьте же тем, что вы видите, и примите то, что вы есть».

Сейчас, когда по России пошли другие времена, перечитывая произведения Валентина Распутина, всё более и более убеждаюсь, что писатель уже тогда был прозорлив и душой, и сердцем, и умом, и знал, как освободиться от пут зла. Уже тогда в шестидесятые и семидесятые годы прошедшего столетия, он не без тревоги громко говорил об этом устами своих героев. Ещё далеко до «Прощания с Матёрой» в повести «Деньги для Марии», основой которой является Евангельская заповедь: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите, и отворят вам».

Комариха, одна из героинь, казалось (для того времени!), и роль-то ей досталась нарицательной, неприятной, отталкивающей читателя, но высказалась-то она правдиво, как говорят, «не в бровь, а в глаз»: «Вот так. У меня зять тоже не верил, партийный был - как же! - а как в сорок восьмом под суд его отдали, в тот же вечер ко мне за молитвой прибежал».

И далее:

«Это ведь до поры до времени не верят, пока жизнь спокойная. А случись беда, да не так чтобы просто беда, а беда с горем - сра-а-зу и про Бога вспоминают и про слуг его, которым в глаза плевали».

А в «Прощании с Матёрой» мудрая и прожившая весь свой век на Матёре, старуха Дарья как бы вторила Комарихе: «В ком душа, в том и Бог... И хошь не верь — изневерься ты, а он в тебе и есть... а более того - человека в тебе держит. Чтоб человеком ты родился и человеком остался. Благодать в себе имел. А кто душу вытравил, тот не человек, не-е-т! На что угодно такой пойдёт, не оглянется».

Не перестаю удивляться мудрости и дальновидности Валентина Распутина - ведь в ту пору, когда он писал «Прощание с Матёрой», а тем более «Деньги для Марии», был ещё довольно молодым.

Но что же подвигло писателя, какая сила поддерживала его перо, чтобы помочь написать проникновенную, божественную повесть?

Недавно у меня состоялся разговор со знакомым священником о творчестве Валентина Распутина и, в частности, о его повести «Прощание с Матёрой».

- Распутин... - задумчиво сказал служитель церкви и продолжил, — как человек и как писатель он глубоко осознаёт христианскую ответственность за мирскую сторону нашей жизни. Мне кажется, он обладает подлинно православным мировоззрением. И не удивительно, что пишет он о том, как человек, не испытывая угрызения совести, а вернее живя не по совести, нарушает нравственный закон, обрекая себя, ближних, природу на тяжелейшие страдания.

Ёмче и понятнее, наверное, не скажешь.

Весь свой век прожившая в Матёре Дарья, которую Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой» тщательно выписал в главной роли и которая с величайшим достоинством вынесла и выдержала божественную сюжетную линию повести, говорила:

«Тятке как помирать, а он всё в памяти был, всё меня такал... он говорит: «Ты, Дарья, много на себя не бери - замаешься, а возьми ты на себя самое напервое: чтоб совесть иметь и от совести не терпеть». Раньше совесть сильно различали. Ежли кто норовил без её, сразу заметно, все друг у дружки на виду жили...

...Раньше её видать было: то ли есть она, то ли нету. Кто с ей - совестливый, кто без её - бессовестный. Теперь холера разберёт, всё сошлось в одну кучу - что то, что другое. Поминают её без пути на каждом слове, до того христовенькую истрепали, места живого не осталось. Навроде и владеть ею неспособно... Али сильно большие дела творят, про маленькие забыли, а при больших-то делах совесть, однако, что железная, ничем её не укусишь. А наша совесть постарела, старуха стала, никто на неё не смотрит. Ой, господи! Че про совесть, ежели этакое творится!»

И действительно, много худого творится, ныне «дрова ломают» почём зря.

Матёра-деревня. «...Жила деревня, держалась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как воду, по которой сносились с другими поселениями и возле которой извечно кормились. И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые. Так и жила деревня, перемогая любые времена и напасти, триста с лишним годов... пока не грянул однажды слух, что дальше деревне не жить, не бывать. Ниже по Ангаре строят плотину для электростанции, вода по реке и речкам поднимется и разольётся, затопит многие земли, в том числе в первую очередь, конечно, Матёру. ...Непросто было поверить, что так оно и будет на самом деле, что край света, которым пугали... теперь для деревни действительно близок. Через год после первых слухов приехала на катере оценочная комиссия, стала определять износ построек и назначать за них деньги».

Но какими деньгами можно оценить родной дом, родной двор, родную улицу; соседей, с которыми ежедневно виделись и общались, помогали друг другу; родную деревню, где родился и вырос; погост, где покоятся родные! Какими деньгами можно оценить родину? Какой она имеет износ? Да и кто оценит? Если ближайший «властелин» - председатель сельсовета, «безбожник» Воронцов приказал наезжим мужикам с огрубевшими, иссохшими душами рубить на погосте с могилок кресты, стаскивать их в кучу и сжигать. Приказал рушить «память». Не ужас ли это? Не великий ли грех?

Приступом шла на этих нехристей Дарья. «Ты не человек. У какого человека духу хватит?! — она взглянула на собранные, сброшенные как попало кресты и тумбочки и ещё истошней того взвыла. - О-о-о! Разрази ты его, Господь, на этом месте, не пожалей. Не пожалей!»

Другой житель Матёры дед Егор, находясь рядом с Дарьей, с нетерпением кричал на Воронцова:

«Ты сам тутака без году неделя. Сам турист... ране моря только причапал. Тебе один хрен, где жить - у нас или ишо где. А я родился в Матёре. И отец мой родился в Матёре. И дед. Я тутака хозяин... И меня не зори. Дай мне дожить без позору».

Валентин Распутин недаром дал председателю сельсовета фамилию Воронцов - с корнем «ворон»; навевает от этого корня воровским греховным духом. А, может, он действительно вор? Не он ли лишил сельчан «памяти»? Сжѣг кресты, затопил могилки - и «концы в воду». Он обрѣк многих матѣринцев на постоянные мучения. Спросите ангарских переселенцев - они скажут, как каждую ночь им снятся умершие родные, которые оказались под водой, и просят, чтобы их перенесли в другое сухое и безводное место. Это же не сны, а тяжелейшие муки.

Другой бы совестливый человек на месте Воронцова со стыда бы сгорел, увидев, что творят его мужики.

Если он не организовал и не помог перенести останки в те новые посёлки, куда насильно переселяли матѣринцев, то что говорить о тех, которые разместились далеко от Матёры, далеко от центра России, на самом её краю, у древнего кремля. Они не слышали, не видели и не чувствовали крика души, слѣз и болей жителей Матёры. Что для них Матёра? - клочок земли, а её у нас вон сколько - тьма!

Так и хочется спросить: а вы хорошо подумали? Так ли это?

Матёра - остров. Трогательно пишет о нём Распутин: «И тихо, и покойно лежал остров, тем паче родная, самой судьбой назначенная, земля, что имела она чѣткие границы, сразу за которыми начиналась уже не твердь, а течь. Но от края до края, от берега до берега хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости, и всякой твари по паре - всего, отделившись от материка, держала она в достатке, не потому ли и назвалась громким именем Матёра?»

И возможно ли оценить этот великолепный, огромный, пригодный для жизни остров? Какой он имеет износ?

Без малого тридцать лет я отработал на Усть-Илимской ГЭС - на одной из мощнейших российских гидроэлектростанций, построенной тоже на Ангаре. Я любил свою профессию, ценил и любил своё энергопредприятие.

Глубоко осознаю, что электричество нужно человеку, но не в результате тяжелейших природных и душевных человеческих жертв.

В декабре 1974-го принимал непосредственное участие в пуске первых гидроагрегатов. Собственными глазами видел, какой страшный удар нанесла ГЭС природе, а вернее, даже не ГЭС, а те безответственные, бессовестные руководители, которые готовили её к пуску, а также учёный мир, проектировавший плотину гидроэлектростанции.

У меня волосы дыбом вставали.

Через полгода после пуска первых гидроагрегатов, то есть в июне 1975-го, когда растаял лёд на Усть-Илимском водохранилище, строители, ещё продолжающие строить плотину гидроэлектростанции, и мы, эксплуатационники, с гребня плотины увидели, как примерно в двух-трёх верстах от ГЭС по «зеркалу» водохранилища медленно плыл в сторону плотины огромными островами лес, выдернутый льдом (при подъёме воды) с ложа водохранилища.

Главный инженер Усть-Илимской ГЭС Евгений Иванович Гвоздев, увидев эту страшную картину, побелел, застыл на месте: он понимал, если эту армаду плавучего леса не остановить, она упрётся в плотину, перекроет водоприёмники, и электростанцию придётся аварийно остановить. Сейчас нетрудно представить тяжелейшие последствия такого.

«Очковтиратели! - взорвался в какой-то момент Гвоздев. — Сами себя надувают!»

Я тогда понял главного инженера: кто-то из государственных чиновников (и не один!) доложили наверх, что дно водохранилища полностью очищено от леса (то есть лес спилен и убран) и подготовлено под затопление водой. Оказалось, всё наоборот.

Вот уж, действительно, «не может быть счастья без правды, как не может быть счастья с ложью».

Мощные катера-тягачи в течение нескольких лет, в летне-осеннее время, оттаскивали плавучий лес к берегам «рукотворного» моря, где он начал разлагаться и гнить. Миллионы кубометров делового леса пошло «коту под хвост». Отравили в Ангаре чистую байкальскую воду, пить её без очистки уже нельзя.

Ангара, перекрытая огромной бетонной плотиной, будто гробницей, превратилась в «море-болото», в котором погибало всё живое. До сих пор я отчётливо помню, как по краю водохранилища лазали пацаны и вытаскивали из воды полуживых хариусов и сигов. Погибающая ценная рыба ещё искала себе кислород, прибываясь к берегу, кое-как выплывая на поверхность ближе к воздуху и ... погибала.

Душу мою раздирало на части от вида такой природной катастрофы.

А через несколько дней нас потряс ещё один ужас.

Уровень воды в водохранилище поднимался, так как остановить мощную течь Ангары невозможно, а три гидроагрегата, которые мы включили в работу в декабре 1974-го, с расходом воды справиться не могли, и невольно пришлось открывать холостой слив. Позднее в своём рассказе «Святое» я писал об этом:

«Когда из-под плотины, через холостой слив, точно из пушки, бешено вырвалась вода и, потеряв в лёте скорость, всюю тяжестью ухнула на широкую тёмную ангарскую течь, которая, будто от сильного взрыва, лопнула, вскипела и серым густым огромным облаком с шумом взметнулась к небу. И хариус, миллионы хариусов, стремительно поднимавшиеся, как и в прежние годы, с низовья вверх, в ангарские притоки на нерест, остановились и скопились тут, у серой глухой стены гидростанции, оказались словно в ловушке, потому что дальше ходу рыбе не стало. Кишмя кишащая рыба, принявшая на себя весь удар водяной массы, безжизненно опрокинулась,

сверкнув серебром брюшков, и вновь и вновь попадала под удар огромного водопада.

Мощные потоки воды в трудном движении, как бы в муках, отклонялись в стороны, выгибались, завихрялись, образуя воронки, выбрасывались вверх, вышвыривая окровавленных хариусов и сигов на пенистые гребни бурунов, над которыми, будто в ужасе, непрерывно витали и жалобно плакали чайки. И понесло битую, оглушённую рыбу плотной, сильной холодной течью вниз, к мосту, где её без особого труда вёдрами и сачками вылавливали с лодок местные рыбаки.

- До чего докатились... - горестно качали головой люди, стоящие на берегу и наблюдающие за мучительным движением окровавленной ангарской воды, - тут бьём, там топим, жгём и травим. Для чего живём?»

В былые годы, по воспоминаниям старожилов Приангарья, благородную рыбу на обозах по зимнику непрерывно везли к царскому столу, где хариус считался деликатесным кушаньем.

Раньше воду, поступающую в Ангару из Байкала, черпали и пили прямо из реки; жители не знали и не слышали о каких-либо очистных сооружениях. Сейчас эту воду пить нельзя, она отравлена и гниющим лесом, и вредными неочищенными промышленными стоками. И виновных в отравлении чистой воды нет. Я уверен, придёт то время, когда из-за отсутствия питьевой воды Россия закричит «Караул!», но «близок локоток...»

Разве чистейшая байкальская вода имеет процент износа? И вообще, можно ли как-то оценить всё, что было нужно живому миру, а теперь при вводе ГЭС и крупных «вредных» промышленных предприятий загублено? И возможно ли было как-то предупредить катастрофу или уменьшить её масштаб?

Валентин Распутин в повести прямого ответа не даёт. Но вот какой разговор ведётся между Дарьей и её внуком Андреем, приехавшим на несколько дней в родную Матёру с «переднего» края, с «самого горячего места», с «самой нужной стройки»:

«Я тебе боле того скажу, Андрюшка, а ты запомни. Думаешь, люди не понимают, что не надо Матёру топить? Понимают оне. А всё ж таки топят.

- Значит, нельзя по-другому. Необходимость такая.

- А нельзя, дак вы возьмите и срежьте Матёру — ежли вы всё можете, ежли вы всяких машин понаделали... Срежьте её и отведите, где земля стоит, поставьте рядышком. Господь, когда землю спускал, он ни одной сажени никому лишной не дал. А вам она лишняя стала. Отведите, и пушай будет. Вам сгодится и внукам вашим послужит. Оне вам спасибо скажут.

- Нету, бабушка, таких машин. Таких не придумали.

- Думали - дак придумали бы».

Тонкий, но правильный намёк предпослан Дарьей нашим уважаемым государственным и учёным мужам: не готовы? нельзя делать боль земле и человеку, нельзя идти против Бога.

И вот какой парадокс. На Ангаре последовательно одна за другой построено три гидроэлектростанции, каждая из них в той или иной мере «вершила», кроме добра (имею ввиду выработку электроэнергии), одни и те же беды, одни и те же несчастья для природы и человека: затоплены тысячи квадратных километров пахотной земли, кормившей всю Восточную Сибирь; гниёт под водой «рукотворных» морей неубранный вовремя лес; отравлена чистейшая ангарская (байкальская) вода, от продажи которой можно было прокормить всю Россию; загублена благородная ценная рыба; тысячи людей насильно лишены собственного двора, родины, памяти. Казалось бы, построив одну гидроэлектростанцию, увидев собственными глазами допущенные промахи, услышав о них от пострадавших людей, накопив опыт в проектировании и строительстве гидросооружений, — надо бы остановиться, домыслить, не усиливать и без того пронзительного «стоны» Ангары, не казнить землю, прислушаться к Богу.

А Он через Святое Евангелие нам говорил и говорит:

«Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите? ... Ещё ли не понимаете и не разумеете?»

И всё же «не услышали» и «не увидели»: все три гидростанции повторили друг друга.

Ныне строится на Ангаре ещё одна, четвёртая, — Богучанская ГЭС. Неужели не оглянутся назад? Неужели когда-то «величавая» Ангара окончательно погибнет от удушья, а Приангарье будет ещё мучительнее корёжить? За что? За чьи грехи? За чьё неверие?

Затопление Матёры (и острова и деревни) в повести Валентина Распутина — художественный образ, за которым можно подразумевать (и это, несомненно, так) потопа, ядерные взрывы, землетрясения, масштабные отравления природы, возникающие в результате эгоистично-безнравственного воздействия на природу Земли человеком и могущие вызвать в ней глубокую дисгармонию с изменением условий жизни, провоцирующие страшные всемирные катастрофы (вынужденное Божье наказание!).

Кстати, подобное было. Беда в том, что у современного человека «память коротка». Ведь известно, что причиной Всемирного потопа на Земле стало появление человека с полным отсутствием понятия о нравственности и совести. Когда их число на Земле стало преобладать, произошла катастрофа. Сегодня ситуация близка к повторению: безнравственность на Земле (и у нас в России) выходит на первый план.

Вспомните недавно произошедшую трагедию в Юго-Восточной Азии - по сути, это тот же потоп. Разве это не предупреждение?

И как тут не вспомнить слова, похожие на предостережение, а они, пожалуй, таковыми и были, сказанные старухой Дарьей внуку:

«Люди про своё место под Богом забыли — от чё я тебе скажу... Он видит: загордел человек, ох, загордел. Гордей, тебе же хуже... Чё говорить — сила вам нонче большая дадена. Ох, большая!.. И отсель, с Матёры, видать её. Да как бы она вас не поборола, сила-то эта... Не спечётся ли, глядя на Матёру, вся остальная земля?»

Не пророческие ли эти слова Дарьи, а вернее, нашего знаменитого писателя? Конечно, пророческие. Остановитесь, люди! Одумайтесь! Прислушайтесь к совести своей! — кричит душа Валентина Распутина. — Побойтесь Бога! Он вам не простит!

Невольно вспоминаю известные слова Спасителя: «Сын человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?»

Это вопрос жизни, вопрос развития веры в Бога, развития христианства, в котором всегда боролось два направления: одно — освящающее мир, другое — обмирщающее. И борьба идёт с переменным успехом. Хотя мы, православные христиане, нередко повторяем: «Со-зижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют её».

Но, как ни печально, в действительности в борьбе превалирует второе направление: верующих-то, которые средоточием своей жизни видят Святое Евангелие, становится, как показывает история, всё меньше и меньше. Разве мы не являемся свидетелями обмирщения Церкви и христиан в России за период последнего, ушедшего 20-го века? Без сомнения — да. Но и сейчас обмирщение продолжается. Хотя внешне создаётся видимость противоположного: восстанавливаются разрушенные церкви, строятся новые, по стране зазвонил благовест, прекращены гонения за веру, на прилавках книжных магазинов появилась православная христианская литература. Казалось бы, это действительно положительные подвижки.

Однако, понимание того, что главным является исполнение заповедей Святого Евангелия, продолжает затухать. И затухающее духовное пространство непрерывно заполняется другим — безнравственностью: убийства, грабежи, воровство, войны, наркотики, массовые пожары, потопа, искусственные затопления, отравления пищевыми и фармацевтическими продуктами и т. д.

И в ближайшие годы ожидать перемен в сознании людей сверху донизу не приходится.

Сейчас в России происходит то, что случилось, когда евреи покинули Египет. Они вышли на свободу, а свобода-то оказалась нежеланной: они получили то, о чём и не думали. И далее: перейти из Египта в Землю обетованную можно было в несколько дней, они бродили сорок лет. Почему? Потому что Бог им определил бродить, пока не умрёт всё поколение, которое выросло в рабстве, и пока не вырастет то поколение, которому будет предоставлена свобода и в обстановке, в которой будет вера в Бога.

Не дай бог, если наш российский народ столько много лет будет выходить из состояния глубокого неверия, из атмосферы, в которой преобладает безнравственность.

Думается мне, с такой же мыслью направлял знаменитый писатель свои огромные душевные и умственные усилия, когда писал «Прощание с Матёрой».

Верил ли Валентин Распутин тогда в Бога? Уверен - да, верил. Более того, он глубоко, осознанно вкоренён в Бога. И эта вера подвигла великого писателя, явилась мощным источником, чтобы в ту «закрытую к Богу» пору написать проникновенную повесть.

Напряжённо и вдохновенно работая над произведением, Распутин ставил цель, чтобы человек, исполняя святые евангельские заповеди, посланные ему Богом, видел бы Землю как Храм Божий. Именно в этом понятии мирообъемлющего Храма непрерывно проходит божественная мысль в повести «Прощание с Матёрой» с надеждой на грядущее умиротворение и счастливую жизнь всего живого на Земле.

Высокий долг обязывает

«У нас почти миллион депутатов – коммунистов. Свой авторитет, свой опыт они должны использовать для того, чтобы каждая сессия совета, каждое заседание постоянной комиссии превращались в действительный совет людей, в коллективный поиск наиболее правильных решений»

(Из Отчетного доклада ЦК XXVI съезду КПСС).

В Усть-Илимский городской Совет избрано 150 народных депутатов. Это большой отряд полномочных представителей народа в местном органе государственной власти. Среди них передовые рабочие, руководители строек, предприятий, учреждений, работники здравоохранения, культуры, просвещения. Такой состав городского Совета позволяет успешно решать задачи, поставленные нашей партией, быть активными организаторами претворения в жизнь планов экономического и социального развития города.

Городской совет народных депутатов, его исполнительный комитет под руководством Усть-Илимского горкома партии за последнее время решали ряд нелегких проблем. Главная из них была и пока остается – жилищное гражданское строительство. Понимая важность этой задачи, исполком не упускал его из виду ни в каких ситуациях. Еженедельно собирался городской штаб по гражданскому строительству, руководимый Ю. Федотовым.

Каждое заседание исполкома, каждое совещание выливалось в конкретный, требовательный разговор. Мы понимали, что иначе нельзя. Население города растет - уже 80 тысяч человек, а к последнему году десятой пятилетки построено и сдано 116 тысяч кв. метров жилья, два детских сада. И все же план ввода жилья и детских садов не выполнен: не смогли они правильно в течение всего года распределить свои ресурсы. Сейчас мы считаем это основной задачей исполкома.

Исполком городского Совета нацеливает коллективы предприятий на то, чтобы они быстро осваивали новые мощности, обеспечивали трудящихся молоком, выращивали свежие огурцы, лук, развивали подсобные хозяйства. И уже к концу 1980 года в городе были введены в строй молокозавод, теплично-парниковое хозяйство лесопромышленного комплекса, подсобное хозяйство управления рабочего снабжения Братсгэсстроя.

Да, чтобы получить блага, надо и работать хорошо. Об этом в Отчетном докладе тов. Л.И. Брежнева сказано со всей определенностью. Мы восприняли это как программу действий нашего городского Совета, которому предстоит, руководствуясь материалами съезда, сделать

решительный поворот в сторону эффективности нашей работы. Причем (уж такова наша специфика), исполкому приходится решать сотни больших и малых дел, и все они в равной степени важны.

Вот, скажем, выполнение известного постановления ЦК партии об укреплении дисциплины труда, сокращении текучести кадров. Ведь это во многом и социальный вопрос: изучить, почему еще не изжита текучесть ее. В этом смысле нужно вспомнить и постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О работе Советов народных депутатов Иркутской области по дальнейшему укреплению государственной дисциплины и улучшению использования трудовых ресурсов». В марте 1980 года по управлению строительства города была утверждена депутатская группа, возглавляемая депутатом горсовета, начальником строительно-монтажного управления № 5 И. Кушлиным. Депутатская группа оказала веское влияние на работу управления строительства. На заседаниях обсуждались различные вопросы, касающиеся выполнения вышеназванного постановления,

В настоящее время на предприятиях разрабатываются планы экономического и социального развития на 1981—1985 годы. Предусматриваем ежеквартально заслушивать на заседаниях исполкома руководителей строек и предприятий о ходе их выполнения. Кстати, в декабре 1980 года исполком уже заслушал по этому вопросу руководство управления строительства города Усть-Илимска.

Сегодня на стройках и предприятиях города широко практикуется подекадное подведение итогов социалистического соревнования, при этом показатель трудовой дисциплины и сокращения текучести кадров считается одним из основных. Разработаны и выполняются мероприятия по повышению квалификации рабочих.

Например, на крупнейшем, ведущем в городе предприятии — Усть-Илимском лесопромышленном комплексе разработано положение о системе подготовки и повышения квалификации рабочих кадров, которое предусматривает трехступенчатое продвижение рабочих по профессиям: от начальной

до высшей квалификации. Они учатся в учебном комбинате и техническом училище как с отрывом, так и без отрыва от производства. Работают постоянно действующие курсы повышения квалификации. Большое внимание на лесопромышленном комплексе уделяется охране труда женщин. На всех производствах комплекса имеются комнаты гигиены женщин. Детские дошкольные учреждения переведены на режим шестидневной рабочей недели.

На большинстве предприятий города созданы общественные отделы кадров, которые регулярно проводят анализ движения рабочих кадров, выполняют мероприятия по их закреплению на местах. Из поля зрения исполкома городского Совета не выпускаются вопросы трудоустройства и материально-бытового обслуживания инвалидов и пенсионеров.

Под постоянным контролем исполнительный комитет держит выполнение наказов избирателей. Так, за годы прошедшей пятилетки в Усть-Илимске выполнено более шестидесяти наказов. В левобережной части города введены в эксплуатацию стадион на 5 тысяч зрителей, автодорога между правобережной и левобережной частями города, аэропорт, дорога между городом и аэропортом, междугородный переговорный пункт и многое другое. Вопросы по организации выполнения наказов рассматриваются исполкомом, постоянными комиссиями, контролируются депутатами.

Постоянные и депутатские комиссии глубоко вникают в работу городского хозяйства, участвуют в рассмотрении жизненно важных вопросов на заседаниях горисполкома.

К примеру, члены постоянных комиссий по капитальному строительству, по промышленности, транспорту и связи основательно проверили работу строительного управления строительства города, районного узла, связи, хлебозавода, станции технического обслуживания и других предприятий, подчиненных горисполкому. Вскрыли немало недочетов. Постоянная комиссия по бытовому обслуживанию, возглавляемая депутатом городского Совета, председателем профсоюзного

комитета Усть-Илимского ЛПК А. Тарасовым, не только вскрывает недостатки, но и ищет пути к их устранению.

Исключительно большое значение в работе городского Совета, его исполкома, постоянных комиссий и депутатских групп имеет гласность. Члены исполкома часто выступают в трудовых коллективах, рассказывают о достигнутых успехах в городском хозяйстве, о проблемах и задачах.

В день сессии районная газета «Усть-Илимская правда» предоставляет свои страницы народным депутатам, где они ведут подробный рассказ о своей работе в Совете.

Есть в нашем городе и депутаты областного Совета. Они принимают активное участие в жизни города. К примеру, Наталья Николаевна Осипенко, повар кафе «Дружба». Она активно работает в постоянной комиссии городского Совета по торговле и общественному питанию. То же можно сказать о депутате областного Совета, старшем варщике целлюлозного завода Валерии Васильевиче Третьякове.

Один из резервов — повышение эффективности нашего труда, улучшение деятельности отделов исполкома, организация контроля выполнения собственных решений и решений вышестоящих организаций. С этой целью у нас разработано положение о социалистическом соревновании отделов исполкома.

Сила городского Совета определяется не только массовостью, но и тем, как каждый народный избранник относится к выполнению своих депутатских обязанностей, какую жизненную позицию он занимает в производственном коллективе, в своем микрорайоне, доме. Насколько инициативен, активен народный депутат, настолько возрастает его авторитет. Многие депутаты именно таким образом и стремятся действовать. Они не только успешно выполняют задания и социалистические обязательства на производстве, но немало энергии и времени отдают общественной работе.

Хорошие отзывы поступают в исполком о председателе депутатской группы, бригадире участка «Гидромонтажа» В. Сараеве. Он организовал

действенную работу депутатской группы по месту жительства, ведет большую общественную работу в своем трудовом коллективе, избран заместителем секретаря партийной организации. Часто выступает в бригаде, рассказывает о деятельности горсовета, о своих депутатских делах и заботах. Много замечательного говорят о депутате аккумуляторщице УГЭ Л. Галиной. Инициативный, беспокойный она человек, Лариса Алексеевна — председатель депутатской группы. В своем микрорайоне она по-настоящему полновластный хозяин. Недаром она свободно, как хозяйка, заходит в жилищно-коммунальные конторы, ГАИ, школы, вечерами принимает граждан по личным вопросам. Принципиальность, инициатива и беспокойство депутата Л. Галиной не остались без внимания на ее родном производстве: она избрана членом партийного бюро.

Самые добрые слова исполнительный комитет слышит о депутате городского Совета Борисе Тамме. О нем многие знают. Не перечислить сразу все, что сделал он, выполняя просьбы избирателей. Огонек и задор, зажженные в его душе в юную комсомольскую пору на стройках Коршунихи, Усть-Илима, не погасли и сейчас, а наоборот, помогают ему на депутатском поприще. Нет недели, чтобы Борис не побывал в исполкоме, и все с вопросами, все с депутатскими делами. То его интересует подъезд к овощехранилищу, то «проворачивает» дело по организации пункта приема стеклопосуды, то предлагает свою помощь депутатскому посту на строительстве нового хлебозавода и станции технического обслуживания.

Вечерами в депутатской комнате опорного пункта № 4 можно увидеть председателя депутатской группы, делегата XXVI съезда КПСС Надежду Павловну Рябушеву, депутатов Ангелину Ивановну Куюкову, Галину Николаевну Терентьеву. Нередко их окружают мамы и папы «трудных» мальчишек и девчонок, сообща решают, чем необходимо их заинтересовать.

Немало среди депутатов городского Совета и руководителей трудовых коллективов. Это члены исполкома главный инженер Усть-Илимского ЛПК В. Семенов и директор Усть-Илимской ГЭС П. Юсим, председатели постоян-

ных комиссий заместитель начальника управления главного энергетика Братскгэсстроя В. Герасимов, главный инженер Усть-Илимской ГЭС Е. Гвоздев. Коллективы, руководимые ими, достигли больших успехов. Возьмем для примера Усть-Илимскую ГЭС. Седьмой год она работает устойчиво, безаварийно, окупив затраты восемь раз.

В эти дни проходит пора отчетов народных депутатов. Пора, когда избиратели оценивают деятельность своих представителей. Для многих депутатов отчет является экзаменом на зрелость, подступом к новым задачам. А задачи впереди ответственные. Они продиктованы решениями XXVI съезда нашей партии. Именно на эту позицию уверенно выходит городской Совет Усть-Илимска, города, за ударный труд в X пятилетке награжденного высокой наградой — Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВПСРС.

Гербу Усть-Илимска – 25 лет

В последнее время накануне Дня города меня часто спрашивают о том, как создавался, кем и когда был утвержден герб нашего города.

Проект герба г. Усть-Илимска впервые был рассмотрен 25 декабря 1980 года на заседании исполкома Усть-Илимского городского Совета народных депутатов, где был одобрен и рекомендован на утверждение сессией Городского Совета народных депутатов. Это произошло 4 апреля 1981 года, т.е. 4 апреля 2006 года гербу г. Усть-Илимска исполнилось 25 лет! Герб успешно прошел проверку временем и стал частью культуры города. Авторами герба являются известные, талантливые художники Валерий и Маргарита Лаур. Они напряженно и продолжительно работали над проектом, руководствуясь требованиями геральдики, изучая историю герба Иркутской области (губернии), а также построение и содержание гербов многих российских городов. Авторы советовались и полемизировали с первым мэром Усть-Илимска Ю.Ф. Федотовым, по инициативе которого и

началась разработка герба. Приближался 10-летний юбилей Усть-Илимска, и Ю.Ф. Федотов стремился, чтобы к этой дате был разработан герб.

Супруги Лаур вплотную работали с комиссией по разработке герба, в которую входили заместитель председателя горисполкома Леонид Алексеевич Захаров (до работы в горисполкоме - известный строитель нашего города), Маргарита Саркисовна Федотова – заведующая отделом культуры и я, автор этих строк. Учитывалось мнение ответственных работников отдела архитектуры.

Еще задолго до утверждения герба обсуждался широкой общественностью и в городской печати. Короче, «обкатался» капитально. Что же представляет из себя наш герб?

В верхней левой части – серебряное поле – щит доблести Иркутской земли. На фоне щита выписан бабр с соболем в зубах. Бабр - особое животное. Это очень сильный и хитрый зверь, ранее водившийся в предгорьях Саян. В начале XVI века бабр с соболем в зубах был нарисован на знамени Иркутских стрельцов - защитников земли Иркутской. Бабр символизировал силу и мужество стрельцов, а соболь – богатство Иркутского края, которое подлежало надежной защите. Бабр с соболем на знамени стрельцов имел глубокий смысл.

В 1690 году в Иркутске впервые был утвержден герб, который представлял собой серебряный щит и на его фоне – бегущего бобра с соболем в зубах, перенесенного со знамени Иркутских стрельцов. И вот уже несколько веков живет этот герб, бережно хранимый благодарными поколениями иркутян. По канонам геральдики серебряное поле с бобром обязательно должно переноситься и в другие гербы нашей области, в том числе и нашего города. Что и было выполнено.

Через центр герба с правого верхнего угла в нижний левый опускаются две трехступенчатые ленты: алая и голубая. Алая – символ трех ударных комсомольскихстроек, когда-то гремевших по всей стране. Голубая лента - Ангара, несущая мощный заряд энергии.

В нижнем правом углу выписана ель – символ природного богатства нашего края. В центре ели стояла аббревиатура СЭВ (Совет экономической взаимопомощи), внесшего огромный вклад в первоначальное развитие Усть-Илимского ЛПК – нашего градообразующего предприятия. Таким был герб нашего города.

В июне 2006 года Усть-Илимская городская Дума пересмотрела геральдику города. Результатом стало удаление из него символа СЭВ. Пояснения о причинах пересмотра не было.

Главный инженер

1

- Всем надо долбить в одну точку! Все на пуск первых гидроагрегатов!
- порывисто и громко говорил на одном из совещаний в октябре 1974-го Евгений Иванович.

Его выступление я вспоминаю, приезжая на Усть-Илимскую ГЭС, где невольно останавливаюсь у небольшой мемориальной плиты с надписью: «Здесь с 23.01.1970 г. по 18.04.1989 г. работал главным инженером один из пионеров гидроэнергетики Сибири Гвоздев Евгений Иванович».

На Гвоздева и на всю его команду эксплуатационников в то время легла надежда тех, кто в декабре 1962 года взобрался по глубокому сугробу через дремучую тайгу на крутой обширный ангарский берег, когда-то метко названный «бурундуками» Толстым мысом, где подняли красный флаг и выполнили троекратный ружейный салют - символ начала строительства Усть-Илимской ГЭС; надежда тех, кто затем в течение двенадцати лет взрывал скалу, поднимал и крепил бесконечную опалубку, круглые сутки принимал и укладывал в тело плотины тяжелый бетон, прокладывал стальные трубы, кабель, провода, монтировал и налаживал гидроэнергетическое оборудование.

В октябре главный инженер как никогда почувствовал мощный натиск строителей и монтажников, понял, что наступило время вступать в полосу эксплуатации.

И весь собранный к тому времени с разных гидростанций и других энергопредприятий России опытный отряд эксплуатационников осознал исключительную напряженность предпусковой атмосферы, «впрягся в одну упряжь» с Евгением Ивановичем, чтобы осилить пуск первых трех гидроагрегатов.

* * *

Впервые с Евгением Ивановичем Гвоздевым я встретился в августе 1974-го, когда его первый помощник Исаак Зельманович Баглейбтер, тоже известный энергетик, талантливый инженер и руководитель, пригласил меня, как и многих других, на пуск и дальнейшую эксплуатацию Усть-Илимской ГЭС.

Дверь кабинета главного инженера почти не закрывалась: то входили, то выходили из кабинета люди — руководители стройки, монтажных организаций, проектировщики, руководители цехов и мастера эксплуатации ГЭС. Многие, выйдя из кабинета, задерживались в приемной, озабоченно переговаривались, с их уст часто сходило слово «котлован»; я понял, что «котлован» — то место, где сейчас жарко многим, где «кипит и варится» основа для пуска первых гидроагрегатов.

В назначенное время я вошел в кабинет к Гвоздеву. Он смотрел в мою сторону, но взгляд его был напряженно-задумчивым, мне показалось, что он был еще овеян облаком тех мыслей, которые не успели оставить его от разговоров с предыдущими посетителями; затем главный инженер встрепенулся и направил на меня прямой пронзительный взгляд, словно заторопился рассмотреть меня насквозь.

-Садитесь, - громко сказал Евгений Иванович, коротко махнув рукой в сторону правого от себя кресла.

Я посмотрел на него: широкоплечий, крепко сбитый, с коротко стриженными волосами, он монолитно сидел в кресле за широким столом, положив руки на подлокотники.

- Давно в Сибири? Где работали? В пуске электростанций принимали участие? - вопрос за вопросом сыпал он, а я отвечал, как и всегда, выпукло произнося в словах букву «о».

-Окать еще не отвыкли? - заметил он мой волжский говор и, не дожидаясь моего ответа, сразу же спросил еще: - Где вы родились?

- Между древними Владимиром и Муромом, - ответил я.

Евгений Иванович откинулся на спинку кресла, глаза засветились, затеплились, затем радостно засмеялся и прочитал слова Александра Пушкина: «В славной муромской земле, в Карачарове селе...»

Я изумленно посмотрел на главного инженера; чувство неловкости, скованности, которое овладело мною в первую минуту встречи, разом пропало, мне стало легче, свободнее.

- Деревню Николу близ Владимира знаете? - подавшись вперед к столу, вновь спросил Гвоздев.

...Деревеньку Николу с небольшой церковью посреди я знал и бывал в ней; как сотни, тысячи русских деревень, Никола вымирала, церковь там разграбили и закрыли.

- А я ведь там жил, мальчонкой, — грустно заговорил Евгений Иванович, — отец мой, тоже энергетик, в ту пору торф в тех местах разрабатывал, на местную фабрику его возили. - Гвоздев, потупив в грустной задумчивости взор, смолк, но вскоре снова заговорил: - Да-а, жаль Николу-то, хорошая была деревня, домик наш стоял на самом ее краю, у речки, - и вновь его глаза наполнились светом. - А речка-то, речка-то жива? Раков мы в ней ловили...

- Речка течет и поныне, но ни рыбы, ни раков в ней нет.

- Травим, травим... - едва слышно, печально промолвил он.

Я подробно рассказал Евгению Ивановичу о его деревеньке, о речке, о фабрике, для которой его отец заготавливал и возил торф, но в какой-то

момент мне показалось, что он меня не слушает: неподвижный взор его был направлен в сторону. И вдруг он меня снова удивил: «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу...» — негромким грудным голосом прочитал Гвоздев.

Через минуту-две главный инженер преобразился: улыбка с лица сошла, взгляд построжал.

- Теперь о деле, - твердо заговорил он, - через два дня вы должны выйти на работу, в декабре пуск, времени мало, а дел по горло. Сейчас в котловане черт ногу сломит, надо обеспечить безопасность труда, а также вместе с начальниками цехов, мастерами, инженерами обучить людей эксплуатации оборудования, проверить квалификацию персонала, подготовить производственные инструкции, схемы. Особое внимание сосредоточить на подготовку дежурного персонала. Думаю, вам не надо объяснять почему? — спросил он, заканчивая разговор.

Куда клонил главный инженер, я понимал: если мы на первых порах не сможем подготовить группы ремонтников, релейщиков, не беда — монтажники и наладчики рядом, помогут; если же не будет грамотного (оперативного) дежурного персонала — загубим дело на корню.

Прощаясь, Гвоздев жестко договорил:

- Все надо успеть за три месяца, работать придется много, свободного времени у вас не будет...

2

Котлован бурлил. Сегодня, спустя тридцать лет, трудно представить, что так было, будто все происходило не наяву, а во сне: серая бетонная плотина, как огромная «рваная» гребенка, простерлась от одного берега Ангары до другого. Всюду сновали люди: наверху, внизу, у временного огромного шатра, под которым монтировали гидроагрегаты, в то время постоянных (проектных) стен машинного зала еще не было. Ревели большегрузные автомобили, бульдозеры, краны. Движение, движение, движение, словно великий потревоженный муравейник. Под шатром тоже

многолюдно и шумно: надрывно жужжали сварочные трансформаторы, молотили компрессоры, в кратере второго гидроагрегата стучали кувалдами. Поодаль, у стен, стояли будки-теплушки, в которых время от времени отдыхали строители и монтажники.

Главный инженер бывал здесь каждый день, на ногу он легкий, обойдет, осмотрит все, что его интересует. Встретив бригадира-строителя или монтажника, обязательно остановится, светло улыбнется, поздоровается, спросит: «График не срываете? Никто не задерживает? Помощь нужна?» Выслушав, пожмет собеседнику руку, пожелает успеха и поспешит далее, вниз по лестничному маршу. «Надо же, - остановился вдруг Гвоздев у торчащего из стены армированного штыря, - утром сегодня говорил, чтобы срезали эту арматуру, ведь сами же нарвутся... Придется сегодня на летучке кое-кому напомнить». Торопливо, едва не бегом, спускается ниже: завернет в одно помещение, цепким взглядом окинет смонтированное оборудование, «молодцы!» бросит на ходу, хотя здесь никого и нет, но Евгений Иванович знал, в чей адрес послал похвальное слово. Затем, не отдыхая, не останавливаясь, ловко поднимется на «гребень» плотины, где на высоких эстакадах зависли, как скворечники, небольшие временные помещения гидроподъемников. Открыв дверь, неторопливо перешагнет через порог, присмотрится, всплеснет руками:

- Ну почему масло-то с пола не уберете? Вы же здесь упадете и травмируетесь! - громко заметит он работающему монтажнику.

- Чем?! - отпрянет тот. - Ни тряпья, ни опилок!

Главный инженер тотчас к телефону, «докрасна раскалит» его, но дозвонится до мастера или руководства участка стройки и распорядится.

Мне нередко приходилось удивляться тому, как Гвоздеву, не являющемуся руководителем стройки, не только беспрекословно, но и с благодарностью подчинялись и строители, и монтажники. Поначалу я задавал себе вопрос: «Почему так?» и скоро понял: да потому, что он

заботился в первую очередь о них же, о строителях, чтобы у них все шло хорошо, и они это сознавали.

Дав указания, Евгений Иванович сядет на лавку, заведет с монтажником беседу, выяснит все до мелочей и о чем-то быстро черкнет в блокноте.

В конце дня главный инженер соберет начальников цехов (они же председатели рабочих комиссий), пригласит начальников участков, бригадиров стройки, подведет итог выполненному за сутки. Кого-то похвалит, кого-то хлестко отругает.

- Почему сборку в тиристорном до сих пор не устанавливают? — громко спросит он, напряженно разыскивая глазами тех, кто причастен к этому делу. - Чего резину тянем?

- Сборки-то нет! - звонко откликнулся с дальнего угла Владимир Николаевич Дякин - начальник электроцеха, крупный, с круглым лицом человек, прибывший на Усть-Илимскую ГЭС с Братской.

- Как нет?! - взорвался Гвоздев, в упор глядя на руководителя базы гидросилового оборудования.

-Иван Александрович, где сборка?! Чего молчите?

- Да она, вроде, еще не поступала, - густо краснея и сомнительно пожимая плечами, негромко ответил начальник базы.

- Кто вам сказал, что не поступала? Вы почему не отслеживаете то, что поступает на базу?! - вспыхнул главный. -Я сам ее видел! Она сложена у вас в конце склада! Завтра утром, чтобы она была здесь и сдана в монтаж!

Но на этом Гвоздев не остановился: глубоко взволновала его «беспечность» начальников подразделений. Наутро он вновь собрал к себе в кабинет начальников цехов, их заместителей, ведущих инженеров и, словно еще не остынув от вчерашней вечерней планерки, резко заговорил:

- Мне не нравится наш прокол несвоевременной выдачи в монтаж оборудования для помещения тиристорного возбуждения гидрогенераторов. Конечно, - вины с начальника базы я не снимаю, слов нет, он виновен, -

Евгений Иванович обвел своих подчиненных пристально-сердитым взглядом, - но вы-то каждый на своем участке, каждый за свое оборудование тоже несет ответственность, потому базу-то надо посещать, брать на карандаш поступившее свое оборудование, подсказывать Лобанову, а если надо и требовать! - главный инженер остановился, смолк, напряженно задумался, затем, будто сорвавшись с места, продолжил говорить: - Сейчас недопустимо никакое расхолаживание, вы же видите, что строители и монтажники нам на пятки наступают, а этого не должно быть, мы обязаны опережать их, мы обязаны их подстегивать, сейчас каждая минута дорога, каждый час на вес золота. Владимир Николаевич, Валерий Семенович, - направил Евгений Иванович пронзительный взор в сторону начальника электроцеха Дякина и ведущего инженера электротехнической лаборатории Стефанова, - вы поняли, о чем я говорю?

- Еще вчера поняли, - без лишних слов громко ответил Дякин.

- Ну, похвально, если поняли, - спокойно сказал главный инженер, - думаю, что более на эту тему говорить не будем.

Евгений Иванович был настолько тесно связан с процессом строительства и монтажа гидростанции, что мне порой казалось, разбуди его внезапно ночью и спроси, чего еще нет для монтажа третьего гидроагрегата, он ответит без запинки, знал все, или почти все.

На ГЭС долгое время среди ветеранов ходила быль: однажды Гвоздев дал задание одному из ведущих инженеров проверить, проложили или нет монтажники трубу из камеры рабочего колеса (турбины) в галерею технического водоснабжения. Трубопровод этот пригодится лишь тогда, когда гидрогенератор будет работать в режиме синхронного компенсатора.

«О какой трубе говорит главный?» — ломал голову инженер и чтобы не осрамиться, да еще и в присутствии коллег, побежал в техархив изучать проект. Выяснив, доложил Гвоздеву, что труба проложена.

- А сам-то разобрался, для чего нужен этот трубопровод? - улыбнулся главный.

- Спасибо вам, Евгений Иванович, — тоже тепло улыбнулся инженер, - теперь понял.

Позже заместитель начальника машинного цеха Павел Дмитриевич Поплаухин рассказывал:

- Я с Гвоздевым жил рядом, окна моей квартиры смотрели на окна квартиры Евгения Ивановича - свет у него гас не раньше двух-трех часов ночи, а то и позже. Как-то главный пригласил меня к себе домой - срочный вопрос у него возник по подпятнику первого гидроагрегата. И что я увидел, придя к нему? Я был просто поражен: на столе, на креслах, на диване, по всему полу комнаты были разложены проектные чертежи, а сам Евгений Иванович сидел на полу с карандашом в руке, что-то неторопливо записывал в тетрадь. Рядом, сбоку, лежали раскрытые технические журналы на английском языке, Гвоздев-то хорошо владел английским, много читал, интересовался заокеанской техникой, сравнивал с нашей. Я очень часто вспоминаю и думаю о нашем первом главном, и убедился в том, что он стремился всегда опережать события да и всех нас, большой технический стратег был наш главный.

3

Евгений Иванович после окончания Московского энергетического института еще до Усть-Илимской ГЭС прошел школу Куйбышевской, Братской, Красноярской гидростанций, то есть имел большой опыт энергетика-эксплуатационника, плюс к этому его большой ум, интуиция, инициатива, неутомимость в работе и крепкая любовь к гидроэнергетике — все это позволило ему состояться в качестве высокоэрудированного, интеллигентного руководителя. Причем, как заметил Павел Дмитриевич Поплаухин, главный инженер обладал острой внутренней дальноркостью в видении перспективы, приближающихся важных событий, соответственно заблаговременно готовился к их преодолению, разумеется, он опережал в этом многих коллег и учил их этому.

В сентябре 1974-го главный инженер собрал начальников цехов, смен, машинистов гидроагрегатов, мастеров на совещание. Напрасно он никогда не собирал подчиненных, к планеркам, совещаниям готовился тщательно, всегда знал, что сказать.

- Приближается время, - начал он неторопливо, но громко, - когда наша работа чрезвычайно усложнится, каждый из вас должен осознать, что рядом с работающим оборудованием, которое мы станем эксплуатировать, продолжают свое дело строители и монтажники. Если сейчас до нас это не дойдет, если мы на это закроем глаза, то до беды рукой подать. Нужны срочно предложения по организации эксплуатационной зоны. Инструктажи, надзор за строителями, допуск на рабочие места - все должно соответствовать правилам безопасности. Каждый из вас должен понять, что вольное время кончилось.

Оперативная служба, которой руководил Борис Борисович Галицкий (он, как и его коллега В. Н. Дякин, прибыл сюда с Братской ГЭС), комплектовала для персонала производственные инструкции, изготавливала переносные заземления, плакаты. И Галицкий, и его помощники сверху донизу (от гребня плотины и почти до самой ее нижней точки) осмотрели помещения, гидроэнергетическое оборудование, водоводы, маслопроводы, воздухопроводы, которые включают под напряжение или поставят под давление водой, маслом, воздухом, определили, вычертили эксплуатационную зону.

Несколько забегаая вперед, должен отметить, что немалые сложности по соблюдению эксплуатационной зоны задавал гребень плотины, где строители продолжали активно укладывать бетон, монтажники носили, передвигали и монтировали оборудование, крепили металлоконструкции. Там, на гребне, до пуска-то было нелегко, а после пуска без пристального внимания и вовсе не обойтись.

Ни одно дельное предложение, касающееся безопасности людей, главный инженер не отклонял, решал немедленно. Гвоздев отдавал гидростанции всю душу и все свои силы без остатка. Всецело слившись с

организмом ГЭС, с людьми, сознавал, что нет никакого резона терять любимое дело из-за чванливой халатности отдельных людей.

- Евгений Иванович, - обратился я к нему спустя недели три после пуска первых гидроагрегатов, - вопрос не терпит отлагательства.

- В чем дело? Для вас вопрос не должен быть вопросом! - тотчас откликнулся он. Я рассказал ему, что в зоне действующих аэрационных труб на гребне возникает опасная обстановка: и наши и строители нарушают эксплуатационную зону, лезут напролом, убеждениям не поддаются. Не дай бог, если кого-то засосет в трубу. Гвоздев побелел, как бумажный лист, тотчас поднялся из-за стола.

- Всем немедленно еще раз провести инструктаж, - громко заговорил он, - если кто-либо из наших после инструктажа полезет в зону аэрационных труб - уволим!

- А со строителями как? Их же не уволишь?

- Строителей будем бомбить! — сердито сверкнул глазами главный.

- Как бомбить? — не понял я.

- Главному инженеру «Братскгэсстроя» Юрию Константиновичу Козьярскому - срочно телефонограмму! Сюда вызвать! А начальнику строительства ГЭС Леониду Ивановичу Яценко - официальное письмо! Нарочным! Немедленно!

4

В конце ноября 1974-го, ближе к вечеру, сообщили, что меня ищет главный инженер. Спешно поднялся к нему. Гвоздев быстро, взволнованно ходил по кабинету. Я взглянул на Евгения Ивановича и не узнал его, точнее, давно не видел его таким радостным. В предпусковой период он был предельно строг и серьезен, если и появлялась на его лице улыбка, то вскользь, мимолетно, а сегодня его будто подменили, он ликовал.

- Геннадий Федорович, - направил он на меня светлый и теплый взор, - пойдемте смотреть, как в кратер третьего гидроагрегата опускают рабочее колесо!

Я не мог тогда с ним не пойти, и не потому, что он главный инженер, выше меня по должности, которому я должен подчиниться, нет, а потому, что увидел Евгения Ивановича веселым, радостным, более того — счастливым, и я не мог, не имел права лишить его этой радости, которая пронизывала и переполняла Евгения Ивановича, ему необходимо было с кем-то ею поделиться.

Мы торопливо шагали к машинному залу, кончики ушей больно защипало - держался лютый мороз. С поверхности незамерзающего участка Ангары огромными клубами, обволакивая всю стройку, поднимался густой туман, через который едва пробивался свет сотен электрических фонарей. В машзале (в помещении под временным шатром) Гвоздев взглянул на закрытые высокие ворота, приложил руку к работающему тут же, у ворот, калориферу.

- Холодно, - с недовольным выражением на лице покачал он головой, - завтра дам задание, чтобы еще один калорифер установили.

По пути нашего движения я взгляделся вдаль: над кратером третьего гидроагрегата на тросах мостового крана повисла ярко-оранжевая семидесятипятитонная турбина, освещенная перекрестными лучами мощных прожекторов.

Евгений Иванович вдруг остановил меня, тронув за рукав пальто:

- Взгляни, взгляни вперед на человека, который идет сюда.

Навстречу нам, слегка припрыгивая, приближался начальник «Спецгидроэнергомонтажа» Николай Васильевич Затовский, в темной короткой телогрейке, шапке ушанке и кирзовых сапогах.

- Пляшет, пляшет, - весело произнес Евгений Иванович, - значит, все у него нормально! Молодец, дело крепко ведет!

С начальником СГЭМа и его известными не только по Усть-Илиму, но и по всей нашей стране бригадами и прорабами Ильей Матвеевичем Калинкиным, Михаилом Васильевичем Беляевым, Петром Гнебедюком,

Василием Николаевичем Федосенко, Николаем Николаевичем Горевым я был хорошо знаком.

Мы поравнялись с Затовским, поздоровались.

- Порядок? — коротко спросил главный инженер Николая Васильевича. Тот светло улыбнулся, широко развел руками, мол, а как иначе.
- Николай Васильевич, взгляните, взгляните, турбина-то какая, как игрушка!
- ликовал Гвоздев. - Любо-дорого посмотреть!

Затовский развернулся, прищурился, улыбнулся и уважительно сказал:

- Вас, Евгений Иванович, за такую турбину на руках надо носить!

- Нет, не мне, а Детенборну надо спасибо говорить! - в ответ воскликнул Гвоздев. - Если бы не Детенборн, не видать бы нам таких рабочих колес, не видать, это точно!

Кто такой Детенборн и чем он славен, мне в тот час было неизвестно. Но фамилию эту я уже слышал от самого же Евгения Ивановича. Однажды, в минуты отдыха, между делом, взглянув задумчиво на Ангару, Гвоздев промолвил:

- Эх, с Николаем Ивановичем Детенборном бы повидаться, вот человек!

* * *

Позже я узнал, что Детенборн «причастен» к турбинам Усть-Илимской ГЭС. Дело было в том, что в 1970-1971 годах, еще далеко до пуска первых гидроагрегатов, среди изготовителей турбин, руководителей Минэнерго, проектировщиков, руководства «Иркутскэнерго» и дирекции Усть-Илимской ГЭС, в частности, главного инженера Евгения Ивановича Гвоздева, разгорелся спор о том, каким способом доставить в Усть-Илимск турбины с Ленинградского металлического завода. Если их транспортировать по опыту Братской ГЭС железной дорогой, тогда рабочие колеса на заводе надо изготавливать половинками, а после грузить на железнодорожную платформу, так как цельноизготовленное колесо по габаритам дороги не проходит. Но

Евгений Иванович Гвоздев при поддержке директора ГЭС Петра Моисеевича Юсима и Управляющего «Иркутскэнерго», битого, матерого энергетика Петра Гордеевича Некряченко, выступил категорически против этого варианта. Чтобы собрать турбину на монтажной площадке гидростанции, необходимо создать условия, близкие к заводским, а для этого потребуется немало дополнительного времени, материальных затрат. Тогда вряд ли мы смогли включить первые и последующие гидроагрегаты под нагрузку в установленные сроки. Но самое главное, на что особенно нажимал в спорах Гвоздев, — в условиях монтажной площадки ГЭС при сборке рабочего колеса невозможно выдержать профиль отдельных лопастей и соосность турбины; впоследствии, при работе турбин усилятся кавитационные процессы, или, проще говоря, кавитация, которая, как огромный червь, начнет «грызть» металл лопастей: резко снизится КПД турбины, значительно сократится межремонтный период и выработка электроэнергии.

Ротор вертикального гидроагрегата Усть-Илимской ГЭС состоит из рабочего колеса турбины, двух роторов гидрогенератора, турбинного вала, в комплексе (в сборе) весь этот ротор весит более 800 тонн! Чудовищная машина, вращающаяся под воздействием падающей воды! В каждую секунду на расчетных режимах через лопасти рабочего колеса турбины будет пролетать (в буквальном смысле этого слова) 300 тонн воды со скоростью на выходе с лопастей более 100 км в час! При этом турбинный вал, являющийся стержнем ротора, получая миллионы непрерывных тяжелых ударов, постепенно разрушается в своих опорных точках; и чем дефектнее будет рабочее колесо, профиль его лопастей, тем чаще и объемнее будут разрушения.

- Не для этого я сюда пришел, - негромко, но твердо, высказывался в узком кругу инженеров Евгений Иванович, - грош мне цена будет, если Усть-Илимскую ГЭС я не сделаю высокоэффективной.

«Крепкий орешек, - похвально отзывались о Гвоздеве заводчане и проектировщики, - просто так на зуб его не взять, все продумает, все просчитает».

Таким Евгений Иванович и был, зря звание главного инженера не носил, полностью его оправдывал, он сам был как генератор: всегда напряжен в мыслях, в движении, всегда среди инженеров, всегда что-то ищет, читает, убеждает, доказывает.

Главный инженер предложил доставить в Усть-Илимск колеса в цельном исполнении по воде, Северным морским путем, приводя в пример, что именно этим путем когда-то транспортировали паровозы для строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали. Гвоздев настойчиво доказывал, что Северный морской возможен для перевозки турбин. Кое-кому главный за такое упорство не понравился, пытались его подмять, но, сломав зубы, отступили - Гвоздев остался непреклонным.

Склонившись над картой, он не один раз просчитал, взвесил, оценил дорогу: с Ленинградского завода турбины по рельсам на платформе осторожно доставят до Невы, где перегрузят в лихтер, потом — в плавание: после Балтики обогнуть Скандинавию, пересечь Баренцево и Белое моря, в Архангельске примкнуть к ледоколу и Северным морским путем достичь устья Енисея, пришвартоваться к порту Дудинка, а там... так и хочется сказать — рукой подать до Усть-Илимска! Однако, нет! Оставшийся путь значительно сложнее Северного морского, особенно по Ангаре.

Главный инженер не давал себе покоя: среди известных речников он искал того, кто хорошо знал Енисей и Ангару. Говорят, на ловца и зверь бежит, так и тут: Гвоздеву посчастливилось познакомиться с капитаном буксирного теплохода Николаем Ивановичем Детенборном. Речным волком звали его друзья. За плечами Детенборна более двадцати навигаций, капитан мыслящий, опытный — не сунется в воду не зная броду.

...Когда я писал этот очерк, у меня на столе лежали фотографии Николая Ивановича Детенборна и Евгения Ивановича Гвоздева, они похожи,

словно родные братья: Детенборн под стать Евгению Ивановичу, раздавшийся в плечах, широкоскулый, взгляд уверенный, прямой, и по годам они, пожалуй, ровесники. Главный инженер при первой же встрече с капитаном теплохода проявил настойчивость.

- Николай Иванович, - нетерпеливо заговорил Гвоздев, — надо пройти, доказать, что можно турбины доставить по Енисею и Ангаре в Усть-Илимск. Вы понимаете меня?!

Детенборн держался спокойнее, долго о чем-то думал.

- Семь раз отмерим, один отрежем, - наконец ответил капитан, - беда в том, что по участку Ангары, выше Кежмы, совсем нет лоции, придется позаимствовать у сплавщиков леса, у них должно что-то быть...

- А далее, далее как? — торопил главный инженер.

- Затем я со своим опытным лоцманом Василием Григорьевичем Потаповым выполню холостую ходку по Ангаре на катере, сверим описание сплавщиков, составим свою карту, а потом организую опытную проводку баржи, наполненной песком или гравием, равной весу вашей турбины.

- Николай Иванович! - обрадовался Гвоздев. - Вам цены нет!

В июне 1972 года Евгений Иванович возглавил проводку баржи, груженной гравием, от Дудинки до Усть-Илимска. Капитан теплохода после рассказывал, что в период всей проходки Гвоздев почти не спал, он длинным шестом то и дело замерял глубину воды в реке и посадку баржи, что-то рисовал и записывал в тетрадь. Проходя многоводные участки реки, Детенборн останавливал Евгения Ивановича.

- Пе-ереку-ур! - махал капитан рукой. - Здесь, закрыв глаза, пройдем!

* * *

...Главный инженер откладывал в сторону шест, но от борта не отходил, подолгу молча наблюдал за проплывающими мимо островами, на которых хороводились березы, провожал взглядом диабазовый берег,

высокий сосновый лес, тихие деревеньки, зеленый луг, на котором пасли скот. О чем думал он в те минуты? Что радовало или беспокоило его? Может, внимательно рассматривая еще живую и привлекательную Ангару, Евгений Иванович вспоминал деревню Николу и ту святую речку, в которой он ловил раков и язей и которая сейчас полумертва. Или вспоминал Волжское и Братское водохранилища, под которыми затоплено множество деревень, таких же, как и Никола? Не в эту ли поездку, не в эти ли часы и минуты в нем проснулась идея сохранить оставшийся участок Ангары таким, какой он есть, — свободным, живым, радующим глаз?

Мне думается, что именно в те дни появилась в его душе боль за то, что мы, люди, безоглядно уничтожаем все живое, безоглядно рубим сук, на котором сидим. Я уверен, та вонзившаяся в его душу и сердце боль до конца дней не отпускала его.

И потому нет никакого парадокса в том, что профессиональный энергетик, глубоко влюбленный в гидростанции, Евгений Иванович Гвоздев в феврале 1989 года смело, открыто выступил перед журналистами против строительства плотины Богучанской ГЭС на повышенных отметках, то есть по разработанному проекту. Он предложил строить плотину на пониженных отметках. Вот его дословные слова, которые он сказал в интервью: «По моему, сегодня назрела необходимость сказать, что строить Богучанскую ГЭС по запланированному проекту нецелесообразно. Достаточно вспомнить горькие уроки Волги, превращенной в цепь водохранилищ, под воду которых ушли миллионы гектаров ценнейшей земли. Предлагаемый мною вариант возводить Богучанскую гидроэлектростанцию на пониженных отметках позволит сократить сроки строительства, стоимость энергообъекта, повысить очищающую способность воды, сохранить хотя бы часть ценных рыбных запасов в Ангаре. Безусловно, уменьшенный объем Богучанского водохранилища окажет и меньшее влияние на изменение климата. Надо учитывать также социально-психологический фактор. С древних времен люди селились вдоль пойменной части Ангары. Если заполнить

водохранилище, как предлагают проектировщики, то все деревни вдоль Ангары от Богучан до Усть-Илима придется переносить. При моем варианте большинство из них останется на прежних местах».

* * *

Отдохнув, главный инженер вновь брался за шест и измерял глубину воды, снова рисовал и записывал в тетрадь. Он глубоко сознавал, если к этой проходке отнестись поверхностно, ради прогулки, то дело может обернуться непоправимыми, непростительными последствиями. «Не дай-то бог, — беспокойно думал Евгений Иванович, — баржа с турбинами застрянет, или еще хуже — утонет в Енисее или Ангаре». И потому он всю дорогу работал, а помогал ему Николай Иванович Детенборн.

— Прости-и! — со слезами на глазах, радостно выдохнул Гвоздев, обнимая капитана, когда путь был преодолен.

За баржей с гравием пошли к Усть-Илимской ГЭС караваны с рабочими колесами, такими, какими хотел их видеть главный инженер.

Несмотря на то, что Гвоздев доказал возможность перевозки турбин по воде, однако он не успокоился, транспортировку каждой из них он взял под свой личный контроль. Конечно, он уже не сопровождал баржи, использовал мощную организаторскую силу, которой был наделен.

Из всех шестнадцати рабочих колес самое большое беспокойство вызвало пятое. В августе, на следующий год после пуска первых гидроагрегатов, главный инженер знал, что пятое колесо отгружено с завода и движется к Дудинке, в начале сентября оно поступило в порт, Гвоздев заволновался: если турбину не доставят в Усть-Илимск до наступления шуги на Ангаре, то монтажники, люди Затовского, окажутся без дела не менее чем на полгода. Но не в характере главного допустить подобное.

- Как можно оставить людей без работы? - возмущался Гвоздев. - Да и дело остановится... - постукивая кулаком по столу, договаривал он. - Нет, нельзя так, это преступно!

Собрав к себе в кабинет руководителей цехов и отделов, причастных к турбине, главный заговорил:

- Само колесо с Дудинки к нам не придет, чужие люди толкать его не будут, так как оно никому не нужно, тем более, что через месяц на Ангаре ледостав. Необходимо срочно командировать в Дудинку своего человека. Кого направим? — пристально посмотрел он в глаза подчиненным. Предложили командировать мастера машинного цеха Павла Дмитриевича Поплаухина, выходца с Братской ГЭС. Главный согласился сразу: он уважал Павла Дмитриевича за его равнодушный характер, настойчивость и выносливость, Поплаухин занимался спортом - бегал на длинные дистанции, был человеком пробивным, ответственным.

Кстати, здесь уместно добавить, главный инженер внимательно присматривался ко многим специалистам, знал их способности и как бы, между прочим, незаметно, привлекал к своей работе. Исаак Зельманович Баглейбтер, Григорий Зельманович Баглейбтер, Григорий Аронович Тульчинский, Геннадий Петрович Хомяков, Геннадий Николаевич Кузнецов, Юрий Леонидович Горбунов, Валерий Семенович Стефанов, Владимир Иванович Поликов, Борис Борисович Галицкий - вот неполный перечень тех, с кем он работал, решал сложные вопросы, на которых делал ставку.

- Хорошая у меня опора и замена растет, - вдохновенно говорил главный, - сильные парни, с хорошим образованием, интеллигентные, надежные, с ними любую ответственность на свои плечи не страшно принять...

И Гвоздев, веря в свои силы, веря в силы своих помощников, ответственность брал сполна. Остановлюсь на одном ярком примере, который я запомнил на всю жизнь: в марте 1975 года, то есть спустя два месяца после успешного пуска и включения в работу первых трех гидроагрегатов, на турбинном валу первой машины в зоне турбинного подшипника рассыпалась, как высохший бумажный лист, стальная, толщиной в восемь миллиметров, облицовка, попросту, как ее еще называют

гидроэнергетики, «рубашка» вала. На гидростанции многие специалисты не ожидали такого серьезного повреждения, забеспокоились: нет ли при этом вины эксплуатационников?

Но главный инженер не растерялся, сразу понял, что тут «осечка» конструкторов Ленинградского металлического завода, которые ошиблись при расчете толщины облицовки, а точнее, неверно определили величину сил, действующих на нее при работе гидроагрегата.

Настороженно восприняли заводчане сообщение Гвоздева о происшедшем, засомневались в том, что ими допущен промах, но подсознательно чувствовали, что главному с Усть-Илима не поверить трудно, наверное, он прав. Прибыв на Усть-Илимскую ГЭС и осмотрев разрушенную «рубашку», приняли грех на свою душу.

Но от этого легче не стало ни ГЭС, ни заводу, так как дело клонилось к тому, чтобы вал длиной в семь метров и диаметром в полтора метра грузить на платформу и вновь, везти в Ленинград для восстановления. Это значило - стоять гидроагрегату вне работы минимум полгода.

«Большие потери, - мысленно рассуждал главный инженер, - не для простоя мы старались включить гидроагрегат... а если и другие машины вылетят из работы по этой же причине? Значит, и другие валы придется отправлять на завод? Дорогое «удовольствие»...

Евгений Иванович, не откладывая дела в долгий ящик, пригласил к себе начальника машинного цеха, спокойного, умного, опытного турбиниста Владимира Ивановича Поликова и старшего мастера цеха Бориса Васильевича Красильникова, тоже специалиста битого.

- Ну что, гвардия гидроэнергетики? - поднявшись из-за стола, начал разговор Гвоздев. — Вал на завод толкать будем?

- Зачем? - удивился Поликов и продолжил: - Здесь, в условиях ГЭС, за семь-десять дней «рубашку зашьем», и тот период, пока завод будет просчитывать и изготавливать новую облицовку, а его надо в этом поторопить, гидроагрегат будет работать...

Главный верил Поликову и, выслушав его и Красильникова предложения насчет технологии ремонта, твердо сказал:

- Приступайте к ремонту, всю ответственность за исход беру на себя, - затем, немного помолчав, оживленно добавил: - Молодцы, мужики! Десять дней - это не полгода! - и крепко пожал тому и другому руку.

Конечно, не всегда его помощники могли решить возникшие серьезные проблемы самостоятельно в условиях ГЭС, но и в таких случаях главный инженер получал от них поддержку или советы, которые он выслушивал, принимал или отклонял, то есть ставил точку.

Четко помню, как вслед за повреждением «рубашки» турбинного вала немало беспокойства и хлопот начали вызывать залитые баббитом сегменты подпятников. При пусках гидроагрегатов баббит плавился, «горел», мощный агрегат тотчас аварийно вели на останов. Подолгу, напряженно, кропотливо, вручную, с помощью самодельных шаберов рабочие с утра до вечера выравнивали баббитовую поверхность сегментов. Гидроагрегат пускали и вновь аварийно останавливали.

- Это не работа! - громко возмутился Гвоздев, хлопнув ладонью по столу, пристально посмотрев в глаза специалистам машинного цеха. Снова недоработка завода, но тут мы, как ни вертись, своими силами проблему не преодолеем, решил звать науку. Ваше мнение?

Все единогласно поддержали главного инженера.

На гидростанцию пригласили ведущего специалиста «Союзтехэнерго» Анатолия Евгеньевича Александрова. Гвоздев хорошо знал его, уважал за большой опыт и как сильного теоретика по подпятникам гидроагрегатов. Проблему постепенно разрешили: баббит заменили на металлопластиковое покрытие. С тех пор забыли о повреждениях сегментов подпятников.

Что и говорить, хорошая была у Евгения Ивановича Гвоздева «обойма» помощников.

Многие из этой «обоймы» оставили заметный след как в истории Усть-Илимской ГЭС, так и в истории Иркутской энергосистемы.

Спустя год после ухода из жизни Евгения Ивановича его вдова Роза Антоновна показала мне правила для главного инженера ГЭС, составленные мужем. Сейчас я уверен, что правила эти он разработал для себя, из двадцати шести наставлений пятое гласит: «Не бойся способностей своих подчиненных, а гордись ими». Что можно добавить к этому? Только одно: такой он, Гвоздев, и был, уверенный, свободный, уважающий своих подчиненных, доверяющий им.

Итак, главный инженер направил за пятой турбиной Поплаухина. Читая путевой журнал Павла Дмитриевича, убеждаюсь, что в течение всего сопровождения колеса по Енисею и Ангаре, Поплаухин был переполнен заботами. В Дудинке ему с большим трудом удалось уговорить руководство порта быстрее загрузить турбину на баржу; далее, уже двигаясь по воде, убеждал диспетчеров, чтобы подолгу не держали караван на причалах, чем мог помогать экипажу буксирного теплохода. Но в Кежме - застопорились.

- Теплоход рыщет! — сообщил Павел Дмитриевич по радиации Гвоздеву. -
Нужна срочно вода!

- Держись, Поплаухин! - тотчас ответил главный. - Братская ГЭС открыла воду, вот-вот придет в Кежму! Привет Детенборну!

В середине октября турбину привезли в Усть-Илимск, вслед по Ангаре пошла густая шуга. Успели!

Поздно вечером, когда монтажники бережно опустили рабочее колесо в основание кратера третьего гидроагрегата, главный вновь пригласил меня к себе в кабинет, радостное настроение его не оставляло. Евгений Иванович продолжал разговаривать о Детенборне, Затовском, заводчанах, затем сел в кресло, направил свой взгляд в темноту за окном и негромко прочитал:

«Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайным, тихим светом
Напоил мои глаза...»

- Знаете, чьи это стихи? - едва заметно улыбаясь, будто проверяя меня, спросил Евгений Иванович. Я ответил. А внутренне не мог не восторгаться тем, что предо мною сидел человек, любящий не только турбины, не только гидростанции, но и стихи замечательного русского поэта. Тогда я еще раз убедился в том, что Евгений Иванович рожден с широкой, тонкой и трогательной душой.

- Да, это стихи Сергея Есенина, - светлая улыбка осветила побледневшее лицо главного инженера. - Помните, я вам рассказывал, что наша семья жила в деревне Никола? - оживленно продолжал он. - Потом у отца там работа закончилась, и мы переехали на Рязанщину, и вся моя юность прошла на родине славного поэта. Насколько же он был душевным парнем, - задумчиво и неторопливо говорил Евгений Иванович, - вот, послушай, - и тихо, но выразительно запел:

«Выткался на озере
алый свет зари.
На бору со звонами
плачут глухари.
Плачет где-то иволга,
схоронясь в дупло.
Только мне не плачется —
на душе светло...»

5

Декабрьские дни 1974-го шли быстро. На первых трех гидроагрегатах заканчивали монтаж, наладку, подбирали хвосты. Казалось бы, все — устранены все недочеты, выполнены недоделки, нет же, наутро начальники цехов Владимир Николаевич Дякин, Владимир Иванович Поликов, Аркадий Михайлович Ганторук, мастера Виктор Григорьевич Ефремов, Павел Дмитриевич Поплаухин, Олег Иванович Панкратов, Павел Арсентьевич

Непомнящих «подкидывали» строителям и монтажникам другие недочеты, подлежащие немедленному устранению.

Гвоздев в те дни был неуловим, как ветер.

- Где главный? - спросят о нем. - Позарез нужен!

- Только что заходил сюда, - не отвлекаясь от дела, отвечали монтажники, - кажется, в камеру турбинного подшипника проскочил.

— Если вновь появится, тормозните его, скажите, что ищут...

А Евгений Иванович, будто заведенный, цепко, внимательно осмотрев оборудование в камере, торопливо спускается вниз, в галерею техводоснабжения, затем, едва ли не бегом, по лестничному маршу возвращается наверх, на 214-ю отметку машинного зала, выходит на волю к блочному трансформатору. И карандашом записывает в блокноте: «установить манометр... заменить разбитый уровнемер... поставить хороший стол на рабочем месте дежурного персонала... заменить телефон...» Часа через три-четыре опять по кругу.

- Сейчас еще что-нибудь обнаружит, - увидев главного инженера, незлобиво ворчали монтажники.

На воле усиливался мороз, казалось, он испытывал на прочность всех людей, которые на удивление самим же себе оказывались прочнее металла. Плотный туман заволок все: и плотину, и шатер, и строительную технику. Куржак длинными лохмами неподвижно свисал с металлоконструкций, с проводов, с труб. Строители выглядели как деды морозы: густой кудрявый иней закрывал почти все лицо, блестели только глаза, да из ртов выбивались легкие клубочки пара.

В трехстах метрах от плотины монтажники-лэповцы тянули длиною в полторы версты энергомот (ЛЭП-500) через Ангару. Невыносимый мороз нередко рвал тросы, клинил лебедки, сковывал руки, морозил лицо.

- Водки бы сейчас! - кто-то шутил.

- Без водки горько и жарко! - отвечали другие.

Не легче работалось монтажникам, наладчикам, эксплуатационникам на открытом распределительном устройстве 220 — 500 киловольт: выскакивали на площадку регулировать разъединители и выключатели поочередно, по два-три человека на десять-двенадцать минут, более не выдерживали.

Много хлопот легло на группу релейщиков, которыми руководил Григорий Аронович Тульчинский; его лицо потемнело, заострилось, он часто появлялся в машинном зале, где встретившись с ведущим тиристорщиком Валерием Стефановым и наладчиками, что-то обсуждали у раскрытых чертежей, затем расходились в разные стороны: Григорий Аронович - на ОРУ 220 - 500 киловольт, Стефанов - вниз, к тиристорам, наладчики - к блочному силовому трансформатору.

Неудобство в работе релейщиков заключалось в том, что включение в энергосеть всех трех гидрогенераторов вынужденно наметили по временной схеме, ключи управления которой монтировались на ОРУ, от машинного зала в версте, одним словом - далеко. Вот и приходилось бегать то туда, то сюда, пока бежали, задыхались от крепкого мороза.

Главный инженер не торопил Григория Ароновича, знал, что он из тех, кого лишний раз понукать не надо, знал, что задание выполнит на высшем уровне. И только накануне пуска первого гидроагрегата Евгений Иванович спросил его:

- Цепи синхронизации успеете проверить?
- Да, - коротко, уверенно ответил Тульчинский.

Время неудержимо двигалось вперед, каждый час был на вес золота, нервы напряглись до предела. Вдобавок к этому, в машинном зале тревожной волной прокатилось: «По радио американцы заявили, что мы не сможем пустить в декабре три гидроагрегата...»

Недоброжелательное заявление заокеанцев подавило многих, будто в лицо нам плюнули. Но они, закордонцы-то, видимо, еще не поняли, что нам - русским не только Бог помогает, но выручает и характер.

- Пустим ли? - озабоченно спросил Гвоздева главный инженер «Братскгэсстроя» Юрий Константинович Козьярский, высокий, на голову выше Евгения Ивановича, могучий человек.

Евгений Иванович осунулся, но бодрился:

- Пустить - не проблема, - жестко ответил он, в упор посмотрев на Козьярского. - Главное сейчас не расслабиться, не раскиснуть, ведь уже почти все сделано! Чуть-чуть надо сейчас всем поднапрячься! Пу-устим! - крикнул Гвоздев. - Юрий Константинович, пу-устим!

У Козьярского заблестели глаза, он молча одной рукой обнял Евгения Ивановича.

За двое-трое суток до пуска первого гидроагрегата на гидростанцию начали прибывать руководители «Братскгэсстроя», высокие партийные чины, проектировщики, заводчане, другие гости, причастные и не причастные к строительству и вводу в действие Усть-Илимской ГЭС.

* * *

Владимир Николаевич Дякин не спеша, осторожно водил под руку по длинным кабельным галереям и машинному залу седого, лет семидесяти пяти, но шевелюристого старца, который одет был в строгий, отглаженный костюм.

- Александр Алексеевич Беляков, председатель Государственной комиссии, — важно сказал мне Владимир Николаевич, когда передал древнего гостя в руки директору ГЭС Петру Моисеевичу Юсиму. - Умный старик, - тряс перед собою крупным кулаком Дякин, - матерый гидроэнергетик. В Минэнерго говорят, что есть такая примета, - загадочно, одними глазами улыбнулся Владимир Николаевич, - если председатель Госкомиссии - Александр Алексеевич, значит, гидростанцию пустят успешно, то есть он у нас как тот талисман, который принесет удачу.

- Все, завтра пуск! - громко и торжественно сказал главный инженер. -
Завтра первый гидроагрегат, на третьи сутки, то есть двадцать второго декабря ставим на обороты, второй...

- В День энергетика?! - кто-то выкрикнул из зала.

- Да, - подтвердил, улыбнувшись, Гвоздев, - второй пускаем в день нашего праздника, третий - накануне Нового года. И сразу все три гидрогенератора включаем в сеть под нагрузку, - уверенно и твердо досказал Евгений Иванович.

В зале, где проходило предпусковое совещание, многолюдно. Евгений Иванович на несколько секунд смолк, обвел взором людей, радость и тревогу которых он понимал как никто, сознавал, что для многих, присутствующих в зале, наступившее ответственное событие представляет особый интерес, особую привлекательность. Далеко не каждому судьба преподносит такое яркое событие, как пуск электростанции, которое запоминается на всю оставшуюся жизнь.

- Продолжим далее, - прервал тишину главный инженер. Борис Борисович! Григорий Зельманович! Вы готовы? Переносные заземления, плакаты, журналы, ведомости - все на месте?

- Да, готовы! - обнадежил Баглейбтер.

- Смотрите, - улыбнулся Евгений Иванович, - а то надо будет сделать запись в журнале, а ручки не окажется. И еще, - вновь посерьезнел главный, - завтра всем быть в машинном зале, чтобы не искать в случае возникновения неполадок, запомните - каждая минута будет дорога.

Наутро 20 декабря у первого гидроагрегата дружно собрались все знаменитые монтажники: Н. Н. Горев, А.П. Басов, А.И. Тихомиров, В. Руднев, А. П. Фалалеев, Г. С. Козловский, М. В. Беляев.

- Весь цвет Затовского! - громко и уважительно заметил Гвоздев.

К полудню народ прибывал и прибывал, казалось, все устьилимцы шли к котловану, чтобы собственными глазами увидеть то, к чему много лет стремились, ради чего жили в Усть-Илимске.

Все ждали долго, никто не уходил. Сразу после семнадцати часов по машинному залу прокатилось: «Начинается пуск!»

- Пуск! Пуск! - радостно передавалось от одного к другому. - Пуск!

Многие видели, как главный инженер бегом проскочил с 209-й отметки машзала на 214-ю и быстро вошел во временное помещение дежурного машиниста, где тотчас взял трубку телефона.

- Руднев! Руднев! - кричал он монтажнику-регулировщику, который в ту минуту находился у колонки регулирования на 209-й отметке. - Ты хорошо меня слышишь?! Какая скорость?! Повтори, сколько?! Восемьдесят пять процентов? Легко пошла машина! Девяносто четыре?! Сто?!

Главный инженер выскочил из будки и метнулся к первому гидроагрегату, к людям. Машинный зал наполнился тугим, ровным гулом, вырывающимся от первого гидроагрегата, в кратере которого вода начала вращать восьмисоттонный ротор. Яркий свет от многочисленных и мощных прожекторов бликами заиграл на зеркально-светлых вращающихся контактных кольцах гидрогенератора.

- Поше-ел! Поше-ел! - взорвался зал. - Ура-а! Ура-а! Ура-а! Поше-ел!

Многие заплакали, упали на колени, не было более сил, чтобы сдержаться, плакали от радости и от усталости, многие бросали к потолку шапки и продолжали кричать «Ура!», другие обнимались, целовались, поздравляли друг друга.

Вечер двадцатого декабря 1974 года вылился в настоящий праздник!

А далее все пошло, как говорил Гвоздев: двадцать второго вечером поставили на обороты второй гидроагрегат, в два часа ночи двадцать четвертого декабря — третий. Около полуночи двадцать девятого все три гидроагрегата включили в сеть под нагрузку.

Накануне Нового года я встретился с Евгением Ивановичем — бледным, похудевшим, но радостным.

- Включили же! Включили! - воскликнул он. - А они, американцы-то, не верили нам, думали, что мы лыком шиты!

Затем Евгений Иванович задумчиво посмотрел мне в глаза и негромко сказал:

- Эх-х, в Николу бы сейчас денька на два, взглянуть на тот маленький домик, в котором когда-то жил... на родину посмотреть...

* * *

Р. С. Первые 50 миллиардов киловатт-часов гидрогенераторами Усть-Илимской ГЭС были выработаны за 3 года 10 месяцев. Для сравнения: Братская ГЭС такую выработку обеспечила за 5 лет 2 месяца; Красноярская — за 4 года 4 месяца. В тот период Усть-Илимская ГЭС так же добилась самых высоких результатов по себестоимости электроэнергии, использованию оборудования, обеспечению готовности его к несению нагрузки.

Записки начальника цеха

Многие годы, работая на электрических станциях Иркутской энергосистемы, я вёл дневник, в котором записывал свои мысли, рожденные при общении с людьми, работавшими со мной. Недавно я не без интереса прочитал свои короткие записи, осмыслил их, развил, и у меня получилось несколько небольших записок, которые я объединил под одним общим названием «Записки начальника цеха». Думается мне, что они будут живо читаться теми, кто и сегодня работает на предприятиях нашей энергосистемы.

Иди к людям

В нескончаемую череду текущих, выполнимо-плановых дел порой внезапно врывается незапланированный, проблемный вопрос, который с маху не поддаётся решению, и длительное время не знаешь, с какой стороны к нему подступить.

И в какое-то мгновение начинает казаться, что попадаешь в сеть безнадёжности, и неожиданное, успешное разрешение проблемы в конечном счёте вызывает или удивление, или глубокое недовольство собою за то, что

сам, как руководитель цеха, не смог быстро сориентироваться, найти нужный выход.

Такое я наблюдал в тот период, когда начал работать начальником электроцеха тепловой электростанции. По количеству персонала цех был невелик, но по распространённости по всем помещениям ТЭЦ основного и вспомогательного электротехнического оборудования, его сложности, разнообразию устройства и режимов работы, его ответственности перед смежными цехами, перед городом, несомненно, относился к разряду крупных.

Полгода я отработал начальником цеха. Всё шло гладко, как говорится, без сучка, без задоринки: ровно посвистывали турбогенераторы, привычно монотонно гудели силовые трансформаторы; молча, надёжно выполняли свою миссию масляные выключатели; непрерывно тянули свою «нелегкую лямку» десятки электродвигателей; старательно, ответственно трудились люди цеха.

Но однажды оперативная служба обеспокоено доложила, что обнаружена вредная течь масла на маслонаполненном вводе масляного выключателя (МКП-220). Течь небольшая, но в любое время она может увеличиться, и тогда выключатель придётся спешно выводить из работы. В данной ситуации аварийное отключение выключателя могло сопровождаться ограничением потребителя электроэнергией. Обстоятельство далеко не из приятных.

Нужно было срочно принимать меры: организовано вывести из работы выключатель, подготовить рабочее место, заменить неисправный маслонаполненный ввод (тяжёлую, полутораметровую сигарообразную фарфоровую втулку с металлическим стержнем внутри) на резервный исправный ввод. Задумался я: приказным махом вопрос не решить, всё не так просто, как показалось на первый взгляд.

Вызвал на совет мастеров. Все, как один, остановились на одном: нужен автокран. Своего крана на ТЭЦ не было. Ближайшее родственное

энергопредприятие, где можно было заимствовать механизм, в Братске — не ближний свет. Мы обратились с просьбой к руководству Коршуновского ГОКа, но там своих «дыр» в этот период оказалось много, краны были заняты.

Поехали в управление строительства города (Железногорск-Илимский), где ответили, что кончается квартал, штурмуют строящиеся объекты, не до нас.

«Что же делать?» — ходил я в своём кабинете из угла в угол. Оставлял своё рабочее место, вновь задумчиво направлялся на подстанцию к тому выключателю, на котором червоточил ввод. Я был в замешательстве. Однако себе под нос талдычил, что невозможного не бывает, выход должен быть. Но не находил его. Течь на вводе не увеличивалась, но и не сокращалась, уровень масла понижался. Надо было принимать меры.

И вот в этот критический момент ко мне вошёл электрослесарь Николай Степанович Сигачев. Умный, деловой, хваткий мужик. В цехе к нему относились уважительно, недаром называли его Николаем Степановичем или просто Степанычем. В другой «записке» я ещё о нём расскажу. Поздоровался с ним за руку, пригласил сесть за стол ближе ко мне.

— Геннадий Фёдорович, — начал он, как всегда, басовито, но ровно, спокойно, — я слышал, вы голову ломаете, как ввод заменить? Я прямо-таки вцепился своим взором в Степаныча.— Да, — отвечаю ему и жду, что же он ещё скажет. А он так же спокойно и басовито:— Да я вам, — говорит, — за один день шесть вводов вытащу и вставлю новые. — И добавляет: — Без всякого автокрана. Меня мгновенно бросило в пот. Откинувшись к спинке стула, спросил его:— Каким образом? Сигачев попросил чистый лист бумаги, ручка у него была своя. Молча, не спеша, вычертил на листе «приспособу», пояснил мне, к чему её закрепить, как ею пользоваться, и, светло улыбнувшись, шутливо досказал:— И проблема будет решена. Действительно, на другой день по «нехитрым» чертежам Степаныча изготовили простое, но надёжное устройство, укрепили его на корпусе

выключателя и в течение полутора часов заменили сигарообразную громоздкую втулку с червоточиной. Заменили без автокрана!

Серьёзный аварийный очаг был устранён, но я ещё пару дней испытывал недовольство собою, не мог себе простить: почему я не подошёл к электрослесарям, к Степанычу, не поговорил, не посоветовался с ними? И мастера от них оказались в стороне. Как же так? Тогда-то и зарубил себе на носу: что бы ни случилось, не можешь выправить сам — иди к людям.

Как на корабле

Не ошибусь, если замечу, что сегодня горожане привыкли к электричеству и горячей воде пуще, чем к хлебу. Если отключат то и другое — будто руки свяжут: ни суп сварить, ни бельё постирать и погладить, и холод в квартиру пробирается. Беда, да и только.

И когда такое (хотя и редко) случается, мысли людей невольно обращаются к электростанции, к её людям. А там, как и в поле за хлеб, нелегкая борьба за каждый киловатт-час электроэнергии, за каждую тонну горячей воды. Трудные минуты бывают, порой, я бы сказал, энергетики совершают подвиги.

Как-то во время перекура слесарь турбинного цеха Виктор Константинович Десков, широкоплечий, с могучей грудью, крупными сильными ладонями и с цепкой, неторопливой походкой, удовлетворённо и горделиво сказал мне:— Знаешь, Фёдорыч, полюбил я ТЭЦ, напоминает она мне боевой корабль, где один за всех и все за одного.

Спустя некоторое время я понял, что Десков был прав. Запомнившихся примеров тому немало, но сейчас остановлюсь на одном, очевидцем которого я был в нервный год своей работы на Иркутской ТЭЦ.

... В тот холодный зимний день схему горячего водоснабжения города и завода готовили к переводу на автоматический режим. На прямом водоводе городской «гребёнки» запланировали поставить обратный клапан. К утру персонал подготовил рабочее место. Подготовились и ремонтники: Виктор Десков разложил «под руку» гаечные ключи, клапан, прокладку;

электросварщик Дмитрий Ситников, облаченный в защитный серый костюм, включил электросварочный аппарат, взял несколько электродов, молоток.

— Ну что, готовы? — громко спросил мастер Иван Алексеевич Токмаков. Затем он посмотрел, с какой стороны удобнее подступиться к монтажу, взглянул в глаза Дескову: давай, мол, начинай.

Глухо, но уверенно, равномерно застучал ключом Виктор Константинович, ослабил один болт у выходного фланца задвижки, затем второй, третий...

Из зазора между входным фланцем задвижки и фланцем водовода вырвалась горячая вода, но беспокойства у бригады не вызвала, подумали, что сходит вода, оставшаяся в отключённом участке. Болтовые крепежи ослабляли дальше. На котором по счёту болту, сейчас трудно сказать, вдруг вырвало прокладку, ударил сильный сплошной поток горячей воды.

- Всё ясно, - коротко сказал Десков, — пропускает запорная плоскость задвижки. Поток воды ударил в рядом стоящую стену, от которой отскочил и упал на трубопроводы, насосы, ремонтников. На какой-то миг всех пронзило состояние крайней растерянности.

«Как же быть? Не прекращать же циркуляцию в теплотрассе, на воле жестокий мороз. Город и завод заморозим», - тревожно подумал мастер.

В это время здесь очутился начальник цеха Николай Иванович Каширский, с ним ещё три слесаря и от дежурного персонала обходчик Николай Цаплин. Не сомневаюсь, каждый из них ясно понимал, чем грозит произошедшее, и они готовы были любой ценой оказать помощь бригаде.

- Вот что, мужики! — привычным зычным басом заговорил Каширский. - Выход один: установить рядом с дефектной задвижкой ещё одну - исправную! Ремонтники сразу поняли мысль своего начальника, иного выхода не было. Металлическими листами удалось отвести основной поток воды. Дмитрий Ситников, припоровившись, вырезал дугой электросварки часть трубы (как указал мастер), чтобы на это место установить вторую задвижку.

Потом, отложив в сторону электродержатель, отбросил с лица на голову защитную маску, за штурвал быстро взял резервную задвижку, фланец конторой приставил к фланцу старой, но неудержимый поток воды отводил задвижку в сторону. На помощь подоспел слесарь, прибывший на рабочее место вместе с начальником цеха. Вдвоём им удалось подтянуть новую задвижку к старой. А Десков в паре с другим слесарем «поймали» два отверстия фланцев болтами.

Как ни отводили в сторону поток воды, она попадала на лица, шею, руки людей, проникала в сапоги, ботинки, вымокла одежда, рукавицы.- Иван Алексеевич! - крикнул Десков. - Левее! Левее! Постарайтесь отвести воду, в лицо бьёт, в лицо хлещет, ничего не вижу!

Токмаков понял Дескова, тотчас включился в работу и сам помог слесарям поправить металлические листы, отводя воду от лица Виктора Константиновича. Теперь вода с шумом рвалась на грудь. Глаза слесаря напряженно смотрели в одну точку, руки работали будто автоматически. Туда-сюда, туда-сюда, вниз-вверх, вниз-вверх мелькали два гаечных ключа. Полная сосредоточенность. Тревожила мысль: только бы не остановить циркуляцию воды в теплотрассе, только бы не остановить... Темп движений рук не снижался.

- Болт! - коротко требовал Десков. Момент - и болт в руках слесаря.- Ключ! - и ключ у болта.- Болт!- Ключ!

Наконец задвижку установили. Опасность миновала. Ремонтники в промокшей до нитки одежде один за другим неуклюже покидали рабочее место. Устало, медленно шли в бытовку.

- Молодцы, мужики! - похвалил слесарей начальник цеха.- Не это главное, - задумчиво сказал Десков.- А что? - расширил глаза Каширский.- Главное, что город и завод не заморозили...Тогда я вспомнил слова Виктора Константиновича: «ТЭЦ - она как корабль: не устранишь течь на корабле - не миновать аварии; так и тут, на электростанции».

История угольной промышленности Восточной Сибири

Промышленная добыча угля в Восточной Сибири началась почти 110 лет назад. Первые тонны были добыты в Черемхове в конце XIX века на четырёх шахтах инженера Центнеревича. В начале двадцатого столетия было уже более 20 мелких шахт, которые добывали до четырёхсот тонн в сутки.

Наибольшее развитие угледобыча получила после пуска Транссибирской железнодорожной магистрали, которая и стала в то время основным потребителем твёрдого топлива. Значительному росту добычи угля (до одного миллиона тонн) во многом способствовали русско-японская война 1905 года и первая мировая война.

Комбинат «Востсибуголь», объединивший угольные предприятия Восточной Сибири и Забайкалья, был создан приказом наркома угольной промышленности сразу после победы, 24 мая 1945 года. Форсированные темпы создания комбината имели веские причины: росла потребность в угле, а Донбасс, главная топливная база страны, был разрушен. Поэтому надежды на скорое восстановление экономики страны были обращены к топливно-энергетическому комплексу Сибири, в первую очередь — угольной отрасли.

С созданием Востсибугля в корне изменилась политика в области технологии разработки угольных месторождений. Именно в этот период стал широко внедряться открытый способ добычи угля.

В освоении этой прогрессивной технологии Востсибуголь с законной гордостью может считать себя первопроходцем — большинство новейших достижений науки и техники страны, разработанных для открытых горных работ, испытывались на его предприятиях. Эпоха подземной добычи в Иркутской области завершилась в 1978 году.

Первый разрез, Храмцовский, начал строиться в Черемхове ещё в 1939 году, однако развитие открытой добычи угля затормозила война. Но уже в 1948 году на этом предприятии появились первые отечественные экскаваторы СЭ-3, ЭШ-1. На Сафроновском разрезе проходили обкатку первые же образцы вскрышных экскаваторов типа ЭВГ-35/65.

На Южном и Азейском разрезах в 1970-х годах отлично зарекомендовали себя шагающие экскаваторы новой серии ЭШ-15/90 и ЭШ-25/100. С семидесятых годов приоритет, отданный нефтяной и газовой промышленности, в условиях плановой экономики означал значительное сокращение поступлений в угольную промышленность. Социальная сфера угледобывающих регионов, и без того слабо развитая, всё больше отставала.

Горная техника производилась в недостаточном количестве, качество её было невысоким. Постепенно усложнялись горно-геологические и производственно-технические условия разработки угольных пластов, возрастали затраты на поддержание и развитие предприятий отрасли.

Несмотря на трудности, уголь оставался основой тепло- и энергоснабжения коммунального хозяйства. Недостаток средств на реконструкцию привёл к тому, что физический и моральный износ горно-шахтного оборудования достиг 80%, возросла опасность горных ударов, обвалов, пожаров и выбросов газа, резко увеличилось число аварий с человеческими жертвами, ухудшилось качество добываемого угля.

Возникла необходимость реструктуризации всей угольной отрасли. Началу преобразований положил Указ Президента РФ от 30 декабря 1992 г. «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий и организаций угольной промышленности».

В ходе реструктуризации должны были быть решены следующие задачи: создание независимых от прямого государственного контроля предприятий; развитие конкуренции в сфере спроса и предложения на уголь; привлечение инвестиций в отрасль; техническое переоснащение перспективных угледобывающих предприятий и сооружений, шахт и разрезов. В США и Великобритании реструктуризация проходила 30-40 лет, в России этот путь был пройден за 15. Тогда особую активность в отстаивании интересов шахтёров проявили профсоюзные организации.

Одним из условий предоставления России угольных траншей от Всемирного банка реконструкции и развития была обязательная

приватизация крупных предприятий отрасли. В 1997 году 41,49 процента государственных акций ОАО «Вост-сибуголь» было передано в доверительное управление московскому Промторгбанку для подготовки предприятия к инвестиционному конкурсу по их продаже. Реорганизация угольной компании банку не удалась, и в 1999 году договор управления с ним был расторгнут.

В 2001 году угольные предприятия Иркутской области вошли в партнёрские отношения с Сибирской угольной энергетической компанией. Предприятия, накопившие на тот момент многомиллиардные долги перед бюджетом и внебюджетными фондами, стояли на грани банкротства. В 2004 году была завершена реализация комплексной антикризисной программы.

В апреле 2008 года ООО «Компания «Востсибуголь» открыло новую страницу своей истории. Пресс-служба ООО «Компания «Востсибуголь»

Факт

В 1945 году комбинат «Востсибуголь» объединял более 20 шахт с общим объёмом производства 6,3 млн. тонн в год. К столетию угледобычи в Восточной Сибири добыча угля возросла до 28 млн. тонн. Всего за время деятельности Востсибугля его предприятиями было добыто свыше миллиарда тонн угля.

Звучный «голос»

Осень – зима 1974 года. Это было время, когда в нашем городе жили одним: пуском первых гидроагрегатов ГЭС. Это была та прекрасная и горячая пора, когда с уст строителей, монтажников, да и всех жителей города не сходило слово «котлован».

....Я работал в дирекции ГЭС. Помню, выбежал по делу в приемную директора. Галю Кочневу - технического секретаря - одолевали телефонные звонки. И на каждый она отвечала одно и то же: «Он в котловане...», или «Они в котловане».

А там действительно было жарко, как в котле. Все звенело, шумело, двигалось, сверкало. И мы, энергетики-эксплуатационники, сложа руки не сидели. Со строителями и монтажниками были в одной связке.

В октябре на станции прошло первое партийное собрание. Комната, где собрались, была не особо большая и народу казалось - тьма. Разные вопросы подняли: и налаживание общественной работы, и срочная подготовка кадров, и разработка инструкций, и приобретение спецодежды, различной оснастки. Да мало ли «обрушилось» перед пуском дел...

На партийном собрании избрали редколлегию стенной газеты, в которую вошел и я. Назвали ее «Голос энергетика». Для меня стенгазета не была новым делом, желание работать и опыт имелись. Задача ясна: «Голос энергетика» должен оказать положительное влияние на сплочение и воспитание коллектива эксплуатационников и тем самым помочь пуску гидроагрегатов.

До сих пор я слышу голос бывшего главного инженера ГЭС Евгения Ивановича Гвоздева:

- Всем надо долбить в одну точку, все на пуск! Евгений Иванович был горячий, зажигательный человек, который мог и любил работать сам, приводил в движение других.

Не стану рассказывать, как подбирали материал и макетировали первый номер газеты — это тема для другого разговора. Скажу только, что рассказали мы в ней о подготовке кадров, о помощи монтажникам, о необходимости доставки с Дудинки к нашей ГЭС четвертого и пятого турбинных колес. «Подняли» на странице газеты эти колеса не зря: дело клонилось к тому, что после пуска трех агрегатов монтажники в зиму 1975 года могли остаться без дела, а виновниками были мы - заказчики, эксплуатационники. Помню, вызвал меня Гвоздев. Захожу к нему, а Евгений Иванович быстро, как-то нервно ходит из угла в угол по кабинету.

- Во! - махнул он резко рукой, остановившись посреди комнаты, — ты цепкий на людей, - пальнул сразу, - кого же отправим за колесами? Дорога - не ближний свет, а скоро шуга по Ангаре пойдет, застрянут, беда-а...

- Евгений Иванович, - говорю, - направляйте Павла Дмитриевича Поплаухина, этот умрет, но доставит...

И Поплаухин колеса доставил в срок, хотя, действительно, перед самой шугой. Еще дня два-три и каюк, зимовали бы наши колеса посреди Ангары...

Нашу газету заметили, в том числе и редактор «Усть-Илимской правды» Н. Т.Волков. Так «Голос энергетика» завязал творческий узелок с «Усть-Илимкой».

Дальше работать стало напряженнее. Надвигались холода, время поджимало: строители, монтажники, наладчики работали на монтаже первого гидроагрегата круглые сутки. Нередко приходилось что-то перестраивать, переоборудовать, а значит, терялось время. Между нами и монтажниками возникали споры: одним не хотелось переделывать, другие не принимали. Короче, покоя не было. Но один монтажник мне запомнился непрошибаемым, совершенно спокойным - это Затовский.

Николай Васильевич, начальник монтажного участка «Спецгидроэнергомонтажа». «Круглые сутки», как бы шутя, пританцовывая и помахивая рукой, ходил он по монтажной площадке. Мне казалось, что никакие расстройства на площадке его не смущали. В действительности, конечно, было не так.

И вот в это жаркое нелегкое время по инициативе партбюро ГЭС и

Е. И. Гвоздева, «Голоса энергетика» и «Усть-Илимской правды» начали проводить - ежедневные предпусковые планерки заинтересованных сторон, т. е. строителей, монтажников, эксплуатационников, газетчиков.

Гвоздев к делу подходил основательно; глубоко; хотя внешне казалось, что он иногда распыхивался. Заметил он положительную искру и в работе нашей редколлегии. Незаметно для меня он делал так, что я оказывался там, где мог получить материал газеты.

- Слушай-ка, Геннадий Федорович, - скажет он, - завтра в шахту генератор опускаем, или сегодня, после обеда, у директора совещание по строительству города..., приходи.

Нередко на страницах нашей газеты выступал и бывший директор ГЭС Петр Моисеевич Юсим - мудрый, уравновешенный руководитель. Он часто приглашал меня в кабинет, интересовался делами на службе, нашим «Голосом...».

Заметив интерес руководства и рабочих к стенгазете, мы чувствовали свою надобность в коллективе и работали еще жарче.

Как создавался герб Усть-Илимска

В ту пору я работал секретарем Усть-Илимского горисполкома. Председательствовал тогда первый мэр, всем известный Юрий Федорович Федотов. Штатный состав нашего горисполкома можно было пересчитать по пальцам, а дел – по горло. Свободного времени ни минуты. Поэтому, чтобы поразмышлять о будущем, Ю.Ф. Федотов нередко приглашал своих заместителей после рабочего дня, когда коридоры горисполкома пустели, наполняясь непривычной тишиной. Помню, в июне 1980 года он пригласил меня одного.

- Ну что, Геннадий Федорович, - начал он неторопливо и негромко, - не за горами десятилетие города, готовиться надо, время быстро пройдет...

Я ответил, что с места уже сдвинулись, план мероприятий подбиваем, скоро он будет представлен на рассмотрение горисполкома.

Юрий Федорович не перебивал и не останавливал, выслушал внимательно, посмотрел мне в глаза и спросил:

- А герб-то. Герб нашего города разработаем?

- Надо бы успеть, - ответил я.

- Так ты, Геннадий Федорович, возьмиись за это дело, - живо продолжил Федотов, - обидно будет, если мы в юбилейный год не сможем увидеть герб Усть-Илимска.

В ближайшие дни после этого разговора Ю.Ф. Федотову для разработки герба был предложен состав комиссии, в которую вошли заместитель председателя горисполкома Леонид Андреевич Захаров, зав. отделом культуры Маргарита Саркисовна Федотова, художник Валерий Александрович Лаур и я. Вскоре разработали условия конкурса и опубликовали их в «Усть-Илимской правде». Мы были уверены в том, что эскизов герба будет много и их придется рассматривать. И рассматривать не дилетантски, а со знанием геральдических законов, требований. В срочном порядке отыскиали в книжных магазинах, библиотеках Иркутска, Усть-Илимска нужную литературу, познакомились с условиями построения гербов, изучили уже созданные гербы городов России.

К осени 1980 года в горисполком поступили четыре проекта. К сожалению, все они были выполнены непрофессионально, не передавали содержания нашего города, края, не соответствовали геральдическим канонам. Работы отклонили. Члены комиссии поняли, что создать герб не просто.

После этого Валерий Лаур несколько раз заходил ко мне в кабинет, где мы обсуждали желаемое содержание нашего герба. Я и не подозревал, что у него зародилась мысль о разработке герба, но в его таланте и мастерстве никто не сомневался.

В октябре того же года Лаур показал мне свой проект. Я несколько минут смотрел на эту работу и твердо сказал:

- Уверен, что этот герб будет принят всеми.

Проект герба рассматривали в горкоме КПСС, члены исполкома - руководители его отделов, руководители предприятий. От всех получили положительную оценку. Герб соответствовал содержанию и законам геральдики.

25 октября 1980 года проект герба был успешно рассмотрен на исполкоме городского Совета, а в апреле 1981 года единогласно принят на сессии городского Совета народных депутатов. Прошло 20 лет. Герб живет!

Калюта

Каждому человеку Бог закладывает в сердце и душу ту невидимую, но главную основу, однажды поняв которую, человек сам себе строит судьбу. Нередко тропу судьбы многим подсказывает окружающее: коллеги по работе, яркие запоминающиеся встречи, что-то неожиданно прочитанное или глубокие впечатления детства.

Суть такого рассуждения я уверенно отнесу и на судьбу известного большинству в нашем городе Эдуарда Викторовича Калюты, с которым я хорошо знаком более двадцати лет, и который трудится сейчас начальником комплекса отдыха «Лосенок» (в советские времена – пионерский лагерь).

«Лосенок» ... многие устьилимцы среднего возраста, а тем более юного, сегодня не знают, в честь чего пионерский лагерь назван "Лосёнком". И недаром с некоторых пор, когда мальчишки и девчонки прибывают на отдых, Эдуард Викторович, прежде всего, спрашивает:

- Друзья мои, дети! Знаете ли вы, почему наш лагерь называется Лосёнком"?

- Не-ет! - вразнобой, но громко отвечает большинство ребятишек. И Эдуард Викторович неторопливо; внятно рассказывает о том, как в конце 1974-го года перед пуском гидроагрегатов Усть-Илимской ГЭС, водой, заполнявшей Усть-Илимское водохранилище, были затоплены живописные острова, ранее возвышавшиеся над величавой Ангарой и похожие на спокойно плывущих молодых лосей, в честь которых и назван пионерский лагерь.

"Лосята"... Эти острова будто живые, они достойны самых ярких, теплых слов и наград, так как тогдашний их отрезок судьбы влит в замечательный период жизни молодых строителей Усть-Илимской ГЭС.

После напряженных трудовых будней или в выходные дни парни и девушки отдыхали на этих островах: жгли костер, вокруг которого пели песни, вдохновенно читали собственные стихи, танцевали, мечтали, влюблялись и жарко любили.

Не единожды посещал эти удивительные острова и Эдуард Викторович Калюта, который 23-летним парнем в феврале 1970-го прибыл на усть-илимскую землю с украинского шахтерского поселка Светличное. В Светличном прошли его детские и юношеские годы, здесь он окончил школу; здесь, в селе, создавал уличные команды и играл в футбол, баскетбол, волейбол, лапту и другие спортивные игры. Тут юный Калюта развивался, креп, научился ценить друзей. Общаясь со сверстниками, полюбил правду, стал ненавидеть ложь.

Нередко его отец Виктор Иосифович Калюта, участник Великой Отечественной, имеющий высокие боевые награды, брал с собой сына Эдуарда и вместе посещали школу, где отец рассказывал детям о том, как он, находясь в Войске Польском имени Тадеуша Костюшки, воевал вместе с солдатами Советской Армии против фашистских поработителей. Отец говорил увлекательно, завораживающе, и дети, и учителя слушали его внимательно, неотрывно.

Находясь рядом с отцом, Эдуард невольно всматривался в глаза слушающих детей. Их настроение передавалось Эдуарду, пронизывало его, и он вместе с ними переживал то, о чем говорил его отец.

- Отца в школе встречали охотно, - рассказывал мне Эдуард Викторович, - дети окружали его как родного, а он с радостью обнимал ребятшек... Эти встречи врезались мне в памяти, наверное, никогда не сотрутся, не забудутся...

После окончания школы Эдуард Калюта наметал поступить в медицинский институт, по окончании которого мечтал лечить детей. Но его план не свершился. Эдуарда призвали в армию. Перед призывом он успел закончить курсы водителей автомобилей. Служил в Сибири, сначала в Чите, затем в Улан-Удэ. Профессиональные водительские правагодились: крутил баранку тяжелых военных машин, ремонтировал их, добротнo выполнял другие нелегкие воинские обязанности. Самобытный характер Калюты, его спокойствие, рассудительность и порядочность позволили ему стать лидером среди сослуживцев. Эдуарда избирают секретарем комсомольской организации роты.

После службы вернулся домой, в отцовское гнездо, но душевного покоя обрести здесь уже не мог, да и молодецкой силе надо было найти применение. Виктор познал размах, познал ежедневную нагрузку, маховик напряженной жизни уже трудно было остановить.

Повидав морозную Сибирь, его словно магнитом тянуло назад, в снежный таежный край. "Но куда? - молча спрашивал он себя, - куда-а?" В то замечательное время газеты и радио часто сообщали о многих сибирских стройках, глаза разбегались.

Совершенно неожиданно, видимо к счастью, в конце января 1970-го Калюта получил письмо из Усть-Илимска, от друга детства и юности Владимира Васина, который трудился в ангарской экспедиции. Васин пригласил друга в Усть-Илим.

«Что ни делается, все к лучшему», - облегченно вздохнул Эдуард Викторович. Скоро собрался, и в начале февраля, получив благословение от отца и матери, уехал в Сибирь, в Усть-Илимск. Калюту тепло встретил Владимир Васин, сводил на Толстый мыс, чтобы показать развернувшееся строительство Усть-Илимской ГЭС.

- О-о-о! - затрясло от волнения Эдуарда, когда он взглянул с высоты вниз, на Ангару, на котлован.

Калюта не мог сразу выразить словами то, что увидел. Такого огромного размаха, непрерывного движения он никогда не видел. Десятки могучих тракторов с ревом вгрызались в землю, множество большегрузных автомобильных самосвалов шли потоком. Непрерывно посвистывали высокие краны, с лету невозможно было определить, кто, чем занимается, какую работу выполняют. Все смешалось в один неохватный глазом «котел». В один огромный "муравейник".

- А простор какой тут! - воскликнул Калюта, взмахнув руками и взглянув направо и налево от строительства, туда, где простерла свои тяжелые темные воды могучая, широкая Ангара. А над головой - необъятное небо.

Тогда, в тот радостный, взволновавший его час, Эдуард остановил свой взор на привлекательные, вытянувшиеся вдоль Ангары зеленые, спокойные острова, которые назывались Лосятами.

Когда Эдуард Викторович первую ночь переночевал у друга, тот его шутливо спросил утром:

- Что тебе сегодня приснилось?

Калюта поднял глаза и с врожденной в них глубокой задумчивостью ответил:

- Лег я под впечатлением потрясшей меня стройки, а во сне увидел совсем другое, увидел рядом острова «Лосята» и на них много-много детей, которые махали мне руками, что-то кричали и звали меня.

- Странно, - уже серьезно сказал друг, - какой-то вещий сон, только вот к чему он, разгадать не могу, но время покажет...

На пятый день Калюта оформился работать в АТУ водителем МАЗа, переоборудованного для перевозки пассажиров. На автомобиле - крупная темная будка, в которой прочно укреплены обыкновенные деревянные лавки; в углу, у входа в будку, - небольшая "буржучка", протапливаемая "для сугрева" мелкими чурками.

Поднимался Эдуард рано, торопился в гараж, осматривал и разогревал машину, будку, брал путевку и - в путь, к остановке, где его уже поджидали строители. Несколько минут - и будка полна, все места заняты. Калюта подходил к дверце будки, коротко, весело спрашивал:

- Ну-у, что, гвардия, поехали?!

- Давай, Эдуард, трогаем!

Он прочно захлопывал дверцу, не торопясь еще раз обходил автомобиль, осматривал колеса и поднимался в кабину, к "баранке". И так каждое утро он перевозил строителей к котловану.

Строители, такие же молодые, как и он, парни и девчата, (в ту пору средний возраст жителей Усть-Илимска не превышал 25 лет) привыкли к нему быстро, признали своим, нравился Калюта строителям спокойствием, не по годам серьезной задумчивостью, ровной теплой улыбкой, немногословностью, но умением убеждать.

Бывало по утрам у машины возникали споры, тогда одна из "бывшихся" сторон подсакивала к Калюте.

- Ну-у, рассуди нас, кто прав, кто виноват?

Выслушивает внимательно Эдуард и ту, и другую стороны; едва заметно отведя взгляд в сторону, улыбнется, затем тому, кого признает виноватым, прямо в глаза и скажет ровным голосом, но с большой убедительной силой, что виноватому становится стыдно, но не больно от обиды, так как рассудил их Калюта, которого они уважали. Так без боя в мир и разводил Эдуард "дерущихся".

Добросовестно выполняя обязанности водителя, он все чаще и чаще прислушивался к своему внутреннему голосу, молча рассуждал с собой. Приходя к выводу, что ему была бы по силам более сложная работа. О своем внутреннем зове Калюта с кем-то поделился, тот с ответом не замедлил, посоветовал зайти в учебный комбинат стройки, где можно получить и другую специальность.

Через месяц Эдуард Викторович получает удостоверение машиниста кранов и переводится в УСМ-4 на двухконсольный кран для выполнения работ на основных сооружениях ГЭС.

Трудится бок о бок с известными строителями Иваном Артемьевичем Таранухой, Анатолием Федоровичем Зарубиным, Николаем Павловичем Омшиным, Сергеем Евсюковым.

Серьезный, ответственный подход к делу, критическое отношение к себе и к тем, кто работал рядом, инициатива, доброжелательность Калюты были замечены руководством участка; стройкомом, комитетом комсомола. Его избирают секретарем комитета комсомола УСМ-4. Свободного времени у Калюты не стало, к тому же надо учесть, что в это время у него была семья. Его жена - Валентина Павловна Соболевская, тоже известная в ту пору строительница, работала на трассе Братск - Усть-Илимск. В семье рос сын Демьян.

Однако отсутствие свободного времени Калюту не тяготило, напротив, он сознавал, что чем более он занят, чем более нагружен, чем ему труднее, тем больше удовлетворения он испытывает от прожитого дня.

Днем - в котловане: принимают и устанавливают опалубку, укладывают бетон, подготавливают фронт для работы на следующий день. Вечером - в комитете комсомола, где дел тоже по горло: серьезные, громкие разговоры по качеству выполненных строительных работ, о производительности труда, экономии материалов, своевременности поступления бетона, деятельности оперативно-комсомольского отряда, посещениях и работе в микрорайоне, шефстве в школе. Много, очень много добрых дел выполнял комсомол в те славные годы.

Кроме руководства комитетом, ежедневного контроля работы каждого его члена, Эдуард Викторович взял на себя конкретную нагрузку - шефствовать в школе. Его притягивало к ребятишкам, ему казалось, что с ними его душе легче, свободнее, чувствовал себя счастливее. Его часто видели со школьниками: то проводит экскурсии на строительных площадках,

где с восторгом рассказывает, что здесь будет построено для людей, то увозит ребятню на поляну, жгут костер, поют песни, играют; на автобусе едут в Братск, изучают его достопримечательности, посещают Братскую ГЭС, встречаются с легендарными строителями соседнего города.

Неистошим был Эдуард Викторович на выдумки. Будто светлый, напористый ключ источал он идею за идеей. Он никогда не уставал от детей, никогда не стремился удалиться от них, ему с ними просто и хорошо.

- Эдуард Викторович, - позвонил Калюте на участок председатель профсоюзного комитета Валерий Алексеевич Лукин, - зайди, пожалуйста, сегодня вечером ко мне в постройком.

При встрече Лукин продолжил:

- Эдуард, в нашем пионерском лагере, в "Лосенке", нет порядка, а вернее, нет там души и сердца, которые бы могли дать ему настоящую жизнь... - не более чем полминуты Валерий Алексеевич помолчал, посмотрел озабоченно в глаза Калюты и продолжил, - мы не слепые, видим, как дети льнут к тебе, любят тебя. Посоветовались в постройкоме, парткоме, все с удовлетворением подняли руки за тебя, решили предложить тебе принять лагерь...

Спустя годы, Калюта вспоминал: «Услышав предложение быть начальником "Лосенка", меня невольно отшатнуло к спинке стула, я не мог продохнуть, не от испуга, а оттого, что в тот час вспомнил сны, в которых увидел ребятшек с зовущими, вопрошающими взглядами. Сны-то оказались действительно вещими».

Время на раздумье Эдуард Викторович взял немного, надо переговорить с женой, что она скажет?

С марта 1980-го Калюта - начальник пионерского лагеря "Лосенок". Конечно, он сознательно давал себе отчет в том, что дело, которое он принял, далеко не простое, и забот, и хлопот будет тьма, да они, действительно, волной хлынули на него. Прием и воспитание детей, работа с педагогами, решение многочисленных трудоемких хозяйственных дел, ко всему следует

добавить, что лагерь продолжал строиться, а значит, необходимо время на разговоры со строителями, контроль за их работой. Да, что и говорить, хозяйственные дела (подготовка лагеря к зиме, водоснабжение, канализация, электроснабжение, содержание территории, ремонт зданий) порой почти "вышибали" из рук главное дело - воспитание детей. Возникали и другие непредвиденные препоны. К примеру, когда власть в государстве перешла в руки капитала, то его "отпрыски" (в семье не без уроды) решили на дармовщину "сбрить" лес вокруг "Лосенка, лес, который дает кислород и городу, и лагерю. И сбрили бы, и уволокли бы его за "бугор".

Калюта едва выдержал этот период, его едва инфаркт не ударил. Он встал на защиту леса, много прошел инстанций, просил помощи, чтобы преградить доступ жадной пиле к величавому лесу. Многие от него отвернулись, и только один Михаил Рябиков, в ту пору депутат областного Совета, оказал ему помощь.

Начав трудиться в "Лосенке", особенные трудности Калюта испытывал в вопросах педагогики, искусстве воспитания детей. Шефство над детьми - это одно, а ежедневное, с утра до вечера, воспитание - это другое, более сложное, трудоёмкое для ума дело. Но он верил, твердо знал - надо вскрыть творческие силы коллектива лагеря. Но как? Своих знаний и опыта было недостаточно. Эдуард Викторович с присущим ему упорством и настойчивостью занялся самообразованием.

По вечерам, нередко и ночью, читает и конспектирует произведения писателя А.С. Макаренко, труды педагога-демократа, основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского. Планирует время и идет в библиотеку, где усидчиво ищет и читает педагогическую литературу. Встречается и беседует с учителями школ Усть-Илимска, других городов, проходит курсы повышения квалификации. В ту пору большую помощь ему оказала Галина Павловна Соломович, работающая тогда заведующей городским отделом народного образования.

24 года он руководит "Лосенком". В период, когда ребяташки отдыхают в лагере, их нередко посещают мамы и папы, при встрече чаще спрашивают одно: "Как вас тут кормят?"

Не стану в ответ писать банальные фразы или слова: "плохо ли, хорошо ли..." Приведу запоминающиеся примеры.

Девочка, приехавшая на отдых в "Лосенок", через некоторое время прислала Калюте письмо:

"Здравствуйте, дорогой Эдуард Викторова Я надеюсь, что Вы извините меня за это письмо. Я хочу сказать вам, что лагерь "Лосенок" - это лучший лагерь из всех, где я была!

Кормят тут отлично! Место хорошее. И все о'кей! Я хочу сказать большое спасибо Вам создание такого лагеря! Прощайте!"

Еще один отзыв: "Я люблю тебя всей душой, всем сердцем. Люблю все, что связано с тобой: лес, море, солнце, небо. Обожаю твоих воспитателей, вожатых и, конечно же, всех ребят, с которыми ты меня познакомил. А повара! Вы просто - супер! Не хватает слов выразить свой восторг и по поводу отдыха. Здесь научился дела брелки из коры, играть в городки, танцевать, принимать участие в конкурсах".

Немало писем подобного теплого содержания приходит на имя Калюты от детей, немало добрых отзывов о лагере оставляют они в отрядных дневниках.

«Бывали такие случаи, - рассказывал Эдуард Викторович, - когда дети, ранее отдохавшие в нашем лагере, на следующий сезон сами, без путевки прибывали к нам с дрожью в голосе и со слезами на глазах умоляли принять их и на этот сезон... И я, вопреки всем канонам, делал исключение, зачислял ребяташек...

Нередко мамы и папы приезжают за детьми за сутки, за двое до окончания сезона. Ребяташки - в рев, не хотят уезжать и все тут. Хотят быть в лагере до конца, до последнего часа. И родители возвращаются домой одни».

И мальчишки, и девчонки в лагерь отдыха прибывают разные: послушные, которых не надо понукать; некоторые сразу выделяются способностью организовывать, вести других за собой; ленивые, но умные; встречаются такие, которые любят долго поспать, но, проснувшись, любят веселиться. Приезжают трудные дети. Через час они уже дерутся, долго не ложатся спать, шумят, ломают кустарник, молодые деревца, убегают с территории лагеря. «Хулиганами» их прозвали. К ним применяют особые, неординарные, отличительные подходы, методы воспитания. «Хулиганов» объединяют в единую бригаду, усилия которой направляют на полезные дела.

Например, на территории «Лосенка» высаживают из молодых деревцов аллею «хулиганов». «Хулиганы» копают лунки, носят воду, ежедневно поливают деревца, оберегают их.

Применяются другие подобные, интересные, порой вызывающие улыбку, меры.

По утрам весь лагерь поднимается на линейку, и дети приветствуют начало нового дня, знакомятся с его «планами»: предстоящими забавами, трудом, беседами, походами. А вечером подводят итоги, все как у взрослых, только радостно и весело.

В пик сезона коллектив педагогов, воспитателей, кухонных и технических работников достигает 85-90 человек. Большой отряд! Каждый из них, чтобы поступить в лагерь, проходит серьезный отборочный конкурс. И, конечно, эти люди в течение всего сезона не подводят ни себя, ни детей, ни Калюту, который отзывается о всех добрым словом. Однако все достигается постоянным, напряженным творческим трудом. За один год в «Лосенке» отдыхают 1,5 тысячи ребятишек, с каждым ребенком проводится воспитательная работа. Представить трудно: сколько надо воспитателям и вожатым сил, настойчивости, терпения, сколько надо применить выдумки, творчества.

Добрая память остается у воспитателей и других работников о пребывании в лагере. Летят годы, многие из них в Усть-Илимске не живут, но друг друга не забывают, съезжаются в «Лосенок», встречаются. Калюта рад таким встречам. В 2002 году «Лосенку исполнилось 30 лет. Десятки теплых поздравительных телеграмм получил Эдуард Викторович от бывших воспитателей и вожатых. Одна телеграмма поступила из США, где сейчас живет и работает бывший вожатый Игорь Лисисянь.

Напряженный труд Калюты не проходил незамеченным. В марте 1986 года его наградили Грамотой Президиума ВЦСПС.

Руководство Управления строительства Усть-Илимской ГЭС, в чьем ведении сейчас находится лагерь, также неоднократно поощряли и грамотами, и добрым словом за его неутомимый труд, любовь к детям.

В конце августа 2002 года, в день, когда из «Лосенка» детей после окончания сезона отправляли домой, я встретил: Эдуарда Викторовича на территории лагеря со слезами на глазах.

- В чем дело, Эдуард Викторович? - тихо и взволнованно спросил я.

Он молча, одним взглядом показал на темную, асфальтную дорожку, на которой дети написали мелом: «Не хотим уезжать! Не хотим уезжать! Не хотим уезжать!»

- Ты знаешь, - негромко договорил Калюта, - я просто не могу, для меня это самая высокая награда.... Дети не хотят уезжать из лагеря, значит, я еще раз достиг того, к чему стремлюсь!

Около 40 тысяч детей отдыхали и воспитывались в «Лосенке». Более половины из них выросли, стали взрослыми, уже имеют своих детей, которых направляют в этот замечательный лагерь отдыха.

Все эти 40 тысяч людей, а, может, более, знают Эдуарда Викторовича Калюту как Человека с большой буквы, как достойного гражданина нашего великолепного города. Это ли не пример для настоящей жизни!

Ларец Арины Родионовны

Коли хочешь знать —
Есть ли чудо где,
Я скажу тебе —
Есть на Судогде.

Виктор Полторацкий

1

Как из искры возгорается пламя, так в жизни людей бывают моменты, когда услышанная порой мелодия, прочитанное слово тотчас будоражат память, высвечивают яркий штрих удаленного прошлого, которому, может быть, долгие годы не придавал значения.

Недавно старые друзья, которые хорошо знают, что я собираю «память» о своем родном Владимирском крае, прислали мне бесценный дар - книгу «По Муромской дороге», выпущенную издательством «Посад» в 1997 году. Друзья живут на милой моему сердцу Владимирской земле, в небольшом тихом городке Судогда, который вот уже более двух веков стоит между древними Муромом и Владимиром, на знаменитой «Владимирке», на той самой когда-то кандалной дороге, по которой гнали каторжан.

Цифры официальной казенной статистики свидетельствуют, что в первой половине XIX столетия через Судогду ежегодно проходило более десяти тысяч политических ссыльных. Леденила душу печальная песнь колодников:

Разлучат нас неволя,
Чужая дальняя сторонка,
Что Владимирска дорожка...

Через центральную Екатерининскую улицу Судогды везли в клетке с большим конвоем Емельяна Пугачева.

В декабре 1826 года одна из самых замечательных женщин России Мария Волконская, покинув Москву, по «Владимирке», через Судогду, добровольно ехала в глухую, неведомую каторжную Сибирь. Она уезжала к своему мужу, декабристу, участнику восстания на Сенатской площади Сергею Волконскому.

Дважды Судогду (в ссылку и обратно) проезжал А. Н. Радищев, борец против самодержавия и крепостничества, автор «крамольной» книги «Путешествие из Петербурга в Москву». По словам Екатерины II, Радищев - бунтовщик «страшнее Пугачева».

В течение трех столетий раздавался кандальный звон над «Владимиркой». Недаром старый владимирский тракт в районе станции Болдино сразу же приковал внимание известного художника И. Левитана. В знаменитой картине «Владимирка» Левитан сумел передать трагичность этого скорбного пути.

В девяноста верстах от Судогды, в Муроме, родилась мать великого поэта А. С. Пушкина — Надежда Осиповна Ганнибал.

Дважды через Судогду проезжал и А. С. Пушкин; впервые это произошло осенью 1830 года, когда он вместе с поэтом П. А. Вяземским ехал «на почтовых» до Болдино. Эта болдинская осень вошла в историю мировой литературы как образец беспримерного, почти необъяснимого по своей грандиозности, плодотворного поэтического вдохновения.

Второй раз Александр Сергеевич проезжал Судогду в сентябре 1834 года, когда он ехал вновь в Болдино по делам своего имения.

Надо полагать, что строчки из «Евгения Онегина», написанные им в Болдино, навеяны ему «Владимиркой», судогодско-муромской дорогой:

«Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы и блохи
Заснуть минуты не дают.»

В десяти верстах от Судогды, в деревне Сойма, находилось небольшое имение поэта и друга А. С. Пушкина Николая Михайловича Языкова. Известно также, что родственники Н. М. Языкова жили и в Судогде.

Но был ли Пушкин у Языкова, проезжая Сойму и Судогду, - о том свидетельских документов не найдено.

Получив книгу «По муромской дороге», я был безмерно счастлив.

Нетерпеливо перелистывая и просматривая ее страницы, я остановился на главе «Судогодские предания»: «На Песочной улице незаметно стоит одноэтажный каменный домик. Именно здесь хранилась реликвия — заветный ларец Арины Родионовны. Ларец подарила Арина Родионовна другу А. С. Пушкина поэту Николаю Михайловичу Языкову, который посетил их в 1826 году... Это единственная подлинная вещь Арины Родионовны, дошедшая до наших дней, хранится в музее-заповеднике Михайловское».

Но имя того, кто сохранил эту шкатулку и передал ее в музей-заповедник, в книге не названо. Видимо, когда авторы собирали материал для книги, свидетелей уже не нашли.

А я знаю этого дорогого мне человека, знаю и то, как шкатулка Арины Родионовны - няни А.С. Пушкина - оказалась в моей родной Судогде. Но прежде чем назвать это имя, напомним предысторию, о которой каждый из нас в большей или меньшей мере слышал, еще учась в школе.

2

Известно, что семья Арины Родионовны находилась в крепостной зависимости сначала у графа Ф. А. Апраксина, затем у потомков Абрама Петровича Ганнибала. Но в 1811 году бабушка великого поэта Мария Алексеевна Ганнибал решила отпустить Арину Родионовну, как раньше говорили, на волю, но Арина Родионовна наотрез отказалась: «На что мне, матушка, вольная...» Почему она так поступила - объяснимо: в 1797 году у

Пушкиных родилась дочь Ольга, а через полтора года - Александр, будущий великий поэт. Арину Родионовну взяли к ним няней, и с тех пор вся ее жизнь была связана с семьей Пушкиных, нянчила их детей как родных. Она выпестовала не только Александра Сергеевича, но и его младшего брата Льва.

О лучшей доле, чем жизнь в семье Пушкиных, Арина Родионовна не помышляла.

«Родионовна принадлежала к благороднейшим типам русского мира, - писал первый биограф Пушкина П. В. Анненков. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание».

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.»

И в годы возмужалости и славы великий поэт беседовал с нею целыми часами.

«Мастерица ведь была,
И откуда что брала!
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.»

В 1824 году Пушкина из Одессы сослали в отцовскую деревню (село Михайловское Псковской губернии) под надзор местной власти...

Кучер Пушкиных в Михайловском рассказывал литератору К.А. Тимофееву, посетившему в 1859 году старый домик няни: «Любил ли Пушкин Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то, она у него тут вот и жила. И все он с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: «здорова ли мама», — он ее все мама называл... А она ему, бывало, этак нараспев: «Батюшка, за что же ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?» «Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком выкормила». И уж чуть старуха занеможет, так что ли, он уж все за ней...»

«Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?»

Особенно Пушкин любил свою няню, когда он после тяжелой размолвки с родителями остался в Михайловском только с Ариной Родионовной. «Вечерами слушаю сказки своей няни, - писал поэт из Михайловского своим друзьям, - и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Она единственная моя подруга, и с ней только мне не скучно».

В Михайловском Арина Родионовна была для Пушкина не только неиссякаемым источником сказок, преданий и песен. Его интересовали и ее суждения о написанном им. В «Евгении Онегине» он пишет:

«Но я плоды своих мечтаний

И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.»

В 1826 году к Пушкину в Михайловское приезжает молодой поэт Николай Михайлович Языков. До этой встречи Пушкин не знал Языкова. Александр Сергеевич познакомился с ним заочно, переписываясь с Александром Николаевичем Вульфом - сыном Прасковьи Александровны Осиповой, помещицы села Тригорское, расположенного поблизости от Михайловского. Вульф с Языковым учились тогда в Дерпте.

Писатель Иван Новиков в своем романе «Пушкин в изгнании» писал: «Что из того, что Александр Сергеевич не знал лично Языкова? Пушкина досягало уже и обжигало дуновение быстрого пламени этого юноши-поэта:

«Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует!»

Великий поэт доверил ему одному - незнакомцу, но брату поэту - горькие строки своей правды:

«Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.»

«Небольшой, коренастый, с простым чистым и круглым лицом, чуть-чуть сутулясь, крепко стоял молодой человек... Лицо его было серьезно, и брови слегка налегли на глаза... В нем было все ново и как-то свежо резало глаза... Кажется, сей молодой человек не промолвит и слова, и вдруг, как ножом, режет воздух - быстро и вольно... Кондовая Русь, крепко сидевшая в нем, не хотела сдаваться и уходить ни из мыслей его, ни из крови, омывавшей неповоротливо дремное сильное тело. Но если огонь вырывался, то он бушевал в нем с невиданной силой, с обжигающим свистом. Он не выбирал и не взвешивал слов и выражений, он как бы заново их вырезал по

свежему месту. Буйные волосы на голове были обильны, и кудлатую свою шевелюру с размаху захватывал он полной горстью».

Пушкин оценил своеобычность, горячую безудержность Языкова, полюбил его. А Николая Михайловича покорила Пушкин. Языков очень понравился и Арине Родионовне, он же был очарован ее домашним теплом и радушием. Они подружились. Няня Пушкина вдохновляла Николая Михайловича.

«Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченной мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан.»

Позже Николай Языков написал стихотворение, обращенное к няне Пушкина. Оно начиналось словами: «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» Все стихотворение проникнуто воспоминаниями о днях, когда Языков навестил изгнанника-поэта, когда няня тепло его принимала.

«Как сладостно твое святое хлебосоляство
Наш баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием - красою древних лет -
Ты собирала нам затейливый обед!
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом;
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе, и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,

И легкие часы летели беззаботно!»

Когда Языков собирался уезжать из Михайловского, Арина Родионовна из своей светелки принесла в подарок Николаю Михайловичу только что сделанную крепостным мастером-умельцем шкатулку. А Пушкин наполнил ее книгами. Так они расстались.

Н. М. Языков нежно и трогательно вспоминал о няне Пушкина. А когда Арина Родионовна умерла, Языков написал:

«Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.
И вот тебе поминовенья -
На гроб твой свежие цветы!»

Долгий путь проделала шкатулка Арины Родионовны! От одного поколения к другому передавалась она как драгоценная реликвия, напоминавшая о дружбе автора знаменитой песни «Нелюдимо наше море» с великим Пушкиным и его няней Ариной Родионовной.

3

Многое пережил и повидал мой родной городок, казалось бы, и не удивительно то, что и в нем (в Судогде) долгие годы хранилась шкатулка Арины Родионовны, и все же, вспомнив свои юные годы, когда я впервые услышал об этом ларце, меня словно осветило вспышкой и в сердце моем погорячело.

Однако в детские годы я не слышал о шкатулке ни в школе, ни от людей, живущих рядом со мной. Ее хранители, видимо, понимали, что ларец настолько дорог, что его сбережение подлежит только в условиях глубокой тайны. Но отдельные люди из круга, глубоко любящих А. С. Пушкина, все,

что было связано с ним, знали об этой шкатулке, знали, у кого она хранится. Со временем посчастливилось узнать об этом и мне.

Середина только что ушедшего двадцатого века. После семилетки я поступил учиться в муромцевский лесотехнический техникум (в поселке Муромцево), который находится в четырех верстах от моей Судогды. Размещался техникум в замке бывшего дворянина, полковника лейб-гвардии гусарского Его Величества полка, Владимира Семеновича Храповицкого.

Все четыре года, которые мы, учащиеся, провели здесь, этот замок радовал наш глаз. Первая его половина была выдержана в романовском стиле, вторая — стилизована под западно-европейский замок. Этот роскошный огромный дом располагался в центре великолепного (подобного я не встречал) парка-дендрария, который еще до революции был взращен по воле того же дворянина.

Техникум славился не только удивительной архитектурой многокомнатного замка и «французским» парком, но и демократичностью в обществе учащихся, и замечательными, талантливыми преподавателями, которые учили нас.

Несколько отвлекаясь от темы, замечу: из стен этого техникума вышло немало хороших специалистов и руководителей. Например, в Иркутске здравствует и работает директором Союза лесопромышленников почетный гражданин Иркутской области Владимир Васильевич Сахаров. В Братске живет Виктор Васильевич Кузин, который долгие годы являлся секретарем партийного комитета легендарного «Братскгэсстроя».

Еще до поступления в это учебное заведение я полюбил книги, много читал, вполне естественно, в техникуме подружился с учителем русской литературы Федором Петровичем Пластининым, который в свое время встречался и общался с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, Константином Фединым, Александром Фадеевым. Он настолько живо и увлекательно вел свои уроки, что те два часа, которые ему отводились, пролетали как одна минута. И Пластинин и я жили в Судогде; каждое утро

мы шли до техникума четыре версты вдвоем. Шли и беседовали, рассказывал более он, много любопытного получал я от него за час ходьбы.

- Ты в нашей библиотеке-то был? - спросил он меня однажды. - С библиотекарем Елизаветой Александровной познакомился? - И, не дожидаясь ответа, продолжил: В ее руках не только книжный клад, она сама у нас клад... И како-ой!..

Библиотеку я посетил в первые дни учебы в техникуме и затем бывал в ней почти ежедневно, где и познакомился с Елизаветой Александровной Пискуновой. Она была высокой, пожилой, в длинном платье, в очках с круглыми стеклами, через которые на меня смотрели прищуренные, с едва заметной теплой искоркой и со светлой голубизной глаза. По залу библиотеки она двигалась неспешно и, как мне тогда казалось, важно. Заметив мою тягу к книгам, Елизавета Александровна начала сама мне предлагать их для чтения. Помнится, первое время она более всего советовала читать сочинения Александра Пушкина, а однажды, дополнительно к этому, предложила почитать старый журнал без переплета, но обложенный плотной серой бумагой. В журнале были опубликованы произведения А. С. Пушкина, поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского, поэта Николая Михайловича Языкова.

- Геннадий, - негромко сказала Елизавета Александровна, - этот альманах мне очень дорог...

Четко помню, как она своим негромким голосом выделила слова «этот альманах». Я понял, что он из ее личной библиотеки, и отнесся к нему исключительно бережно, читал его с огромным желанием и интересом. Читая стихи Н. М. Языкова, я и в мыслях не держал, что между поэтом и Елизаветой Александровной Пискуновой тянется какая-то таинственная связующая нить.

Однажды зимой, в воскресенье, она пригласила меня к себе домой. Посещение ее квартиры для меня стало ярким запоминающимся сном. В большой комнате, на полках - книги, особенно много и разных изданий

сочинений Пушкина. В этой же комнате на стене - репродукции картин: пушкинские портреты и небольшой выразительный портрет Николая Языкова. Долго пробыл я у Елизаветы Александровны, слушал ее, листал книги, тогда же услышал подробную историю о том, как Арина Родионовна подарила шкатулку Николаю Михайловичу Языкову. Пришло время, и я было собрался уходить, но Елизавета Александровна остановила меня:

- Погоди... не уходи... сейчас я покажу этот ларец, - сказала тихо Елизавета Александровна, медленно выговаривая слова, будто еще сомневаясь в необходимости показывать мне шкатулку или как бы придавая исключительную важность этому событию.

Я замер, слова не мог выговорить: услышанное известие явилось для меня такой неожиданностью, что поверить и осознать его вмиг я не мог. Из другой комнаты Елизавета Александровна бережно внесла небольшой, прямоугольной формы, деревянный сундучок и осторожно положила его на стол передо мною. Когда Пискунова отомкнула крышку этой крупной шкатулки, замок издал тихую мелодию.

- Читай, - тихо сказала мне Елизавета Александровна, указав на потемневшую от времени бумажную наклейку. Сейчас, вспоминая этот момент, удивляюсь, как наклейка могла сохраниться? На ней было написано: «Для черного дня. Зделан сей ящик 1826 года июля 16 дня». Я внимательно осмотрел и приподнял ящичек, он был тяжелым, сейчас склоняюсь к тому, что выполнил его крепостной умелец из дуба.

- Как этот ящичек очутился у Вас? - нетерпеливо спросил я.

- Долгие годы, - задумчиво начала Е. А. Пискунова, - этот ларец хранился в Новгороде у дальней родственницы Николая Михайловича Языкова Анны Дмитриевны Языковой. Когда немцы в Отечественную войну 1941-1945 годов начали подступать к Новгороду, многие его жители эвакуировались, в том числе и Анна Дмитриевна, которая приехала в Судогду, на улицу Песочную, где поселилась в домик, принадлежавший ее родственникам. При эвакуации она взяла с собой только одну эту вещь — вот

эту шкатулку, ей ведь цены нет, она дороже золотой. Елизавета Александровна смолкла, задумалась. Я и Анна Дмитриевна подружились, жили как сестры, всегда помогали друг другу... Умерла она на 96-м году жизни. За год до ухода из жизни Анна Дмитриевна передала на хранение этот ларец мне и распорядилась, чтобы я его передала в Пушкинский заповедник, в Михайловское.

После окончания муромцевского лесотехнического техникума меня направили работать в Сибирь. Через три-четыре года мне посчастливилось навестить мою родину. Но ларца Арины Родионовны в Муромцеве уже не было, Елизавета Александровна выполнила завещание Анны Дмитриевны: передала ларец в Пушкинский заповедник, который открылся после восстановления. И хранится ларец сейчас в том же домике, где жила няня Пушкина Арина Родионовна, где она подарила эту шкатулку другу А. С. Пушкина поэту Николаю Михайловичу Языкову.

Я счастлив, что помню Елизавету Александровну Пискунову, одну из тех хранителей, которые сберегли до наших дней пушкинскую реликвию. И сейчас, как никогда, во мне вспыхнуло желание побывать в Михайловском и вновь прикоснуться к ларцу Арины Родионовны - няни великого поэта.

На далёкой таёжной реке

1

Чуть более полувека назад Иркутская земля, украшенная тайгой, широко распростершаяся вдоль раздольной чистой Ангары, воспламенилась яркими, будто кострами, многочисленными огнями новостроек. Эти слова я пишу не понаслышке, а сам являюсь непосредственным свидетелем и активным участником мощного, стремительного строительного «водоворота». Прошел школу жизни строящихся городов Шелехова, Железногорска – Илимского, и вот уже четвертый десяток лет – в Усть-Илимске, которому в 2008 году исполнилось 35 лет. Я прикипел к Усть-

Илимску, он для меня не просто город, а родина, которая воспринята не только глазом и ухом, а приобретена любовью моего сердца и души. И таких, как я, полюбивших этот таёжный город, - тысячи.

2

5 декабря 1962 года (в день советской Конституции!) на вершине Толстого мыса, над скованной льдом и засыпанной ослепительным снегом Ангарой, где сейчас возвышаются, как огромные великаны, опоры ЛЭП – 500, был поднят красный флаг и произведен троекратный оружейный салют - символ начала строительства Усть-Илимска (Усть-Илимской ГЭС, Усть-Илимского ЛПК и города), начала освоения находящегося в глубокой дрёме Илимского края.

На вершине высокого обрывистого утёса стояла отважная семёрка строителей из Братска: Иннокентий Перетолчин, Пётр Давыденко, Григорий Притуло, Максим Ушацкий, Анатолий Субботин, Евгений Александров, Александр Ведерников.

Первопроходцы радовались переменам и осознавали ответственность перед потомками.

Нетрудно представить, с чего пришлось начинать первостроителям Усть-Илима, если учесть, что до начала строительства Усть-Илимского района, на огромных пространствах от Братска до границы с Красноярским краем проживало около семи тысяч человек.

Первый штурм Ангары начался в июне 1964 года. Тогда была перекрыта протока, отделяющая временный поселок гидростроителей от острова Песчаный. Здесь легла трехсотметровая дамба. Через два года строители опустили первый кряж в ограждение левобережного котлована будущей ГЭС. В конце декабря 1974 года первые три гидроагрегата были поставлены на обороты под промышленную нагрузку.

Над Ангарой держался мороз (-56-58°), но на душе устьилимцев было тепло и радостно.

К концу 1973 года в поселке гидростроителей на левом берегу (в дальнейшем к нему прикипит название «старый город») проживало чуть более 26 тысяч жителей. 27 декабря этого года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий посёлок преобразовали в город Усть-Илимск.

Конечно, облика города он не имел. Его аморфное, непривлекательное внешнее состояние никак не сопрягалось с духом времени, энтузиазмом и настроением, интеллигентностью многих молодых строителей. По левому берегу у самой Ангары небрежно рассыпаны угловатые серые конторы и базы; выше – однообразные, безликие сборно-щитовые и бетонные дома и множество тёмных времянок – хибар, сумбурно заполнивших левобережье до местечка Высотка. Уже тогда у большинства жителей складывалось впечатление, что при застройке левого берега никто из власти не задумывался над тем, что это уже начало города, его ворота, его лицо. У жителей левого берега сложилось мнение, что город строят по «временной схеме», переходящей в постоянную, как в Братске. «Времянки» не радовали людей, прибывавших в Усть-Илим, но одновременно им казалось, что иначе, то есть лучше, не получится: стройка есть стройка, так и должно быть.

Однако кое-кто понимал и давал трезвую оценку тому, что в левобережье из-за поспешности (давай-давай! вперёд!) и необдуманности допущена хаотичность. Неприглядность поселка со временем осознали и руководители города и стройки. Не только внешний облик левобережья (ворот города!), но и комфорт людей оказались под вопросом. Недаром многие устьилимцы и сейчас говорят: "Живём у Ангары, а реки не видим".

Строительство нового города в правобережье было объявлено Всесоюзной комсомольской стройкой. Поток хлынул в Усть-Илим писатели и журналисты из Иркутска и центра. Еще раньше, в начале 60-х, навестили Усть-Илимскую землю Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Иосиф Кобзон, которые создали песню "Письмо на Усть-Илим".

Обетованная земля! Тысячи молодых, сильных, умных, интеллигентных людей прибывали сюда, чтобы строить новый привлекательный город.

3

Круг людей, понимающих и осознающих, что Усть-Илимск нельзя строить по "инерции Братска", по временной схеме, с отступлениями от проекта, становился всё шире и шире.

Руководитель группы рабочего проектирования Ленинградского института ЛенНИИПградостроительства Николай Николаевич Бастричев в ту пору взволнованно говорил: "Облик современного города зависит не только от того, насколько он хорошо вписывается в рельеф, насколько прямы и светлы его улицы, насколько современны типовые проекты его домов. Есть множество примечательных "мелочей", которые формируют лицо города. Неужели мы допустим, чтобы Усть-Илимск походил на другие безликие города? Нет, конечно!"

У ленинградских проектировщиков были единомышленники в Усть-Илимске. К таким я отношу первого мэра города Юрия Фёдоровича Федотова. Он - опытный строитель, вдумчивый человек, неплохо разбирался в градостроительных вопросах и проблемах. Федотов помнил "рассыпанный", непривлекательный Братск, а теперь ежедневно видел неисправимое левобережье Усть-Илима.

Впоследствии его поняли, и стали активно поддерживать: начальник строительства города Н.Г. Букарев, главный инженер стройки Н.А. Линьков, главный инженер Усть-Илимского ЛПК В.Н. Семёнов, архитектор В. Пламеневский, ведущие руководители дирекции строящегося города, специалисты архитектурного отдела горисполкома. Они очень много сделали для того, чтобы сломать сложившуюся психологию строителей при воздвижении города. Названным руководителям была присуща бескомпромиссность и ответственность перед устьилимцами, перед будущим. Замечу, что Усть-Илимску повезло с людьми, которые не только знали, как исправлять

ошибки, но и, не жалея себя, напрягали свои силы и волю, чтобы сделать лучше.

В 1973 году Генеральный план правого берега был утверждён. Благоприятные территориальные условия, природные факторы местности, где намечено построить новый город, наличие надёжной мощной энергетической базы, неограниченные водные ресурсы - всё это определило возможность создания универсальной структуры Генерального плана.

В новый город закрыли дорогу для строительства жилых домов устаревшей серии. Началось освоение домов с улучшенной планировкой квартир. Строители повышали качество работ.

В мае 1976 года новосёлы заселили первые квартиры. А 1 сентября открыли новую седьмую школу, которую признали одной из лучших в Иркутской области.

Ежегодно в правобережье строители сдавали от 120 до 140 тысяч квадратных метров благоустроенного жилья. Более 2000 квартир! Сдавали микрорайонами! В них входили не только жильё, но и школы, детские сады с привлекательными малыми формами, торговые комплексы, благоустройство. Я никогда не забуду тех предновогодних дней, когда устылимцы ликовали, получая новые благоустроенные квартиры.

Немалое место (если не главное!) при вводе микрорайонов заняла "зелёная архитектура": внутри жилых массивов оставляли площадки с тайгой. Замечу, это и сейчас создаёт выразительный городской ландшафт.

Сохранение и включение таёжной зоны в архитектурный ансамбль города были главными задачами Ленинградского градостроительного института.

Помню, старания и стремление ленинградцев горячо, настойчиво поддерживал мэр города Ю.Ф. Федотов: "Мы требуем от строителей, убеждаем их, - говорил он в горисполкоме, - чтобы они вырубали лес только там, где это действительно необходимо, На эту проблему надо смотреть глазами детей, им здесь расти и жить, это их родина. Полюбят ли они её, если не

будет зелёных уголков, не будет птиц? Это не моя прихоть, этого настойчиво требует наша человеческая жизнь, природа жизни".

Проникновенные слова Ю. Федотова достигли своей цели.

4

Когда Усть-Илимск был объявлен ударной комсомольской стройкой, рекой начали прибывать молодые, крепкие духом и интеллектом люди. Они не могли жить без общения, без книг, без искусства и просвещения.

В бурно развивающийся Ангарский край приезжали врачи, инженеры; строители, художники, писатели, учителя. В короткой строке трудно описать тот дух величия и романтики; дух светлой мечты, дружбы, взаимопомощи; дух любви и счастья, который пронизывал тогда Усть-Илимский край.

Уже в первые годы активного строительства гидроузла в левобережье ярким огоньком засветился литературный клуб "Поиск", который вели местные талантливые прозаики и поэты Юрий Соколов, Лев Аврясов, Михаил Рябиков, Василий Глушков, Александр Новиков, Анатолий Давыдов, позже вошли поэтесса Ольга Нетецкая и другие. След и традиции этого великолепного литературного клуба не тускнеют и ныне. Великолепная когорта усть-илимских художников известна далеко за пределами Иркутской области.

В конце 90-х годов прошедшего столетия в Усть-Илимске, где в то время насчитывалось 120 тысяч жителей, работали (и сейчас работают!) девять библиотек, две музыкальные и две художественные школы, два дворца культуры и кинотеатр, театр драмы и комедии, Картинная галерея, Краеведческий музей, 20 общеобразовательных и специализированных школ, школа народных ремесел.

Вот она, великолепная основа культуры и образования высокой пробы, в истоках которой и её современности жили и живут горячо влюбленные в Усть-Илим Маргарита Федотова, Нина Лобова, Татьяна Сафиулина, Геннадий Максаков, Владимир Осипов, Леонид Пичуев, Галина Соломович, Александр Редьков, Галина Луговская и другие.

Когда я писал эту статью, невольно думал: есть что рассказать о культуре нашего народа, его памятных видах, его интеллигентных людях, создавших такой замечательный город.

И рассказали! К 35-летию города выпущена великолепная, яркая и глубокая по содержанию и оформлению книга «Культура и время». Держу я в руках эту книгу и, честное слово, счастлив, что живу в этой замечательной среде, и начинаю проникаться и глубже понимать, за что я люблю этот город, почему он стал моей родиной.

Не могу не остановиться ещё на одной искре, вспыхнувшей в юбилейном году. Сотрудники детской центральной библиотеки вместе с юными читателями создали книжку "Семь чудес Усть-Илима". Прочитав её, меня пронизала радость и - гордость, что Усть-Илимск любят и дети!

Побывавший в Усть-Илимске Александр Солженицын, познакомясь с городом, его культурой, архитектурой, восхищённо отметил: "Честное слово, никак не ожидал, что здесь, в таёжной глухомани, вырос такой замечательный, интеллигентный город!"

5

Нашему Усть-Илимску - 35 лет! И, думается мне, что именно этот юбилейный год станет переломным. Дух интеллигентности и культуры, не сдавший и ныне своих позиций, остановит процесс разрушения.

К этому устойчивому духу присоединился дух православия. В Усть-Илимске построен великолепный храм. По этому поводу несколько лет назад главный редактор известного литературного журнала "Сибирь" Василий Васильевич Козлов отозвался: "...тридцать лет назад ваш город приобрёл источник электрической энергии, сегодня он имеет ещё источники духовный, а это путь к истинной красоте, добру и правде, открытых для каждого!"

Дай бог тебе сил, мой Усть-Илимск!

Наш «второй Сталинград»

«5 декабря 1962 года на вершине Толстого мыса был поднят красный флаг; над застывшей Ангарой прогремел троекратный ружейный салют – символ начала строительства «Усть-Илимской ГЭС...».

(Из воспоминаний строителя – первопроходца Иннокентия Перетолчина)

Со дня прогремевшего над Ангарой салюта прошло одиннадцать напряжённых, тернистых лет, через которые строители и монтажники легендарного «Братскгэсстроя», руководители дирекции ГЭС, «Иркутскэнерго» шли к тяжелейшему 1974 году, вошедшему в историю Усть-Илимска, в историю строителей, монтажников, наладчиков, энергетиков-эксплуатационников, заводов-изготовителей, проектных институтов как год пуска и включения под нагрузку первых гидроагрегатов Усть-Илимской ГЭС.

С приближением времени пуска всё более и более возрастали переживания и волнения тех, кто был непосредственно причастен к этому ответственному событию. Помню, в одну из «невыносимых» минут кто-то из монтажников обмолвился: «Не оказаться бы нам в плену наших собственных повышенных обязательств». Я понял, что от чрезмерной нагрузки смятение пронизывало не только нас эксплуатационников, но и строителей, монтажников. Однако об отступлении не было и речи; недаром, на строительной площадке 1974 год негласно был назван «временем Второго Сталинграда».

Иван Иванович Наймушин, руководство управления строительства Усть-Илимской ГЭС направляли все имеющиеся силы на скорейший ввод в действие первых гидроагрегатов гидростанции, так как именно в этом на данном этапе заключался наибольший народно-хозяйственный экономический эффект. Однако на строительстве не всё шло гладко: наблюдались серьёзные срывы в наращивании темпов укладки бетона по плотины, «сопротивлялись» автомобилисты, не веря тому, что бетоновозных машин недостаточно, водителей этих машин мучило неудовлетворительное состояние дорог, «дёргали» стройку бетонные заводы.

Организация работ, ход строительства ГЭС серьёзно пересматривались. Возникали проблемы на строящемся гидроузле.

19 мая 1974 года на плотине вспыхнул пожар: загорелась деревянная опалубка, огонь охватил площадь в несколько десятков тысяч квадратных метров. Местное радио известило усть-илимцев о беде, и многие ринулись в котлован, на плотину. Более трёх тысяч человек образовали цепь, по которой передавались тысячи вёдер, наполненных водой. В ликвидации пожара приняли активное участие и энергетики-эксплуатационники: Исаак Зельманович Баглейбтер, Олег Иванович Панкратов, Григорий Аронович Тульчинский, Александр Витальевич Беломоин, главный инженер ГЭС Евгений Иванович Гвоздев, которые вместе с монтажниками и строителями организовали защиту от огня уже смонтированного и подготовленного к монтажу энергооборудования.

Со стороны островов «Лосята» подоспели катера с мощными насосами, пожар потушили, но моральный удар был серьёзный.

Сейчас, спустя почти 30 лет, меня удивляет сила воли строителей, их одержимость, непоколебимость, уверенность в том, что достигнут успеха; они не падали духом. В этот год строители, монтажники, энергетики-эксплуатационники как никогда показали свою коллективную несокрушимость. Ведь уже через несколько дней была возобновлена укладка бетона, словно этого ужасного пожара и не было. Бригада Героя Социалистического труда Михаила Михайловича Васильева работала в четыре смены, одно звено сменяло другое, а если надо было, то люди и далее оставались на своих рабочих местах, чтобы продолжить укладку бетона. Каждый строитель, от руководителя до рабочего, был глубоко пронизан сознанием того, чтобы не потерять ни одной минуты, ни одного часа. В этот период достигнута рекордная выработка по укладке бетона. М.М. Васильев вспоминает: «Несмотря на непрерывную работу, на огромный приём бетона, мы едва успевали «убегать» от быстро поднимающегося уровня воды в верхнем бьефе ГЭС».

В тот год началось интенсивное заполнение водохранилища.

В августе 1974 года в Усть-Илимск прибыла делегация из США, которой было разрешено посмотреть строительство Усть-Илимского гидроузла. Американцы, конечно, знали, что мы готовимся пустить сразу три гидроагрегата. Особенно заинтересованно они осмотрели пусковой комплекс: монтируемые три гидроагрегата гости буквально «проползли» сверху донизу и наоборот. Надо заметить, что кратер третьего в это время был ещё вообще пуст, так как турбинное колесо не успели доставить с Ленинградского металлического завода, а везли его из Ленинграда Северным морским путём.

Осмотрев и неторопливо посоветовавшись между собой, американские энергетики спросили у главного инженера «Братскгэсстроя» Юрия Константиновича Козьярского и главного инженера ГЭС Евгения Ивановича Гвоздева:

- Когда вы думаете включить в работу гидроагрегаты?

Ю.К. Козьярский спокойно посмотрел на Е.И. Гвоздева, тот твёрдо ответил:

- В декабре этого года включим все три.

Я уверен, что энергетики из США были наслышаны о Е.И. Гвоздеве как о талантливом, опытном инженере и организаторе, поэтому трудно было не поверить ему, однако, после длительной паузы мягко возразили:

- При нынешнем состоянии гидроагрегатов и гидроузла мы сомневаемся, что пуск возможен в декабре.

Да, действительно, в августе 1974-ого трудно было поверить, что за пять месяцев мы справимся, казалось, с невыполнимой задачей.

Напорные водоводы были смонтированы на одну треть и «ощетинены» кольцевой арматурой, к их бетонированию от нижней бетоновозной эстакады ещё не приступали. Монтаж закладных частей спиральных камер и затворов отсасывающих труб только-только начинался, а водоприёмник был ещё в чертежах. Гидротехнический бетон («гребень» плотины) подняли лишь до

отметки «240», а пусковая схема была запроектирована не ниже «270». На площадке открытого распределительного устройства 220 - 500 киловольт ещё и «конь не валялся» - до начала монтажа электрооборудования, казалось, было далеко. Здания ГЭС не было, монтаж гидроагрегатов выполняли под временным шатром. Люди бригады знаменитого А. Басова, не разгибаясь, круглые сутки монтировали первый гидроагрегат.

Ветеран Усть-Илимской ГЭС Павел Дмитриевич Поплаухин вспоминал, что, начиная с августа и до дня пуска, покоя не было ни днём, ни ночью.

- Неоднократно ночью возникали такие моменты, - рассказывал Павел Дмитриевич, - только засну, вдруг, телефонный звонок: «Давай, - зовёт бригадир монтажников, - в котлован приезжай, прими очередной смонтированный узел гидроагрегата». Быстро собираюсь и жму на ГЭС, и так почти каждую ночь; часто и ночевал там, чтобы не терять время. Бывало такое: приеду, посмотрю, выявлю недочёты, тотчас засучу рукава и вместе с монтажниками исправляю ошибки; деваться было некуда, нужно было помогать: цель-то одна и у монтажников, и у нас - эксплуатационников. Все думы были направлены на пуск.

По верхней бетоновозной эстакаде нескончаемой вереницей двигались огромные самосвалы: шёл «большой бетон».

На гребне плотины начали устанавливать временные эстакады для гидроподъёмников.

Сейчас с высоты почти 30-летней давности мне не верится, что перед моими глазами держалась такая огромная, живая строительная панорама! Шёл настоящий штурм!

Дневали и ночевали на ГЭС электрики-наладчики и специалисты электротехнической лаборатории, руководимой Григорием Ароновичем Тульчинским, прибывшим на Усть-Илимскую ГЭС с Братской. Проблем у них возникало много, а всплывали они потому, что блочные силовые трансформаторы поступили с завода-изготовителя некомплектно, из трёх

трансформаторов удалось подготовить ко времени пуска только один. Не поступили также генераторные выключатели. Всё это «свалилось в одну кучу», и волей-неволей пусковую электрическую схему пришлось срочно пересмотреть, заново разработать и вычертить десятки чертежей, подготовить множество пояснительных записок, на что уходило чрезвычайно много времени, сил и нервов.

Руководил подготовкой пускового комплекса ГЭС штаб стройки, главную роль в котором на этом этапе играл главный инженер ГЭС Е.И. Гвоздев. Талантливый, опытный инженер, руководитель с глубоким чувством ответственности, прошедший школу Куйбышевской, Братской и Красноярской гидроэлектростанций. Интеллигентный, порядочный человек, он вызывал у многих глубокую симпатию и уважение. Е.И. Гвоздев отлично знал состояние дел на каждом участке стройки, он знал и всех строителей.

В эту ответственную пору ему активно помогал отряд опытных, грамотных инженеров-эксплуатационников, прибывших с разных гидроэлектростанций и других энергопредприятий России: И.З. Баглейбтер, В.Н. Дякин, Г.А. Тульчинский, Б.Б. Галицкий, Г.З. Баглейбтер, А.М., Головнин, Ю.В. Седых, П.Д. Поплаухин, О.В. Князев, П.А. Непомнящих, Г.Л. Наумов, Ю.В. Суханов, О.И. Панкратов, А.М. Гонтарук, М.П. Каторгин, В.М. Романов, Г.С. Светличная и многие другие. Все они с Гвоздевым были в одной упряжке.

Евгений Иванович многие ответственные мероприятия, не требующие крупных материальных затрат, стремился выполнить заранее, чтобы опередить события. Вспоминаю, в начале сентября он вызвал к себе в кабинет начальника НТО Исаака Зельмановича Баглейбтера, заместителя начальника электроцеха по эксплуатации Бориса Борисовича Галицкого и меня и сразу же, без каких-либо вступлений, сказал:

- Приближается время, когда наша работа чрезвычайно усложнится, так как рядом с работающим оборудованием будут продолжать своё дело строители и монтажники, поэтому прошу немедленно приступить к

разработке эксплуатационной зоны, к пуску гидроагрегатов её должны знать все. Если мы сейчас на это закроем глаза, - продолжил главный инженер, - до беды рукой подать.

Мысль Гвоздева нам была понятна; осмотрели оборудование, которое будет поставлено под напряжение, давление водой, маслом, воздухом. Разработали и вычертили оперативную схему, производственные инструкции для дежурного персонала, подготовили защитные средства, документацию. К концу сентября прояснилась и эксплуатационная зона. К этому времени в основном был подготовлен оперативный (дежурный) персонал.

В паре с Е.И. Гвоздевым очень много трудился директор ГЭС Пётр Моисеевич Юсим. Они были разные по характеру, но оба обладали глубоким чувством ответственности за порученное дело, оба требовательно и уважительно относились к подчинённым людям. Вот как отзывается о них Герой Социалистического труда Михаил Михайлович Васильев: «Два руководителя, два грамотных инженера, они были похожи друг на друга своим отношением к делу, которое хорошо умели делать. Я всегда с глубоким уважением относился к этим скромным и порядочным руководителям».

Николай Иванович Мальцев (в ту пору секретарь парткома строительства Усть-Илимской ГЭС) тоже высоко ценил и П.М. Юсима, и Е.И. Гвоздева. «Пётр Моисеевич всегда отличался высочайшей культурой в работе, в обращении с людьми, - рассказывал Н.И. Мальцев, - Евгений Иванович оставил о себе самые наилучшие воспоминания: исключительно грамотный, самостоятельный инженер, со временем не считался, работал, казалось, без усталости, всегда внимателен к людям. Недаром строительство ГЭС шло высокими темпами благодаря дружной и слаженной работе коллективов строительства и эксплуатации ГЭС, их руководителей.

В предпусковой горячий период в штаб стройки влились «Усть-Илимская правда», руководимая Николаем Тихоновичем Волковым;

радиоорганизатор - Галина Федоровна Дмитриева, которая сейчас трудится ответсекретарём «Усть-Илимской правды»; «Голос энергетика», возглавляемый тогда автором этой статьи. Они оперативно откликались на острые сигналы штаба.

Напряжение строителей, монтажников, наладчиков, эксплуатационников, представителей проектных институтов, заводоизготовителей, журналистов слилось в один мощный сгусток энергии, направленный на включение под нагрузку трёх гидроагрегатов.

В декабре 1974-го строительно-монтажная атмосфера на гидростанции накалилась до предела, в добавок к этому ударил жестокий мороз (50°-56°С). Монтажники, наладчики, эксплуатационники на открытом распределительном устройстве 220 - 500 киловольт работали переменными звеньями по 10-15 минут, более не выдерживали. Казалось, что вот-вот какой-то важный участок не выдержит, лопнет, рухнет.

Но выдержали! Выдержали!

29 декабря 1974 года три гидроагрегата включили в энергосистему под нагрузку!

Накануне Нового года Евгений Иванович Гвоздев встретился со строителями и монтажниками у работающего первого гидроагрегата и радостно воскликнул:

- Включили же! Включили! А они, американцы-то, сомневались, не верили, что мы пустим гидроагрегаты, не верили, что мы включим их под нагрузку!

За 29 лет эксплуатации гидроэлектростанция выработала 564 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Девять раз окупились затраты на строительные-монтажные работы Усть-Илимской ГЭС.

Пошёл 30-й год! Ключ эксплуатации гидроэлектростанции в надёжных руках!

В декабре 2004 года - юбилей!

Пленные

В феврале 1943 года в мою родную Судогду, Богом вкрапленную в самый центр Руси и вечное православное созвездие Суздаля, Владимира и Москвы, в закрытых кузовах мощных «студебеккеров» привезли около тысячи пленных гитлеровских солдат, разместили их в подсобных помещениях пожарного депо, клубе, общежитиях, тяжело раненных и сильно истощенных – в городской больнице.

На следующий день утром весь город был на ногах: со всех сторон народ потянулся на центральную большую улицу, где выстроилась очередь, наверное, с версту из пленных фашистов, в руках они держали миски, котелки, фляжки. Очередь упиралась в здания городской столовой и трех закусовых, где пленным выдавали горячий завтрак. Большинство в этой очереди выглядели истощенными, потерявшими человеческий облик, в накинутах на плечи помятых, порванных шинелях, на головах и руках – бинтовые повязки, у многих на ногах – рваные ботинки. Гитлеровцы держались настороженно, взгляд испуганный, будто у загнанных в угол зверьков. Но среди пленных в очереди двигались и «гордецы» - с наглыми, высокомерными улыбками. Однако и те, и другие испытывали умственный паралич, находились в состоянии глубокого шока, вызванного ужасом пережитого.

К тому времени мои земляки уже много видели, слышали и читали о немецких оккупантах, хорошо знали о зверствах гитлеровцев на советской земле, о разрушенных городах и селах, многие пережили фронт, потеряли родных и близких, вернулись калеками и потому с отвращением и негодованием смотрели на пленных. Глаза большинства жителей злобно сверкали. Тут и там раздавались возгласы: «К стенке фрицев!», «Чего их кормить, мочить их!», «Будь они прокляты!», «У-у, сволочи!».

Мальчишки бросали в фашистов камни, палки, конвой быстро успокаивал пацанов. В какой-то момент к вражеским солдатам пробрался

мой сосед по дому высокий, бородатый, с длинными руками и кулаками, как пудовые гири, дед Царьков. Обоими кулачищами он принялся мутузить фрицев слева и справа, громко матерясь. Но конвой стволами автоматов быстро отстранил в сторону и деда. Тот будто по инерции еще махал руками, кричал: «У меня к ним, с-сукам, ненависть! У меня к ним, к-курвам, ненависть!»

Насмотревшись на гитлеровцев, я вернулся домой, где спросил маму: «Что такое ненависть?»

- Ненависть?.. – удивилась мама, задумчиво посмотрев мне в глаза, - а в чем дело, что случилось? – спросила нетерпеливо она.

Я рассказал ей, как дед Царьков отколошматил фрицев.

- Да-а, - горестно заговорила мама, - есть за что их, сынок, колотить, - и глядя мне в глаза, продолжила. – Его, деда, двух сыновей на войне фашисты убили. Как ты думаешь, легко ему, деду-то? Нет, конечно. Вот и прорвалась из его души и сердца ненависть.

Затем немного помолчав, мама добавила:

- Ненависти, сынок, никто не учит, она сама вот в таких бедах вырывается... не дай Бог перенести такое горе.

По прошествии некоторого времени отношение моих земляков к пленным стало меняться. До стариков и женщин доходило, что в одноликой на первый взгляд массе обезоруженных и внешне покорных немецких солдат есть не только враги, военные преступники, но и просто обманутые гитлеровскими посулами рядовые немцы, желающие сохранить жизнь, а может быть и противники гитлеровского режима.

Постепенно зарождалось к пленным снисходительное отношение, а кое-кто с ними заводил короткие беседы, знакомился. С одним молодым пленным немцем познакомился и я (в то время еще мальчик). Сейчас, будучи уже пожилым человеком, вспоминая пленного, вижу в нем угловатого незаносчивого юношу. Вечерами, сидя на лавочке во дворе пожарного депо, где я тогда жил, он подолгу играл на губной гармошке. Его мелодии

волновали мою душу, хотя я не понимал, что он играл. Музыка, пролившаяся с губной гармошки, и сейчас всплывает в моих ушах, я не могу ее забыть. Думается мне, что пленный немец, еще совсем молодой человек, глубоко, мучительно тосковал по родине и по всему, что с ней связано. Помню, по его просьбе я принес ему махорки, нитки с иглой и несколько маленьких стареньких пуговиц. Все это быстро и охотно собрала мне мама, тихо и озабоченно сказав: «Отнеси, отнеси, сынок, ему».

Материнское сердце и разум в тот момент не восприняли пленного как врага; мама сопереживала, видя опечаленного немецкого паренька, не по своей воле брошенного в огненное пекло. Он благодарно погладил меня по голове и довольно понятно на русском языке рассказал, что в Германии живут его мама и такой же, как я, маленький братишка. Я радовался, когда он меня позволял сыграть на губной гармошке.

Нередко на лавочку, где сидел пленный солдат, присаживались пожилые люди – мои земляки, которые откровенно «пытали» его, где их накрыла наша армия. Тот внимательно вслушивался и, поняв суть вопроса, коротко отвечал: «В Сталинграде».

В промежутке, когда на лавочке наступало затишье, пленный скрещивал руки на груди и направлял в небо сосредоточенный взгляд, что-то тихо шепча.

Мой земляк, старик, сидящий рядом, с зарождавшейся на лице суровостью, спросил: «Что? Благодарить Бога за то, что жив остался? Или каешься за беды, которые нам принесли?» Пленный безмолвно, утвердительно кивал головой.

...

Спустя годы я интересовался историей пленения фашистов в Сталинградском «котле» и размещением их в городах моей родной Владимирской земли. Немало об этом мне рассказывал и мой отец – участник Великой войны. Я задавался вопросом: почему пленных фашистов, вытщенных полуживыми из Сталинградского «котла», разместили в центре

Руси? Почему их не угнали в Сибирь, в зону вечной мерзлоты, где бы они как памятники – враги сохранились на вечные времена? Долгое время я не мог найти ответа. Если в Судогду завезли рядовых фашистов, то в соседнем святом Суздале, когда-то славной столице древнейшего русского княжества с многовековой историей, в стенах Спасо-Ефимиева монастыря разместили генералитет и офицерский корпус группировки фашистского вермахта, взятых в плен после Сталинградской битвы.

Моя мама вспоминала позже, что в эти дни по всей Владимирской святой земле лился благостный звон колоколов православных церквей в ознаменовании того, что здесь, в центре Руси, раздавили и прокляли очередную вражину.

Все, что происходило за высокими кирпичными стенами монастыря, пытались держать в секрете. Но в маленьком городке трудно было сохранить тайну: среди жителей шли разговоры о том, что в город привезли важного фашиста.

И, действительно, среди множества пленных офицеров и генералов в лагере находился главный командующий 6-ой армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Тот самый Фридрих Паулюс, который в сентябре 1940 года возглавил разработку плана нападения на Советский Союз.

3 февраля 1943 года битва под Сталинградом закончилась позором для гитлеровцев. По всем городам и весям Германии был объявлен национальный траур. Империя хоронила своего легендарного фельдмаршала Паулюса. А он был жив! Гитлер знал об этом, но тщательно скрывал от своего народа факт сдачи в плен Паулюса и других генералов Сталинградской группировки.

Находясь в «заточении» в центре святой Руси, генерал-фельдмаршал Паулюс понял, что Россию невозможно задушить, свидетельством чему являются наши победы под Москвой в 1812 году, в 1941 году и другие крупные сражения на русской земле.

Позднее Паулюс покался: «Сколько времени понадобится, чтобы искупить страшное зло, которое мы принесли на эту землю. Нет, искупить невозможно... Можно лишь действовать, чтобы никогда не повторилось происшедшее».

В дальнейшем яркие победы Красной армии, одержанные на фронтах Великой войны в 1943-1944 годах и особенно в Курско-Орловской битве, заставили Паулюса задуматься о переходе на путь антифашистской борьбы. И 8 августа 1944 года он выступил на радиостанции «Свободная Германия», где твердо заявил о своем вступлении в антифашистское движение. Трудно было этому поверить, но это действительно так.

Осенью 1946 года Фридрих Паулюс выступил на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками в качестве свидетеля обвинения. В своих показаниях он изобличил агрессивные планы германского фашизма.

...

Прошло более 63 лет после Сталинградской битвы, но как только я слышу тонкие трогательные мелодии губной гармошки, тотчас вспоминаю молодого пленного немца, длинную настороженную очередь пленных 6-ой армии вермахта, во главе которой стоял генерал-фельдмаршал Паулюс.

Мой отец, участник самой кровопролитной войны, рассказывая мне о Сталинградском «котле», говорил: «Умный, мудрый Сталин неслучайно расселил пленников на Владимирско-Суздальской земле, нет, неслучайно. Он преследовал цель, чтобы пленные гитлеровские генералы и офицеры, да и солдаты, здесь, в центре древней святой Руси, увидели и поняли корни и дух советского народа, советского солдата. Многие из гитлеровцев поняли и покались. Их покаяние, как гром среди ясного неба, неотразимо докатилось до тех, кто еще скалился и огрызался на Москву.»

«Поиск» открыт для всех

Вот уже на протяжении сорока лет члены литературного объединения «Поиск» радуют и удивляют читателей своим многогранным творчеством на страницах газеты «Усть-Илимская правда». Прошли и еще пройдут юбилейные мероприятия, творческие встречи, на которых у любителей поэзии есть возможность лично познакомиться в «поисковцами». Обо всех этих встречах рассказывается в Усть-Илимке», т.к. именно в стенах редакции зародился сначала клуб, а затем и целое литобъединение.

Хотелось рассказать о нынешнем составе литобъединения. Итак, знакомьтесь.

Председатель литературного объединения «Поиск» - В.А. Поливцев.

С его приходом встречи поэтов стали традиционными. Объединение он знал давно. Ранее публиковал свои стихи на литературной страничке, но не всегда мог присутствовать на заседаниях лично. Сегодня же для Василия Андреевича очень важно прислушиваться к товарищам по перу и чтобы они правильно реагировали на критику. Признается, что и сам в начале своего творческого пути выслушивал много нелестного, но внимательно вслушивался, ведь критика способствует качественному росту.

Лес, охота, рыбалка, грибы, ягоды - вот неполный список того, чем живет сегодня Василий Андреевич. При этом никогда не расстаётся с блокнотом и карандашом, отшучиваясь, мол, в тайге прекрасно пишется. И так было всегда. Строил ли он железную дорогу, трамвайное депо, поселок Железнодорожный... Признается, что с годами пристрастий не меняет! Когда избрали руководителем, он почувствовал всю ответственность. Приходится быть беспристрастным, дипломатичным, указывая на чужие ошибки. Наверное, помог опыт работы бригадиром, руководящая струнка, считает Василий Андреевич. Именно он создал в «Поиске» доброжелательную рабочую атмосферу.

Член редколлегии литературного объединения и главный помощник председателя - Э.Г. Копица.

Эдуард Григорьевич пришел в «Поиск» в 1978 году. Руководителем на тот момент был А. Давыдов. Информацию о заседании Эдуард Григорьевич получил из газеты. Тогда решил выяснить и понять, стоит ли ему вообще писать стихи. Руководитель сразу отметил талант начинающего поэта и сказал, что его надо развивать. Но неуверенность Эдуарда Григорьевича на тот момент, а также жесткая атмосфера в объединении привели к тому, что поэт ходил туда только пару лет. В 2006 году он снова пришел в «Поиск». Руководителем был С. Берестень. Вскоре Эдуард Григорьевич вошел в состав редколлегии.

Сегодня его трудно застать дома. Еще с 1973 года поэт заболел Ангарой. С тех пор его тянуло вернуться, снова запечатлеть то, что невозможно увидеть в городе. Эдуард Григорьевич в прекрасной форме, играет в настольный теннис, вспоминает любимую работу - водителем автобуса. Сейчас уже за его плечами многочисленные выставки, первые места в городе и по области! «Поиск» воодушевил его. Сегодня поэт мечтает на свой юбилей, в следующем году, выпустить свой первый собственный сборник. Работ набралось больше, чем на один сборник, да вот финансовой поддержки пока нет.

Член редколлегии литературного объединения «Поиск», помощник и правая рука председателя - В. П. Соболев.

Владимир Петрович появился в «Поиске» в начале ноября 2007 года. Прочитал в газете о том, что состоится заседание, пришел и удивил всех своими стихами! Дело в том, что у Владимира Петровича их огромное количество, и он решил отдать их на суд или получить какой-то совет.

В свое время он занимался строительством, проектированием, а поэзии оставлял лишь свободное время или минуты вдохновения. Но признание читателей пришло. Одно из важных его увлечений - дача. Владимир Петрович - разносторонняя личность, любит теннис, шахматы, лыжи, плавание.

Заместитель председателя литературного объединения «Поиск» - Т. В. Пискунова.

Татьяна Васильевна своим внутренним сиянием буквально осветила «Поиск». Она пришла сюда в феврале 2008 года. Человек она уникальный, и потому о ней часто снимают сюжеты на телевидении и берут интервью корреспонденты. Занимается рукоделием, вязанием крючком, разрабатывает собственные модели, участвует в многочисленных выставках и конкурсах. Ее стихотворение попало в десятку лучших и вошло в книгу о городе. Но самое первое творение было опубликовано еще в 80-х годах. Татьяна Васильевна признается, что в «Поиск» идти было неудобно, вдруг и таланта – то никакого не окажется! Но волнение было беспочвенно и напрасно. Первое же прочитанное стихотворение «поисковцам» понравилось и было опубликовано. А ведь этого у поэтессы и в мыслях не было! Хотела просто разобраться, чему-то подучиться. Сегодня Татьяна Васильевна продолжает творить.

Известная в городе поэтесса и композитор, автор несчетного количества романсов, участница литературного объединения «Поиск» - М.В. Никитина.

Маргарита Васильевна присоединилась к «поисковцам» в ноябре прошлого года, но пыталась это сделать раньше, в 80-х годах. Первое опубликованное стихотворение, ставшее впоследствии авторским романсом, называлось «Рояль домашний». Поэтесса на пенсии, занимается домашним хозяйством, помогает воспитывать внука, много читает. Есть в ее доме огромная библиотека, которую долго собирала и мечтала об этом. «Поиск» для нее - это глоток свежего воздуха. Это и большое событие в жизни, и подарок судьбы, который страшно потерять.

Не менее известный композитор и поэт, участница литературного объединения «Поиск» - Л.Д. Давыдова.

Лидия Дмитриевна более двадцати лет пишет стихи и музыку, сама поет. Публиковалась с 1994 года. С конца 90-х годов ее песни и стихи стали

входить в сборники. С 2006 года Лидия Дмитриевна вновь стала посещать заседания «Поиска». Ее «Провинциалочка», благодаря участию в конкурсе «Я пою о тебе, Усть-Илим», с 2006 года известна каждому и записана на этом диске. Сама Лидия Дмитриевна приехала из Якутска в 90-е годы, была преподавателем истории. Муж стал заниматься распространением книг, и она ему в этом помогала. Творчество считает своим призванием. Пела с детства. Неоднократный дипломант в конкурсах по вокалу. С 12 лет сама сочиняла музыку, но исполнять свои песни стала с 1989 года. Лидия Дмитриевна является постоянным участником фестиваля бардовской песни с 2004 года, но в этом году не смогла принять участие по состоянию здоровья. Признается, что много полезного почерпнула, общаюсь с литераторами, стала критичнее относиться к своим произведениям, оттачивать их: «Даже золото после обработки поражает своей красотой».

Участница литературного объединения «Поиск» - Т. А. Медведева.

Тамара Александровна появилась в объединении сравнительно недавно, около года назад, но уже успела зарекомендовать себя как яркий, талантливый человек. В юности она увлекалась турпоходами и всем, что с ними связано, десять лет была солисткой танцевального ансамбля «Сибирь», выступала в «Гренаде», во дворцах культуры, увлекалась восточными танцами, хотя по профессии - кондитер. Благодаря «Поиску», признается сама Тамара Александровна, она раскрылась, появилась уверенность, нашла свой круг общения.

Огромную роль в становлении «Поиска» на протяжении 40 лет играла «Усть-Илимская правда». Благодаря любимому изданию поэты имеют возможность быть услышанными, их произведения публикуются.

Неоценимую помощь оказал «Поиску» *С.Г. Берестень.*

Сергей Георгиевич возглавил литобъединение в 2006 году. Год назад он покинул наш город, но все равно душой остался с родным «Поиском», при первой же возможности приезжает на заседания, также пишет письма и отправляет свои стихи.

Отдельно хотелось бы отметить наших прозаиков.

Юрий Иванович Горохов издает уже третью книгу, публикует в «Усть-Илимской правде» свои путевые очерки и рассказы. Прекрасный публицист! Пишет рассказы и *Юрий Банщиков*.

Не стоит забывать и о молодежи. Радует, что у «Поиска» есть начинающий, но перспективный поэт *Наталья Юденкова*. Ее стихи берут за душу, как признаются сами «поисковцы». Временно Наташа решила не посещать заседания, сказывается занятость учебной - выпускной класс. Но поэты надеются, что при первой же возможности сна снова появится в их рядах. Другое юное дарование - *Виктория Брюхачева*. Девушка учится в 11 классе, живет в Эдучанке.

Действительно, не все «поисковцы» могут посещать заседания в силу определенных причин. С ними *Василий Андреевич* работает лично, в их числе и *Виктория Брюхачева*. Их стихи также присутствуют на литстранице. Вот уже более двадцати лет постоянным участником «Поиска» является поэтесса *Л. Горновская*. Своим новаторством удивляет *С. Комин*, искренностью - *П. Гомон*.

Когда-то давно семиклассницей пришла в «Поиск» *Оля Политова (Нетецкая)*. Сейчас она автор нескольких сборников, много лет руководила «Поиском». В начале пути «Поиск» возглавляли *Л. Аврясов, Ю. Соколов, А. Давыдов, Т. Андрейко* и другие. Постоянный член «Поиска» не одно десятилетие - *М. Рябиков*.

Читатели помнят стихи и прозу авторов: *Л. Аврясова, Ю. Соколова, А. Давыдова, Н. Быкадоровой, Т. Рассказовой, С. Любимовой, Т. Петляевой, Т. Андрейко, Т. Владимировой, А. Федюковича, М. Погарского, В. Кожушняка, М. Зарубиной, А. Жданова, А. Маковского, Р. Черноусовой, Н. Анучиной, Э. Панасенко, В. Горяиновой, В. Коржикова, С. Коржиковой, А. Эсауловой, Н. Куклиной, В. Шевцовой, В. Лобода, М. Шкуратова, И. Никулиной, Л. Петрова, Г. Муравьева, А. Громышевой* и других. К сожалению многие «поисковцы» не дожили до этого юбилея, но они

навсегда останутся в сердцах. Аграфена Громышева, несмотря на свою сложную судьбу, на концлагеря, смогла сохранить ту доброту, которая была отражена в ее поэзии. Нет с нами сегодня Льва Аврясова, Юрия Соколова, Анатолия Давыдова, Татьяны Владимировой...

«Поиск» ждет талантливых, активных, интересных людей. Когда-то поэты сами опасались быть непонятыми, но свой шаг сделали – сделайте и вы. В свою очередь хочу высказать огромную благодарность всем «поисковцам» за то, что в конце 2007 года приняли меня в свою большую дружную творческую семью.

За многие годы работы у членов объединения «Поиск» накопилось немало талантливых работ.... Есть надежда, что наши уважаемые меценаты поддержат хорошую инициативу «поисковцев» создать свой усть-илимский альманах. Это будет настоящим подарком горожанам и самим членам объединения в честь такого юбилея!

Требуется хозяин

Выездное заседание

п. Кедровый

Недавно Усть-Илимский райисполком провел выездное, заседание в п. Кедровом, который расположен на территории Тубинского сельсовета.

За несколько дней до этого мне и заместителю председателя Усть-Илимского райсовета С. П. Кацарскому пришлось побывать в поселке, чтобы подготовить материал для исполкома. Дорога в это далекое таежное селение проходит через Тубинский, подступы к которому нас не порадовали: вязкая грязь, горы древесных отходов, улицы в самом поселке перекопаны. Создалось впечатление, что нет здесь ни хозяйственных руководителей, ни советской власти. Ну, думаю, в Кедровом будет не лучше...

Кедровый с первого взгляда мне понравился: компактное, опрятное селение. Немногим более 400 человек живет в нем, в основном -

лесозаготовители Тубинского леспромхоза. Имеется четыре магазина, пекарня, где пекут вкусный хлеб. Есть школа, детский сад, клуб, фельдшерский пункт.

Многие семьи ведут свое подсобное хозяйство. Казалось бы, жить можно. Но когда мы поговорили с людьми, с руководителями лесозаготовительного участка, то узнали, что «дыр» тут много. И если в ближайшее время не приступит к их латанию, то недочетов будет еще больше и заделать их станет вовсе трудно.

С 1968 года живет Кедровый. Брусовые одноэтажные дома поставлены на временные деревянные фундаменты, успевшие за 20 лет сгнить. То ли люди рассчитывали здесь обитать временно, то ли строили не для себя, то ли предупредит этот «подвох» было некому. И сейчас дома начали оседать, как бы вращая в землю. Таких зданий более сотни. Не шутка! Обеспокоен народ поселка: как дальше-то жить в этих квартирах? Ремонт не организован, ремонтной бригады нет.

Попросил я было работницу конторы лесозаготовительного участка соединить меня по телефону с Усть-Илимском или с Тубой.

- Ну-у, что вы, — удивленно ответила она, - у нас связи нет.

Вот так. Умри, и знать никто не будет.

Между тем на выездном заседании исполкома главный инженер РУСа А. Л. Досков сказал, что оборудование телефонной связи в поселке давно смонтировано, и в течение двух недель его можно ввести в эксплуатацию.

Что к этому можно добавить? Привыкли мы толкать друг друга, обманывать и разучились работать, делать людям добро.

Не ходит в поселок и маршрутный автобус из города.

- Почему? - спросили мы у ответственных работников леспромхоза.

- Дорога не готова, — ответили нам, — она предназначена в основном для перевозки хлыстов...

И никто подготовкой дороги не занимается: ни руководители леспромхоза, ни сельсовет, ни райисполком. Никто не знает, в каком году будет маршрутный автобус.

- Ладно, - говорили нам люди, - мы не требуем подать нам автобус сегодня или завтра. Но перспектива-то должна быть, дорогу-то за год-полтора можно подготовить...

Для жителей в Кедровом есть две «радости» - клуб и телевизор. Но в клубе нет киномеханика, а многие телевизоры из-за поломок не работают. Телевизионные мастера же сюда не едут: то нет транспорта, то, видите - ли, им невыгодно. Куда ни кинь - везде клин.

На днях, уже после заседания исполкома, руководитель Усть-Илимского телеателье А. Г. Шахтырев представил в райисполком график посещения сел района телевизионным мастером. Но и этот график срывают. Что же, могу добавить к этому только одно: всякому терпению приходит конец. Кто, спрашивается, киномеханика приведет в клуб? Профсоюзный комитет леспромхоза? Отдел культуры райисполкома? Дирекция киносети?

Небольшой поселок, а проблем много. К примеру, жители Кедрового просят, чтобы к ним выезжали хотя бы раз в квартал стоматолог, врачи других специальностей.

Имеются недочеты в школе, детском саду, поселковой библиотеке...

Выездное заседание прошло, принято решение, но народ вышел из клуба без надежды, без веры в то, что от этого разговора будет какая польза... И они, наверное, правы. Беда в том, что в Тубе и Кедровом действительно нет советской власти, нет заботливого, предприимчивого хозяина. А он так нужен.

Удача и протест

*Аналитический взгляд на картины художников
Виктории и Владимира Кириленко*

Недавно в нашем Краеведческом музее я внимательно посмотрел выставку картин художников Виктории и Владимира Кириленко. Ранее я с этими художниками не встречался и их творческих работ не видел, но, как и многие в Усть-Илиме, о их живописи слышал.

Авторы выставки – люди современной светской культуры, и это сказывается не только на художественном мастерстве, приобретенном ими непрерывным, напряженным трудом в течение их еще небольшой жизни, но, прежде всего, на их интеллигентной, выдержанной позиции по отношению к зрителям и знатокам живописи. Хотя замечу, что после торопливого, неглубоко-вдумчивого просмотра выставки содержание отдельных картин может «окунуть в стыд». Однако намек, что имеется наличие установки на показ кириленковской живописи, в тривиальном смысле слова нет. В их живописных полотнах отсутствует явная обнаженность, при рассмотрении картин не возникает отталкивающего чувства. Это завуалировано философско-нравственным оттенком, формами, временем жития между прошлым и настоящим.

Меня удивило и порадовало то, что от всех выставленных художественных работ, независимо от темы, веет духовно-философской аурой. Отмечу, что философско-нравственная тематика в живописи, которую выбрали Виктория и Владимир, требует огромных душевных и умственных усилий, постоянного поиска и самообразования, умения видеть состояние общества, в котором живешь. И эти умственные и душевные мучения, которые они преодолевают в период творческого процесса, судя по их глубоко содержательным работам, приносят им большую радость и надежду на то, что их поймут.

Вдобавок ко всему думается, а скорее всего так и есть, что Виктория и Владимир верят в Бога, более того, они глубоко осознанно вкоренились в Бога; и эта крепкая вера является главным источником их замыслов. Уверен, неверующий в Бога мастер художественной кисти никогда бы не написал картину «К свету».

С какого-то времени Кириленко (он и она) не боятся думать и чувствовать свободно. «Свободно» не означает небрежное свободомыслие или презрение к недалекому прошлому. Очень хорошо, что они - люди мыслящие, с широкой гражданской восприимчивостью и, замечу, смелые.

Художники расположили картины в зале не беспорядочно, а «построили» выставку как добротный интересный рассказ, после внимательного «прочтения» которого невольно задумываешься.

Выставка открывается небольшим полотном с названием «Удача», в верхней части которого выписана самая гармоничная цифра - «7»: в музыке - семь нот; в живописи - семь цветов; в православной христианской церкви семисвечник имеет семь ветвей, что соответствует СЕМИ Таинствам Церкви; в Седмице - семь дней и т.д. Чуть ниже «семерки» изображена подкова - знак доброй воли, он как бы оберегает «мудрость», образно показанную на картине тремя древними книгами и двумя рожками.

Сначала этот холст меня обескуражил: «Что это? - подумал я, - смелая заявка на неперенный успех? Самолюбование? Самоуверенность? Или, действительно, удача и талант?

Но вскоре понял, что «Удача» есть дверца выставки, знак того, чтобы приготовиться к уединению, духовно-философскому размышлению - ведь не зря же на картине выписана «семерка».

От «Удачи» уже не без возникшего во мне волнения перехожу к следующему холсту «Памяти Конфуция». Долго рассматривал эту работу. Образа Конфуция - древнего китайского мыслителя и мудреца - на картине нет. «Главным героем» изображен барабан - инструмент для религиозных обрядов; но если взглянуть на «героя» в другом ракурсе, то можно увидеть «чашу со светлым вином» - «чашу мудрости» Конфуция. Слова «барабан», «вино» древний мудрец часто употреблял в своих мудрых изречениях. Внимательно рассматривая картину, мне показалось, что я услышал непрерывную, тревожную барабанную «дробь», взвившуюся в Небо, к Всевышнему, чтобы передать мудрые изречения Конфуция:

*«Стали, как варвары, мы,
стали мы, как дикари!
Сердце мое оттого скорбью
великой полно!»
«О горе! Люди
нынешних времен
... никто не исправляет
зла!».*

И небо будто услышало Конфуция и в ответ ниспослало на Землю несколько знаков «Единения», словно напомнив: «Много народностей на земле, а земля - то одна. Объединяйтесь! Или: «Вер у вас на Земле несколько, а Бог - то один. Объединяйтесь!».

Пора, давно пришла пора научиться жить на Земле, как бы подсказывает Всевышний. В иной теме написаны картины «Казанова» и «Пастушок». Авторы «копнули» эротический вопрос, который ныне больно тревожит наше общество.

В «Казанове» нет образа итальянского писателя Джованни Казановы (1725-1798 гг.), фигура которого превратилась в символ «тщеславного и жадного до жизни соблазнителя женщин, постоянно ищущего новых эротических приключений. Мемуары Казановы отличаются поразительной откровенностью в описании интимной жизни автора, пронизательным наблюдением над нравами общества 18-го века».

Эротическая суть художественного полотна «Казанова» показана через странную, совершенно иную форму посуды с неожиданными к ней придатками, которые описанию словом не подлежат. Это надо видеть!

Что-то подобное, но более остро кисть художников изобразила в «Пастушке». Ласковое, теплое, нежное название - «Пастушок». Но на полотне нет того пастушка, который еще в недавние времена держал во рту свирель или рожок, созывая в поле скот и радуя людей. Даже я помню удивительную мелодию свирельки, которая, как чистый, освежающий

родничок, омывал душу и сердце. Нет ныне того Пастушка, и возродится ли он - одному Богу известно.

На картине изображен не мальчик, не пастушок, а взрослый, испитой человек с «живым» во рту предметом, который подлежит глазу и слуху только в определенных местах.

Мысль обеих картин остро современна. Неспроста пастушок извратился: ныне с «бельма» телевизора ежедневно льется отвратительная «эротическая клоака», которая, как ржа на канализационной трубе, разрушает души совсем молодых людей.

И не только с «бельма», но и со страниц множества газет разных изданий и макулатурных книг.

Разве это не протест, высказанный душой и кистью художников? Конечно, протест!

Новая страница выставки открывается картинами «Двое», «Танцор», «Кто я?», «Подкидыш», которые еще более и острее обуревают мое сознание.

«Двое»: выписан участок пустынной, будто выжженной огромной силы ядерным взрывом земли. Кое-где торчат неопределенные тычки от бывших строений. В воздухе - темно-коричневый смрад. На первом плане - два человека, одетых в длинные тяжелые плащи, покрытых «больным» пеплом. Лиц людей не видно - закрыты крупными капюшонами. Идут медленно, едва не падая, склонив головы, неся на плече нищенскую котомку и волоча за собой длинную Иерихонскую трубу.

Однажды я прочитал библейский рассказ о том, как невыносимыми звуками подобных труб когда-то был разрушен город Иерихон. Ключ к разгадке сюжета картины найден. Здесь Иерихонская труба - художественный образ, за которым можно подразумевать и ядерный взрыв, и экологическую катастрофу, и ложную пищевую и фармацевтическую продукцию, и т.д. И все это против Земли и людей готовят сами же люди. Кто они? Мы их в лицо не знаем, лица их как бы спрятаны под капюшоном. Но Виктория и Владимир смелы и «безжалостны», они и этих «двоих героев»

в покое и счастье не оставляют: они едва бредут с пустой нищенской сумкой - «милостыни» ждать уже неоткуда, вот-вот упадут и тоже умрут.

Нисколько не легче содержание полотна «Кто я?». То, что я «прочитал» на этой картине, «обожгло»: ядерный взрыв породил огромное живое существо - «человека-мутанта», который не только завладел Землею, но и пошел далее - во Вселенную. Это ужасно! Но такое возможно.

Да подобное и было: как известно, причиной Всемирного потопа явилось изменение человеческого вида на земле.

Блудницы рожали от падших ангелов мутированных человекоподобных существ. Древняя мифология называет их циклопами, исполинами, нефалимами, которые были чрезвычайно огромного роста. Среди этих мутантов совершенно отсутствовали понятия нравственности и совести. Когда их число на Земле стало преобладать, произошла катастрофа. Сегодня ситуация близка к повторению: безнравственность на земле выходит на первый план.

Кстати, вспомните недавно произошедшую трагедию в Юго-Восточной Азии - по сути, это тот же потоп. Разве это не предупреждение? Развязка выставки Виктории и Владимира начинается с картины «Разные» и заканчивается - «К Свету» и «Мыслитель».

Мысль холста «Разные» на первый взгляд проста и легка, но эта картина заняла на выставке свое собственное место и как бы дает предварительный, но точный ответ на те «невзгоды и нравственные падения», которые выписаны в предыдущих картинах. На холсте красками изображены два рожка: один - прямой, другой - изогнутый, едва ли не в кольцо. Рожки - образы людей. Один человек - честный, порядочный, не лжет, живет и для себя, и для людей. Другой говорит одно, а делает другое. Эти «кривые» и ведут Землю и население к безнравственности и катастрофе. Они к Богу не пойдут, они Его боятся, как огня, так как не исполняют Его заповедей. Этой работой мастера кисти выражают «протест», как это ни

парадоксально, не против «кривых», а против народа - нельзя же вести себя в период выборов как «слепые котята».

В начале этой статьи я уже упомянул о картине «К Свету». Лучшая картина выставки и по содержанию, и по мастерству исполнения. Классический стиль живописи здесь значительно выше, чем на предыдущих полотнах. Она - венец выставки, она подводит итог и делает главное заключение.

Холст небольшой, с правой стороны в открывшуюся дверь хлынул яркий Свет, пространство у двери озарилось, озарение пробилось слегка и далее, в противоположный темный угол, где к Свету энергично повернулись лицом, но не ринулись навстречу, а застыли, замерли три человека, а четвертый так и не среагировал на Свет, так затылком к Нему и стоит. Все четверо большей частью объаты густой ночью, тьмью.

Кто же главный герой этой замечательной картины? Можно утвердить - Свет! Образ Бога!

Хорошо известны слова Спасителя: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» Это вопрос развития христианства, в котором всегда боролись две тенденции: одна - освящающая мир, другая - обмирщающая. И борьба за прошедшие века идет с переменным успехом. Хотя мы, православные христиане, часто повторяем: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».

Но, как ни печально, в действительности в борьбе превалирует вторая тенденция: верующих-то, которые средоточием своей жизни видят Святое Евангелие, становится, как показывает история, все меньше и меньше. Разве мы не являемся свидетелями обмирщения Церкви и христиан в России за период последнего, только что ушедшего 20-го века? Без сомнения - да. Но и сейчас обмирщение продолжается.

Понятие «обмирщение» ясно раскрывается словами Апостола Иоанна Богослова: «Все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего».

Ныне понимание того, что главным является исполнение заповедей Евангелия, затухает. И волей-неволей затухающее духовное пространство заполняется другим - всплывает безнравственность: катастрофы, убийства, грабежи, воровство, войны, наркотики и т.д. И в ближайшие годы ожидать перемен в сознании людей сверху донизу не приходится.

Сейчас в России происходит то, что случилось, когда евреи покинули Египет. Они вышли на свободу, а свобода-то оказалась совсем нежеланной: они получили то, о чем и не думали. И далее: перейти из Египта в землю обетованную можно было в несколько дней, они бродили сорок лет. Почему? Потому что Бог им определил бродить, пока не умрет все поколение, которое выросло в рабстве, и пока не вырастет то поколение, которому будет предоставлена свобода и в обстановке, в которой будет вера в Бога.

Из этого становится понятным содержание картины «К Свету». Недаром на холсте трое «героев» опешили от Света, а один и вовсе не хочет смотреть на Него. Все «отбиты» от Бога. Отсюда вся безнравственность и ее последствия.

Последнюю точку поставила на выставке картина «Мыслитель», на которой художники изобразили привлекательную голову мужчины с задумчивыми глазами, высоким чистым лбом, крутым подбородком и затылком. Вокруг головы - яркий ореол. Во рту - кончик длинной курительной трубки, направленной далеко, в синюю бездну к Богу, от которого мыслитель «прикуривает» мысли.

Сюжет полотна заключает все содержание выставки: «Люди! Обращайтесь к Богу, общайтесь с Ним, и Он подскажет, как правильно жить!».

Выставка картин художников Виктории и Владимира Кириленко своевременна и удачна и, главное, не оставляет зрителя равнодушным, напротив, вызывает и в его душе жгучий протест.

Чистый звон колоколов

Еще задолго до празднования Дня нашего города я часто задавал себе вопрос о том, произошло ли в городе за последние годы для меня и для других, таких же простых людей, что-либо заметное, яркое, что бы взволновало, порадовало нас... . И сам себе отвечаю: «Нет, за последние 10-12 лет в Усть-Илимске не было событий, значительных, положительных подвижек, которые бы явились предпосылками к спокойной, ровной, уверенной жизни горожан, развития Усть-Илимска». В глубине души постоянно пласт на пласт накладывается горечь, болезненное предчувствие того, что город находится сейчас в твердом застое. Порой мне кажется, что синусоида жизни великолепного города повисла в фазе крутого падения к умиранию. Предпосылок к этому много. Особенно меня беспокоит безработица, пьянство и наркомания, повсеместное воровство, убийства. Эти страшные перекосы волнуют и беспокоят большинство устьилимцев. Но так не должно быть! Земля и всё живое на ней, в том числе и человек, созданы Богом для жизни, для ее развития, улучшения, уверенной перспективы.

И вот произошло одно явление (именно явление!), которое, как внезапно возникший свет Божьей свечи в густой темноте, обнадеживающе осветило меня и многих других в нашем городе. Это ввод в жизнь нового Божьего православного Храма.

12 июля, в день открытия дверей церкви, я посетил её, сердцем и душой принял участие в праздничной литургии. Верится мне, что день открытия православного Храма был одинаково радостен как для верующих, священнослужителей, так и для всех устьилимцев.

Перед началом литургии народ ожидал Отца Александра, которого уважают, идут к нему, чтобы поделиться своими горькими и негорькими думами.

Мальчишки-звонари, находясь на колокольне церкви, неотрывно наблюдали за главными воротами территории Храма, где должен был появиться Отец Александр с высоким гостем из Иркутска.

- Идут! Идут! – громко крикнул дежуривший внизу, у подножия Храма, еще один юный звонарь, - звоните..! Идут..!

И полился нежный колокольный звон над правобережной частью города, пробился через лесок к ГЭС и по Ангаре прокатился до левого берега. Радость разом пронзила меня, не удержал слез, погорячели руки, задрожало всё тело. Давно я не слышал церковного благовеста, наверное, с тех пор, когда жил на Владимирской земле среди чудом сохранившихся и действующих храмов.

Я заметил глубокое волнение и Отца Александра. Его лицо, глаза оживились, светились от внезапно нахлынувшего счастья. И, тепло улыбнувшись, направил свой светлый радостный взор вверх, к колокольне, молча взмахнул рукой, дал знать звонарям остановить колокола, но мальчишки две-три минуты продолжали с еще большим рвением звонить. Состояние юных звонарей можно понять: звонили впервые в колокола нового Храма, звонили Отцу Александру, звонили всему Усть-Илимску. Звон благовеста слышали все.

Милые мои мальчишки, понимали ли они, что в эти незабываемые минуты они приблизились к Богу, соприкоснулись с ним. Уверен, что юные звонари никогда не забудут этот день. Они никогда не сойдут с Православного пути, с пути правильного.

После окончания службы народ не торопясь выходил из церкви, было желание продлить пребывание в новом великолепном Божьем Храме.

Вот с паперти церкви неспешно сошла пожилая женщина с мальчиком лет шести-семи, видимо, с внуком, повернулась к церкви и одновременно совершила крестное знамение. Я глядел на них, но уже их не видел, всколыхнулось в моей памяти, озарило меня, обожгло воспоминание шестидесятилетней давности. Когда моя мама мне, ребенку, примерно такого же возраста, как и тот мальчик, сошедший с паперти, сказала:

- Пойдем, сынок, посмотрим, как безбожники будут взрывать церковь в центре нашего города...

Своими глазами я видел, как мужики бурили в стенах Храма глубокие шпуры, в которые закладывали взрывчатку. Гул взрывов, плач верующих у меня в ушах до сих пор.

Взорвать церковь безбожникам казалось недостаточно. Вдобавок к этому в центре кладбища, примыкающего к Храму, они сколотили танцплощадку...

Будучи уже юношей, я обошел многие города и веси родного края и везде встречал порушенные, поруганные храмы. Сейчас не взрываются храмы, но перешли к более изощренным и массовым взрывам – «взрывам душ». Что заставляло и заставляет людей свершать такое кощунство? Что заставляло и заставляет людей идти против Бога, против православия? Человек, видимо, не осознает, что, убивая другого, убивает себя.

После 12 июля прошло два месяца, а я ежедневно вспоминаю тех юных звонарей, исполняющих благовест и того мальчика, совершившего крестное знамение. Все они познакомились с таинством соприкосновения с Богом. Уверен, они уже никогда не сойдут с Православного пути. Не станут угнетателями, наркоманами, ворами, убийцами. У меня появилась вера в то, что волна Благовеста благотворно повлияет на души тех людей, которые создают среду для нищенства, безработицы, наркомании, воровства и убийства. У меня появилась вера в то, что Благовест наберет мощь и потеснит «нечистую силу». И Россия, в том числе наш родной Усть-Илимск, начнут развиваться, будут жить.

Чтобы не затух разум русского языка

«Мой верный друг!
Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб!
Родной язык...»

В. Брюсов «Родной язык»

Не секрет, что переустройство экономической и социальной жизни в нашей стране – это общие перемены, которые не на все (как желалось бы!) воздействуют благотворно. Меня беспокоит та волна перемен, которая выхолащивает культуру русской речи, засоряет экологию русского слова.

Казалось бы, что в условиях глубоких перемен надо перестраивать не язык, служащий для объединения нации, а наше отношение к нему. Удвоить, утроить уважение к доброму, яркому нашему слову, неразрывно связанному с делом и помогающему делу. Никому ведь не приходит в голову, что надо упростить и выхолостить химию, физику, математику или ботанику. А вот мысли по рационализации, реформированию могучего русского языка в наше время становятся символом решительных, радикальных обновлений.

Сторонники упрощения русского языка не задумываются над тем, что делают. Скорее всего, они исходят из сиюминутных нужд, не задумываются, что облегчить язык нельзя без ущерба для него. «Расстраивая» яркий русский язык, не желают думать, а может и не знают, что язык – это история нашего народа, сама культура, процесс и результат ее накопления и обновления.

Уверен, многие, прислушиваясь к разговорной речи, замечают, как она огрубляется и засоряется. Появилось пристрастие к малопонятным иностранным словам. Нередко, казалось бы, интеллигентные, грамотные люди изрекают иностранное слово «спонтанно», «спонтанный», но его перевода на русский язык не знают. Для чего же говорить где-то случайно пойманное импортное слово? Для подражания? Хотят сделать важный вид осведомленного в латинском языке человека? Ради хвастовства? Или это зародившееся отвращение к родному языку? Разве наши слова «самопроизвольный», «случайный» или «непреднамеренный» непонятнее или хуже звучат, чем «спонтанный»?

А такие «оккупанты» как «релятивный», «релаксация», «дискурсивный», которые часто употребляются в печати, разве понятнее наших русских «относительный», «ослабление», «рассудительный»? Нет,

конечно. Меня еще более удивляет, когда слышу иностранные слова «масс-медиа», «ноу-хау», «мейкап». Неясность смысла этих слов ведет к совершенно безграмотному их употреблению.

Подобных примеров засорения русского языка много. Разумеется, среди заимствований ныне встречаются слова, которым суждено стать частью русского словаря. К таким я отнесу: «видео», «дизайн», «терминал», «компьютер»... Но хороший вкус не должен допускать излишних «иностранцев» в русскую речь, если она своей историей заслужила быть культурной.

Нередко на склоне дня я люблю походить по улицам нашего города – «послушать» жизнь, посмотреть на устылимцев. Часто встречаю молодых людей. Внешне опрятно одетые, симпатичные люди, но в руках держат открытые бутылки с пивом и нарочито громко разговаривают бранными словами, а вернее – отборной матерщиной. От их речи мне тотчас становится невыносимо стыдно, будто не они, а я перед ними провинился.

За последние полтора десятка лет многим молодым людям не было привито уважение друг к другу и к окружающим. У них нет понятия ни о чести, ни о совести, которыми обладало старшее поколение.

С подобным пренебрежением к слову я встречаюсь в пассажирских автобусах, где водители громко крутят через проигрыватели современные пошлые песни; услышав их позорные слова, стремишься скорее выйти из автобуса.

Наряду с засорением экологии языка мы являемся свидетелями того, как отдельные яркие наши слова начинают блекнуть, мельчать, терять гордость звучания. К таким я отношу слово «товарищ», ранее означавшее высокое духовное единение, ныне от него навевает холодом. Постепенно это слово как бы выветривается из нашей лексики: современная морально-нравственная обстановка вольно или невольно вытесняет его из русской речи. А слово «гражданин», когда-то вмещавшее в свою суть глубочайшее

уважение к Отчизне... Оно исчезло из русской речи, потому что мы потеряли гражданское самосознание.

Горько говорить, но говорить надо: в обществе, в котором мы сейчас живем, не стало ориентиров русской речи, таких, как бывшее Всесоюзное радио, которое считалось университетом культуры, а речь дикторов – эталоном. Слушая радио, учились правильной русской речи, русскому языку и взрослые и дети.

А сегодня? С экрана телевизора или кинотеатра часто вырывается «бандитский сленг». И по радио, по телевидению звучит неграмотная реклама, где совершенно не соблюдается ни культура, ни техника речи: пресловутое «скоко», «крема», «побАлуйте себя», «Оптовая продажа» и т.д.

Значение родного языка для жизни общества, для развития культуры не оценивается по достоинству. Мне понятно сетование по этому поводу замечательного писателя Виктора Астафьева: « Жаль, что горькие и смешные уроки истории воспринимаются у нас как-то слишком легкомысленно и как-то замкнуто, а вопросы языка – как что-то, стоящее в стороне от главных вопросов жизни».

Российский поэт К. Батюшков убежденно говорил о постоянном совершенствовании русского языка, которое «идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданской образованностью». «Будущее богатство языка» К. Батюшков прямо связывал с «благоденствием страны». То есть с благополучием, счастливой жизнью народа в стране. Иначе может возникнуть «затухание разума русского языка». Не это ли явление мы сегодня переживаем?

Что же нам делать, чтобы сохранить русский язык? Чтобы он всегда был другом и не оказался врагом.

Прежде всего, каждый, кто любит свой родной язык, по мере своих сил должен помогать ему. И меня радует, что усть-илимская интеллигенция не остается в стороне, не показывает равнодушие, а напротив, поднимает громкий голос в защиту русского языка. М. Морозова, А. Шастин, М.

Курило, Н. Короткевич, А. Козлов, Т. Коршунова, Л. Слободчикова, А. Краснова, О. Макаренко – они первыми ярко выступили в защиту «могучего языка» на странице «Вечернего Усть-Илима» от 20 июля 2006 г. И это похвально!

В защиту русского слова должны встать литераторы общеобразовательных школ: кому, если не им, развивать речь учащихся, прививать любовь к Слову, к русской классической литературе. Это воспитание должно начаться с детьми начальных классов, так как их души ближе к Богу, и Свет доброго Слова они воспринимают легче и навсегда. Вспомним высказывание В. Распутина в статье «Вопросы, вопросы...»: «Представьте себе, что Пушкин в детстве слушал бы не сказки Арины Родионовны, а песни Аллы Пугачевой – да разве мог он стать Пушкиным!» С детского возраста человека надо учить не только правильно говорить, но и писать с соблюдением орфографии. Ведь недаром А.С. Пушкин называл орфографию «геральдикой языка», то есть родословным деревом, запечатлевающим традицию.

Главным источником и регулятором в познании языка должна являться художественная литература. А форм познания очень много – все зависит от глубокой любви к Слову, от творческого подхода учителя, библиотекаря, энтузиаста. Свое же Слово хочу закончить четверостишием В. Весника:

«Друзья, следите за собой,
Когда по-русски говорите.
Ведь это наш язык родной –
Его для внуков сохраните!»

«Я живу в ледяной продуваемой трещине»

Ради того, чтобы повидаться с нашим бывшим земляком Владимиром Пламеневским - поэтом, архитектором, художником, увидеть его картинную галерею, о которой немало слышан, я попросил на работе на период

«бабьего лета» путевку в санаторий, расположенный недалеко от Байкала, то есть туда, где живет мой старый товарищ.

На второй день, уже в санатории, у своего лечащего врача взял «вольную» на несколько суток и, не теряя времени, на попутном автобусе доехал до истока Ангары, от которого пешком, неспеша, подался по прибрежному байкальскому тракту в сторону Листвянки. День стоял прохладный, но солнечный и тихий. Дремлющий Байкал едва заметно волновался, сверкал, радовал глаз. И только вдали, у другого берега, пояском висела неподвижная синяя дымка.

Берег Байкала оживает, обновляется. Кое-где появляются невысокие, но привлекательные кирпичные и из свежего леса коттеджи, частные гостиницы, школы, трактиры. На «пяточках» торгуют маринованными огурцами, грибами, помидорами, а также омулем: свежим и соленым, копченым и вареным. Однако рыбка дорогая: за один хвост просят 8-12 тысяч рублей. И, как я заметил, разговляются ею больше народ пестрый, закордонный, денежный. Наш-то брат российский нынче брошен, нищий, с тощим карманом, а то и вовсе без денег. И все же иду и радуюсь: в былые годы, лет 8-10 назад, омуля даже на Байкале было не отведать, разве только где-нибудь украдкой, втайне...

Так, незаметно я дошел до нужного мне поворота, где увидел объемную вывеску: «Картинная галерея», Чапаева, 76». Повернул налево и заторопился по узкой улочке, протянувшейся в основании расщелины гор. И тотчас вспомнил строку из стихотворения Пламеневского: «Я живу в ледяной продуваемой трещине...» Теперь я понял, почему он так написал.

По обе стороны тянутся ветхие, почерневшие от времени, будто обожженные, деревянные домики. Не исключено, что они сохранились еще с времен, когда в Листвянке, дожидаясь попутного парохода, чтобы ехать далее, на Сахалин, прожил двое суток Антон Павлович Чехов. Писателю понравилось «священное» озеро, его берега, станция Лиственничная (Листвянка), которую он сравнил с Ялтой. Антон Павлович сожалел, что с

ним не поехал его друг, художник Левитан. Своим родным Чехов из Листвянки писал: «Скотина Левитан, что не поехал со мною...»

Многих замечательных талантливых людей притягивал к себе Байкал. К таким отношу я и Владимира Пламеневского, который родился и 18 лет жил в Севастополе, учился на архитектурном факультете ЛИСИ в Ленинграде, где работал архитектором более десяти лет. Затем ряд лет трудился в Усть-Илимске в составе группы рабочего проектирования и в Художественном фонде. Севастополь, Ленинград... Для многих эти города — мечта жизни, а он их оставил, поменял на Байкал, на продуваемую свирепыми ветрами Листвянку, где под боком небольшой Свято-Никольской церкви строит себе дом, в котором уже живет, пишет стихи, картины, встречает друзей-художников, писателей, журналистов, не без помощи которых создал в стенах еще недостроенного своего гнезда уникальную, неповторимую картинную галерею.

И ВОТ - «Чапаева, 76». Перед домом небольшой шлагбаум - открывается бесшумно, легко. Навстречу – Пламеневский. Густые, с заметной иссиня светлой проседью, слегка взъерошенные волосы, побагровевшее, отшлифованное на семи байкальских ветрах широкое лицо с крупными, тепло искрящимися глазами и круглой небольшой бородкой с баками, точь-в-точь, как у Хемингуэя. Просторная, навывпуск рубаха не скрыла его могучих плеч, рук и груди. Он остановился передо мной, узнал, несуетно поприветствовал, крепко пожал руку.

- Рад видеть, заходите, заходите, — приятным, только ему присущим баритоном, сказал мне и пригласил, показывая рукой на лестницу, ведущую в дом.

- Подожди немного,— остановил я его, - позволь взглянуть на твою усадьбу ...

Земли - соток 25-30, - прикинул я, в глубь усадьбы цепью, один за другим выстроено три больших шалашеобразных дома, за ними, в стороне -

грядка, капуста еще не срублена... Значит, - подумал я, успевает и землей немного заниматься...

Затем не спеша осмотрел все строения. В первом доме, который ближе к улице - мастерская, где Владимир Юрьевич пишет картины. Средний дом - жилой: и комната отдыха, и библиотека, и кухня - все в одном большом зале, в котором ни перегородок, ни дверей, но каждому месту – свой угол. Все просто, все подогнано, отделано руками Владимира.

Здесь я познакомился с его милой, гостеприимной женой Леной и сыном Арсением, которые после знакомства предложили мне посмотреть фильм об их семье.

На втором этаже дома — просторная комната для ночевки гостей, навещающих его часто, особенно в теплое время года.

Перед входом в третий дом стоит высокая деревянная резная стела, извещающая о том, что, отсюда начинается картинная галерея.

Я, с юношеских лет интересующийся живописью, с волнением вхожу в этот дом. Остановился, осмотрел большой светлый зал, по обе стороны которого на наклонных стенах, снизу доверху - картины. Множество холстов. Остался один, с глазу на глаз, с каждой работой. Трудно выразить словами те чувства, которые при этом я испытываю. Вдвойне, втройне я радуюсь, восхищаюсь, когда вижу, как художник несколькими удачными мазками покажет в пейзаже то, что я за многие годы жизни не вижу своими глазами наяву.

В этой статье я не преследовал цель рассказывать об авторах и их картинах галереи Пламеневского. Так как это уже другая тема. Но замечу, что мне особенно понравилась живопись художника из Читы Вячеслава Скроминского; из Усть-Илимска – Владимира Осипова и Ивана Малашенко. Кстати, по словам хозяина галереи, работы усть-илимских художников имеют особенно большой спрос, кроме уже перечисленных мною, Владимир Юрьевич назвал Александра Веснина, Анатолия Погребного, Николая Тарасика, Людмилу Балахнину, работы, которых уже раскупили.

Есть ряд холстов, на которых подолгу задерживался мой взгляд — иркутских мастеров кисти, из Ангарска, Москвы. Вообще же в галерее выставлены живописные работы более тридцати авторов из разных регионов Сибири, а также Петербурга, Севастополя, Много пейзажей (Байкал во многих его проявлениях), натюрморт, графика.

Интересен отдел декоративно «прикладного искусства»: художественные работы из бересты, дерева, байкальского камня, ювелирные изделия.

Пока я рассматривал картины, переходя от одного холста к другому, сюда приходило несколько групп, и малых, и многочисленных. Экскурсию проводил сам Владимир Юрьевич,

- За день, наверное, очень устаешь? - спросил его в минуту передышки.

Пламеневский, помолчав, ответил:

- Я рад тому, что и в сегодняшнее невзгодное время люди идут сюда. Встретишь у входа — взгляды прохладные, безучастные, а выходят — иными, растеплившимися, благодарными. Значит, цели своей я достигаю, потому об усталости и не думаю, забываю о ней.

Пробыл я в гостях у Пламеневского почти три дня, выкроили время и посидели за столом поговорили, вспомнили годы, которые он жил в Усть-Илимске, где Владимир оставил о себе хорошую, заметную память.

Однако свободного времени у него почти нет: экскурсии, подготовка галереи к зиме, переписка с друзьями, встречи с ними, да и сын, и жена нуждаются в нем.

- Картинная галерея, - рассказывал мне Владимир Юрьевич, - это только часть культурного комплекса, о котором я мечтаю... Успею ли? - задумчиво продолжал он говорить. - Беда в одном: нет средств, да и строю я сам, своими руками. Спонсора бы найти, который любит живопись, литературу, людей, чтобы откликнулся и немного помог...

Перед расставанием с Пламеневским я вновь заглянул в галерею, не без волнения еще раз окинул ее взглядом, еще раз внимательно посмотрел на

понравившиеся мне картины. Затем полистал и почитал книгу отзывов, в которой записи на разных языках, и шуточные, и серьезные.

Вот экспромт поэта Марка Сергеева:

«О, Пламеневский!
    О, Владимир!
Чтобы культуры мир
        не вымер,
Расти укроп и
        сельдерей,
И превращай в стихи
        наитья.
И каждый год верши
        открытья
Все новых славных
        галерей!»

А вот мнение академика из Москвы: «Здесь у Пламеневского совершенно не ощущается фрустрация. Совершенно. Ну, просто удивительно!»

Я счастлив, что повидался с Пламеневским, о котором местные жители говорят, что он «не меньшая достопримечательность этих мест — если не большая».

Рассказы

В крещенскую ночь

В крещенскую ночь на речке Камешки, которая разделила пополам маленький городок, где я родился и где прошло мое детство, без каких-либо громких сборов и призывов собиралось много людей: и старые, и помоложе, и дети. Еще днем дружно устремлялись к реке мужики - прорубщики, сбрасывали с упругих плеч полу, шубки и весело рубили топорами и

пешнями на речке лед: готовили проруби, и не одну, не две, а три-четыре и более.

Моя мама говорила не «проруби», а «пролуби», не «прорубщики», а «пролубщики».

- Почему так? - вопросительно поднимал я на нее глаза.

- У нас в деревне, - отвечала она, - издревле так говорили, а почему - не знаю.

А отец, подшивая у окна валенки, прислушавшись к нашему разговору, будто выручая маму и, как бы подтверждая, что прорубь действительно называли пролубью, напевал:

- У пролубки две голубки воду пили, целовались;

Улетали, возвращались, снова пили, целовались... Я поворачивался к отцу и смущенно улыбался.

- А вот отгадай загадку, - весело говорил он мне.

- Какую?

- На пролубке — две голубки.

Я долго смотрел в глаза отцу, задумчиво чесал себе затылок.

- Не знаю, - стеснительно пожимал плечами.

- Миска со щами, а в ней - две ложки! - приблизившись ко мне, отвечал отец, громко смеясь.

Я тоже радостно хохотал.

К полночи прижимал крещенский мороз. Его ждали, к нему готовились, ему радовались, какое же Крещение без мороза! Теплее одевшись, спешили к речке с ведрами, высокими четвертями, пузатыми бутылками, с бидонами, другой посудой. Торопились за «святой» водой. Прижались вплотную к прорубям: ровно в полночь вода в них сама должна колыхнуться.

За несколько минут до полуночи к центральной, самой крупной пролуби верующие сопровождали высокого священника, одетого в темную длинную рясу.

- Смотри, не обгоняй, - тихо предупреждала меня мама, - грех на душу примешь.

- Поздно батюшка - то пришел, - едва слышно говорили между собой богомольные женщины, стоявшие неподвижной стенкой поодаль от пути, по которому спешил священник.

- Не ближний свет, из самого Владимира приехал, - как бы оправдывая его, говорили другие.

- Да - а, жаль свою - то нет...

- Скоро, скоро и наезжому-то батюшке дорожку перекроют, — тихо, сквозь слезы, обмолвилась моя мама. Одни вот начали, другие совсем погубят и похоронят нашу чистоту, подождите...

Я хотя и был мальчонкой, но понимал, о чем тужил народ: по своей ли воле или по чьей-то указке решила местная власть взорвать, чтобы и «духу не было», пятиглавый белокаменный собор, возвышавшийся в центре нашего городка. Немало пролито горьких слез в тот день, когда безжалостно сбрасывали с церкви колокола и «золотые» купола. Стены же величавого собора несколько дней не поддавались никакой взрывчатке. Но оголтелые все-таки уничтожили храм. С тех пор и не стало батюшки в нашем городе.

Но вот о чем сказала моя умная, мудрая мама, я тогда понять не мог. И потому, как и прежде, радовался белому снегу, звездному небу, «святой» воде, в которой водятся и раки, и рыба. Радовался этой крещенской ночи, собравшей всех людей моего городка на праздник.

Ровно в полночь, когда народ, замерев, пристально смотрел в темную пролубь, кто - то из людской гущи неожиданно выкрикивал:

- Колыхну-улась! Колыхну-улась!

Каждый раз с неудержимым волнением стремился я не пропустить этот таинственный момент. И каждый раз мне не удавалось его уловить. Но короткое незвонкое бульканье в проруби, где-то у ее противоположного края, слышал.

Люди спешили брать «святую» воду... Многие стремились зачерпнуть первыми. Отец мне говорил, что первым вода достается не только святая, но и чистая, как слеза. Мама набирала воду около священника - вода, что ли святее была? Она неторопливо опускалась на колени у края проема, наклонялась и наполняла водой четверть. Рядом с мамой набирали воду другие женщины: и старше ее, и моложе. С другой стороны пролубли опускали посудыны в воду мужики и мы - ребяташки. Набирали ее не спеша, краем глаза поглядывая на батюшку. Тот, остановившись у края пролубли, после минутного сосредоточения, воздевал руки к небу и начинал молитву со слов благодарности Богу за милость жизни. Затем он осенял людей крестом и благословлял. Через некоторое время батюшка повторял свою молитву. В заключение молитв и благословений священник, воздев руки с крестом кверху, призывал людей не совершать друг перед другом, перед водой и перед окружающими преступлений из-за которых можно потерять чувство любви, обречь себя на зло, которое погубит все живое. Наполнив посуду «святой» водой, люди домой не расходились: молча поднимали глаза на звездное небо и молились или что-то шептали.

- Задумай, сынок, и помолись, сбудется,- тихо на ухо говорила мне мама.

Я не крестился, но поднимал голову, смотрел на чистые, будто умытые святой водой звездочки, и что-то нашептывал.

- Ну-у, задумал?.. - спрашивала мама.

- Задумал, - конфузливо отвечал я.

- Что же?

- Пусть папа мне коньки купит...

- Где же денег-то взять, сынок? – словно чего-то испугавшись, торопливо говорила она.

- Ты сказала задумать. Я и задумал...

Каждый задумывал о своем, сокровенном. Девушки, мелко крестившись, грезили, чтобы в наступившем году влюбиться и выйти замуж. У

замужних женщин свои тайны - и грустные, и радостные. Мужчины тоже, задрал головы кверху и тихо улыбаясь, что-то загадывали.

Дома отец осторожно ставил бутылку на стол, долго и пристально смотрел сквозь ее стекло на живой язык пламени керосиновой лампы.

- Ни пузырька, ни соринки! - говорил отец, подмигивая мне, - свята-ая.

Мама ставила на стол три стакана,

- Налей.

Папа, бережно обхватывая двумя руками высокую бутылку, наливал,

- Ладно, - останавливала мама, - а то не хватит, год-то он, ого-го-о какой... до следующего Крещенья еще дожить надо...

Я, как и мама, пил долго, наслаждаясь свежестью воды и как бы проникался ее таинством. Отец выпивал быстро, после шумно крякал и, приложив широкую ладонь к животу, удовлетворенно восклицал:

- Вот это водица!

Затем старательно, плотно закупоривал четверть и осторожно лез в погреб.

- Поставь как следоват! - кричала мама сверху, чтобы не разбить!

Берегла мама «святую» воду, попусту не тратила, только на дело. Помню, у моей младшей сестренки заболел глаз. Не повела ее мать в больницу. Достала из подвала бутылку, тщательно сверху протерла еечистой тряпкой, осторожно налила «святой» воды в мелкое блюдца, из которого промыла больной глаз. На следующий день промыла еще раз. Дней через пять - шесть болячка прошла. Насколько же была чиста вода в нашей речке! Охраняли, берегли предки воду, недаром святили, понимали, что без чистой воды не прожить ни людям, ничему, что в воде и вокруг.

Поздно ночью, когда я калачиком сворачивался на покой в своей кровати, приставленной к теплему боку высокой русской печи, слышал негромкий, ласковый голос мамы:

- Ну, что, отец, ктись да в постель ложись.

В Бога отец смутно верил. Я никогда не видел, чтобы он крестился, но маме не перечил: зато праздничные приметы знал и был крепко убежден в их силе.

- Собаки заливаются... - уже находясь в постели, не беспокойно, а умиротворенно говори отец, - зверья, ди-ичи будет, - и, укутываясь плотнее одеялом, добавлял, - э-эх, мать, и поохочусь.... Через две - три минуты, когда в постели была и мама, тихо молвил: и небо сегодня звездистое, грибо и ягод наберем...

Я же, согретый горячей печью и убаюканный спокойным голосом отца шептал:

- Па - ап, а коньки мне купите-е..?

Что ответил отец, уже не слышал. Я уплывал к мерцающим звездам светлой крещенской ночи...

В Янтарном

Отрывок из рассказа

«Недавно я закончил работу над рассказом «В Янтарном». Янтарный — маленький поселок лесорубов, расположенный далеко в тайге от основной базы леспромхоза, у речки Янтарки. Перед самым Новым годом по приказу директора леспромхоза в Янтарном поставили небольшую дизельную электростанцию, готовились дать в дома лесорубов свет. Праздник приближался, а бригада не успевала, и вот я сделал попытку рассказать о взаимоотношениях членов бригады и жителей поселка в этот критический момент». В отрывке из рассказа, который сегодня редакция предлагает вашему вниманию, говорится о заключительных работах - вводе электростанции в действие.

В поселке знали все, что вот-вот должен вспыхнуть свет. Но время шло, свет не зажигался, и ждать устали. К вечеру, когда из-за Янтарки в по-

селок стала вползать темень, собрались у электростанции все, кто хоть мало-мальски соображал в дизелях. А немного позже подошли и другие. Даже заточник пил, сухой долговязый дед Фока не выдержал, протопал к электростанции, и смело потеснил у порога людей.

Чистый, нарядный вид народа говорил о том, что до Нового года осталось - совсем немного.

-Тьфу, - досадно плевал в угол Пашка, - что с дизелем? Вкалывали, вкалывали...

Надежда на свет невольно притянула сюда и женщин. Им особенно хотелось, чтобы сегодня в их теплые кухни и комнаты ворвалось электричество. Надоело напрягаться, пристально всматриваться в чашки и тарелки, ножи, вилки. Надоело переносить из угла в угол керосиновую лампу. Потемки есть потемки. Подбоченившись, женщины встали поодаль, у открытой двери электростанции.

- Не клеится что-то у мужиков, - с сожалением заметила одна.

-Не говори, - легко махнув перед лицом рукой, поддержала другая. И Федор Николаевич здесь, а пустить не могут, хитрая, видно, машина-то...

Дед Фока, услышав женские голоса, хрипло пустил шутку.

- Бабы пришли, вовсе не пустим!

-Типун тебе на язык, Фока, - без обиды одернули женщины старика. Тот, как козел, высунулся из сарая, поводит длинным горбатым носом и будто солярки подлил в огонь:

- Это уж, как пить дать, бабоньки...

Бабы рассердились не на шутку:

- Помолчи лучше, чем язык-то точить, поди, не пила он у тебя, и так остер!..

В это время дрогнул дизель. Разом потух смех и говор. Все отпрянули от машины, застыли. Механик, склонив голову, будто доктор около больного, напряженно, сосредоточенно слушал работу дизеля. Словно очнувшись, Федор Николаевич пристально посмотрел на приборы. Подняв над головой керосиновую лампу, бегло, но усердно искал кого-то глазами, увидев Подпругина, показал ему большой палец правой руки: мол, все, Петрович, готово, начинайте, вы — электрики.

Одним коротким взмахом руки Юрий Петрович дал знать, что всем надо удалиться. Первым выскочил дед Фока и бочком-бочком приблизился к женщинам.

- Где вы, бабоньки, раньше-то были - давно б электро дали...

- Шлепай, шлепай давай, - дружелюбно подтолкнула деда плечом одна из женщин. Тебе бы все шуточки...

- А как же, - разыгрался Фока, как молодой. - Оно, бабоньки, на безрыбье-то и рак рыба...

В морозное звездное небо ударил громкий хохот расходящихся от электростанции лесорубов.

Неудержно, свободно смеялись мужики. Полегчало, отпустило на душе: уверились, что свет ночью в избах будет...

Федор Николаевич легонько тронул Подпругина за локоть. Юрий Петрович послушно вышел из дизельной вслед за ним. Дизель молотил, выбрасывая в сторону Янтарки охапки дыма.

- Петрович, - крикнул Цветков, - включайте - и ко мне. Новый год встретим, а сюда, до утра, я человека подобрал. Парень что надо, не подведет!..

Подпругин кивнул головой. Он остался с Пашкой. Тот уже «колдовал» за распределительным щитком.

-Ну, что? - крикнул Пашке на ухо Подпругин.

- Не хочет! - ответил Семенов.

-Что - не хочет?! - не понял Юрий Петрович.

-Возбуждаться, говорю, не хочет!

-Как это? А схему собрал правильно? Проверил?

Неторопливо, внимательно водил энергетик взглядом по тонким проводам и зажимам. Подергал выводы, щетки.

- Попробую возбудить! - снова крикнул Подпругин.

- Давай!

Он резко крутанул холодный штурвальчик реостата. Керосиновой лампой осветил приборы. Стрелки не шелохнулись, их будто приморозило к нулевому делению. С минуту-две Юрий Петрович постоял у щитка с приборами, потом посмотрел на содрогающийся дизель, генератор, поставил на подоконник лампу и вышел на улицу. Пашка вышел вслед и молча сел на порог.

Над головой, в предновогоднем чистом небе, как лесные ягоды, налились звезды. Слева от электростанции, как стога, безмолвно вырисовывались дома, а дальше, за поселком, в небо врезалась черная зубчатая полоса тайги.

- Павел, сколько времени-то?

- Скоро двенадцать...

«Скоро двенадцать», - спокойно, почти меланхолично подумал Подпругин. Досада, взвинтившая его из-за того, что не могут возбудить генератор, отпустила, прошла, будто удивительная, смиренная ночь растворила ее в себе. Петрович сел рядом с Павлом. Помимо своей воли, он вдруг сказал Семенову:

- Вот это, Паша, нам Новый год перепал, а? Никогда не думал...

Пашка молчал. Он опустил голову и обхватил ее руками.

- Ты что? - беспокойно спросил Юрий Петрович, - не заболел?..

- Не-ет, - покачал головой Пашка, - думаю...

- Слушай-ка, Навел, - заговорил Подпругин, - а, может, когда затаскивали генератор, что-то оборвали в цепи? Проверил?

Семенов поднял голову, с искренним удивлением посмотрел в глаза Юрию Петровичу, поднялся с порога и юркнул в сарай, к генератору. Подпругин поспешил за монтером.

- Посветите! - крикнул Паша нетерпеливо.

- Петрович! Точно!

Через несколько минут в электростанции вспыхнул свет.

- Паша! Есть!

Пашка взглянул на раскаленную добела контрольную двухсотку, подключенную над щитком, радостно зажмурился, подскочил к оконцу, прильнул к стеклу.

- Юрий Петрович!

- Что там? Светло стало?!

- Юрий Петрович, люди бегут к нам! Люди!..

Грачи

Рассказ

Уверен, каждому предстоит окунуться в тот мир, который длительное время разрушался лихим невежеством нашего народа, и, несмотря на это, не иссяк в добрых людских душах, сумевших сохранить любовь к земле, родине, Богу.

Читая рассказ, как в зеркале, мы увидим себя и постыдимся за то, что все лучшее, чем обладали русские, нами же — русскими — уничтожилось. Постепенно осознавая прочитанное, преодолевая пронизывающий глубокий стыд, мы признаем себя виновными и вынуждены мысленно взглянуть в неосуждающие глаза главного героя рассказа Герасима Григорьевича Грачева (Герасима-грачевника) и убедиться в его прощении, потому что он принадлежит тому великому сонму Божьих человек, не просто стремящихся интуитивно к добру, но твердо знающих, что оно такое самое есть.

Как можно рассудить или понять следующее: тысячи людей доживают до старости, а ума не наживают? Что отличает человека, строящего храм, от человека, тот храм взрывающего? Чем разнится человек, трепетный к природе, и человек, который видит в ней источник наживы? Ответить на эти вопросы можно только тем, что в человеческом содержании, его сути есть что-то пронизывающее, разделяющее, что заставляет душу направить человека по правильному Божьему пути либо с него сойти.

В рассказе есть строки, повествующие о том, как мальчишка ворует из грачиного гнезда яйца, чтобы их уничтожить. Дано ли ему на это право?

Конечно, нет. В птичьих яйцах зиждилась жизнь, продолжение рода. Но дай тому удалцу еще потешить свою прихоть, в дальнейшем он не пощадит и собственное дитя. И на все у него найдутся отговорки, оправдания.

И как хорошо, когда есть тот, кто в момент падения человека, его останавливает, удерживает, направляет на истинный путь. Таким в рассказе выписан Грачев.

Сюжетная линия построена так, что Герасиму Григорьевичу пришлось положить на алтарь всеожжжения то, чем он дорожил: в тяжелые дни родины, когда случился голод, когда заболели дети, он вынужден был сам отстреливать грачей, чтобы выходить детей, не дать им умереть. Правильно ли поступил Герасим-грачевник? Меньше ли стало в нем любви к природе, к людям? Ведь он занес руку на самое дорогое, на жизнь. Тут приходит на память, как нес своего любимого Исаака Авраам на гору для заклания, ибо была на то воля Божия. И занес Авраам руку с ножом, чтобы исполнить повеление Божие, но ангел удержал руку. И сказал Господь: «Вижу, что не пожелал ты сына своего ради Меня», и отныне назван был он другом Божиим.

Отстреливая грачей, может, иссякла душа Герасима Григорьевича, может, он как человек умер? Нет же, остался жив и другим жизнь утеплит. Волю Божию исполнил, посему и радость большая, посему и птицы чтят эту память, сохраняя предание, как исполнилось когда-то повеление Творца, и они — птицы — послужили в этом напрямую. Побольше бы таких людей, как герой этого рассказа.

«Грачи» заражают читателя любовью к земле, к природе, к людям, к Родине. И написан рассказ, как мне кажется, хорошим языком: его содержание, мысль ведут ко встрече с Богом.

Настоятель храма Святого Иннокентия Иркутского, что в веси Бадарминск Иркутской области, иерей Димитрий Березкин

*«И всего дорожке в мире
птицы, звезды и трава»*

Арсений Тарковский

1

Казалось я привык к бесконечной, непрерывной, созданной Богом, череде весен и, несмотря на это, с большим нетерпением жду новой вешней поры, когда заснувшая природа согревается, просыпается, приходит в движение, взывает к безудержной любви, и особенно жду тех весенних дней, когда на мою родину, милую мне владимирскую землю прилетают грачи.

Сюда, в глубь Сибири, где я сейчас живу, грачи не прилетают, холодно в Сибири, недаром в этом отдаленном от владимирской земли крае и в шутку и всерьез нередко можно услышать, что здесь «три месяца холодно, остальное очень холодно», или «девять месяцев зима, остальное лето», за которое человек-то не успевает отогреться, а о теплолюбивой птице и говорить не приходится. Гнездо надо поправить или свить заново, вывести птенцов, вскормить - вырастить их, научить летать — да разве справиться грачам за это короткое, как вспышка, лето.

Не всегда мне удастся побывать в мартовскую пору на родине, и потому в эти времена я начинаю по ней скучать. По утрам, когда вдохновенно восходящее на чистом небе солнце озаряет мою квартиру, я подхожу к репродукции с картины известного русского художника Алексея Кондратьевича Саврасова «Грачи прилетели», которая висит в светлой комнате столько же лет, сколько живу в Сибири. Смотрю растроганно на невысокие, потемневшие от времени, но еще крепкие заборы, такие же прочные, не покосившиеся небольшие деревянные домишки, прижавшиеся, словно под защиту, к светлой пятиглавой церкви с шатровой колоколенкой, смотрящей в облачное с пробивающейся голубенью небо, на еще голые

березы с неровными стволами, осевший мартовский снег с заметными проталинами... И грачи! Родина моя! У сердца моего горячеет. Подолгу я стою у картины, пристально всматриваюсь в нее, она радует мою душу, успокаивает меня.

В тот год, решительно отложив все заботы и срочные дела, которые мы нередко придумываем себе сами, я махнул в родные места в середине марта - в те дни, когда прилетают грачи.

Домой прибыл ночью, дверь мне открыла мама, она радостно всполошилась, весь день ждала, надеялась встретить засветло. Нет для нее сейчас ничего приятнее, чем ожидать и встречать родного сына. Длинная, не с одной пересадкой дорога меня вымотала, и я, выпив за встречу рюмку вина, сморился вконец. Но проснулся рано, словно кто-то толкнул в бок. Мама уже хлопотала на кухне, казалось, от счастья она не спала всю ночь. Заметив, что я поднимаюсь, ласково заговорила:

- Что-то ты, Федя, ни свет ни заря... поспал бы еще...

- Нет, мама, - протирая, как ребенок, глаза, тихо ответил я, - более не усну, пойду по березняку поброжу...

Мама, отстранившись от стола, торопливо вытерла руки полотенцем, прильнула к окну.

- Фе-едя, - громко позвала она, - взгляни на рощу-то, опоздал, опоздал нынче... вот уже, наверное, дня два-три, как грачи прилетели, гнезятся, взгляни...

2

Утренняя легкая прохлада впорхнула под расстегнутый воротник теплой куртки, освежила лицо. Я зашагал к березовой роще. Еще свежие солнечные лучи, пробивая неподвижное рыхлое облако, сиреневым цветом окрасили голые вершины деревьев. Как и поздно вечером при встрече с

мамой, так и сейчас — с деревьями, чувство и радости, и огорчения тотчас овладело мною: березы постарели и ростом, кажется, меньше стали, светлая береста некоторых крепких стволов покрылась частыми темными шрамами и морщинами. Под многими деревьями, где уже растаял снег, на помрачневшей влажной листве беспорядочно лежали отжившие свой век и упавшие крупные сучья и ветки. «Хаос, неприглядность в роще, - печально подумал я, - нет хозяина, некому прибрать...»

Мой взгляд скользнул по верхушкам деревьев, сквозь частую сетку веток отчетливо увидел крупных, темных грачей. Одна из птиц, захватив клювом веточку, усердно старалась сломать ее, но та не поддавалась. Грач оставлял ветку, слегка покачиваясь на другой, более крупной, неторопливо озирался по сторонам, затем продолжительно поглядел вниз, на меня, - «Гр-р-р...» - протяжно, громко крикнул, мол, чего смотрим, работать надо... Я невольно улыбнулся от своей наивной, но веселой мысли. Птица снова захватила клювом упрямую веточку и вновь упорно начала ломать ее.

По всей роще разносился непрерывный, радостный грачиный шум. Птицы не скрывали ликования, не скрывали своего счастья: теперь они дома, чужбина позади.

Я неторопливо шагал от дерева к дереву, с наслаждением дышал утренним весенним воздухом, настоящим на горьковатом запахе березового листа. Слушал и словно понимал говор птиц: один короткий выкрик «гр-р» - это значит «стоп»; два громких, но непродолжительных - «не так, не так»; один длинный - «хорошо». Грачи строили новые и восстанавливали старые гнезда. Время от времени я останавливался, стоял подолгу тихо, кажется, успокаивались и грачи. Они деловито, неторопливо высовывали из гнезд свои крупные светлые клювы, прислушивались и, поняв, что ничего опасного нет, вновь копошились в гнездах, вышвыривая из них непригодные пушинки, маленькие легкие палочки, тряпочки - птицы усердно чистили жильё от прошлогоднего мусора.

«Но что это?.. - недоуменно остановился я у одного высокого ветвистого белоствольного дерева, - ни гнезда, ни птицы...» Медленно прошел вокруг березы, прошел еще раз, не поверив своим глазам, отошел от березоньки и со стороны вновь пристально оглядел вершину: сквозь разросшиеся во все стороны ветви просматривался только бирюзовый простор неба, а гнезд - нет. Широкоствольная, сильная береза показалась мне одинокой. Я взглянул правее и увидел рядом еще два таких же дерева.

«Странно, - растерянно, но и не без интереса подумал я, - они ничем не отличаются от соседних, такие же величавые, крепкие...»

В стороне от рощи, за неширокой дорогой, выложенной булыжником, стоял двухэтажный бревенчатый дом, в котором я родился и вырос. Справа, под одним узорчато оформленным крыльцом - две высокие двери: левая ведет на первый этаж, правая - на второй. В доме несколько квартир, одна из которых располагалась в пристроенном флигеле, прикрытом зарослями огорода и тремя толстоствольными серебристыми тополями. Ближний к зданию могучий тополь, как красавец-великан, склонил свои нагие ветви на край потемневшей кровли. За домом подковообразной кривой, один за другим расположились низкие, уже покосившиеся, но еще крепкие бревенчатые сараи, являвшиеся границей небольшого, но уютного двора. Недалеко от флигеля стоял приземистый сруб колодца, из которого мы черпали воду. Над колодцем высоко вытянулся колодезный журавль.

В этом доме всегда жили семьи рабочих и учителей единственной в нашем смиренном городке школы, в прошлом - гимназии, которая построена из красного кирпича еще до революции местным фабрикантом Грачевым. Она стояла на пригорке, на краю города, среди солнечного света и множества деревьев, окружавших ее со всех сторон.

Гр-р-р, гр-р-р, гр-р-р... Под нескончаемый гомон птиц я вернулся домой.

- С грачами повидался, на душе полегчало, — сказал я, присаживаясь на стул возле мамы.

- Верю, верю, - светло улыбнулась она. Дом, Федя, есть дом...

- А вот напротив, за дорогой, на нескольких березах нет гнезд... раньше я этого не замечал.

Мама неторопливо поднялась со стула, подошла к широкому окну и посмотрела на волю.

- Ты, Федя, об этих березках-то говоришь? - и, не дожидаясь моего ответа, досказала: - Давно грачи на них не водятся, с самой войны...

- Со времен войны-ы? - удивленно и долго посмотрел я на маму.

- Да, сын, с весны сорок второго или сорок третьего, — задумчиво ответила она. - Война во всем след оставила... я разве тебе не рассказывала? Гнезда-то еще года два-три держались... а потом ветра да дожди разорили их, только помню все были-были - и вдруг разом не стало.

Мама быстро, сноровисто уложила на тонкий лист подготовленные из свежего мягкого теста пирожки и булочки, поставила лист в только что протопленную русскую печь, затем, прикрыв ее жаркое чело легкой заслонкой, села на табуретку у шестка.

- Сейчас, Федя, закончу с пирогами, - повернулась она ко мне разрумянившимся лицом, - соберу на стол и расскажу тебе о грачах-то, многое сам вспомнишь, ты уже в ту пору мальчонкой большим был, бегал во всю мочь, а пока походи, походи по дому-то, может, еще что-то заметишь...

Я внимательно посмотрел на мамины маленькие, ловкие руки, на светло-дымчатые, но, как и в прежние годы густые, гладко причесанные

волосы. Милая моя, немногословная, мудрая мама, мне понятна твоя каждая мысль, каждый намек, прятавшиеся как бы за нечаянно высказанными обыкновенными словами.

Я послушался ее, поднялся и вышел в другую комнату. И тут я тоже растрогался, почувствовал, как по моей щеке скользнула слеза умиления: здесь все было родным, все оставалось на своих местах, как и прежде все ждало меня. Напротив высоких светлых окон вдоль всей стены от пола и до потолка стояли все те же книжные полки. Годы пролетели, а я не забыл расположения книг, по-прежнему быстро могу найти ту, которая мне нужна. С четвертой полки слева на меня смотрят высокие книги Максима Горького, правее, чуточку повалившись набок, стояли крупные тома Федора Достоевского; износившиеся края корешков у многих книг оттопырены или подклеены, почти в каждой книге — бумажные пожелтевшие, высохшие закладочки с карандашными или чернильными пометками, сохранившимися еще с тех времен, когда мама вела в школе русский язык и литературу.

У широкого окна — небольшой стол, на столешнице которого сохранились чернильные пятна, выбоины, ссадины, вмятины. На столе стоит из тонкого стекла с отбитым краешком обыкновенный чайный стакан, в котором находились две простые ученические деревянные ручки, одна — с пером «еврик», другая - с «лягушкой». За этим столом я выполнял уроки, здесь я мастерил. Великое счастье иметь в детстве свой угол, где не боясь можно стучать, пилить, резать, паять и читать. Я сел за стол, положил на него руки, какое-то счастливое упоение наполняло и наполняло меня. Продолжая рассматривать предметы на столе, я взглянул вправо, где увидел приставленную к настольной лампе-грибку фотографию под стеклом, в резной деревянной старенькой рамке. Я тотчас взял ее и начал внимательно рассматривать.

- Боже мой! Боже мой! - радостно и громко воскликнул я. Никак не ожидал, что увижу это фото... Уже давно забыл, что мы, мальчишки и девчонки

фотографировались здесь, на порогах широкого крыльца нашего дома. Ребятишки, как грачата, весело смотрели с фотографии. Многих узнал. Сзади, слева стоял Борька Гришин с продолговатым лицом и в отцовском военном кителе. Полковником прозвали мы Борьку за то, что он мечтал им быть. Рядом с ним — Витька Генералов, у него всегда мельтешили глаза, за что получил прозвище Косой. Ниже сидел Гена Блинов в кепке, сдвинутой на правое ухо. Его обнял Солнышко, так мы звали Володю Золотухина. На самом нижнем пороге разместились круглолицая Верочка Карелина и со светлыми бантиками в коротких косичках Галя Новикова. В верхнем левом углу фотографии то ли черными чернилами, то ли тушью написано: «Грачата». В какой-то миг я перестал видеть фото, мои глаза погрузились в туман, мне показалось, что я вновь услышал во дворе дома, в его коридоре звонкие голоса ребятишек, их крики и смех.

- Мама, где ты нашла эту фотографию? - спросил я, когда мы уже сидели за столом в кухне и угощались сдобными горячими пирогами, сложенными высокой горкой на широкой фарфоровой тарелке.

- Совсем недавно, Федя, решила посмотреть да навести порядок в нашем чулане, открыла один старенький чемодан, второй, под руку она и попалась, присмотрелась... за душу меня тронула, вот и оформила ее в рамку, и поставила на твой стол...

- Цены ей нет, - продолжая рассматривать фотографию, сказал я,

- А узнал ли ты, кто сидит среди вас в центре-то?

- Мамочка моя! - радостно ответил я. - Конечно, узнал, это же дед Герасим.

- Он-он, - ласково улыбнулась мама, - наш Герасим Григорьевич, наш Герасим-грачевник.

- Герасим-грачевник?.. - как бы переспросил я в задумчивости. А ведь, правда, его так и звали тогда Герасимом-грачевником.

В стеганой фуфайке и высокой шапке-ушанке он, как Дон Кихот, высоко восседал среди нас и задумчиво смотрел улыбающимися глазами чуть в сторону и вверх.

4

- О себе Герасим Григорьевич никогда никому не рассказывал, - говорила мне мама, но люди о нем знали многое.

Он был приемным сыном промышленника Грачева, фабрика которого так же, как и школа, сложена из добротного красного кирпича на краю города, за тихой зеленой речкой. На фабрике безостановочно день и ночь сопели заморские локомотивы, сверкая начищенной медью крупных рычагов и гаек, шумно молотили станки, на которых ткали крепкую мешочную ткань, необходимую как российской деревне, так и чужой сторонке.

В центре города стоял большой двухэтажный дом Грачева. Его так и звали - дом Грачева. Простонародье доброжелательно окрестило его «Грачиным гнездом». В нем размещался домашний театр, а в нескольких высоких комнатах — картинная галерея и библиотека. Нередко по вечерам свет в просторных окнах этого особняка не гас долго: и театр, и живописные полотна, и книги объединяли многих замечательных интеллигентных людей города и прижавшихся к нему мизерных селений.

Рядом, по правую сторону, стоял еще один крепкий дом, в котором Грачевы разместили приют для обездоленных детей. Здесь, в «Грачином гнезде», ребятишек кормили и одевали, учили, делали людьми. В собственном приюте и присмотрел Грачев себе сына, мальчишку по имени Герасим.

Кроме фабричных дел Грачев-отец мостил булыжником дороги, на лесопилке заготавливал шпалу, годную для железнодорожной ветки, которую прокладывали от губернского центра. Кстати, эта дорога и поныне

исправно служит моей родине. В верстах четырех от фабрики, на живописном берегу речки построил мельницу, к которой из деревень непрерывно тянулись нелегкие обозы с зерном. К речке Грачев относился бережно, того же строго требовал от жителей. Недаром зачерпнутая в крещенскую ночь вода из речки не зеленела, не портилась годами. В речке водились бобры, раки, рыба. В городе и деревнях копали и обустроивали колодцы, занимались лесопосадками, озеленением улиц. Великолепная березовая роща, возвышавшаяся напротив нашего дома; ветвистые липы, дубы, рябина вокруг «Грачиного гнезда», школы и фабрики выращены по желанию и настоянию Грачева. В рощах обустроивали гнездовья, где дружно обживались стаи грачей, сорок, скворцов, синиц. В детском приюте была мастерская, в которой ребяташки охотно, с радостью мастерили синичники, скворечники, дуплянки и кормушки. Бережно относились к деревьям, птицам и учащиеся школы. Хорошо помню учительницу по ботанике Глафиру Аркадьевну Карелину, которая часто вспоминала и приводила в пример слова Грачева: «Срубил дерево - посади три».

Короче, Грачев не относился к ряду жадно-ненасытных предпринимателей, думающих только об уюте своего собственного тела, напротив, он заботился о нужности городка, его развитии, думал о людях, живущих в этом селении.

По следам отца пошел и Герасим Григорьевич. Получив образование в лесной академии, он охотно потянулся домой, в родное гнездо, сначала помогал отцу, а затем и продолжил его дело. Но октябрь семнадцатого все переломал в жизни и того, и другого. Старший вместе со своей женой уже в глубокой старости, будучи тяжелобольным, оказался в ту пору во Франции и застряли там, так как назад ходу не стало. У младшего из рук выбили и дело отца, и дом, из которого ему удалось взять небольшой саквояж, наполненный книгами, охотничье именное ружье, подаренное ему отцом, и живописное полотно, на котором художник изобразил сельский храм, оваянный той же

умиротворенной красотой, что и окружающий пейзаж. Эта церковь, в которой крестили мальчика Герасима, словно сказочная невеста, смотрится в светлые воды смиренной неширокой речки среди притихших раздольных полей. Сохранившуюся картину Герасим Григорьевич нашел во дворе своего дома, в куче многих других полотен, выброшенных и порванных руками диких людей новой власти. Случайно наткнувшись на свалку уничтоженных живописных холстов, Герасим Григорьевич не выдержал, заболел.

Не дал пропасть Грачеву-младшему его друг, директор школы, тоже выходец из приюта, Алексей Яковлевич Молчанов, который устроил его учителем и поселил жить во флигеле нашего дома.

Прикипел Герасим Григорьевич к школе, к коллегам-учителям, к детям. Его хорошее образование, солидный багаж культуры, которую он впитал в родном доме, позволили ему свободно, умело, интересно вести многие школьные предметы: и черчение, и иностранные языки, математику, географию, ботанику. В школе к нему относились уважительно. Он никогда не стремился поставить себя в чем-то выше других, напротив, к каждому относился внимательно, вежливо, уступчиво.

Своим он стал и в нашем доме. И это объяснимо: человек, который с детства впитал необходимость постоянно, много и творчески работать и для себя, и для людей, без дела никогда время не проводит, попадая в любую среду, в любое общество, находит полезное применение и своему уму, и своим рукам.

Дом наш был неблагоустроенный: печи топили дровами, воду носили за версту, с большого общего колодца; во дворе — помойная яма и туалет. Немалое общее хозяйство, а за общим надзор всегда сложнее, чем за собственным. Чтобы поддержать порядок, что-то изменить к лучшему, кто-то должен приказать или убедить, показать пример, одним словом, организовать. Такую миссию и принял на себя Грачев.

Однажды летом Герасим Григорьевич запряг школьную лошадь и на дрогах привез во двор нашего дома два березовых бревна, после еще несколько раз подвозил по паре хлыстов.

- Чего задумал? - удивленно спросил его Молчанов.

- Далеко за водой ходим, Алексей Яковлевич, - ответил Герасим Григорьевич. Совестно мне перед женщинами, нелегко им, вот и решил колодец построить во дворе; когда-то я с отцом изыскания в этих местах вел, вода здесь есть, да и ивушка растет - верный признак присутствия воды.

На доброе дело, будто грачи на грачевник, дружно собрались мужчины дома. Герасим Григорьевич ткнул лопатой в землю, рассказал, как ее копать, как шкурить березовые хлысты. Застучали топоры, запела пила. Из окон дома удивленно смотрели и улыбались женщины; как воробьи на просо, слетелись на место стройки ребятишки. Не спугнул их Грачев, напротив, сделал вид, что без них дело не пойдет, сколотил несколько легких носилок, показал овражек в огороде, куда относить выкопанную землю и камни; детям - в радость, глаза разгорелись, мигом стаскали и разбросали. Славный получился колодец, обустроенный руками Грачева, и ивушку сохранили, не позволил ее рубить Герасим Григорьевич. Живет она поныне, с сохранившейся, почерневшей от времени дуплянкой-синичником на стволе и, склонившись над колодцем своими немолодыми плакучими ветвями, как будто прикрывает и оберегает его.

В первый день у колодца выстроилась очередь, каждый, кто мог поднять ведро с водой, - черпал ее из колодца, нес в дом, в огород на грядки или к дикому кустарнику, который в поливе и не нуждался вовсе: не верилось, что вода рядом, под боком, и радостно было, и молча благодарили Герасима Григорьевича.

На следующий день к вечеру он собрал мальчишек и девчонок у себя во флигеле, где устроил праздник. На столе - чай да испеченный Герасимом

Григорьевичем торт, который был мизерной копией только что выстроенного колодца. Долго дети любовались поджаристым пирогом, долго не решались его есть, жаль было ломать такое необычное изделие из теста, однако соблазнились, кто-то начал первым, другие быстро растащили его по палочке, по венчику.

Своих детей у Грачева младшего не было, жил один как перст. В первые годы, когда он переселился во флигель, его навещала женщина, стройная, привлекательная, как и Герасим Григорьевич. Но далее этих встреч дело у них не пошло, а может они и не стремились к этому, кто их знает...

- Такие люди, как Грачев, рассуждала моя мама, рассказывая о Герасиме Григорьевиче, — в свою бытность, не имея ничего в кармане, слету не женились, а долго и тщательно готовились... вспомни своего деда, который тебе рассказывал о прадеде, прапрадеде... к примеру, твой прадед, когда он женился - то?... Уже будучи генералом, более-менее состоятельным человеком, также и прапрадед... Мама долго и задумчиво посмотрела мне в глаза, потом досказала: разоренный революцией, видимо, и боялся Герасим Григорьевич нищеты-то...

Похоже, как говорила мне мама, так и было, потому и не было у него своих детей... но чужих ребятишек привечал.

Мне посчастливилось застать Герасима Григорьевича еще при жизни, хорошо его помню...

5

Татьяна Николаевна!.. - услышал я голос Герасима Григорьевича и стук в оконное стекло. Буди Федора, буди! Грачи прилетели!..

Он звал меня не Федей, не каким-то другим ласковым словом-именем, а Федором, как взрослого, хотя мне было от роду шесть-семь лет.

В воскресное мартовское светлое утро я уже не спал и хорошо слышал громкий голос Грачева. Шустро соскочив с кровати, побежал к умывальнику, часто постучал по его соску, сполоснул водой глаза и помчался, полетел как воробей, с этажа на этаж, от одной двери к другой.

-Га-аля!.. - сильно забарабанил я в дверь к Новиковым. Грачи прилетели! Выходи на крыльцо! - затем побежал к Генераловым, вновь застучал кулачком по двери: - Витька! Косой! - крикнул я. - Грачи прилетели! Выбегай! - разбудил Володю Золотухина, кругленького мальчика с крупными конопушками на лице, Гену Блинова, Сашу Хитрова. На втором этаже едва не наткнулся на Елизавету Алексеевну Молчанову.

- Вадьку разбудите! - громко пальнул я на бегу.

- Федя, что случилось? - спросила она меня вслед.

- Грачи прилетели! Грачи прилетели!

Здесь же, на площадке, встретил с ведром в руках маму Верочки Карелиной и отца Ремки Боброва.

Через несколько минут все сбежались на просторное крыльцо, где нас ждал Герасим Григорьевич.

- Тихо, не шумите, - негромко сказал он, светло улыбаясь.

- Грачи прилетели, смотрите, - взмахнул он рукой в сторону рощи.

Дети дружно подняли головы, взглянули на верхушки деревьев, где у прошлогодних гнезд, среди светлого небесного простора, на ветках сидели грачи, их было много, на некоторых березах по десятку и более. Но над рощей держалась глухая тишина, будто грачи, прилетевшие ночью, спали крепким сном.

Со второго этажа по лестнице к нам неторопливо спустился дедушка Верочки Карелиной - Яков Михайлович. Глаза на его круглом лице с

небольшой светлой бородкой весело смотрели на нас. Он приехал к Карелиным уже после войны из другого города, где работал учителем и умел фотографировать.

- Доброе утро, друзья мои! - радостно поприветствовал он нас и, прищурившись, задержал взгляд на вершинах берез, там, где отдыхали грачи. — Удивительно, как точно Герасим-грачевник грачей-то пригнал... день в день... - громко сказал он, не отрывая взора от птиц. Ребятишки тотчас недоуменно взглянули на Герасима Григорьевича. Грачев краем глаза заметил их внимание на себе, повернулся к детям, но не мог сразу понять их изумления.

- Деда Герасим! - широко открыв глаза, громко изрек Гена Блинов. - Как вы грачей-то пригнали?!

Герасим Григорьевич живо, вопрошающе смотрел на детей, так и не осмыслив их удивления, затем повернулся к Якову Михайловичу, который стоял недвижимо, но сконфуженно улыбаясь, и только тогда Грачев смекнул в чем дело и громко рассмеялся.

- Да не я грачей пригнал, не я... - начал весело объяснять он. Дело в том, что сегодня семнадцатое марта, этот день исстари зовется Герасимом-грачевником и назван он в честь святого Преподобного Герасима, который жил на земле много лет назад... - Ребятишки неотрывно слушали и смотрели на деда Герасима. - А семнадцатого марта, - продолжил он свой рассказ, - грачи прилетают, вот и появилась в народе поговорка «Герасим-грачевник грачей пригнал».

Как бы внятно ни растолковал он нам, мы деда Герасима прозвали Герасимом-грачевником. Герасим Григорьевич не рассердился, привык, будто так было всегда.

В это свежее солнечное утро Яков Михайлович Карелин и фотографировал нас на крыльце дома.

6

Повидавшись с грачами, мы вместе с Герасимом-грачевником уходили в рощу. Живо и радостно перескочив вешние лужицы, покрытые тонким прозрачным ледком, перебежав дорогу, мы проникали в березняк, который нас словно обнимал и прятал. Кое-где под деревьями лежал плешинками потемневший снег, а на «пупках», как выразительно Герасим Григорьевич называл пригорки, оказавшиеся на солнцепеке, успела подсохнуть слежавшаяся прошлогодняя трава. Дети не разбегались, поодаль резво прыгали, собирали поблекшие, но еще крепкие березовые листочки, разбивали палочками и камушками слабый ледок.

- Грачики мои! - остановился деда Грачевник, затаенно прищулив глаза. - Послушайте, послушайте, пожалуйста, что это за звуки?..

Мы все, как один, замерли, подняли взоры вверх, к небу, нам показалось, что дедушка Грачев услышал какие-то таинственные звуки, поступающие оттуда, с высоты. Открыв рты, как птенцы, ребяташки прислушались — со стороны от дороги четко, прерывисто проскрипело, потом еще раз и громче.

- Слышу! Слышу! - бойко крикнул Гена Блинов. Это скрипит наш колодезный журавль!

- Точно! - обрадованно согласился я. - Скрипит наш журавль!

- Славно вы подметили, - легонько обнял меня и Гену Герасим-грачевник, — но взгляните, взгляните... во-он наш колодец просматривается сквозь деревья, берет ли кто из него воду?

- Дедушка Герасим! Мне не видно! - звонко сказала Галя Новикова, подпрыгивая на месте и стремясь разглядеть журавль.

Герасим-грачевник поднял ее, поставил на высокий березовый пенек и, чтобы не упала, крепко держал ее за руку.

- Ну-у! Смотри, смотри зорче!

- Никто воду из нашего колодца не берет! - громко и протяжно крикнула она, весело взглянув на нас сверху.

А тем временем глуховатый прерывистый звук, напоминающий тягучий скрип нашего колодезного журавля, не смолкал, пронизывал и наполнял рощу.

- Это скворец поет! - живо и весело сказал Герасим-грачевник. - Мой старый знакомый, вот уже которую весну он прилетает сюда в одно время с грачами, не изменил и сегодня, прилетел.

Удивлению нашему не было предела: мыслимо ли, скворец поёт, как колодезный журавль.

- Идемте, идемте искать его, - игриво махнул рукой Герасим-грачевник. - Скворечник его недалеко, и заметный, из крепкого горбыля срублен.

Мы теснее прибились к деду Грачевнику, внимательно слушали, постоянно заглядывая в его глаза. Самый маленький Гена Блинов не успевал за нами, припускал бегом, поворачивался лицом к Герасиму Григорьевичу и, приоткрыв рот, старался уловить все, что говорил дед.

- Вот его гнездо, - указал Грачев взглядом на дерево, - вот его гнездо, настоящий дом...

Не низко, но и не очень высоко, на стволе березы укреплен массивный, как сосновое полено, скворечник. Из круглого летка вылетал пух.

- У-ух, как работает! - с жаром заметил Герасим-грачевник. - Соскучился по родному дому-то, соскучился...

Ребятишки, будто замороженные, смотрели на скворчиное жильё, в котором велась капитальная уборка. Скворец высунулся из летка, активно, как на шарнире, повертел остроклювой головкой и, заметив нас, стрелой улетел в сторону, скрылся в роще. Не без огорчения мы посмотрели ему вслед.

- Прилетит! - уверенно сказал дед Герасим, успокаивая нас. - А вон там, - махнул деда Грачевник рукой, - шагах в сорока отсюда, дружок его селится, так тот поет, как звенящая пила, очень мне нравится его звонкое жикание, но сегодня не слышно его голоса, видимо, не прилетел еще...

Герасим-грачевник нашел и этот скворечник, но он оказался без крышки.

- Ну, варвар! - коротко, но рассерженно вымолвил дед Герасим.

Дети не могли сообразить: кто варвар? какой варвар?

Герасим Григорьевич внимательно посмотрел нам в глаза, потом рассказал, что прошедшей весной сюда в рощу прилетел ворон, который разрушал гнезда, чтобы выкрасть грачиные и скворчиные яички или вылупившихся из них птенцов.

- Я помню, помню, - задумчиво, негромко договаривал Герасим-грачевник, - как грачи и скворцы гоняли, преследовали над рощей ворона-разбойника.

Наклонив голову, деда Грачевник медленно бродил вокруг березы, напряженным, цепким взглядом всматривался под ноги, на землю, разыскивая крышку скворечника.

- Ах, варвар! - гневно приговаривал он. - Ах, варвар!

- Де-да Герасим! - звонко позвала Верочка Карелина. - Не это ли крышка? - подняла она с мокрой земли потемневшую, но ровную дощечку.

Герасим Григорьевич повертел в руках деревяшечку, внимательно осмотрел ее со всех сторон.

- Она, - уверенно сказал он, - съемная крышка-то, потому ворон и скovyрнул ее своим клювом... варвар...

- Деда Герасим - вновь подняла глаза Верочка Карелина, - а ворон страшный варвар?

- Куда уж страшнее... - со вздохом и тихо ответил Герасим-грачевник. - Разве позволительно разорять жильё мирных птичек... - еще тише прибавил он.

- Мой дедушка говорил мне, что самый страшный варвар на земле - это человек... но вы же не варвар... вы же любите пташек...

Герасим Григорьевич тотчас повернулся к девочке, продолжительно и задумчиво посмотрел на нее, но ничего не ответил, то ли опешил или удивился от сказанного ею и не нашелся, что сказать, то ли заколебался с ответом и решил промолчать. В этот момент яркое солнце ворвалось в рощу, заблестело раздробленно сквозь деревья и их ветви, заиграло, ослепило нас.

- Грачатки мои!.. Посмотрите! Посмотрите! - радостно закружился на одном месте Герасим-грачевник, подняв руки вверх. - Посмотрите! Какое солнце! Какая роща! Какое небо! Как в сказке!

Словно припадок веселья пронизал душу деда, он подпрыгивал на месте, неторопливо бегал вокруг детей, наклонялся к ним, брал за руки и играл со мной или Галей Новиковой, или с Геной Блиновым. Веселое расположение духа охватило всех, а деда Грачевник продолжал радоваться, прибавлял веселья. Будто глядя на нас, ожили и грачи: разгалделись, сорвались с гнезд, закружились над рощей.

Затем, сбавив темп веселья, успокоившись, дед проводил нас в беседку с кольцевой лавкой, на которую мы дружно сели, еще пронизанные и объятые духом радости. Дедушка Герасим сказал, что сегодня и завтра надо обойти и

осмотреть все гнездовье, все скворечники, синичники: вдруг еще найдутся, которых разорил ворон, тогда попросим старших ребят из школы, чтобы поправили гнезда. Затем Герасим-грачевник взглянул на Верочку Карелину, которая сидела рядом с ним, и сказал, что люди, как и птицы, разные. Одних можно сравнить с воронами: они воруют, грабят, убивают, они только обличье имеют человечесье, но в душе эти люди бесшабашные, не испытывают ни совести, ни досады за то, что делают.

- Вот о таких вздорных людях и рассказывал тебе дедушка, - сказал Верочке Карелиной деда Грачевник и прибавил: - Они действительно самые страшные варвары...

- А что делать с такими человеками? Убивать? - искренне посмотрела в глаза Герасиму-грачевнику Верочка Карелина.

- Нет, - тихо ответил Герасим Григорьевич, сдержанно улыбнувшись, - убивать не надо, - далее он внимательным, притягивающим взглядом осмотрел девочку и досказал: - Украдут они один раз, второй, а потом их душу Бог и накажет, да так сурово, что они совсем станут больными и уже не поднимутся...

Герасим Григорьевич смолк, обласкал нас всех теплым долгим взглядом, затем еще промолвил:

- Добрых, честных, трудолюбивых людей на свете больше... поживете, станете взрослыми, все и поймете...

А тем временем день набирал силу, наскочил легкий, но прохладный ветерок, на березах закачались ветки, еще активнее хлопотали на гнездах грачи; вся роща окуталась ровным, деловым грачиным шумом.

В апреле к Герасиму-грачевнику во флигель взволнованно, вихрем ворвалась Леночка Хитрова, девятилетняя девочка, с короткими светлыми волосами, дочка Ивана Ивановича Хитрова - учителя рисования.

- Дедушка Герасим! - громко, с горячечной поспешностью крикнула она, взмахнув рукой в сторону двери. - Там... там... Витька Генералов, он живодер!

- Что он натворил? - широко открыв глаза, но негромко спросил деда Грачевник.

- Яички вытаскивает из гнезд... - сквозь хлынувшие слезы тихо вымолвила Лена.

- Бежим! Бежим! - обеспокоенно и искренне проговорил Герасим Григорьевич. - Покажи, покажи мне, где он забрался?

Они поспешили, к ним присоединились Солнышко, Верочка Карелина, очертя голову мчался длинноногий Борька Полковник, неслись Слава Корякин, Блинчик... Ворвались в рощу.

- Вон Витька на дереве! - раздраженно махнула рукой Лена.

Витька спускался, ступнями босых ног он цеплялся за ствол березы, в зубах - картуз, в который Косой сложил грачиные яйца. На участке дерева, где отросли крепкие ветви, мальчишка осторожно, как по лестнице, переступал вниз, там же, где ветвей не было, ствол ровный, гладкий, парнишка скользил, обняв его руками и ногами. Когда Косой твердо ступил на землю, Герасим-грачевник крепко взял его за руку. Взъерошенный, нахохлившийся парнишка не сопротивлялся, деваться некуда, погорел. Из-под ремешка его брюк выбился край светлой расстегнувшейся рубашки, на штанах - следы бересты, будто осыпали мелким мелом.

- Что же ты, сударь, наделал? - раздраженно-сдержанным тоном заговорил Герасим Григорьевич. - Подними, подними, пожалуйста, голову и посмотри, что ты натворил...

В воздухе витали грачи, они то порывисто взвивались над деревьями вверх, то, словно обессилев, камнем, с жалобным непрерывным криком падали вниз, почти до самой земли, туда, где стоячи Витька, Герасим-грачевник, Лена и другие мальчишки и девчонки. Казалось, объятые несчастьем, птицы вот-вот заденут крыльями березу или землю и разобьются. Они вновь с силой взлетали в небо, вновь обрушивались, затем беспокойно, беспорядочно кружили над своими гнездами, издавая нестерпимо-печальный крик. Горе, большое горе обрушилось на птиц.

- Зачем тебе грачиные яички?.. - не отпускал Витьку Герасим-грачевник.

- Деда Герасим! - звонко и гневно пальнул Блинчик, который стоял рядом. - Он кидаться ими будет!..

- Он вор!..

- Он варвар!..

- Он живодер!..

Коротко, но громко, негодуя выкрикивали Верочка Карелина, Галя Новикова, Лена Хитрова. Они атаковали Косого со всех сторон, угрожающе махали на него руками, но тотчас отступали и от жалости к грачам тихо, искренне всплакивали, смахивая ладошкой с лица слезы.

- Вот что, голубчик, - не отступал Герасим Григорьевич, - я о тебе никогда худо не думал, и ты немедленно должен яички доставить на место, в те же гнезда, из которых взял...

Витька косо, мельком взглянул в глаза деда Герасима и видимо понял, что тот им не гнушается.

- Я мигом! - просиял Косой и направился к той березе, с которой только что слез.

- Вот и славно, мой дорогой, вот и славно, - удовлетворенно повторял Герасим Григорьевич. - Идем, идем, я тебе помогу подняться на дерево, идем.

Яйца скоро были возвращены на место, но грачи еще долго не могли успокоиться.

8

В мае роща, накинув на себя прозрачный светло-зеленый сарафан, помолодела, похорошела. В эту благоухающую пору прибавилось забот грачам, в их гнездах появились птенцы, которые непрерывно, жадно вытягивают к небу раскрытые клювы. Под присмотром родителей птенцы подрастают, оперяются, становятся зрячими, перед ними открывается бездонный мир.

К этому времени мы заканчиваем в роще сбор сучьев, опавшей прошлогодней листвы, которую сваливаем в кучки, затем на тачках или носилках дружно выносим в огород, в яму, где все перегнивает и используется через год-два на грядки. Увлеченно занимаясь с нами, Герасим-грачевник рассказывал, что на земле ничего не должно пропадать, уходить даром, все может давать пользу: природа так создана Богом, что способна обеспечить человека всем необходимым.

Мой сосед по квартире Володя Шишечкин, мальчишка с длинными ногами и стриженный наголо, которого прозвали Шишечкой, сгребал под одну из берез листву и тонкие небольшие сучья. Он и увидел, как на мягкую подстилку под дерево упал сверху молодой грачонок. Шишечка тотчас неторопливо поднял его, птенец не убился, шустро поднимал головку и живо шевелил еще слабенькими крылышками, непрерывно цеплялся за руку Шишечки острыми коготками, стремясь вырваться на простор. К Володе

подбежали девочки, которые помогали ему убирать листья, они оживленно смотрели на грачонка, радостно вскрикивая, нежно гладили его.

- Деда Герасим! — звонко позвала Галя Новикова. — Грачонок выпал из гнезда!

Герасим-грачевник спешно подошел к Володе Шишечкину, бережно принял птенца в свои широкие ладони.

- Какой шустрый, - весело сказал Герасим Григорьевич, негрубо прижимая грачонка к груди, - наверное, в гости решил сходить, вот и шлепнулся.

Девочки и Шишечка громко рассмеялись.

- А к кому он хотел идти в гости? - еще улыбаясь, удивленно спросила Верочка Карелина

Герасим-грачевник, ласково поглаживая птаху крепким пальцем, рассказал детям, что подросшие, едва оперившиеся грачата начинают двигаться, подниматься на лапки и вертеть головкой, нередко высовываются из гнезда и, если рядом есть соседнее, смело перелезают в него и там остаются, где их кормят другие родители. Видимо, такая оказия произошла с этим птенцом, но силенок не хватило, чтобы перепрыгнуть к соседу, упал, благо, под деревом кучка листвы, а то бы разбился.

- Вот так смолоду голову-то и теряют, - улыбнулся Герасим-грачевник.

- А что с ним сейчас делать? - спросила Галя Новикова, осторожно поглаживая грачонка и целуя его в тонкий клювик.

В этот момент к Герасиму-грачевнику подбежали Гена Блинов, я и Солнышко.

- Федор, - повернулся ко мне дедушка Герасим, - прошу тебя, сбегай за Виктором Генераловым, парнишка он сильный, ловкий, быстро залезет на дерево и доставит птенца в гнездо.

- Я тоже могу залезть! - пальнул Гена Блинов, выскочив вперед, ближе к деду.

- Ты, Геннадий, его страховать будешь, вдруг Виктору помощь понадобится. Мудрый Герасим-грачевник, он Виктора-варвара реабилитировал в смелого, доброго парнишку.

9

Мы крепко привыкли к Герасиму-грачевнику, более того, мы породнились с ним, без него наше ежедневное бытие представить не могли.

- Обаятельный человек, - иногда тихо, душевно отзывалась моя мама о Герасиме Григорьевиче. - Все-то его знают, со всеми он поздоровается, поговорит, посоветует...

Смирненными летними вечерами он любил отдыхать на лавочке у крыльца нашего дома, читал газету или просто в задумчивости рассматривал уличный мирок.

- Здравствуйте, деда Герасим! - быстро промчался мимо мальчишка, сверкая босыми ногами.

- Здравствуй, здравствуй, Вася, - весело отвечал вслед Герасим-грачевник.

- Здравствуйте, дедушка Грачевник! - поприветствовала его проходившая мимо девочка, которая жила в доме, расположенном в конце улицы, на берегу реки.

- Здравствуй, Алёнушка! - ласково отвечал он и спрашивал: - В магазин спешишь?

- За хлебом, - серьезно отвечала она.

- Добрый вечер, Герасим Григорьевич, - низко поклонялся хозяин соседнего дома Павел Иванович Сергеев, рано ссутулившийся человек. Жизнь согнула его. Под крышей собственного небольшого дома, кроме его и жены, росло шестеро детей. Всех надо накормить, напоить, одеть. Тех средств, которые Павел Иванович получал в городской пекарне, где работал сторожем, не хватало, концы с концами не сводил. Выкручивался как мог: держал корову, выращивал поросенка, разводил кроликов, кур. Как он выдерживал, где находил сил, чтобы безостановочно вертеться с утра до позднего вечера, уму непостижимо. И неудивительно, что каждая, даже маленькая потеря в его личном хозяйстве приходилась ударом.

Обмолвившись несколькими словами о том, что пишет газета, Сергеев перевел разговор на проблемы своего подворья.

- Едва выходил свинью, - сдержанно жаловался сосед, - на голову опустилась еще одна беда... за четыре последних дня, пока я колупался в земле, у курятника цыплят кто-то выкрал, на кого и грешить, не знаю: крыс вроде нет, кошек на усадьбу ребятишки не пускают...

Герасим Григорьевич выслушал Павла Ивановича, продолжительно-внимательным взглядом посмотрел в его уставшие глаза и понял, что это намёк, просьба - необходимо помочь найти воришку... иначе сосед может остаться без цыплят.

- Не печалься, Павел Иванович, — спокойно заговорил Герасим Григорьевич, - завтра посмотрим... передай Олегу, сынишке своему, с ним будем вора искать...

Теплый, небольшой курятник находился в дальнем углу усадьбы, за баней, из маленького оконца которой хорошо проглядывался открытый выгул для цыплят. Напротив, у другого угла, за забором, на ничейной территории — нетронутый лесок: пять-шесть густых, высоких елей, чуть поодаль — пышная лиственница, несколько ветвистых берез, под которыми

ужились разросшиеся кусты жимолости, дикой смородины и шиповника.
«Какой славный уголок - подумал Герасим-грачевник, - не вырубили еще...»

Из лесочка отчетливо доносились громкие, строчащие птичьи звуки.

- Не сороки ли в этом маленьком зеленом раю водятся? - радостно проговорил Герасим-грачевник, непроизвольно взглянув на Олега, моего ровесника.

- Не знаю, - застенчиво пожал плечами мальчишка, - там бы гнездо было... а гнезда-то вроде нет, - неуверенно, тихо добавил он.

Прохода в заборе к рощице не было, поэтому они прошли к ней через улицу, вкруговую. Грачев тихо подошел к елкам, остановился. Звонкое, беспрестанное и взволнованное птичье строченье усиливалось; с высоты, из густого елового лапника шумно вылетела крупная, белобокая, длиннохвостая сорока, полетела было в сторону, но скоро вернулась и села на вершину лиственницы, продолжая непрерывно и беспокойно строчить, словно предупреждала об опасности. Герасим Григорьевич пристально смотрел на елки: то с одной стороны стрельнет взглядом, то пройдет и внимательно взглянет с другой, потом зашел вглубь ельника и долго наблюдал что-то там. Затем он вдруг присел, повернулся к мальчику и коротким взмахом руки позвал его к себе. Тот обрадовался, бесшумно, но проворно перепрыгнул небольшие кочки, заросшие мелким брусничником, приблизился к деду.

- Смотри, - тихо вымолвил Герасим-грачевник, показывая пальцем наверх, в гущу одной елки, - смотри, на ветке, будто темный комочек, птенец-сорочонок сидит... замер... - смотри.

А тем временем с лиственницы беспрестанно лились тревожные звуки сороки-матери.

- Вижу! Вижу! - ликовал мальчишка. - Вижу!

- Теперь взгляни выше, - как и прежде находясь на корточках, говорил деда Грачевник. - Во-он, в центре елки, у самого ствола... что там?

Олежка долго смотрел, но ничего не мог увидеть, он отошел немного в сторону и вновь направил взгляд в гущу елки, подпрыгнул один раз, второй.

- Гнездо! - радостно крикнул парнишка. - Деда Грачевник! Гнездо! И из него выглядывают два малюсеньких сорочонка! - он вновь подпрыгнул, вновь взглянул на гнездо: - А птенцы не выпадут, а?

- Не переживай, - успокоил его Герасим-грачевник, - если и выпадут, мать-сорока вернет их домой.

Олег продолжал подпрыгивать и рассматривать гнездо, которое выглядело немалым сооружением, значительно крупнее, чем гнездо грачей.

Несколько опережая события в рассказе, сообщу, что в августе, когда сороки-родители вместе со своими уже окрепшими сорочатами улетели в лес, я и Олег не удержались от соблазна, забрались на елку, чтобы рассмотреть гнездо сорок. Мы удивились: большое гнездо плотно свито из ветвей, с широкой крышей, с боковым входом, пол которого тщательно обмазан глиной. Прошло много лет, а я отчетливо помню это гнездо, и сейчас не перестаю удивляться мастерству сорок.

Герасим-грачевник вышел из рожицы и загадочно сказал:

- Теперь мне попятно, кто у вас ворует цыплят.

- Кто? - посмотрел мой дружок на деда Герасима, широко открыв глаза.

- Пойдем в вашу баню, - улыбнулся Герасим Григорьевич, - сейчас увидишь.

В бане они притулились к оконцу, прикрытому легкой занавеской. Через полчаса, а может, чуть больше, через оконце они увидели, как на конек курятника плавно опустилась сорока, повертела длинным хвостом, успокоилась, скок скок-скок. Легко попрыгала она к середине крыши в сторону выгула цыплят, остановилась, покрасовалась, показала свой пышный

светлый бочок, вновь повиляла хвостиком, покрутила головкой с темными острыми глазками, скок, скок, скок, еще приблизилась к краю конька.

- Тихо, - шепнул Герасим-грачевник, - смотри, сейчас сорока выберет момент, бесшумно слетит к цыплятам и так же, как по коньку, бочком-бочком приблизится к увлекшемуся прогулкой птенцу, мгновенно долбанет его по темечку своим крепким клювом и... поминай как звали...

Так и произошло: едва деда Герасим проговорил, сорока оказалась у другого края конька курятника и, не мешкая, тихо, без взмаха крыльев, слетела вниз на площадку выгула.

- Бежим! - крикнул Герасим-грачевник. - Ее надо спугнуть быстрее!

Мы преднамеренно громко хлопнули дверью, и сорока тотчас сорвалась, улетела прочь, часто помахивая расщеперившимся хвостом.

Олег посмотрел ей вслед, постоял молча, затем повернулся к деду Герасиму и едва слышно со вздохом сказал:

- Теперь папаня расстреляет сорок... сорочата погибнут...

- Не расстреляет, - сдержанно, но твердо сказал Герасим-грачевник, обняв мальчишку за плечи, - я поговорю с твоим папой, поговорю, иначе осиротеет ваша усадьба...

Действительно, узнав причину пропажи цыплят, Павел Иванович не на шутку было разошелся, однако с припадком горячности справился, успокоился, согласился с советом доброго соседа. На следующий день над выгулом цыплят укрепили с мелкой ячейкой сетку, а Олежка со своей младшей сестренкой Олей каждое утро счастливо убегали в рощу к сорокам, подкармливали их кусочками хлеба, вареной картошки, иногда приберегали, недоедая пластики мяса и тоже относили туда же, в рощу, и складывали в небольшой старенький тазик.

Сороки привыкли к новым условиям, стали своими и в знак благодарности не только прекратили красть цыплят, напротив, начали охранять усадьбу от чужих ворон и сорок.

По утрам, когда хозяин дома возвращался из пекарни, сороки радостно приветствовали его: летали, кружили перед домом, громко, свободно восклицали своими строчащими голосами, затем опускались на конек дома и прыгали из конца в конец, играя своими длинными и широкими, как веер хвостами, посверкивая светлыми бочками. Павел Иванович остановится на минутку-две у калитки, полюбуется птицами.

- Цирк, да и только, - скажет он тихо, слегка усмехнувшись. Много радости приносили сороки этому дому.

Как же я благодарен судьбе за то, что в мои несколько детских послевоенных лет мне посчастливилось жить рядом с Герасимом Григорьевичем, родным Герасимом-грачевником.

10

- А начало войны ты помнишь? - спросила меня мама.

Начало войны помню смутно. Но отдельные ее моменты врезались в мою память, как шрам над моим глазом, который я серьезно сбедил, играя с мальчишками уже после победы в войну в еще сохранившихся, но начавших осыпаться и обваливаться траншеях и окопах, вырытых в роще у школы.

В первый год войны в этих окопах жители нашего городка прятались, когда по радио объявляли воздушную тревогу.

Начало войны... На наш дом обрушилась глухая, нездоровая тишина. Почему-то помню своего отца не в лицо, а со спины. Он в темно-зеленой тужурке с хлястиком, в светлой меховой шапке, через плечо — небольшой вещевой мешок. Отец приближается к двери, открывает ее и шагает в темноту, будто проваливаясь в яму, уходит на войну.

Мама посреди комнаты долго и молча сидела на стуле, согнувшись и спрятав лицо в ладони.

Скоро я не стал встречать в коридоре нашего дома пап Верочки Карелиной, Лены Хитровой, Борьки Гришина и Гены Блинова.

- Последним на фронт уходил отец Гали Новиковой, - вспоминала и рассказывала мне мама. - Перед уходом он зашел к Герасиму Григорьевичу, который оставался дома из-за того, что был уже старенький, на войну его не призывали. Отяжелевшим взглядом смотрел Грачев на своего соседа, который как и прежде, чисто выбрит, подтянут, но осунувшееся лицо выдавало переживание.

- Герасим Григорьевич, - едва слышно заговорил Александр Павлович, - один ты из мужчин остаешься в доме... тяжело будет... и еще, - продолжал молвить папа Гали Новиковой, - детей в доме много, большинство малыши... любят они тебя пуще родного... силы будут, помоги сберечь...

В декабре, в холодный Егорьев день, к вечеру все женщины нашего дома, как по звонку, собрались во флигеле у Герасима Григорьевича. Собрались, чтобы выговориться, посмотреть друг на друга, определиться с дальнейшим житьем-бытьем. Каждая, по возможности, что-то принесла и поставила на стол: картошку в мундире, блины, малиновое варенье, мама Гены Блинова в полотенце принесла хлебных сухариков.

- Ой, какой сегодня студеный ветер! - громко заметила Глафира Аркадьевна, только что вошедшая в комнату и объятая клубами морозного воздуха,

- А в колодце, в колодце какой гул стоит... страх берет, - поддержала разговор моя мама.

Герасим Григорьевич внимательно посмотрел сначала на Карелину, потом на маму.

- Вовремя вы, Татьяна Николаевна, заметили, - громко выговорил Грачев, едва заметно улыбнувшись. - Если в холодный Егорьев день гул в колодце, ждите зиму суровой...

Женщины тревожно переглянулись, каждую кольнула одна и та же мысль: «Так-то нелегко, вовсе станет трудно...»

Герасим Григорьевич уловил промелькнувшую тень на лицах соседок и пожалел о том, что не ко времени сообщил старую примету и тотчас поспешил женщин успокоить, сказав: «Дров на зиму заготовлено достаточно, с едой туго, но выдержать до весны должны».

- В мае легче, - дополнил он, - подножный корм поддержит...

Затем поговорили о новогоднем празднике, который в эти мрачные дни нужен более детям, нежели взрослым. И здесь Герасим Григорьевич оказался на высоте, порадовав всех тем, что елку поставит у себя.

Стройную, густую елку деда Герасим принес сам. Она была высокой: от пола до потолка. В большой светлой комнате флигеля собралась вся детвора. Елку рядили два дня. Рисовали акварелью, вырезали из плотной бумаги и картона елочные игрушки, изображающие грачей, скворцов, синиц, пестрых снегирей и жаворонков. Из большой корзины Герасим-грачевник высыпал на пол у елки настоящие еловые шишки. О-о! Сколько было радости! Сколько восхищений! Все шишки мы повесили на елку.

После новогоднего веселья сели за большой стол: нас угостили супом с грибами и подарили по одному жаворонку, испеченному из муки.

Я не помню на своем веку новогоднего праздника, на котором мне было бы так же весело и счастливо, как на том, у деда Герасима.

Миновали отогревшие душу новогодние дни; не испытывая изнурительной нужды дожили до Сретенья. В конце же февраля наша соседка тетя Дуся Макарова тревожно сообщила:

- Картошка на исходе, что делать будем, Татьяна Николаевна, ладно б одни жили... де-ети?..

- Ну, что вы, Дуся, так сильно тревожитесь? До весны почти дожили, до тепла как-нибудь дотянем, - попыталась успокоить ее мама.

- Ка-ак? - громче прежнего спросила тетя Дуся. - Ка-ак?

- Совсем худо станет, Герасим Григорьевич в совхоз ходит, там у него старые связи...

- Не знаю, не знаю... - промолвила соседка, горестно покачав головой. Дважды Грачев навещал в деревне старого друга, дважды тот ему не отказывал, понемногу выручал и картошкой, и капустой, и луком, и даже мукой.

Кое-как дотянули до тепла, до буйного половодья. Вновь прилетели грачи. С тихой радостью встречал их осунувшийся деда Герасим, окруженный вытянувшейся за зиму неумолчной детворой. Прижавшись к деду, подняв закутанную теплым платком голову, внимательно наблюдала за грачами, слушала их неугомонный радостный говор маленькая Галя Новикова. На ее бледном личике застыла слабая улыбка.

В середине апреля, в самый излом весны, моя мама встретила в коридоре с Герасимом Григорьевичем; маму удивили его шаркающие, тяжелые шаги. Он никогда так трудно не ходил, всегда крепился, внимания соседей на то, что заболел, не вызывал, с большими или малыми недомоганиями справлялся сам, наедине. А сегодня еле шел, едва хватило сил, чтобы дойти до двери квартиры. «Только бы не разболелся Герасим Григорьевич», - печально подумала мама.

- Татьяна Николаевна, - едва слышно вымолвил он, отпирая замок двери, - зайдите, пожалуйста. - Он медленно опустился на стул, глаза деда потемнели, запали.

- Если утром не поднимусь, - начал он слабо говорить, - снарядитесь завтра с Глафирой Аркадьевной к Митричу, в совхоз, может, он нас еще раз выручит.

Загоревали женщины, о себе думали менее всего, душа болела за детей и Герасима Григорьевича, который, разболевшись, лежал в комнате один. Временами ему становилось легче и он норовил подняться, но силы оставляли его, голова вновь опускалась на подушку. К нему часто навещали Глафира Аркадьевна Карелина, мама Лены Хитровой и моя мама. Приносили ему кипятку, сухариков, иногда немного молока, которое они просили у знакомых на соседней улице в обмен за хлеб или картошку. Чем могли, тем и поддерживали они Грачева, отрывали от своего рта, ему несли. Уходя от него, дверь запирали, чтобы не докучали ребятишки. Но детям не запретишь, их не остановишь, они толпились у двери, настойчиво стучали по ней руками.

- Де-еда-а... пусти-и... - упорно просила Галя Новикова.

Герасим Григорьевич тихо откликнулся, что-то негромко говорил, но его слова не слышали, а дверь не открывалась. От обиды ребятишки кричали еще, вновь стучали по двери и кулачками, и ногами.

- Де-еда-а, отокро-ой... деда пусти-и!..

Дед Герасим не выдерживал, поднимался с кровати, делал несколько шагов к двери, но вновь начинала мучить тошнота, к глазам подступала пятнистая темень, он спешно возвращался, налил на постель, забывался.

- Таня, - почти шепотом вымолвил Герасим Григорьевич, когда моя мама пришла его навестить, - у Митрича в совхозе были?

Мама молчала, Грачев медленно повернулся к ней, продолжительно посмотрел на ее осунувшееся, почерневшее от беспросветной жизни лицо.

- Что молчите? - опять прошептал он.

- Были, совсем плохо и там...

- то же это, Татьяна Николаевна, - взволнованно выговорил он, - ребяташки голодные?

- Эх-х, Герасим Григорьевич, - глубоко и горько вздохнула мама, - вчера и хлеба ни крошки не могли получить... не знаем, что и делать, голод подобрался, - она отвернулась, замолчала, не было сил и слов, чтобы что-то говорить еще.

- А дети где? Почему их не слышно? - слабым голосом спросил Грачев.

- Ой, Герасим Григорьевич, наваждение какое-то, - обеспокоенно и торопливо отвечала мама, - Федя мой затемпературил, слег, заболела Галя Новикова, у Блиновых мальчишка тоже свалился, у Хитровых Леночка лежит в постели, - мама, вздохнув, замолчала, словно обдумывая, стоит дальше говорить или нет, но еще раз тихо и глубоко вздохнув, дополнила: - Беда, Герасим Григорьевич, молока бы им сейчас или горячего бульона, попить бы немного... но где взять... ни молока, ни мяса не сыщешь, да и не на что...

Деда словно прошибло, он неподвижно лежал и молчал. «Дети остаются, сбереги... любят они вас пуще родного...» - вспомнил Герасим Григорьевич слова уходящего на фронт Александра Павловича Новикова. Отрешенный взгляд Грачева устремился в окно, в небо. Лучи солнца, которое уже опускалось к школе, нежно тронули слегка позеленевшие вершины берез. Затем его взгляд соскользнул от окна на стену, где висела та памятная картина с изображением небольшого сельского храма, в котором когда-то крестили Герасима Григорьевича. Ему показалось, что с этого холста, овеванная умиротворенной красотой, церковь спешит навстречу ему, освещая комнату спокойным ровным светом.

- О-о, Господи! - шепотом взмолился Герасим Григорьевич. - Спаси, Господи, детей наших, научи меня, Господи, творить волю твою в этот трудный день и час... Господи, Ты есть Бог мой!..

Помолившись, он успокоился, но не надолго. «Неужели безнадежно?.. - вновь тяжело подумал он. - Неужели тупик?» Никакого ответа не получил Герасим Григорьевич от своей мучительной думы. Он снова безучастно посмотрел через окно на вершины берез, на гнезда, вокруг которых на ветках безмятежно отдыхали грачи.

- Гррр... гррр... гррр... - тихо проникал в комнату ровный говор птиц. Дед Герасим вздрогнул, внезапно напавшая мысль породила в голове боль, сердце ударилось и словно перевернулось на своем месте.

«О-о, Господи, Твоя ли воля? - ужаснувшись, подумал Герасим Григорьевич. - Нет, нет!» - коротко махнул он ладонью, силясь отогнать вонзившуюся думу, но она не отступала, волновала его. Дед закрыл глаза, стремясь успокоить, бившееся в груди сердце. Грачев настолько разволновался, что в его ушах возник непрерывно усиливающийся шум, в какой-то миг ему почудилось, что этот шум перешел в звуки благовеста, те родные знакомые звуки, исходящие от церкви. Воздух его просторной комнаты как бы наполнился звучанием большого колокола, к которому вскоре присоединились тонкие переливчатые голоса других колоколов. И Герасиму Григорьевичу стало легче.

Он очнулся в тот момент, когда моей мамы в комнате уже не было. Некоторое время он лежал как бы в глубокой яме, наполненной тишиной, затем пошевелился в постели, пошевелился еще раз и стал подниматься. Редкие волосы взбились, торчали в разные стороны, глаза заблестели в глубоких темных глазницах, ожили, осмотрели комнату, увидели ружье, висевшее на противоположной от кровати стене, то самое именно ружье, которое подарил ему отец. Герасим Григорьевич не спеша, осторожно, чтобы

не упасть, приблизился к нему, взял за ремень, потянул на себя. Скользнув холодным вороненым стволом по руке, ружье упало, гулко ударив прикладом о пол. Ни раньше, ни позже, а именно в эту минуту по коридору проходила Глафира Аркадьевна, которая услышала глухой тяжелый удар. Не мешкая, тотчас вошла к соседу и, увидев Герасима Григорьевича с ружьем в руках, застыла — ее будто окатило ледяной водой, слова не могла сказать, со страхом в глазах смотрела то на Грачева, то на ружье.

- Герасим Григорьевич, - едва вымолвила она, - что вы задумали? Не дам! Не да-ам! - судорожно уцепилась она за ствол. - Не да-ам!

Он оставил ружье, медленно вернулся к кровати и сел. Глафира Аркадьевна бессильно опустилась рядом на стул. И Грачев поведал ей о своем решении.

- О-ох, - отлегло от сердца у женщины, - а я-то подумала...

Утром он поднялся рано, но расхаживался долго, болезнь еще одолевала его, ныли суставы рук, ног, как если бы не своей была голова.

- Надо собираться, надо собираться... - повторял он беззвучно. Ему казалось, будто он что-то забывает, оглядывался, несколько раз ощупывал карманы пиджака и, убедившись, что патроны при нем, успокоился. Во дворе деда шатнуло, он остановился. Утренняя апрельская тихая прохлада освежила лицо. Он медленно пошел мимо сарая, с обратной стороны которого у нижнего венца на земле увидел пробившиеся молоденькие нежные побеги крапивы. «Ну вот, - легко подумал он, - дня через два-три щи сварим...» Затем, обойдя колодец, приблизился к воротам, остановился, приставил на землю ружье и, прижавшись к воротам, сдернул железный засов, отдышался, пристально посмотрел через щель ворот на вершины берез, туда, где водятся грачи. Пара птиц обеспокоенно сорвалась с дерева, тревожно покружилась над гнездами и вновь опустилась. Грачев приоткрыл ворота, выждал, встал прямо, поднял взор к небу и трижды перекрестился.

- Господи, прости меня... о Господи...

Герасим Григорьевич не спеша опустился на колени, осторожно уложил ружье на широкую планку засова, приложился щекой к прикладу. Тотчас взбунтовалось в груди сердце, обессилевшие руки задрожали, вырвавшаяся из глаза слеза заслонила деревья и птиц. Закрыв глаза, и ему вдруг то ли показалось, то ли он в действительности услышал плач детей. Грачев вздрогнул, почувствовал прилив сил, пальцем смахнул со щеки слезу, поймав мушку, решительно повел ствол ружья на грачей. С треском ухнул выстрел, затем второй, светлый дым длинным грибом вырвался из ворот. Десятки, сотни птиц со своих гнезд тотчас сорвались в небо и, тревожно крича, тучей закружились над рощей. Несколько грачей один за другим, задевая ветви деревьев, беспорядочно падали вниз.

Герасим Григорьевич неторопливо подошел к роще, остановился, склонил голову. Перед ним у корней берез лежали грачи: один словно спал, прикрывшись крылом и склонив к грудке голову со светлым клювом; другой лежал лапками вверх, распахнув широкие крылья, третий и четвертый отлетели в сторону и как бы спрятались за мелкий кустарник березняка. Дед, содрогаясь, медленно опустился на колени, двумя руками осторожно поднял с земли еще теплого, но уже безжизненного грача, тихо опустил его в большую плетеную корзину. Так же бережно поступил с остальными грачами...

11

Никогда не забуду, как жадно я хлебал горячий бульон, никогда не забуду его вкусного запаха и теплого пара, который нежно облекал мое лицо. Моя милая мама сказала мне тогда, что сварен он из курочки, которую привез из деревни наш дед Герасим.

С того времени и не гнездятся грачи на тех березах, которые и сейчас возвышаются напротив нашего дома.

Депрессия

Я заметил, что через определенные промежутки времени на меня неожиданно тяжелой волной накатывается депрессия. Глубокое чувство подавленности и безысходности пронизывает мой мозг, ущемляет душу, сковывает меня, и я ничего не могу поделать с собой.

Но через некоторое время мне становится легче, начинаю дышать свободнее, всей грудью, словно обретаю крылья, которые быстро поднимают меня выше и выше. Мои руки, ноги, весь мой организм как бы наливаются новой энергией, силой, и я работаю, как вол, работаю много, день и ночь.

Я инженер - электрик. Люблю свою профессию. В свое время продолжительно изучал, проникал в сущность электрического тока, в его кривые жизни, невидимые точки, которых то круто забрасывает вверх, то они стремительно падают вниз, будто мчатся «живые» точки синусоид по крутой «американской горке».

Однажды меня вновь «связал» тяжелый приступ депрессии. Я с трудом поднялся со стула из-за своего домашнего рабочего стола и пересел в кресло, крепко вцепившись в его поручни. Мне вдруг показалось, что мчусь с невероятной скоростью в темную бездну сильного водоворота многоводной реки и, закрыв глаза, еще крепче держусь за кресло. В этот жуткий миг меня осенила мысль, будто стремительно лечу в пропасть не я один, а падаю со всем окружающим, вместе с родной небольшой матушкой - Землей в потоке мощного электрического тока Вселенной в нижний глубокий пик синусоиды. И меня объял страх...

И не сохрани я в эти мрачные минуты свое здоровое сознание, не удержи его, потянешь к сильному и злему «лекарству», чтобы уменьшить, приглушить почти невыносимые чувства, тотчас может сработать самоиндукция депрессии, которая будто неожиданно, до ослепления ярко вспыхнувшая мощная электрическая лампа. Резко увеличит свое воздействие на меня, и тогда я не выдержу, и тогда разорвется мое изношенное сердце, не

удержусь я в «кресле» Земли, вылечу из мощного потока жизни, и мою душу выбьет в иной, неведомый мне электрический поток, в иной, неведомый мне мир.

А мне еще хочется быть на Земле! Я люблю ее!

Но, может, в следующий раз, когда судороги депрессии меня вновь скуют, и станет нестерпимо худо, мне все-таки принять лекарство? Может. В ином потоке жизни моей душе станет свободнее и легче, а моим мыслям - просторнее?.. Кто мне посоветует?.. Кто подскажет?.. Никто!

Бог рассудит, как поступить со мной.

Калеки

«Что ж, человек? –
За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?»
А. Блок

1

Он пришел рано утром, вошел в ту же дверь, через которую ушел на войну. Встал у двери в длинной серой, далеко не новой шинели, в такой же серой шапке, и с впалыми щеками лицо, как шинель, серое. Правый рукав шинели пуст, он то ли пришит к ее боку, то ли приколот: отец вернулся с фронта без руки. Но его глаза светло искрились.

- Ка-атя, - слабо позвал он мою маму. Они крепко обнялись, я тоже прильнул к ним. В наш дом ворвалось солнце!

Через час или два, когда мы немного успокоились от внезапной огромной радости, мама обняла меня и, светло улыбнувшись, громко сказала:

- Счастье-то у нас какое, сынок! Счастье-то...

А в пополудни этого же дня он позвал пойти с ним в городскую баню, чтобы «помочь - смыть ему фронтовую пыль».

- Уж больно едкая она, зараза, - то ли в шутку, то ли всерьез дополнил папа.

Городок, в котором мы жили, был неблагоустроенный: бань и ванн в домах не было.

В просторном предбаннике мы аккуратно сложили свои шмотки в шкаф и, оставшись в чем мать родила, невольно окинули друг друга взглядом.

- Эх, какой ты у меня мужичок-то славный стал, - громко и весело подивился отец, - не мужичок, а мужик, едрена клеш!

Я же бегло, но цепко осмотрев папу, ужаснулся от того, чего не ожидал увидеть: обе половинки его задницы отсутствовали, их будто глубоко срезали острой косой или огромной бритвой. Не было у него зада почти до костей, лишь бросилась в глаза розовая плоскость с длинными выпуклыми шрамами.

У меня, шестилетнего пацана, язык отнялся, внутри, ниже горла, потяжелело, чувствуя, как меня покидают силы, я опустился на лавку. Папа, увидев, что я побелел, наклонился ко мне.

- Артем что с тобой? - торопливо и громко спросил он. Я воодушевился, силы ко мне начали быстро возвращаться и, приблизившись к уху отца, взволнованно шепнул:

- Папа, а где твоя?.. - я пальцем показал на его зад, - кто тебе ее отрезал?

Он коротко, тихо хохотнул, но, тотчас нахмурившись, ответил:

- Фриц отсек, - и задумчиво досказал, - мне еще повезло, другим огого-го, подожди маленько, насмотришься...

Кто такой «фриц» в ту пору я уже знал.

Войдя в помещение теплой мойки, изумился: просторно и свободно - шаром покати, мужиков - по пальцам счесть, и те - старики да дети.

- Пусто что-то, видно, воют или потому что будний день, - сам себе негромко сказал папа, - наверное, и так - и так.

Мылись мы долго и славно; моясь, я нет-нет да посмотрю на папу: на его ноги, спину, голову, руки и... надо же - дома не видел, по дороге в баню тоже не заметил, а сейчас обнаружил: на его левой руке нет указательного пальца.

- Папа, - удивленно прервал я его, - а палец и руку тебе тоже фриц отсек?

- Тоже, - кивнул он головой, старательно намыливая живот и отсеченный зад, - война, сынок, война, будь она проклята...

Домой из бани шли не торопясь, счастливые; папа обнял меня за плечо.

- Ой, сынок, го-о-о, - выпукло окая, радовался отец, - словно не воевал...

Но ночью отец спал беспокойно, будто в его «шкуру» вселился другой человек:

- Ого-онь! - внезапно и громко закричал он в середине ночи во сне, взмахивая рукой. - Ого-онь! Е - есть! встал, курва на дыбы!.. Заряжа-ай! Ого-онь! Е - есть, курва!.. Развернуло паскуду!.. Ого-онь!..

Мама, лежа рядом с папой в кровати, обняв его рукой, тихо, но часто и испуганно заговорила:

- Яша, Яша, что с тобой?.. Успокойся, успокойся... С кем ты воюешь?.. О, Господи, помоги ему... О, Господи, помоги ему... - причитала она.

Папа просыпался, умолкал, отрешенно долго смотрел маме в глаза, потом, видимо, ничего не поняв, поворачивался на бок, шумно, ровно дышал. Но вскоре его на кровати будто подбросило, отец упал на пол вниз лицом.

- О-о-о, - издал он протяжно болезненный звук, - о-о-о,.. завали-или,.. с-суки-и!.. Развора-а-чивай!.. За-аря-жа-ай!.. Ого-онь по стерве-е!..

Мама быстро подскочила к нему, взяла за руку:

- Проснись, проснись, Яша...

Папа, проснувшись, медленно поднял голову, изумленно взглянул на маму

- Сон приснился, - как бы винась перед ней, негромко проговорил он, - будто ранило меня опять... Ну, пакость, и дома эта война меня достала, нет покою...

Сны о войне одолевали отца до конца его дней.

Сначала я боялся сонного отца, его сумбурных, громких выкриков, взмахов рукой, но через месяц, может, чуть более, напротив, ждал отцовских снов, вслушивался в его команды заряжать пушку, перетягивать ее с одного места на другое, в его громкое ликование, когда его оружие подбивало фашистские танки, его кудрявые ругательные слова...

Мой дух захватывало, я радовался, если отец осиливал, побеждал фашиста; когда же папу ранило, тело мое сжималось, меня пробивал холодный пот, и мне хотелось помочь отцу...

Денька через два-три, когда папа немного привык к родному дому, он пошел со мной на Большую улицу.

- Поздороваться надо с городом-то, - светло улыбался он, - давненько мы с ним не виделись.

На воле, как и у меня на душе, светло и спокойно; солнце среди необъятного чистого неба не скупилось на тепло, деревья густо распушенной кроной кланялись отцу; впереди по дороге непугливо порхали синички, громко, весело дзинькали, как бы тоже радостно приветствовали и показывали путь.

Пока шли по широкой, вымощенной плоским булыжником дороге, отец встречал хороших знакомых, радостно взмахивал руками, обнимался, то весело, то грустно что-то говорили друг другу.

В период, когда нам никто не встречался, и еще не дойдя до городской площади, папа вдруг остановился, его посвежевшее за два дня лицо вновь потемнело, веки глаз закрылись, голова склонилась к груди.

- Что с тобой, папа, тебе плохо?.. - спросил я его, тронув за локоть руки.

- Сейчас пройдет, сейчас пройдет, - скороговоркой, тихо отвечал он, - к тишине, сынок, не могу привыкнуть,.., заложила она мне уши, ажник оглох,

затошнило меня,.. кажется мне, что вот-вот где-то рядом ухнет, подкинет в небо землю, развалит дома, потечет кровь... - и, крепко обняв меня, досказал, - вот она, сын, война - то какая, как зараза, ни ночью, ни днем не отбить ее...

Когда отцу полегчало, мы неспешно пошли к центру города.

2

Мы подошли к центру города, где у продуктового магазина, чуть в сторонке от его высокой, массивной двери на земле я увидел увечного мужчину: он был без ног до тех самых мест «откуда они растут». Сначала мне показалось, что калека не стоял и не сидел на земле, а торчал из нее, будто невысокий кряжистый пенёк.

Перед изувеченным человеком на земле лежала смятая кепка, в которую прохожий люд опускал копейки. «Нищий калека-то», - печально подумал я. Слева от него находилась невысокая дощатая самодельная тележка, у которой вместо колес были вмонтированы шарикоподшипники. На земле, по бокам обрубленного широкогрудого тела стояли деревянные толкачи, похожие на древние, крупные, русские угольные утюги с ручками или пудовые гири.

На самодельной тележке с шарикоподшипниками, отталкиваясь от земли толкачами, он и дополз сюда от своего дома.

Калека уверенно и привычно занимал маленький земельный «пятачок» перед магазином, вероятно, он приполз сюда уже не в первый раз и как бы успел узаконить это людное местечко. На короткие культы и задницу уродливого дяди напялены штаны - обрубки из крепкой мрачной кожи, на плечах, из грубой темной материи - рубаха с длинными рукавами.

На правой стороне его крепкой просторной груди к рубахе прикреплены два боевых ордена, они то и дело вспыхивали от падающего на них солнечного лучика.

Папа узнал в увечном старом друге Александра Макарова; до призыва на фронт они работали на местной фабрике наладчиками ткацких станков. Макаров тоже узнал папу, тотчас прижался к его ноге, громко, вздохнув,

неудержимо зарыдал. До этого я еще не видел плачущих мужиков. Отпустив отца, Александр взмахивал руками, широкими ладонями бил по торцам культей, яростно, горько качая головой из стороны в сторону.

- Яков! Яков! Что делать!?! - впился он немигающим, вопрошающим взглядом в папу. - Все молчат! Все отворачиваются. Да, я урод! Да, я привез своей семье с фронта горе! Но я свое отпахал сполна! - резко махнул он рукой в сторону. - Там! Под Москвой! В Сталинграде! И на Прохоровском поле, где я давил «тигров» и «пантер»! А мне за это - во-от! - с размаху он ударил кулаком по кепке. - Во-от!

- Ты воевал на Огненной дуге!?! - радостно воскликнул отец. - Я тоже прошел это месиво!..

Но калека не мог ответить, не мог сразу перейти на ровный, спокойный разговор, его внутреннее равновесие было нарушено, давил и давил приступ душевной горечи, тем более, что он увидел моего отца хотя и без руки, но с обеими ногами.

Жесткий, безумный взгляд Александра, его неудержимый крик, частые резкие взмахи рук, лежащая на земле кепка, в которую кем-то опущено две-три монеты, самодельная тележка с шарикоподшипниками, облаченные в кожу культи, громоздкие толкачи меня потрясли еще больше, чем когда я увидел отсеченный отцовский зад и отсутствие руки.

Сначала меня пронзило оцепенение, мне стало не по себе, надо бы не смотреть, отвести взгляд от искалеченного человека, а я не мог, словно магнитом притянуло мои глаза к нему. Затем словно лихорадка втиснулась в мое мальчишеское, еще не окрепшее нутро и заколотила меня.

- Па-а-па-а! - судорожно прижался я к отцу.

И увечный, резко повернув лицо в мою сторону, как бы только-только увидев меня и заметив в моих глазах след испуга, сник, его крепкие, крупные плечи опали, будто все, что в нем наболело, нарвало, вырвалось наружу и отлетело.

Отец опустился перед Макаровым на колени, понимая его безысходность, не успокаивал, крепко сжав зубы, молчал.

Увечный перевел взгляд на отца.

- За какие бои награды? - направил отец взор на его грудь.

- Орден Отечественной – за Сталинград, Красной Звезды - за Курск, - уже спокойно и горделиво ответил Макаров.

- Вдоволь ты покормил вражину огнем-то... - похвально заметил отец и вновь спросил. – Значит, дрался на Огненной дуге?

- Да, - едва слышно ответил Александр, - это был кромешный ад...

- Расскажи, расскажи, что ты помнишь, - торопил его мой отец, - расскажи, может, я в те дни где-то рядом с тобой немецкую мразь бил...

- Это был кромешный ад... - вновь повторил калека.

Прошло много лет после победы, а я четко помню его крупные, карие, задумчивые глаза; темные, густые, но с частой проседью волосы; уже немоложавое. Но еще молодого человека лицо; его короткие резкие взмахи рук, глуховатый картавый говор.

Хорошо вспоминаю отца и его друга...

3

Хорошо помню воспоминания, отца и его друга о битве на Огненной дуге...

... Гитлер и вся его свора особенно тщательно готовились к сражению, наши тоже не дремали, к Прохоровскому полю подтягивали гвардейскую танковую армию, где механиком – водителем «тридцатьчетверки» служил Александр Макаров; артиллерию, авиацию, пехоту. Армия сжималась и напрягалась в один мощный кулак.

Незадолго до дня битвы в руки танкистов попала фашистская листовка с ложно-трусливым домыслом, будто русским удастся добиваться победы только зимой, когда им помогает «господин холод», так, мол, было под Москвой и под Сталинградом.

Теперь же, жарким летом сорок третьего, русские на всю железку получают «немецкий Сталинград» под Курском. И еще в этой листовке напечатано обращение к русским солдатам, прошедшим битвы под Москвой и Сталинградом, чтобы те, кто хочет остаться в живых, переходил на немецкую сторону, пока не поздно, и чтобы захватили с собой котелки...

У сопливой фашистской твари поджилки тряслись от слов «Москва» и «Сталинград». Гитлеровцы как огня боялись и наш русский мороз и нашего солдата, прошедшего окопы под Москвой и Сталинградом. Смело и беспощадно давившего гитлеровскую сволочь.

Фашистская липовая листовка не только рассмешила советских воинов, но и вызвала в их душах еще большее негодование. Накануне битвы танкисты, артиллеристы, пехотинцы поклялись размозжить морду фашисту и здесь, под Курском.

В июле танки с обеих сторон двинулись на Прохоровское поле, стена на стену, лоб в лоб. Вражеские танки с нарисованными на борту крупными яркими крестами остановились на пригорке и в низине у мелкокопья, как огромные темные пауки. Кто-то из наших танкистов в этот напряженный, тяжелейший, а может, в предсмертный час жестко высказал: «Вот с-суки! Какие предусмотрительные, заранее на своих гробах нарисовали кресты! Надо им помочь, чтобы они поскорее успокоились!»

И пошло - поехало: один из наших танков содрогнулся на месте, полоснул огнем раз – другой и на полном ходу сорвался вперед - на таран. К середине дня над полем будто взорвали солнце, и опустилась ночь: вокруг дыбились тучи копоти, пыли; тут и там - мощные взрывы, сопровождаемые выбросом в небо огня, земли, камней, металла, людей.

- Александр! - громко крикнул мой папа. - Я же в то время был там! Моя пушка то и дело поджигала черную фашистскую тучу! Мы помогали вам – танкистам! Но потом меня ранило осколком танкового снаряда.

Нестерпимый скрежет и удары металла, залпы из танковых орудий и артиллерийских пушек, автоматные очереди, дикие крики воинов. Казалось, на сплошь залитом кровью поле все смешалось в одну кучу.

Макаров туго обхватил ладонями свою голову и непрерывно мучительно ею закачал.

- Кто придумал этот кромешный ад!? - закричал он. Кто придумал такое чудовищное убийство людей!?

Несколько часов «тридцатьчетверка» Макарова не выходила из боя, но к концу дня вражеский снаряд настиг его боевую машину; экипаж остался жив, но Александра, тяжело раненного, едва вытащили из танка.

Гитлеровскую морду разможили и под Курском: через неделю фашисты начали отводить оставшиеся, едва шевелящиеся клочья от своих разбитых полков.

Я внимательно слушал рассказ отца и его друга, но беседа была прервана: к Александру подкатили на самодельных тележках еще четверо уродов.

4

Они, видимо, приняли громкий голос своего товарища за срочный зов о помощи.

- Яков! - тронул моего отца за руку прибывший первый из четверки. - Это ты?

Отец долго смотрел в глаза увечного, Узнав, воскликнул:

- Николай! Знатков!

За несколько лет до войны они учились в одном классе городской школы: Коля Знатков запомнился папе тем, что всегда был отличником, всегда на виду и общался почему-то только с девчонками, да и сам был как девчонка: с нежными, мягкими чертами лица, никогда не сходящей с него светлой, доброй улыбкой.

В кругу девчонок он был своим, их секреты были и его секретами и наоборот. Сначала тесная «противоестественная» дружба большинству

казалась странной, но позднее привыкли и не обращали внимания, как будто так и надо.

Коля никогда не играл в футбол, не дрался с мальчишками, но зато обожал волейбол, в который охотно играли девчата. Сверстники не сомневались, что он после школы поступит в мединститут или педагогический, кто-то предвещал ему даже карьеру артиста. Однако в классе никто, даже девочки не знали, что Коля Знатков мечтал стать летчиком и стал им. Он защищал Москву, в Сталинградском котле был сбит.

Сейчас Знатков неузнаваем: безногий, в такой же мрачной, как и у Александра одежде; круглое, обветренное, опаленное огнем лицо напряжено, безбровые глаза смотрят настороженно, колко, без улыбки, как у зверька. Нет того Коли Знаткова, на тележке прикатил совсем другой человек, человек, переживший ужас, человек-урод.

В группе подросших калек отец увидел бывшего учителя Григория Петровича Бешметова, отличившегося созданием школьного краеведческого музея. Интеллигентный, обаятельный, общительный и неугомонный Григорий Петрович в довоенное время каждое лето собирал группу школьников, у которых в груди разгорался костерок любви к родному краю. И шагали они по родной земле, останавливаясь в зеленых деревушках, размашистых селах, небольших уютных городках, где изучали, собирали, комплектовали «историю». Разрушенные церкви и монастыри, самобытные постройки, иконы, старые книги, быт предков, байки, поговорки и пословицы - многое усматривали его душа и глаза. Он открывал глаза детям, учил их видеть и мыслить, учил приближать родину к сердцу.

Александр негромко сказал папе, что Григорий Петрович и сейчас «лезет в нутро родного края», у него за пазухой блокнот и пара карандашей, случается, остановит свою телегу посреди дороги и торопится записать, о чем вспомнил. И пишет, и пишет, пока его сзади машина сигналом не

спугнет. Говорит, книгу о родине напишет, только изредка жалуется, что ног не хватает, надо бы еще побродить...

Родной его музей в школе забыли, собранные экспонаты свалили в угол, в кучу и ждали сигнала, чтобы предать огню. Но, слава Богу, по просьбе Бешметова всю «историю» перевезли в его квартиру; вылетела творческая душа из школьного музея, умер музей.

Но папа не переставал верить в то, что Бешметова в родную школу еще позовут...

Двоих увечных отец не знал, они прикатили сюда из соседней деревни, здесь, в городе, им легче существовать. Война вырвала из деревни крепких пахарей...

Сейчас, будучи пожилым человеком, прошедшим немалую жизнь, я часто думаю: если есть Бог на Белом свете, то почему Он без сожаления посылает на тяжкие, невыносимые испытания людей Ему подобных, людей, выполнивших справедливое дело на родной земле. И не могу ответить. А может, Всевышний с умыслом позволяет невообразимые увечья в земном людском обществе, чтоб мы - люди - увидели, ужаснулись и осознали, к чему ведут нами же развязанные войны.

Макаров, заметив, что мой папа закончил знакомство и разговор с неожиданно прикатившими сюда калеками, приблизился к нему, еще сидящему на земле, громко сказал:

- Отметить бы надо нашу встречу... До сих пор удивляюсь находчивости отца: в ту еще военную голодную пору он где-то «копнул» самогонки, несколько крупных розовых луковиц, круглую горбушку черного хлеба и все это, плотно замотав в простыню, понес к речке, на берег. Папа, одетый в выцветшую гимнастерку, галифе, обвисшие сзади, и хромовые сапоги, сохранившиеся, пока он воевал, дома, шел размашистыми твердыми шагами по Большой улице, будто флагман. За ним по булыжной мостовой, энергично отталкиваясь «утюгами» от земли, шумно передвигаясь на самодельных тележках увечные, их глаза радостно светились. Они

перемещались по улице, как эскадра кораблей, где один за всех и все за одного. Изувеченные войной люди сознавали, что приближается тот счастливый час, когда забудется кошмар, в котором они сейчас обитают, и вспомнится величие духа, проявленного ими в страшные дни и годы Великой войны. У них сегодня отдушина, о которой они и не думали, у них сегодня праздник.

Калеки, объединенные порохом и огнем войны, ставшие боевыми друзьями, расположились в тесный круг на зеленой мягкой лужайке. Они, словно сговорившись, смотрели вопросительно на моего отца, в нем в этот миг видели и опору, и советчика. Непривычное осознание собственной ущербности ослабило дух и волю увечных, они, как малые дети, с надеждой смотрели на человека с ногами и с рукой. От него ждали первое слово, и он заговорил.

- Мужики! - пронзительно посмотрел он каждому в глаза. - Мы все прошли фронт, и его печать каждый из нас будет нести до конца своих дней!.. И горечь пороха, кровь и смерть нам будут сниться еще долго!.. Война - стерва нам не будет давать покоя, она, с-сука, нас будет еще преследовать, но мы должны пробиться, мы пробьемся - крикнул отец.

- Пробьемся! - громко отозвались искалеченные войной. - Не зря же мы фашиста давили!

- За победу! - поднял стакан с самогонкой Макаров.

- За победу! - поддержал калека из деревни.

После первого стакана друзья подняли «За победу!» второй и третий. Выпив вдосталь самогонки, занюхав кислым хлебом и луком, они долго пели фронтовые песни, звуки которых рикошетили по зеркальной глади тихой реки к мосту, к центру города. «Горючка» сразила мужиков, они, будто потеряв опору, как обрубки, повалились на землю. Подложив под голову руки, счастливо уснули.

Родные и близкие молча развозили их по домам на тачках с одним колесом и двумя ручками.

Привела мама домой и папу, рухнув на кровать, он промолвил:

- Катя, иначе я не мог...

...Прошел еще почти год.

5

...Прошел еще почти год, фашистов окончательно прищемили, Берлин сдался. По всей стране, по всем городам и весям, по всем улицам восклицали, салютовали: «За победу! За победу! За победу!»

За победным годом промелькнул второй, третий, четвертый...

Я уверен, в жизни почти каждого человека есть незабываемые моменты, кажущиеся на первый взгляд ясными и предельно понятными. Однако в глубине памяти вместе с кажущейся ясностью прячется такое, что долго не раскрывается, не поддается понятию и, волей-неволей возникает вопрос, ответ на который приходит значительно позже. Так вот и у меня: уже будучи юношей, а затем и самостоятельным, но еще молодым человеком, я вновь и вновь в красные дни слышал: «За победу!» «За победу!». И тотчас вспоминал калек, торжественно поднимавших граненые стаканы с самогонкой за тот же самый тост, но еще до окончания войны. «Почему? - глубоко задумывался я, еще шла война, до окончания которой было далеко, а они радостно и уверенно выпивали за ее благополучный исход: «За победу!» - Почему?» И не мог ответить.

Об этом я в очередной День Победы спросил и отца, бывшего для меня и другом, и наставником. Он, как говорится, «звезд не ловил», но Бог наделил его глубоким светлым умом, спокойной манерой поведения, рассудительностью.

Услышав мой вопрос, он долго не отвечал, неторопливо ходил по комнате и, остановившись, уверенно заговорил:

- Они, и не только они, мы все были глубоко убеждены в том, что сломаем хребет извергу, - папа приблизился ко мне, по его напряженному, задумчивому взгляду я чувствовал, как он концентрировал свою мысль, - я не дипломат, буду говорить просто. Вражина - то - фашист ли, фриц ли, немец

ли, как угодно его называй, внезапно ворвался в наш дом, как вор, причем, вор не слабый, а сильный, а мы напряглись всеми своими жилами, кулаки сжали, чтобы защитить свой родной дом, - отец снова остановился, но ненадолго, - а вор он и есть вор, ворует и боязливо оглядывается, ворует и боязливо оглядывается... А этого обнаглевшего стервеца допустили под самое сердце, долго он не озирался, до тех пор, пока ему не дали по зубам... Но под Москвой зубы-то ему вышибли... Однако очухавшись, опять полез. Ну, что с ним делать? Тогда сунули его оголтелую башку в Сталинградский котел, поторкали, повозюкали его нахальную рожу по раскаленному котлуту. Не правда, что ли? - Вопросительно коротко посмотрел на меня отец. - Правда, конечно, потом пленили его, гада, вот тогда он почувал, что не по своему дому гуляет... - Папа замолчал, но я понимал, что он не закончил свою мысль. - Бог шельму метит, - задумчиво улыбнулся он, - фашистская свора была пленена в Сталинграде вместе со своим главарем фельдмаршалом Паулюсом, тем самым Паулюсом, который разработал план нападения на нашу страну под кодовым названием «Барбаросса». Не зря в народе говорят: «Не рой яму соседу - сам в нее сковырнешься». Правда, этот фельдмаршал, натворив нам горя, покаялся, но что толку от его покаяния? Кому оно нужно? Разве только коту под хвост... - Отец вновь примолк, закурил сигарку, затянулся, пустил в сторону дымок, я ждал,

- Так что, Артем, - спокойно посмотрел он на меня, - вор он и есть вор: его накрыли, он или бежать, или - руки вверх. А нам бежать некуда, мы на родной земле, вот и дрались наотмашь, до последнего, до победы...

- Понял тебя, папа, - включился, было, и я в разговор.

- Но я еще не закончил, - тотчас перебил меня отец, - это только одна половина моего ответа на твой вопрос, послушай - и вторую. Они, калеки-то, Александр и другие, находились тогда сразу после фронта-то в глубоком шоке, в кошмарном угаре, но сквозь дым угара в их головах проклевывалось, что ими выполнена (если рассуждать не по-военному, а по-граждански) самая опасная и самая вредная работа, потому они не сомневались, что их не

забудут, не вышибут за обочину, помогут им в житье-бытье, но... только после победы. То есть они и соображали, и создавали, что надо потерпеть, что страна наша напряглась, затянула все гайки для одного - для победы: вот они и поднимали стаканы «За победу!», хотя до нее было еще не близко.

...Но часы отстукивали и отстукивали послепобедное время...

6

... Но часы отстукивали и отстукивали послепобедное время. Калек в городе прибавилось, однако, жизнь по-прежнему не радовала их. Она, как непроходимая трясина, втягивала и втягивала в невыносимые условия, и никакие громкие известные примеры мужества и стойкости уже в мирной жизни не могли изувеченных войной людей вдохновить и указать путь сносного бытия. Далеко не каждому калеке приемлемы эти примеры, далеко не каждого окружали духовно здоровые власть имущие люди и обыватели, которые, сострадая, без сантиментов, с полной решимостью делают все, что в их силах, чтобы увечные выжили, чувствовали себя не ущербными, не больными, а нормальными жителями своего селения. И год от году изуродованные люди стали пропадать; они как бы помаленьку, но постоянно испарялись из городского, еще больного от долгой войны общества.

Разное об исчезновении калек говорили. От Александра Макарова ушла жена. Она в какую-то минуту почувствовала между собой и мужем – обрубком ту опасную неуютность, то опасное духовное напряжение, которые, сработав как жесткая пружина, оттолкнули ее от мужа. А он, ошарашенный потерей единственного близкого человека, словно закаменел, более суток на своей тележке не сдвигался с места, а очнувшись, тотчас прополз в дровяник и накинул на себя удавку.

- Почему Александр так поступил? - огорченно спросила отца моя мама. - Он ведь отчаянный, боевой человек...

- В том и секрет, Катя, - уверенно ответил папа, - что Макаров не трус, он не желал попрошайничать у людей, у своей судьбы, не желал, чтобы от него уходила жена, - папа остановился, глубоко вздохнул, продолжил, - сутки

он напряженно думал, внутри него проходила суровая борьба, в которой он понял, что теперь никому не нужен и уверенно, осознанно расстался с жизнью.

- А Мария, жена Александра, она же любила его, и он ее любил... Как же любовь – то? – вновь устремила вопросительный взор мам. - Вспомни, до войны-то они были всегда вместе, жили душа в душу.

- Любовь, Катя, в ту нестерпимую минуту или час требовала мощной жизненной подпитки, как тот цветок, когда он вянет в сухую жаркую погоду, а подпитки то не было, перекрыли ее, перекрыли напрочь, - отец вдруг смолк. Рука его от волнения тряслась, переведя дыхание, он горячо продолжил, - она, Мария-то что?.. Должна была ежедневно выцарапывать из его кепки копейки!.. Она или он, что, заслужили это? Нет, конечно! Вот и сжалась в клубочек любовь - то, скрылась в уголке сердца нестерпевшей, убежавшей жены... Но пройдет время, - уже тихо и печально договаривал отец, - спрятавшееся чувство вновь напомнит о себе, вновь вспыхнет, но уже поздно... Сгорит сердце Марии...

Николаю Знаткову повезло было: помогли устроиться на работу в скорняжную артель «Красный Октябрь», меховые шкурки выделывать. Но «бездушному» председателю «шарашки», так прозвало артель простонародье, калека показался невыгодным: всю смену за увечного бегать кому-то надо, и тихо вытеснили уroda из артели. Тот переключился на другое: у друзей и знакомых, на свалках собирал неисправный инструмент – пилы, ножи, зубила, молотки, разные стамески, сверла - ремонтировал и вез на рынок продавать. Дело пошло, на хлеб себе заколачивал, но местная власть усмотрела в его старании спекуляцию и «отбили ему руки». Знатков не успокаивался, стучал, просился. Ему сострадали, вроде бы из самых светлых побуждений, обещали, но обещанного не выполняли, спеша поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде уродливого человека. Ни к одному делу прибиться ему не помогли. Отчаявшись, он приехал на тележке на Большую улицу, останавливался у закуской и подолгу

сопровождал колким испытующим взглядом проходящих мимо женщин. О чем он думал в те минуты? Которую женщину желал увидеть? Ни одна из прохожих не остановилась перед ним. Затем его видели среди известных местных воров играющим в карты. После на глаза не попадал, будто не было Коли Знаткова.

Григорий Петрович Бешметов хлопотал над созданием местного краеведческого музея: обивал пороги местной власти, переползал из кабинета в кабинет, просил выделить помещение, даже предлагал варианты, убеждал, доказывал необходимость музея. Все соглашались, кивая головой, но вежливо проводив Григория Петровича за дверь, тотчас забывали о разговоре. Так власть имущие ограждали свой покой от страданий изуродованного человека. «Как жить? – мучительно думал Бешметов. - Мое дело - школа, мое дело – дети...». И он ежедневно подкатывал к школе, подолгу с темного уголка противоположной стороны улицы наблюдал за неторопливой жизнью родной школы, с замиранием дыхания слушал школьный звонок, пристально всматривался в лица ребятишек, учителей.

Все глубже и глубже ощущал Бешметов бездну своего отчаяния, яростнее и яростнее кричала его душа, жаждущая хотя бы небольшого счастливого просвета. Но просвета не появлялось. И Григорию Петровичу начинало казаться, что он теряет последние силы и сознание. Сочли, что у калеки помрачился рассудок и спрятали его в больницу.

Бывшие деревенские пахари пошли по иному пути, они «оккупировали» пассажирские поезда и, переползая из вагона в вагон, собирали милостыню: долгое время жалостливые проводники вагонов пропускали калек, но со временем двери вагонов перед ними захлопнули. Увечных собрали и увезли на «необитаемый остров», в инвалидное убежище в котором долго ли коротко ли, как черви, они доживали свой горький век.

Никто в них не нуждался, никому они не были нужны, калек считали отработкой войны.

В очередной праздник, когда вновь взорвался салют победы, мой отец негодовал:

- Они сейчас должны быть вместе с нами, а может и впереди нас! Они, будучи здоровыми мужиками, не жалея собственного живота, яростно дрались. Горло перегрызли фашисту, землю нашу отстояли, родину защитили! А где они сейчас!? Где они сейчас? Они, калеки-то, родине оказались ненужными! Как же так!? – гулко ударил кулаком по столу. - Как же так!? – и замолчал, уставившись в одну точку, часто ожесточенно покачивая головой, затем вновь заговорил, - А знаешь, Артем, не они у нас калеки - то, не они у нас уроды - то....

- Кто же? - вопрошающе посмотрел я на отца. – Кто же?

Отец промолчал, но я его понял.

Клад

Отрывок из рассказа «Милость Божия»

- Почитать еще? – вдохновенно спросил дед Федор внука.

Никита радостно кивнул.

- Слушай, - дедушка начал читать.

Бабушка рассказывала сказки,

Примостившись около огня.

И ни разу, даже для остротки,

За вихор не дернула меня.

По спине моей ползли мурашки,

Сладко замирал я всей душой...

А теперь мне и в лесу не страшно,

Что поделать – я уже большой!

В чаще можжевельника густого

Целый день блуждаю наугад,

Потому что не запомнил слова:

Как мне отыскать волшебный клад...

- Здорово! - восхитился мальчишка, - деда, почитай еще раз это стихотворение.

Федор Петрович начал читать. Читал выразительнее, медленнее и чуть тише. Внук, убаюканный чтением деда, уснул. А рано утром, проснувшись, спросил:

- Деда, а ты когда-нибудь искал клад?

- Клад? – задумчиво, но с улыбкой переспросил дед Федор и весело ответил, - было дело. Рассказать?

- Да-а, - наострился Никита. И дед рассказал.

Это было давным-давно, когда дед Федор был таким же мальчиком, как Никита. Он и двое его младших братишек играли во дворе дома, где жили. Здесь же, во дворе, их отец ремонтировал колодец. Мальчики то и дело подбегали к нему, отвлекали от дела. Тогда отец с целью занять, развлечь сыновей, взял в сарайке две лопаты и, топнув о землю правой ногой, тем самым показав место на земле, сказал, что здесь должен быть клад.

- Копайте и ищите! – сказал отец и ушел к колодцу. Мальчики поверили ему и с рвением начали работать. Оставив лопаты у куста, вернулись к отцу и дружно громко заявили, что клада там нет.

- Ха! А вы что, - хохотнул отец, думаете, что так просто и быстро можно найти клад? Не-ет, так скоро не бывает. Ищите и продолжайте искать!

И братишки вернулись в огород и вновь копали. Устали, собрались оставить копку, а самый младший братишка упорно продолжал ковырять землю у куста и вдруг крикнул:

- Клад!

Старшие братья как воробьи, подскочили к нему, сначала не поверили, но увидев, что младший усердно, с усилием тащил из земли темную, прогнившую, но еще прочную тряпку, помогли братишке и увидели в ней

небольшой почерневший глиняный горшок; открыв его, увидели монеты, цепочки, кольца, ручные часы и другую мелочь.

- Клад! Клад! – закричали дети, подбегая к отцу – клад!

- Какой клад? – не поверил он.

- Пап! Клад нашли!

Отец широкими шагами торопливо пошел за сыновьями, у густой ивы склонился над горшком.

- Елки-палки, - негромко заговорил он, - я ведь не знал, что здесь клад, я ведь наобум вас сюда привел, чтобы мне не мешали..., - а затем отец смолк, пристально посмотрел на содержимое в горшке, поворошил, пощупал своими грубыми, твёрдыми, будто деревянными пальцами, потемневшие монеты. Его лицо разом вытянулось, потемнело, прищуренными глазами задумчиво обвёл детей и негромко сказал:

- Не-ет, это, друзья мои, не кла-ад, это - фикция. Вы меня поняли? - спросил твёрдо он, продолжая напряжённо глядеть то на сыновей, то на горшок.

- Ага-а, - ответили мальчишки, - это не клад.

Отец с горшком ушёл в избу, а детям приказал убрать лёгкий мусор у колодца. Младший братишка от этого задания «увильнул» и помчался по улочке, где растрезвонил, что он в огороде нашел клад.

Соседи - народ любопытный и завистливый, приняли «звон» мальчишки за «чистую монету» и нетерпеливо наведались к отцу. Тот, тараша от недоумения глаза и широко разведя руки, осознанно гаркнул:

- Какой клад?! Вы что! Того?! - покрутил он пальцем у виска. Соседи, впад в замешательство, тотчас ушли; на этом разговор на улице о кладе погас.

Отец же не успокоился. Он собрал сыновей в избу, где прибил к верхнему косяку входной двери ножом вырезанный из толстого войлока длинный «язык».

- Всем понятно, что я прибил к косяку? - громко спросил отец.

- Язык! - весело отвечали сыновья.

- Так вот, имейте в виду, - вновь заговорил отец, - если кто-то из вас ещё раз пустит на улице утку, что мы нашли клад, язык тому оторву и прибью его рядом с этим, который висит! Понятно?!

Мальчишки молча кивнули головами. А самый младший, который проболтался о находке, даже потрогал свой язык пальцами: «на месте ли?».

- И ещё, - твёрдо продолжил отец, - с сегодняшнего дня и навсегда запомните: вам Бог дал два глаза, чтобы вы лучше видели; два уха, чтобы лучше слышали; и только один язык, чтобы много не говорили, не болтали и не врали. Понятно?!

- Понятно! - дружно ответили сыновья.

Многие годы войлочный язык висел на дверном косяке, ежедневно напоминая о недопустимости болтовни и вранья.

- Вот так, будучи мальчиком, я искал клад, - подвёл итог своему рассказу дед Фёдор.

- Интересно, - заискрились глаза внука.

-А войлочный язык тебя не впечатляет? Не заставляет тебя что-то вспомнить и задуматься? - пристально посмотрел Фёдор Петрович в глаза внуку.

- Не-ет, - удивлённо ответил мальчишка, - я не болтаю и не вру.

- А кто мне говорил, - поймал на слове Никиту дед Фёдор, - убью одного дядю, убью другого? Кто? Не ты ли? Разве это не болтовня? - всё твёрже и твёрже говорил дед, - это более чем болтовня, это большой-большой грех. Запомни, Никита, Божий суд с теми дядями и без тебя разберётся, сколько они ни воруи, сколько ни воруи, однажды лопнут, как мыльные пузыри. И ещё усеки, - продолжал говорить дедушка, - не все дяди такие плохие, - Фёдор Петрович остановился, помолчал в задумчивости, затем досказал, - о войлочном языке, дорогой мой Никита, не забывай никогда. Понял?

- Понял, - прижался внук к деду.

Любовь

Рассказ

В середине июля прошла страшная гроза с ливневым продолжительным дождем и с крупным градом.

По узкой дачной дороге вода рванулась как в многоводной горной речке. Возвышенные участки местности засыпало высоким слоем града. Над поселком сплошь зависли тяжелые увалы мрачных туч, из которых непрерывно вырывались ослепительные молнии: казалось, что невыносимые громовые раскаты оглушали и разламывали всю Вселенную. Холодный, порывистый ветер, набирая силу и скорость, бил и хлестал все на своем пути.

Стихия!

На даче градом поколотило и повалило ботву картофеля, моркови, свеклы. Крупные, размашистые листья кабачков, будто шрапнелью, превратило в решето, некоторые листья побило и превратило в клочья. Много принес нестерпимых мук растениям градовый ливень. Меня пронизал шок: медленно обходя и осматривая изуродованную ботву и размытые сильным потоком воды грядки, слова не мог вымолвить, язык мой как если бы отнялся, глухое отчаяние охватило меня, а, придя в себя, обессиленным, уставшим вернулся в избу и повалился на кровать. Выращивали, выращивали, - горестно подумал я, - и все прахом...». С этой тяжелой мыслью впал в забытие. А рано утром, выйдя на крыльцо, я увидел, что на землю вернулась благословенная тишина. Над дачным поселком спокойно поднималось величественное солнце, над зелеными грядками клубился легкий теплый туман. Я не без горького волнения осмотрел раненые растения и ... удивился: кабачки зацвели! Этого я просто не ожидал; у меня слегка и приятно закружилась голова, я не поверил глазам своим, закрыл их: «Неужели, правда, - подумал я, - неужели правда?» - глаза открыл вновь: кабачки зацвели». Несколько ярких, крупных оливково-алых широко раскрывшихся бутонов сквозь порванные стихией листья тянулись к чистому

голубому небу, в теплое объятие солнца; а внутри цветков живо, радостно ползали пчелы.

«Кабачки зацвели, - неудержимо громко, как мальчишка, закричал я на всю дачу, - кабачки зацвели!»

Соседи по даче, удивленные моим восклицанием, сначала не поняли меня, но узнав причину моего большого душевного подъема, засветились теплой улыбкой и тоже заторопились осматривать свои кабачки.

Окрыленный радостью, я еще долго стоял у высокой грядки с зацветшими кабачками. Счастье не отпускало меня.

Несколько дней подряд, что бы не делал на даче, или отдыхал на крыльце дома, меня ни на минуту не оставляла дума о крутом, неожиданном и счастливом повороте в жизни растений.

Сколько надо было кабачкам сил и воли, чтобы перенести нестерпимую, нанесенную стихией боль и ... зацвести? Какая неведомая сила помогла превозмочь ужасный, почти смертельный удар и подарить мощный импульс к жизни?

Спустя несколько дней после страшной градовой стихии, когда природа немного отряхнулась от ее горестных наносов, ранним утром я присел у улья и наблюдал за ровным непрерывным летом пчел. Они успокаивают меня, настраивают на добрый лад начавшегося дня, а в голове начинает пробиваться свежий, чистый ручеек мыслей.

Именно в эти минуты вспомнил далекий рассказ отца, когда я был еще юношей. Его – участника ужасной Курской битвы, тяжело раненного, потерявшего сознание, едва вынесли с поля боя и доставили в госпиталь, где он перенес сложную, тяжелую, длительную операцию. Через двое суток в светлое утро отец очнулся, открыл глаза, его лицо озарила улыбка.

«И ты знаешь, кого и что я увидел в эту первую минуту? – рассказывал он мне и, не прерываясь, ответил, - солнце, твою маму, тебя и наш огород, хотя ни мамы, ни тебя, ни нашего огорода рядом вовсе не было. Вы были далеко-далеко от меня, - затем, немного помолчав, добавил, - я израненный и

изрезанный, на мне не было живого места, совсем не испытывал более и ... поверишь ты мне или нет, я был бесконечно счастлив». Ручей моих утренних чистых мыслей пробивался далее. Я, уже проживший много лет, познавший жизнь, понял, что сердце отца в то спокойное солнечное утро воспламенилось от любви, затем загорелось, и сквозь пламень горения он увидел солнце, любимых людей, любимую землю. Любовь, как вспышка света, озарила, согрела отца, отвела нестерпимые боли, подпитала целительными силами для выздоровления, для жизни. И теперь нетрудно понять – почему «претерпевая страдания», зацвели кабачки.

И человек, и кабачки – вся природа, живут под Божьим покровом, в одной Божьей Вселенной, где для всех Богом создана Любовь. И все живое на земле – от цветка до человека – глубоко осознает, что любимое ими безмерно прекрасно перед светлым ликом Божьим. И огонь любви еще ярче и горячее воспламеняется от увиденного прекрасного в предутреннем чистом, хрупком сне; от проникновенно нежного теплого взгляда; от ясного ощущения того, что ты жив, или исцеляешься, наполняешься новыми, свежими, чистыми духовными силами, чтобы приблизиться к прекрасному, быть рядом с ним и всегда, и с большим желанием это прекрасное любить.

Любовь и ... только любовь исцеляет и радует все живое на нашей солнечной, Богом созданной земле.

Мальчик

Рассказ

I

- Ну-у, поехали... - негромко подал отец голос и легонько потрянул вожжами. Конь выразительно покосился на отца крупным огненно-лиловым глазом и, потрянув гривой, уверенно сдернул с места воз.

И запрыгали, застучали дроги по булыжной мостовой. Затрясся, заскрипел наш домашний скарб.

За дрогами в легком платье быстро шла наша мама. Около нее вприпрыжку бежал мой брат Колька. Колька догонял воз, цеплялся за телегу, повисал, его тоже трясло. Но он, удовлетворенно покачивая ногами и улыбаясь, прерывисто, надсадно гудел себе под нос. Мама молча незлобно грозила Кольке пальцем.

Отец шел сбоку, у воза. Длинный, с засученными до локтей рукавами выгоревшей солдатской гимнастерки и в кожаных сапогах, он шел размашистыми шагами, звучно постукивая подковками каблуков по блестящим округлым камушкам. Шел нахмурясь, о чем-то думая.

Вспоминая этот момент и отца, вижу над его большим горбатым носом бугристую складку.

Я же босой, как и брат, в широких, коротких штанах трусил рядом с отцом и не отрывал взгляда от лошади. Мне не терпелось подержаться за оглоблю. Но я боялся и лошади, и отца, который мог меня отругать. Тогда я срывался с места, шурша грубой тканью своих коротких штанов и сверкая пятками, убегал, вперед, останавливался, ждал, когда со мной поравняется отец. Ожидая приближения воза, с интересом смотрел на лошадь. Ее горделиво-поднятая голова с белым «лоскутом» на лбу ритмично покачивалась. Я радостно жмурился, будто солнечный лучик, отразившийся от светлого «лоскутка», слепил мне глаза. Не выдержав, подбежал к отцу:

- Пап, как звать лошадь? - он наклонился ко мне, но глаза его сосредоточенно продолжали смотреть вперед.

- Лошадь, говоришь?.. - хмурость и напряженность с лица исчезли, и, мягко улыбнувшись, громко сказал: - Мальчиком!

- Такой великан и Мальчик, - подивился я. Однако это имя, как и сама лошадь, обворожили меня.

Так, вскоре после войны, когда мой отец вернулся с фронта домой, наша семья переехала с частной квартиры в «пожарку». Здесь папа устроился работать конюхом.

II

«Пожарка!» - так запросто называли у нас пожарное депо, двухэтажное белокаменное здание, из крыши которого деревянной граненой стрелой высоко в небо вытянулась каланча.

Я давно с удивлением смотрел на «пожарку». Мне страшно не терпелось проникнуть, проскользнуть туда, забраться на каланчу, где, как заведенный, круглые сутки ходил дежурный, и оттуда, с высоты птичьего полета, хотя бы одним глазом взглянуть вниз и вокруг на наш небольшой сонный городок.

Но более всего нас, мальчишек, притягивали к себе пожарные кони. С неудержимым прерывисто-выразительным ржанием, взвиваясь на дыбки, взмахивая, как пламенем, гривами, жарко вырывались они из двора «пожарки». И потом крупной рысью, удивительно задрав в сторону головы, мчались к месту пожара, громяхая по всей улице пестрыми крепкими телегами. Укрепленные на телегах медные, манящие к себе, как игрушки, насосы вовсю названивали и брнчали. Подпрыгивали и стучали лежащие на дрогах длинные крючковатые багры, топоры и ломы. На дрогах, в мешковатых жестких костюмах, с начищенными до блеска, как и насосы, медными касками с гиканьем ехали пожарные.

И тут наступала наша очередь. Мы - босоногие мальчишки - были наготове. Внутри у каждого из нас все звенело: мы напрягались как струны и, пропустив последнюю тачанку, дружной стайкой стремглав мчались вслед. А вот ворота в пожарку перед нами были закрыты напрочь.

Мне повезло. Я стал здесь жить. В первый же день, будто случайно залетевший воробей, я носился по этажам и комнатам депо, совал свой нос во все дырки. Но меня отовсюду шугали и, узнав, чей я, грозились отцом. Однако я не успокаивался. Мне не терпелось попасть в конюшню, откуда глухо доносилось зовущее ржание, и, конечно, любыми путями забраться на каланчу. Но в конюшню ход мне был на сегодня заказан.

- Успеешь еще, - жестко и коротко сказал отец.

Проникнуть же туда против воли отца - значило заведомо нарваться па ремень.

На каланчу я залез. Осторожно поднимался по вертикальной, винтообразной лестнице. Под ее ступеньками испуганно вспархивали воробьи. Поднявшись на самый верх, приоткрыл тяжелую дверь. Она заскрипела. С трепетным любопытством высунул я голову на площадку для дежурных. Пожарный, в аккуратной ватной стеганке и туго подпоясанный широким кожаным ремнем, тотчас повернулся ко мне. Я пугливо отшатнулся: на меня смотрело изуродованное лицо. От правого глаза до подбородка опускался глубокий багровый шрам. Глаз над шрамом стеклянно и холодно выпучился. Бритая кожа на подбородке натянулась, лучами сползая к шее, где отчетливо выступали красновато-багровые шрамы.

- Ты... кто такой?.. - негромко спросил он.

Коленки мои задрожали. Мне показалось, что каланча качнулась. Верхушки деревьев и домов, которые я успел увидеть сверху, выскользнули из-под моего взгляда, поплыли. У меня закружилась голова. Пожарный крепко держал меня за руку.

- Иди, иди сюда...

Я вырвался от пожарного, уцепился за гладкий крутой поручень, закрыл глаза, чтобы вновь не закружилась голова, осторожно спустился вниз.

Ночью я спал беспокойно: просыпался, бредил, зарывался с головой под одеяло. Меня тревожил сон. Снился мне пожарный со страшным изуродованным лицом. Будто медленно, не останавливаясь, он шел за мной и манил меня. Я же бежал от него, боязливо оглядывался, спотыкался и вновь бежал и бежал... Проснувшись, обрадовался, что это был сон, а не действительность. А свежее звонкое утро вовсе растворило, выветрило мой страх.

Верхом по отшлифованным до блеска широким деревянным поручням лестницы мгновенно спустился со второго этажа вниз и камнем вылетел во

двор к двери конюшни, длинного бревенчатого сарая с узенькими, как у бойниц, оконцами. В конюшню не заходил: помнил жесткий наказ отца. На карачках ползал тут, недалеко от двери по песочку, выковыривал из земли камешки, чиркал палочкой по земле. Краем глаза неотступно следил за большой теплой дверью. Вскоре она тяжело распахнулась, и из конюшни вышел пожарный, с которым я встретился вчера носом к носу на каланче. Меня словно шибануло краем этой громоздкой двери. Я не выдержал, сел на песок и обалдело смотрел на пожарного.

- Митрич, твой, что ли, пасется?..- громко крикнул он, метнул на меня неподвижный жуткий взгляд.

Утренний луч солнца, пробившийся в конюшню, через уголок разбитого оконца, во мраке высветил смуглое, длинноватое лицо отца.

- Мо-ой!.. - едва слышно отозвался отец и поманил меня пальцем.

Почти швырком, однако с предосторожностью, оглядываясь на пожарного, подскочил я к двери. В нос крепко саданул теплый сладковато-терпкий запах.

- Давай бойчее, - приветливо позвал отец, заметив мое оцепенение, и уверенно шагнул впереди меня по шершавому деревянному полу.

Сначала я ничего не видел в конюшне. Небольшие оконца пропускали свет мало и слабо, лишь перекрещивалось здесь несколько тонких солнечных лучиков, в которых беспорядочно шныряли тысячи пылинок. Здесь услышал я громкое фыркание, похрустывание, глухое мягкое перестукивание и еще какие-то незнакомые мне звуки и шорохи. Однако скоро пригляделся, привык.

- А где Мальчик? – невольно спросил я отца.

- Идем, - махнул он рукой, не оглядываясь на меня, и пошел в глубь конюшни. Там показал укрепленную на стойке, над яслями дощечку, на которой было выжжено каленой проволокой «Мальчик». За яслями увидел коня. Мальчик стоял спокойно и что-то тщательно пережевывал, прядал ушами.

- Здравствуй, Мальчик! - радостно вырвалось у меня.

Конь шумно фыркнул, глубоко и энергично закивал головой.

- Пап, он понимает? Да? - торжествующе спросил я. И не дожидаясь ответа отца, задал еще вопрос.

- А почему Мальчик на пожар не бегают?

- Он больше по хозяйству, - спокойно ответил отец, затаив в усах улыбку.

- Как по хозяйству? - не понял я.

- Возит воду, дрова, сено... Пашет землю. Да мало ли... Без него, Герка, как без рук... Что и говорить, не лошадь, а умница. А на пожар - эти бегают, - показал рукой на стойки, где также были лошади, - они помоложе, вон они... посмотри какие, как огонь...

Я медленно проходил от стойки к стойке. «Сокол» - читал я не спеша и внимательным, цепким взглядом рассматривал лошадь. «Арганашка», «Буран»... Они горячились, шумно дышали, со свистом выдували из волнующихся ноздрей воздух. Мелко, нетерпеливо топтались, иногда коротко, но звонко ржали, будто готовились к выходу.

Против каждой лошади, на стене, на металлических длинных спицах висели сбруи. Тут же под спицами на широких, чистых, но исшарпанных лавках лежали хомуты, дуги и седла...

Ш

Со временем я близко узнал людей пожарки, привык к ним, как к своим, признали и меня. Относились ко мне попросту, как только можно относиться к обыкновенному дотошному и любознательному мальчишке. И только Григория Степановича - пожарного с глубоким шрамом на щеке - я побаивался и остерегался. С тех пор, когда мы с ним встретились на каланче, его холодный взгляд так и не согрелся, останавливался на мне неподвижно. На его мрачном лице никогда не было улыбки. Наоборот, когда бы можно было засмеяться или неудержимо захохотать, как это получалось у других пожарных, собиравшихся кучкой летними вечерами во дворе пожарки,

Стыров деревенел. Лицо его багровело и напрягалось. Выпуклые шрамы, прятавшиеся под подбородком, дрожали, выступая наружу.

Я не выдерживал взгляда Стырова, тотчас отворачивался, торопливо отходил от него.

Конечно, было порой, за что посматривать на меня холодно и косо. Иногда я так шалил, что у отца не хватало дыхания или не было слов выругать меня сразу.

- Ну... едри... - мог он механически выпалить единственную фразу, едва слышно ввернув в нее увесистое соленое словцо.

За свои проделки я получал звонкие затрещины от многих пожарных, но они быстро забывались, заживали, как ссадины и царапины на моих руках.

Долгое время было для меня загадкой, за что мой отец уважал этого Стырова. В свою очередь, дядя Гриша по-доброму относился к отцу. Почтительно называли они друг друга: Стырова отец всегда называл Степанычем, дядя Гриша отца - Митричем. Долго не мог я смекнуть, чем этот угрюмый неразговорчивый человек был по душе отцу. А спрашивать не решался, да и не собирался вовсе. Дело в том, что Стырова я не только избегал, было, пожалуй, большее - я его невзлюбил.

Теперь же, много лет спустя, вспоминая Степаныча, его обхождение с людьми, отношение к делу, которые я волей-неволей урывками, но замечал, и которые мне врезались в память, как шрам на его лице, могу сказать, - отец не ошибался.

Степаныч, как и мой отец, был честен и охоч до работы. В руках дяди Гриши горело и спорилось любое дело. И недаром, ремонтировать сбруи, чинить дроги отец просил у дяди Миши Румянцева, начальника депо, не кого-нибудь, а Стырова. «Этот дров не наломает», - говорил отец Румянцеву.

Если Степанычу не мешали, не кричали под руку, он занимался в конюшне страстно и расторопно. Подлатает, к примеру, стершееся седло, отставит его в сторону, со значительностью наклона голову, оценит: ладно

ли? Мало этого, проверит седло на коне. Погарцует важно по двору, проследит за поведением лошади: не косит ли она обеспокоенно, не передергивает ли под седоком шкурою от неудобства.

Или возьмется Григорий Степанович ось колеса подмазывать. Казалось бы, проще и дела-то нет: взять помазок, макнуть его в ведро с душистым дегтем и раза два-три поторкать помазком в колесную ось. Так делали многие пожарные.

Степаныч не терпел такую работу, сердился, вспыхивал, как хворост на костре. В глаза разносил в пух и прах каждого, кто занимался работой поверхностно, для отвода глаз.

Дядя Гриша снимал колесо, не торопясь, усердно очищал ось от старой, накрутившейся и запекшейся вместе с песком и грязью смазки, после помазком обрабатывал ступицу.

Однако с некоторых пор не до каждого дела допускали Григория Степановича в «пожарке».

- Пока не почувствуешь себя совсем ладно, - требовательно говорил Михаил Васильевич Румянцев, - только легкий труд... только дежурить... и никаких пожаров!

Отец не разрешал ему поднимать бревна, мешки с овсом и прочие тяжести. И была тому причина.

Однажды Степаныч хотел убрать с прохода крупный мешок с отрубями. Как большая чистая свинья лежал он посреди конюшни. Пудов шесть в нем было. Зараз дернул Стыров его с пола, поднял на «попа» и вдруг схватился рукой за голову и зашатался. Оставив мешок, бессильно опустил голову на грудь и, покачиваясь, медленно пошел к выходу. Во дворе Степаныч остановился, резко покачал головой, словно хотел вытрясти из нее что-то застрявшее, дурное. Но легче не стало. Дядя Гриша опустился на колени и боком повалился на землю.

Женщины - жены пожарников, развешивая во дворе стирание белье, причитали:

- Война дает знать... это все она, проклятушая...

Степаныч долго лежал в больнице.

IV

Пуще всего прикипел я душой к конюшне. Здесь я не дурачился. Тут меня словно подменяли. Недаром, через год, в пору летних каникул, отец стал доверять мне Мальчика.

Утром я просыпался вместе с отцом. Выскакивал из тепла во двор. Под рубашку навывпуск упругим клубком проникал ветерок: зябко, свежо. Пурпурными мазками отражалось солнце в окнах второго этажа пожарки.

- Герк, - звал он меня, - не пора ли ясли отремонтировать Мальчику?

Я, как и отец отходил от яслей в сторону. Прищурив глаза, придирчиво смотрел на ясли, приближался к ним, постукивал кулаком по шершавым доскам.

- Ага, надо, - уверенно отвечал я, заглядывая в глаза отцу снизу вверх.

И мы ремонтировали. Я помогал: то доску поддержу, то топор подам. Усердно поддерживая доску, глядел, как ловко отец жикает пилой. Иногда, чтобы меня не задело обрезком доски или щенки, я отходил в сторону. Он сноровисто, играючи, тюкал острым топором. Поодаль я опускался на корточки и наблюдал за каждым легким и уверенным взмахом руки отца. Он изредка посматривал на меня, светло улыбался, весело подмигивал.

Нередко, по утрам, осмотрев конюшню, отец легонько притягивал меня к себе. Обнимал за плечи крепкой, как из дерева, рукой. Я поворачивался к нему. В отцовских глазах играла лукавинка.

- Че-о, па-ап?..

- Как день-то разменяешь?

- Как? - удивленно круглились мои глаза, и, поняв его, бойко отвечал, - как договорились: уберу в стойке у Мальчика, съезжу за водой, купаться сбегает...

Запрягал Мальчика отец: мне еще не хватало сил перекинуть дугу и затянуть супонь. Но я был около отца. Седелку подавал ему, плечом

поддергивал оглоблю. Осматривал телегу, пузатую деревянную бочку. Брал черпак.

- Пап, назад приходить?

- Не бегай, сам придет, вернешься с третьей бочкой...

Я весело привязывал вожжи к левой оглобле, ближе к дрогам, отмыкал и открывал ворота.

- Поехали, Мальчик! - звонко звал я коня, выбегая со двора и взмахивая рукой, как бы маня дружка.

Мальчик громко фыркал, резво кивал головой, шумя удилами, и шел вслед за мной. Конь, как и полагается, шел по правой стороне булыжной мостовой, громыхая телегой с порожней бочкой. У переулка, еще до моей команды, он останавливался, озирался по сторонам, плотно прижимая уши к голове, и, убедившись, что ничто не мешает, коротко ржал и следовал дальше к реке. У почерневшего, деревянного, ускользящего в речку мостика я заводил Мальчика в воду так, чтобы телега с водой находилась поближе от меня. Неторопливо черпал воду. Наполнив бочку, запрыгивал с мостика на край дрог. Брал вожжи, но не понукал Мальчика. Он наклонялся к воде и пил. Я не мешал ему.

- Попей, попей... - дружелюбно говорил я коню. Напившись, он без моего сигнала с силой вытаскивал на берег телегу и останавливался. Я подходил к Мальчику, шарил в кармане, где у меня была припрятана корочка хлеба или кусочек сахара. Но сахар был у меня редко. Мама давала сахар по маленькому кусочку только к чаю. Хочешь - смотри на него, хочешь - брось в чай, хочешь - проглоти. Порой я прятал этот заветный кусочек в карман.

- На-а, Мальчик.

Живо топнув ногой, он наклонял голову и мягкими губами цеплял из моих рук крохотный кусочек.

- А теперь - домой! - я легонько шлепал его по крутой шее.

Мальчик трогался с места. Но, пройдя немного, останавливался, поворачивал голову в мою сторону, смотрел умными большими глазами, словно хотел спросить: «А ты остаешься, да?» - и уходил.

Телега стучала и сотрясалась вместе с потяжелевшей бочкой. Через край выплескивалась вода, ручейками стекая по крутым бокам бочки.

Закрутив выше колен титаны, я садился на мостик. Опускал ноги в тихую теплую воду, вспугивая в прозрачной глубине коротких, не больше, чем в пол-удила, полосатых окуньков. Я был спокоен за Мальчика, который скоро вернется, и мы будем вновь вместе.

Нередко на исходе томительных жарких дней я водил Мальчика купать. Я ждал этих счастливых минут!

- Мальчик! Купаться! - ликовал я, открывая двери стойки. Он громко ржал, радостно топтался, нетерпеливо терся боком о решетчатую деревянную стенку.

Мой отец стоял в стороне и, скрестив на груди руки, курил. Едкий дымок от зажатой зубами самокрутки тянулся в глаз. Веко дрожало. Но упорно терпел, неотступно наблюдал за нами. Он понимал состояние моей души, видел привязанность Мальчика ко мне.

Конь вырывался, резко задевая ногой дверцу стойки, едва не пришибая меня, и выскакивал во двор. Я выбегал вслед за ним.

- Ложись, Мальчик! - с силой дергал я на себя поводок уздечки. Возбужденно фыркнув, лошадь падала на согнутые передние ноги, прижималась к земле. Вцепившись в густую гриву, я усаживался на хребтину Мальчика. Ударял босой ногой по его широкому боку. Легким коротким прыжком он поднимался на ноги. Заведомо ожидая прыжка, чтобы не слететь с коня, я крепче цеплялся за гриву и теснее прижимался к его спине. У речки, у самой воды я слетал с коня, торопливо отбрасывал в сторону на плоские камушки свои шмотки и, разбежавшись, нырял в воду. Вынырнув и порывисто тряхнув головой, чтобы сбить с лица капли воды, тотчас поворачивался к коню. Мальчик не ждал. Он, отвернув в сторону морду,

словно прячась от свежих прохладных брызг, осторожно заходил в речку, ближе ко мне.

- Еще, Мальчик, еще - е... - звал я его, подплывая навстречу.

Протяжное, пронзительно-звонкое ржание прокатывалось по реке и умолкало, словно застревало где-то на другом берегу в огородах.

Мальчик заходил в воду настолько, что над гладью реки оставались лишь его голова и черная узкая полоска спины. Я, бесштаный, ползал на его спине и из всех сил ногтями царапал ее, шлепал по ней, ладонями, мыл, гладил. Конь стоял недвижимо, изредка всем телом вздрагивал, тихо фыркал, вздыхал. Понимая его удовлетворенные вздохи и побряхтывания, еще активнее, еще живее я ползал по его хребтине, царапал толстую шкуру.

- Что, хорошо? Сейчас еще поскоблю, еще поскрябаю, - бурчал я себе под нос, радуясь за Мальчика.

Вволю накупавшись, он без усилий выходил на берег. На берегу конь шумно фыркал, энергично встряхивал всей шкурою, да так сильно, что вокруг него дождем разлетались капли воды.

Моя помощь в конюшне была заметной. И в шутку, и всерьез меня называли «правой рукой отца». На лестные, добрые слова обо мне отец не говорил ни слова, лишь горделиво поднимал голову.

Мое старание, мою дружбу с Мальчиком видел и начальник пожарного депо Михаил Васильевич Румянцев. Это был самый стройный и симпатичный пожарный: высокий, подтянутый, с короткими и черными, как чистый деготь, усами. Ходил он всегда в военной форме, подпоясанный широким кожаным ремнем, на крупной медной пряжке - красная звезда. При встрече дядя Миша приветствовал меня, крепко пожимая руку. Сначала я стеснялся, конфузился, со временем солидно, как взрослый, приветствовал Румянцева.

Прошел еще один год. К майским праздничным дням мы получили квартиру. При переезде не повезло: перетаскивая вещи, отец оступился на лестнице, упал и сломал себе ногу.

- Надо же, - сердито возмущался он, - всю войну прошел, ни ног, ни рук не ломал, а тут... на ровном-то месте...

Я тоже понурил голову. Однако переживал больше не за отца, а за конюшню и Мальчика: "Кто же будет теперь там?..»

- Не беспокойся, - спокойно сказал мне отец, заметив тень на моем лице, - лошади в надежных руках, там Степаныч, этот не подкачает, - и, выжидательно посмотрев на меня, добавил, - вечером, после школы, ты сбегашь, заглянешь в конюшню.

Мне тотчас стало мутно. Точь-в-точь, как тогда на каланче при встрече со Стыровым.

«Нет, горестно подумал я, - вот выздоровеет папка, тогда и пойду...».

Отец цепким, пытливым взглядом проследил за мной. Видимо, что-то хотел мне еще сказать. Но отвернулся, молча и коротко махнул рукой.

Как ни грустил по Мальчику, как ни скучал по терпким запахам конюшни, в пожарку я не шел. А чтобы легче перенести это тяжелое время, после уроков пропадал у своего дружка Вовки Кудрявцева. В эти дни мы были всегда рядом: в школу ходили вместе, в классе сидели за одной партой, а когда потеплело на улице и подсохли поля, мы изредка удирали с уроков. Без угрызения совести, не колеблясь «испарялись» мы с урока физкультуры. Беда была в том, что большую часть урока мы топали на месте и поворачивались то налево, то направо. Маршируя, я задумывался, вспоминал Маль-чика, конюшню, думал об отце. Иногда, после команды «налево!», поворачивался направо или кругом. Мальчишки залпом прыскали, поднимали громкий смех. Еще смешнее было, когда в командах путались не один я, а сразу два или больше учеников. Учителю эта кутерьма надоедала. Он думал, что эти номера я выделываю нарочно. Тогда он выводил меня из строя, как кутенка, и ставил в угол. «Стоять, так стоять...» - меланхолично думал я и, угнув голову, продолжал до конца урока разматывать свои мысли. Поэтому Вовкину идею - «утикать» с урока физкультуры - я поддержал не задумываясь.

Мы незаметно забрали свои тряпичные сумки с тетрадями и бочком-бочком оставили школу. Мы знали, что за это могут вызвать в школу отца или мать и взбучка не минует нас.

- Куда пойдём? - весело спросил Вовка, резко взмахнув тряпичной сумкой над головой.

- Хоть куда... можно за школу, на пригорок...

- Не-е, - покрутил головой Вовка, - лучше на стадион, мяч попинаем...

На воле было тихо и душно. Стадион рядом - через дорогу. На одной ноге Вовка поскакал по мостовой. Я запрыгал вслед, стремясь его догнать. Перед входом на стадион дружок мой запнулся и упал. Я подскочил к нему, чтобы подать руку. Упруго подавшись навстречу мне, он взглянул в сторону и удивленно крикнул:

- Смотри! Мальчик скачет!

Вовка знал Мальчика. Он не однажды видел меня с ним.

Конь бежал рысцой по дороге мимо школы к пожарке. На шее его был хомут.

Я сорвался с места навстречу лошади.

- Мальчик! Мальчик!

Конь стал, взвился на дыбки и пронзительно заржал.

- Что с тобой?! Что с тобой?! - испуганно кричал я, дергая его за пойманный край удила. Он еще раз коротко заржал и вдруг опустился, поджав под себя передние ноги. Мальчик вытянулся, прижался к земле. Я опешил. Ничего не мог понять: «Как быть? Что делать?». И тут, словно бы кто подтолкнул меня: вмиг запрыгнул на коня, плотнее прижал ноги к его широким бокам, вцепился в гриву. Конь скачком, одним махом поднялся, но беспокойно покосился на меня большим лилово-красным глазом и... повернулся вдруг в ту же сторону, откуда бежал.

- Мальчик! Не туда! - кричал я и сильно бил его по шее. - Не туда! Давай домой! В пожарку!..

Конь повернулся в нерешительности, как бы глубоко обдумывая то, что делает. Однако, пройдя несколько шагов вперед, к пожарке, остановился, вновь озабоченно, прерывисто заржал и уверенно повернул назад.

Не могу сказать, какое чувство или какая сила заставили меня подчиниться Мальчику, послушаться его.

- Ну-у, давай! - облегченно выдохнул я. Он взял вскачь, слабо фыркая и тревожно прижимая уши к голове. Проскакал мимо школы. За школой ускорил бег, вынес меня за город, по пыльной проселочной дороге направился в поле к нашим картофельным участкам.

«Что такое? Что такое?» - тревожно думал я. Еще крепче, еще плотнее прижав ноги к бокам коня, еще ниже угнувшись вдоль его хребтины, я торопил лошадь.

- Давай, Мальчик! Давай!

Я как бы прикипел к коню, слился с ним. Мальчик скакал во весь дух, а я понукал и понукал его.

Еще издали, в центре пашни, увидел телегу и поваленный на бок однолемешный плуг. От его блестящего лемеха, как от стеклышка, в небо скользнул тоненький, будто соломинка, солнечный лучик. На дороге, у края участка, где лежал лемех, конь круто развернулся и остановился, взбив под собой желтое облако пыли. Меня словно сшибло, я упал на жесткую землю у обочины. Во всю мочь побежал к плугу. Грачи, спокойно разгуливающие по вспоротой пашне, пугливо оттолкнулись от парившей межи и с тревожным криком полетели в сторону, как если бы их с другого, противоположного, края относило и прижимало к земле сильным ветром.

У плуга, скорчившись в клубок, лежал Стыров. Такой встречи я не ожидал. Я отпрянул. Рванулся бежать прочь.

«Стой! Дяде Грише плохо!» - догнала и оглушила меня укоризненная мысль. Внезапное чувство • неловкости и стыда меня обессилело. Я остановился. Побеждая страх, осторожно подошел к Степанычу. Его худое, с

длинным глубоким шрамом лицо было мертвенно-бледным, словно бы присыпанным пеплом от потухшего костра.

- Дядя Гриша! - едва не плача, тряс я его руку, - дядя Гриша!

Он очнулся, бессильно приоткрыл глаза и так же слабо их вновь закрыл.

«Жив», - обрадовался я.

- Герка... шепотом заговорил Степаныч сухими белыми губами, - запрягай лоша...

Я понял дядю Гришу. Метнулся вокруг лемеха. Поднял с земли седелку, кое-как завалил на себя массивную дугу.

«Быстрее, быстрее запрячь Мальчика, и увезти дядю Гришу в больницу... Быстрее... Закинуть бы дугу... Она же, зараза, тяжеленная...». Я подвел Мальчика под уздцы к телеге.

- Так, Мальчик, так, стой, не шевелись, - говорил я скороговоркой не столько коню, сколько для собственного успокоения. Поднял на плечо оглоблю, обеими руками крепко вцепился в скользкую гладкую дугу и стал ее поднимать. От натуги остро закололо под ушами.

- Сейчас, сейчас, Мальчик, - торопливо говорил я, силясь всем телом. Приподнялся на цыпочки, чтобы выше поднять оглоблю. Надрывно, дрожащими руками поднимал дугу к петле упрямого сыромятного гужа.

Горячий пот щипал глаза. От напряжения и усталости дрожь охватила и ноги. Я то опускался, то вновь поднимался на цыпочки. И гуж, как нарочно, уплывал под оглоблю или уходил от дуги в сторону. От обиды за свое бессилие готов был зареветь. Однако в какой-то момент удалось поймать петлю гужа. Это меня вдохновило. Из всех сил стал поднимать дугу выше, выше и выше.

«Эх, не хватает...» - горестно подумал я. Все, как-то, не справлюсь с дугой. Она вдруг накренилась. Я скрежетнул зубами, тужился удержать ее, но не удержал. Дуга повернулась в руках и, падая, краем успела задеть меня по голове. Темь мутным пятном повисла в моих глазах. Меня с невероятной

скоростью несло в бездну - огромную и пустынную. Челноком завертелся я у ног Мальчика и опустился на коленки, наклонился к самой земле. В глазах скоро просветлело, но боль в голове не отпускала.

- У-у-у, - тихо взвыл я.

«Как же? Как же запрячь?..» Я посмотрел на дядю Гришу. Тот недвижимо лежал ко мне спиной. Невольно перевел я взгляд на коня. Мальчик смиренно стоял у телеги и смотрел на меня большими умными глазами, будто звал к себе. Но я ничего не мог сделать. Вдруг в памяти прорвало что-то, ярко полыхнуло: вспомнил очень важное и нужное.

- Мальчик! - крикнул я изо всех сил, подскочил к коню, схватил за край удила, резко дернул вниз.

Мальчик будто ждал моего сигнала: как подкошенный, опустился на землю.

Радость, как теплый воздух от вспаханной земли, обласкала меня. Я запряг лошадь в телегу. Подбежал к дяде Грише, позвал его. Од открыл глаза, безразлично посмотрел на меня, через силу поднял голову, взглянул на Мальчика.

- Помоги, - беззвучно попросил Степаныч, тяжело опираясь о землю руками. Я осторожно взял его под руку. - Сейчас, Герка, встанем... Не может быть... - слабо, но уверенно сказал дядя Гриша. Он повалился на дроги. Я сел рядом, тряхнул вожжами. Дроги запищали, сбоку на бок легонько и мягко переваливались по свежим межам пашни.

Стырова врачи унесли на носилках. А я, как застывший, стоял и смотрел вслед. Не знаю, сколько бы еще так простоял, только, помню, коснулось моей головы что-то мягкое. Вздогнул, оглянулся.

- Ма-альчик! - обрадовался я. Повел к себе голову коня, прижался к ней...

Через несколько дней отца и маму попросили прийти в школу. В груди у меня перевернулось - я знал, это вчера к матери Вовки Кудрявцева приходила учительница и рассказала о нашем побеге с урока. Сегодня мой черед.

Отец идти не мог. Но, сидя за столом, гулко ударил кулаком по столу и пригрозил:

- Герка! Если снова с уроков сбежал, не прощу! Шагу из дома не сделаешь...

Я поник, меня будто к стенке придавили. Когда же я с мамой пошел, отец у порога остановил нас:

- А что без галстука? Нет, мать, пусть надевает галстук... Пионер... Пусть ему будет стыдно...

В школе всех учеников собрали в большом зале. Мама подошла к моей учительнице. Я же незаметно убежал к одноклассникам.

- Зачем собирают?

- Не знаем, - ответил Вовка Кудрявцев, пожав плечами.

Объявили тишину. Все звуки и шорохи стихли, словно уползли, спрятались в углах.

В центре зала кучкой стояли учителя». За моей учительницей была моя мама. Впереди директор школы, а рядом с ним, что меня вовсе с толку сбило, был дядя Миша Румянцев.

- Я прошу, - начал басовито и четко говорить директор, - подойти сюда ученика четвертого класса, пионера Германа Соколова...

Я едва удержался на ногах, будто стеганули по моим голеним жгучей крапивой.

- Иди-и, - толкнул в плечо Вовка. Ошарашенный, я стоял на месте.

- Иди, иди, давай, - шикали, толкали и дергали меня со всех сторон.

Как я подошел к директору - не помню. Сначала ничего не мог понять. Даже не видел никого, и только потом, когда все вокруг радостно, громко

захлопали в ладоши, а многие закричали, до моего сознания постепенно дошло, слово за словом, выступление дяди Миши Румянцева, которому сразу разрешил говорить директор.

Дядя Миша рассказал, как я спас пожарного Григория Степановича Стырова, и подарил мне новенький портфель.

До конца уроков на меня смотрели восхищенными глазами. Но никто не знал, что у меня в этот день сильно болела голова.

В воскресенье отец побрился, встал на костыли, позвал меня в больницу навестить Степаныча. Я заупрямился, начал отговариваться, конфузливо пожимал плечами.

- Пойдем, пойдем, - упорно настаивал отец.

По дороге в больницу он вновь заговорил со мной:

- Слушай-ка, Герк... Я все собирался поговорить с тобой, но то забывал... А то тебя не поймать... Ты что это от Степаныча-то как от огня? Сторонишься его...

Я вздрогнул: вовсе не ожидал такого вопроса. Отец задумчиво посмотрел мне в глаза.

- Худого тебе он ничего не сделал... Напротив, ты вот помог ему от беды вырваться, так он об этом и Румянцеву дал знать.

- Страшный он какой-то, - вырвалось у меня.

- Страшный, говоришь? Ах, вон что... Это ты о лице его... Так это брат...

Отец вдруг остановился, тяжело задышал. Лицо его побагровело. Торопливо закурил. Отошел.

- Война, сынок, война... Она многих поубивала, многих изуродовала...

В больничной светлой палате дядя Гриша был один, он спал. Свежий, весенний ветерок просачивался через щель приоткрытого окна в палату, легонько задевая и покачивая белую занавеску.

Папа коснулся руки Степаныча. Он открыл глаза. Узнал нас. Махнул перед глазами рукой, будто отгоняя сон.

- Это вы-ы, - тихо вымолвил дядя Гриша.

Мои глаза, сами собой, помимо воли, поднялись, встретились с глазами Степаныча. Отвернуться от Стырова у меня не было сил. И тут мне показалось, что в глубине его больших глаз я увидел затаившуюся улыбку, теплую и приветливую. Однако его искаженное лицо задрожало, напряглось, пострашнело вовсе.

Мне стало не по себе. Я не выдержал, отвернулся к окну. Торопливо повернулся и вновь взглянул на Степаныча. Но он глаза закрыл, и лицо его стало не таким неприятным. Так, с закрытыми глазами, словно поняв мое чувство, дядя Гриша разговаривал с нами. Он позвал меня, пригласил сесть рядом на кровать. С другой стороны на табуретку сел отец.

- Ну как, Степаныч? - наклонившись к Стырову, негромко спросил отец.

- Проходит, - не сразу, тихо ответил дядя Гриша, - вот пакость, плуг хотел поправить, дернул его и чувствую силы-то меня покидают... Не знаю, как Мальчика выпряг...

Мой отец раза два негромко кашлянул, посмотрел задумчиво на Григория Степановича:

- Говорил тебе, Степаныч, не надо резко-то...А ты-ы... Не бережешься.

Дядя Гриша вздохнул. Его раненая щека у уголка рта заметно задергалась, зашевелилась. Степаныч приподнялся на локте, повернулся к отцу.

- Нет, Митрич, не то... Понимаешь, не то...

- Что же тогда?

- Я все время думаю о другом... Дядя Гриша пристально и молча посмотрел отцу в глаза и снова заговорил:

- Скажи, Митрич, неужто мне... тебе... Герке... вообще людям придется еще воевать? Скажи...

Отец не отвечал. Его голова втянулась в плечи. Густые рыжие брови неподвижно, мрачно повисли над глазами. Бугристая складка с переносья зверьком сползла вниз по носу, к самой горбинке.

«Почему папка молчит?» - беспокойно думал я. - Почему он ничего не говорит?».

Мне не терпелось крикнуть: «Папка, скажи, ты же знаешь!».

Но в эту минуту через приоткрытое окно в палату ворвалось чистое, звонкое ржание. Я подскочил к окну:

- Мальчик! Дядя Миша приехал! - радостно подпрыгнув, я вернулся к кровати. - Можно мне к Мальчику?

Григорий Степанович повернулся, взглянул на меня. В самой глубине его глаз разгоралась улыбка. Это была настоящая улыбка! Однако лицо его вновь почернело и исказилось. Но мне уже было вовсе не страшно.

- Можно, Герка, можно, - ласково сказал Степаныч.

Я стоял, как замороженный, у кровати. Забыл, что когда-то побаивался и избегал дядю Гришу. Меня вдруг потянуло к чему, как к отцу, которого я любил.

Мать Матвеевна

Рассказ

Летом, в начале горячей сенокосной поры, Мария Матвеевна - мама моего школьного друга Коли Знаткова - привела в свой дом мужчину, высокого, с крупными и добрыми глазами.

- Это дядя Илья, мой новый отец, - негромко сказал Коля и, бегло оглянувшись по сторонам, как будто по секрету или стыдясь, шепнул мне на ухо, - он сегодня спал с мамой.

Непоседливый мой друг учился со мной в одном классе той школы, в которой Мария Матвеевна работала завучем. Я помню её в строгом, элегантном костюме. Походка неторопливая, мягкая, лицо чистое, светлое-светлое, взгляд пронизательный с загадочно-светящейся искоркой в глубине карих глаз. Крупная тугая коса венцом возвышалась на её голове. Сейчас,

умом зрелого мужчины, замечу, что вид её был важен и привлекателен: величественная, приятная особа. Вполне возможно, что с первого взгляда она вызывала любопытство, и оглянуться на неё было не грешно.

Как и её платье, она сама была строга; ей в школе подчинялись больше, чем директору, подчинялись все: и учащиеся, и учителя, и уборщицы. Достаточно ей сказать на уроке только один раз «Вон!» и резко взмахнуть рукой в сторону двери, как виновник беспрекословно, спешно, не оглядываясь, выходил из класса. Своим характером она выделялась из всех учителей нашей школы. Завуч во многом была справедлива и права, стремилась всё выполнить вовремя и чётко, к ней не придерешься, с ней не заспиришь. Она могла посоветовать, умело доказать свою идею, ясно выразить мысль. Её уважали в школе, но... и избегали, сторонились, старались не попадаться лишний раз на глаза. Дело в том, что она была как бы перенасыщена чувством правоты, которая доставляла неприятность людям. Заметит, к примеру, не вытертую пыль на перилах лестницы или широком подоконнике - тотчас вспыхнет, взвинтится и несколько раз в день сердито напомнит об этом уборщицам. Как подростка громко отчитает молодого учителя за то, что тот не выключил свет в классе после занятий или не привёл в порядок классную доску. Даже школьные вахтёры не выдерживали и багровели от её длительных назиданий. Недаром в коридорах и закутках школы с некоторых пор завуча стали называть не Марией Матвеевной, а Мать Матвеевной. Прибилось, прикипело к ней это имя. Если школьники шумно бегали по коридорам или дрались, или более того — курили и кто-то из них вдруг выкрикивал: «Мать Матвеевна!», - то всех словно ветром сдувало. Шалость, даже незначительную, Мать Матвеевна не прощала.

Мария Матвеевна жила с сыном в деревянном, не в большом, но и не в маленьком доме, который постарел и сильно покосился на один бок. Казалось, что земля едва удерживала его. Отца в семье не было, он погиб на фронте. Попав в сеть забот по дому, воспитанию сына, нелёгкого,

ежедневного кропотливого учительства, Мария Матвеевна долгое время замуж не выходила. Но со временем, придавленная многочисленными, бесконечными хлопотами, поняла, что ей одной всё равно не перелопатить всей кучи беспокойной и нудной жизни. Мать Матвеевна о себе знала, что умом и привлекательной статью не обделена и с некоторых пор стала ласково протягивать свою нежную руку тем мужчинам, которые ей приглянутся, могут пригодиться, и желанно привечала их. Однако каждый новый Колин отец у Знатковых не приживался, через какое-то время незаметно, тихо покидал границы дома или уходил после оправданного натиска хозяйки, но тоже бесшумно, чтобы не надломить, не приглушить громкого авторитета завуча.

Взрослым-то людям, знающим Марию Матвеевну, непросто было разгадать и объяснить, почему она не уживалась, не могла выбрать мужа, отца и хозяина в дом. А мы, мальчишки, и тем более не могли понять, но говор на эту тему до нас, дотошных и нередко любопытных, долетал разный: одни молвили, что Мать Матвеевна подбирает себе мужчину по своему кругозору и характеру, при этом добавляли, что с такой щепетильностью и требовательностью в выборе, с таким подходом она никогда себе не найдёт мужа; другие, обсуждая завуча, клонились к тому, что она подбирает себе доброго хозяина; находились и такие, которые тихо, осторожно запускали, что в ней время от времени, как горячка, просыпается жгучая натура, которая сполна насытившись, вновь нуждалась в тишине и одиночестве. Но трудно было в это поверить: круг её действий в школе, требовательное отношение к себе и окружающим, её строгая, безупречная внешность отметали предполагаемую порочность, и, действительно, на следующий день этот шёпот забывали. Некоторые, обсуждая Мать Матвеевну, уверенно останавливались на том, и этому верили более всего, что никто из новых пришельцев не прилагал ни малейших усилий, чтобы пролить на душу и сердце единственного сына, ещё ребёнка, тёплого ручейка внимания и радости.

Сын Марии Матвеевны привык к смене отцов, к их появлению и исчезновению относился спокойно, как будто, так и надо.

На этот раз Мария Матвеевна дверь своего покосившегося дома распахнула Илье Ивановичу, или дяде Илье, как называл его Коля. Илья Иванович работал лесничим. Дня через четыре-пять, после того, как он появился у Знатковых, мой друг радостно сообщил мне, что его новый отец уходит в лес заготавливать сено и берёт с собой его и, если я согласен, то и меня.

С утра мы снарядились: натолкали необходимым свои рюкзаки и после обеда двинулись в путь. Крайней улочкой, на которой жили Знатковы, вышли в поле, где вброд перешли тихую речку с кувшинками, затем «задами» обошли зелёную кудрявую деревеньку и на исходе дня, когда солнце спокойно закатывалось за землю и в поле стало свежо, мы один за другим вошли в лес. Впереди широко шагал дядя Илья с крупным тяжёлым рюкзаком на спине, за ним - Коля, затем и я. Нагретый за день жарким солнцем лес из-под каждого куста, из-под каждого дерева, мимо которых мы шли, ласково дышал на нас мягким теплом. Мы долго и торопливо шагали за дядей Ильёй.

- Вот и прибыли, - наконец сказал он, остановившись на краю большой вырубки. Дядя Илья не спеша, осторожно скинул с плеч рюкзак, чиркнул спичкой, разжёг заранее подготовленные и сложенные в кострище сухие сучья, бересту, полешки, нагрел чай, накормил нас.

- А теперь, - громко и радостно объявил он, - в хоромы спать... а утром - косить. - Дядя Илья, посветив электрическим маленьким фонариком, неторопливо, ползком проник в шалаш. Мы проворно юркнули за ним. Полшалаша был густо устлан мягким свежим сеном.

- Сено-то мёдом пахнет, здорово! - глубоко вздохнув, заметил мой друг. Заботливо накрывая наши ноги сеном, чтобы мне и Коле было теплее, дядя Илья негромко, но вдохновенно промолвил:

- Да-а, медку тут много!..

- Где-е? - нетерпеливо спросил Коля.

- Как где? Здесь, в лесу... Считай, в каждом цветочке имеется медок, - спокойно отвечал в потолок шалаша дядя Илья, улёгшись у самого выхода, чтобы оберечь нас, как он весело и с любовью сказал, от «лесных зверюшек». Немного помолчав, досказал: - Денька через три-четыре сделаем выходной, свожу я вас на пасеку, к другу своему, тут недалече, он вас медком попотчует...

Скоро мы смолкли, нам стало на сене горячо и, ещё раз глубоко вздохнув от наплывшего счастья, я тотчас сладко уснул. Мы проснулись, когда солнце яростно ворвалось к нам через вход в шалаш. Дяди Ильи не было. Мы протёрли глаза, переглянулись, улыбнулись друг другу и слышали где-то за шалашом, в стороне, мерные звонко-тугие звуки. Дядя Илья косил.

- О-го-го-о-о!.. Я ту-ут! - крикнул он, заметив, что мы выползли из шалаша. - Во-он та-ам, в ельничке, сразу за шалашом, ключик бьёт, идите умойтесь!..

Завтракали вновь у костра, за столом, который сколотил дядя Илья из четырёх берёзовых кольев и трёх почерневших от времени досок. На столе неглубокая алюминиевая чашка наполнена жареным мясом, рядом - кружка с крупной спелой земляникой, из высокого котелка парил чай, был хлеб, нарезанный ломтями, соль и немного масла.

- Что это за мясо? - глядя на жаркое в чашке, - спросил Коля, - рябчика... Да?

- Не-ет, - светло улыбнувшись, спокойно ответил дядя Илья, - кто же сейчас рябчиков отстреливает... нельзя... они в это время своих птенчиков откармливают... осенью, другое дело, тогда можно и на рябчиков поохотиться...

- Чьё же это мясо? - не отставал Коля.

Дядя Илья тихо усмехнулся и, отправив небольшой кусочек мяса в рот, коротко взглянул сначала на Колю, затем на меня, неторопливо прожевал мясо и, проглотив его, сказал:

- Ешьте, ешьте веселее, потом скажу...

Летний ветерок навевал горьковатым дымком от потухшего, но ещё не остывшего костра. Мы по кусочку отщипывали мясо и не спеша уплетали его. «Вкусно, и когда он успел приготовить всё это?» - подумал я.

- А ты что, раньше мясо рябчика-то пробовал? - спросил дядя Илья Колю, ласково заглянув ему в глаза.

- Не-ет, - качнул тот светлой головой.

- Подожди маленько, Николай, научу тебя в лес ходить, будешь знать его, как вот эти пять пальцев, - потряс он своей крупной, крепкой ладонью, - будут у нас на столе и рябчики, и ягоды, и грибы.

Коля недвижимо, замороженно слушал и смотрел на него широко открытыми глазами и, наверное, не верил, что такое может быть. Позавтракав, Коля вылез из-за стола и опустился на корточки перед ещё горячим и слегка дымившимся костром, в центр которого начал неспешно, задумчиво складывать недогоревшие полешки. Я и дядя Илья остались на местах и неторопливо допивали горячий чай. Попивая глоточками чай, лесник сосредоточенно наблюдал за Колей, затем вдруг спросил его:

- О чём, Николай, думаешь?

- Дядя Илья, - поднял голову мой друг, - чьё же мы мясо ели?

- Да-а, - медленно выговорил Илья Иванович, отставив в сторону кружку, - крепкий ты на память, вижу, не отстанешь... молодец... придётся сказать... только вот говорить мне об этом трудно, и не хочется... - Он поднялся с места, тоже подошёл к кострищу, сел на пенёк. - Сегодня рано утром, когда вы ещё спали, я косить пошёл... во-он там у гари, - махнул он в сторону солнца рукой, - под косу-то под мою в высокой траве и попал зайчонок... как он попал, и не знаю... - горевал дядя Илья, медленно,

мучительно покачивая головой, - жаль мне зайчонка-то, очень жаль, вот и пришлось взять его... не оставлять же...

Мы разбрасывали скошенную траву, ворошили её на земле длинными берёзовыми рогатинами. Нередко отвлекались от работы, прыгали по скошенной траве, боролись, кувыркались. Дядя Илья наблюдал за нами и громко смеялся. Иногда он тоже не выдерживал и бойко, как мальчишка, вприпрыжку бегал вокруг нас и радостно кричал: «Ого-о-о, ого-го-го!» Коля останавливался, прекратив забаву, с удивлением, неотрывно глядел на дядю Илью и, задрвав голову, хохотал, ничком падал на траву: парнишке было в диковинку то, что высокий, сильный человек весело и резво бегают, играет с ним.

- Сегодня после полудня - отдых! - весело объявил дядя Илья утром четвёртого дня. - Пойдём разговляться медком.

Он повёл Колю и меня к своему другу, пчеловоду дяде Яше, пасека которого раскинулась в двух верстах от нашего шалаша на обширной вырубке, сплошь заросшей цветущим иван-чаем. Дядя Яша был седой, с небольшими, но густыми усами. Я назвал его дедом. Он накинул на наши головы лёгкие защитные сетки, чтобы «ненароком пчёлка не ударилась и не ужалила», и неспешно, важно пошёл по пасеке, мы - за ним. Остановившись у одного из ульев, заметил:

- Смотрите, как пчёлки-то вылетают из летка... как пули из станкового пулемёта... хорошо работают... медок будет.

И Коля, и я долго с интересом наблюдали за пчёлами: одни, действительно, то и дело стремительно улетали от летка, другие возвращались потяжелевшими, переполненными нектаром, неуклюже плюхались на прилётную дощечку, но довольно проворно проникали в улей.

- Там в улье пчелиная фабрика... там у них всё по уму... лучше, чем у людей... - шутливо и весело рассказывал дядя Яша.

Я и Коля удивлённо и радостно переглядывались, весело заглядывали в глаза пасечнику. Ульев было много, и пчёлы быстро летали в разные

стороны, вверх и вниз, создавая в пространстве видимость множества тонких натянутых струн.

Обойдя пасеку, мы остановились на пригорке, окинули взглядом вырубку, перед нами едва заметно волновалось море иван-чая.

- Свято-ой цветок... - загадочно проговорил дед, - люблю смотреть на него... в разное время дня цвет его распутившихся лепестков различный... - склонил голову и задумчиво заглянул в глаза сначала мне, потом Коле: - Утром, облитые ярким солнечным светом и усыпанные мелкой прозрачной росой, лепестки иван-чая как бы принаряженные; весь цветок стоит важно, спокойно, будто создан он из светлого тонкого хрусталя, цвет его ни с чем не сравним... не описать, не высказать, можно понять только молча, душой... К вечеру пасека словно васильковым ковром покрывается, так и кажется, что вся небесная голубень опустилась на цветы... Хорош иван-чай... Царь-цветок... любят его пчёлы-то, любят...

В просторной избушке мы пили заваренный и настоянный на свежем иван-чае, листочках дикой малины и смородины душистый чай и аппетитно ели хлеб с мёдом.

- Ну-у, как? - весело спросил меня за столом дядя Яша.

- Сладко... объедение...

- Смотри язык не проглоти, - улыбнулся пасечник.

А дядя Илья, бережно обняв Колю и задумчиво посмотрев ему в глаза, ласково сказал:

- Подожди немного, Коля, будет и у нас на столе мёд.

В лесу мы жили почти две недели; накопили, высушили и сложили сено в два высоких и длинных стога. Мы слились с лесом, были едины с ним; не могли жить без земляники, растущей и спеющей на опушке леса, без грибов, вытянувшихся под осинками, наблюдали за рябчиками, вспугнутыми нами и с шумом вылетающими из мелкого березняка. На участках, где дядя Илья собирался косить, мы весело шугали пухлых зайчат, прятавшихся в густой, сочной, высокой траве. За наши лица, одежду цеплялись длинные

клейкие паутинки, будто заигрывая с нами, опутывали нас, тогда мы, взмахивая руками, торопливо убегали в глубь леса, туда, где солнечный свет, падая на густые ели и лиственницы и пробиваясь сквозь их лапы, раздробленно рассеивался на множество тонких, как струны, лучей, ослепляющих нас.

Утром, в день возвращения домой, среди высокого ивняка, у выбивающегося с бугорка светлого прохладного ключика, Коля назвал дядю Илью папой. Тот крепко прижал паренька к себе; они молча стояли и смотрели то в глаза друг другу, то на сверкающий, бойко вырывающийся и падающий на плоский дикий камушек небольшой родниковый водопад. Коля, казалось, светился, оттого что у него такой славный отец.

Спустя несколько дней после покоса Илья Иванович привёз к дому на большой машине длинные ровные хлысты. На следующий день к Знатковым пришли четверо крепких, загорелых и весёлых плотников с топорами и пилами. Они ловко и быстро разобрали завалинку покосившегося дома, двумя сильными домкратами подняли её, выровняли, вытащили сгнившие, отжившие свой век нижние венцы, подправили фундамент, на который уложили свежие обструганные брёвна. Поднялся дом, повеселел, выправился, засветился нижними венцами.

Собрав вокруг отремонтированного дома инструмент, мусор, плотники ожидали хозяев в просторной кухне.

Илья Иванович в другой комнате долго уговаривал Мать Матвеевну, чтобы собрала на стол, но она вспыхнула, сердито сверкнула белками крупных глаз.

- Им же деньги заплатили... какое может быть ещё угощение!.. - негромко, но чётко и жёстко выговорила она.

- Никуда мы не денемся, - не отступал Илья Иванович, - есть же среди людей такой неписанный закон или порядок... в знак благодарности что ли, или за хорошую работу... не мне же тебя учить.

- Не-ет!.. - хлестнула она и ушла, но дверью не хлопнула, будто бы дала знать: что хочешь сам, то и делай.

Возбуждённый, смутившийся Илья Иванович сначала не знал, за что и взяться, забегал по кухне, завертелся, затем остановился и, поймав на себе весёлые взгляды плотников, успокоился. Всё что было, метнул на стол, поставил три бутылки водки, купленной им накануне, пригласил мастеровых ближе к столу. Выпили, поели, запели мужички и даже заплясали, чтобы «проверить устойчивость дома». Вечером, расставаясь с Ильёй Ивановичем, плотники безудержно восклицали:

- Жить и жить вам в этом доме, жить и радоваться!

Но в сентябре, в выходной день, я увидел своего друга Колю Знаткова тихо плачущим у калитки помолодевшего дома.

- Коля, - спросил я негромко, - ты чего?..

- Мама выгнала дядю Илью, - сквозь усиливавшиеся слёзы вымолвил мой друг, - она сначала его громко ругала, а потом сказала ему «Вон!» и... показала рукой на дверь... а он сразу поднялся со стула и молча ушёл...

- Как?.. За что выгнала-то?.. - удивлённо расширились мои глаза.

- Она сказала, что он пьяница, а я его видел выпившим всего только раза три... он вовсе не пьяница, - едва выговаривая слова, Коля горько плакал. Я не выдержал тоже, по моей щеке скользнула слеза, мне жаль было дядю Илью.

Я всё реже и реже заходил к Знатковым, что-то надломилось в моей душе, при встрече с Марией Матвеевной испытывал какую-то непонятную мне неловкость, испытывал такое, будто я в чём-то провинился перед нею.

С Колей мы встречались в школе, катались на коньках по прозрачному льду нашей речки, ходили в библиотеку, где подолгу копались в книгах. Позднее наши пути разошлись, однако мы обменивались подробными письмами, и иногда наши дороги сходились. Недавно я встретился с ним в гостинице Иркутска. Мой давний друг Коля Знатков, ставший Николаем Егоровичем, военным специалистом, инженером-

полковником, неузнаваем, но, как и в те далёкие годы подвижен и разговорчив. Мы засиделись в номере далеко за полночь.

- Николай, - вымолвил я разгорячённо, - иногда вспоминаю Илью Ивановича будто родного...

- Да-а, - откинувшись к спинке кресла, задумчиво промолвил Николай Егорович, - года через полтора после него у меня появился новый отец, приезжий одинокий человек, хороший портной, но он через год ушёл, после него ещё был один, всех их я помню неплохими мужиками, - затем, склонив голову и, немного помолчав, Николай Егорович негромко, досказал: - У милой моей мамы, умной, предприимчивой и суровой Мать Матвеевны, была своя тактика, своя стратегия, свой подход к жизни...

Полковник

I

Странно, чем старше мы становимся, тем больше душа тянется к родным местам. Чаще и чаще начинаем вспоминать о крае, где прошли юные годы, четче видеть в своем характере хорошее и плохое, правильное и неправильное, что было заложено, что было впитано нами в далеком детстве от людей, окружающих нас, от неугомонных друзей – мальчишек и девчонок.

В прошлом году особенно сильно заскучал я по своей родине, где не был уже более двадцати лет. Родных там никого не осталось. Постоянно увлеченный работой, ежедневными напряженными делами, семьей, не имел возможности вырваться в отпуск, оглянуться назад.

И вот, не выдержав, махнул «дикарем» на Черноморье. А в конце отпуска решил денька на два-три заехать в Подмосковьё, в родные места, взглянуть на глухую улочку, по которой я и друзья мои, мальчишки, бегали босыми, с трепетом в сердце зайти в бывший наш дом, где когда-то жил и рос: может, посчастливится встретить кого-нибудь из друзей детства.

На берегу моря остановился в окунувшемся в буйную зелень поселке Гантиади, снял светлую комнату на втором этаже дома, спрятавшегося в густых зарослях виноградника и курчаводымчатых яблонь.

На следующий день утром я подошел к открытому настежь окну, глубоко вздохнул: в грудь ворвались густые сладковато-терпкие запахи сада и свежесть моря. В эту минуту увидел идущих по узенькой тропке двух человек. Высокий, грузноватый, в светлых брюках, мужчина, через плечо - полосатое длинное полотенце. Рядом – рослый паренек, видимо сын, с круглым, как у отца, лицом.

Мужчина заметил меня, пристально поглядел. Я тоже не мог оторвать от него взгляда. В косоватости крупных блуждающих глаз, округлости лица мелькнуло что-то очень знакомое, давнишнее. Пройдя несколько шагов, мужчина резко повернулся и вновь посмотрел на меня с каким-то вопрошающим любопытством, и опять мне показалось, что мы где-то встречались. Но где? Когда? Я не отходил от окна, смотрел в сад, но уже ничего не видел. Ощущение того, что я знаком с этим мужчиной не отпускало, стало беспокойным и неотступным. И главное, я понял, что этот человек испытывал то же самое, что и я. Но как не напрягал память, она меня не слушалась.

Через несколько минут, спустившись вниз к хозяйке дома, спросил у нее об этом мужчине и мальчике.

- Отдыхающие, - легко ответила она. – Через стенку с вами комнату снимают, трое их, семья.

- Как звать мужчину? – торопливо я задал еще вопрос.

- Виктор Иванович Генералов.

«Виктор Ива... Витька Генералов! – мгновенная вспышка воспоминаний точно ослепила меня. – Витька Генералов! Косой! Это он! он! он!»

В памяти всплыла родная улица, друг детства Борька Штурм, и надо же. Вспомнил вдруг тот день и час, когда в дом, где мы с Борькой росли,

вкрадчиво проник шепоток: «Вот это новость! Борька Штурм, Полковник-то, вор! Неужели, правда?»

Эта неожиданная весть свалилась на всех нас, как снег на голову. На следующее утро, действительно, к Штурмам пришел милиционер. Борькиной матери, Анастасии Петровне сказал, что уводит сына по делу кражи. С уставшим, потемневшим лицом она застыла посреди большой комнаты. Потом, словно опомнившись, сбросив с себя оторопь, едва слышно вымолвила:

- Как же так, сынок? Что ты украл?

Недоумевающий взгляд побледневшего Борьки неподвижно остановился на вошедшем милиционере...

II

Долговязый, с продолговатым лицом Борька Штурм был старше меня года на два. Ему тогда в трудный послевоенный год «стукнуло» лет тринадцать - четырнадцать. Жил он с матерью в доме, в котором жили и мы, его сверстники и друзья. Этот двухэтажный старинный особняк выделялся среди других домов высокими светлыми окнами, неповторимо окаймленными узорными, местами выкрошенными, наличниками. В нем было двенадцать квартир, в некоторых размещалось по две - три семьи.

В черные, длинные годы войны люди в этом доме жили дружно: делились горем и радостью, хлебом и солью. Все было поровну.

На исходе серых зимних дней наши мамы, бабушки и мы, неугомонные ребятишки, словно по звонку собирались у кого-нибудь на квартире. Чаще шли к Штурмам, заходили к ним без приглашения, запросто. Анастасия Петровна относилась к числу тех, которые всегда умеют быть приветливыми и добрыми: казалось, она никогда не уставала ни от взрослых людей, ни от нас - назойливых ребятишек.

Женщины садились за большой круглый стол, ненавязчиво, тихонько заводили разговор. Их волновало одно и то же: принесет ли завтра почтальон долгожданные письма с фронта, чем кормить детей, топить печь. Иногда они умолкали, но наступившая тишина не вызывала атмосферы скованности,

напряженности и неудобства. В затишье, в кругу близких людей, легко обдумывались завтрашние заботы. Распускали непригодные к носке шерстяные кофты, вязали носки и варежки, вышивали кисеты.

Молчание не затягивалось, Анастасия Петровна бархатным, грустноватым голосом запевала, песню подхватывали. Комната наполнялась ровными тугими звуками женского хора.

Ребятишки располагались на полу, у большой круглой печи, которая не только согревала, она объединяла и роднила нас. Здесь, на виду у всех, кое-кого учили уму - разуму: получали от матерей и бабушек справедливые проборки, а то и затрецины за плутовские проделки. Особенно часто попадало от бабушки Глафиры ее же внуку, Витьке Генералову. Бабушка, устала от Витьки: он убегал с уроков, шнырял в раздевалке по карманам, обижал ребят с мальчишками других улиц, прочесывал огороды...

Печку растапливал Борька, мы помогали, отдирали от маленьких берёзовых полешек бересту. Длинным и узким, как шпага, тупым ножом щипали лучину, подавали ее Борьке или укладывали в печь под сложенные полешки. Разгоравшиеся в печке дрова трещали, стреляли маленькими жаркими угольками. Мы радостно повизгивали, громко смеялись, шалили. Печка стреляла снова, с гулким шумом вновь выбрасывала уголек-другой, словно предупреждала нас, утихомиривала. Мы и вправду успокаивались, садились плотнее друг к другу, неотрывно смотрели на метавшийся в печке огонь, с нетерпением ждали, когда Борька вытащит железной кочергой испеченную в углях картошку, или просили его, чтобы он почитал нам книгу, которых у него был полный шкаф.

Незаметно мы стали Борьку слушаться и подчиняться ему, как командиру. Борька был сильным и ловким: каждого из нас он побеждал в борьбе. Даже Витьку Генералова однажды он ловко уложил на лопатки. Витьку распирало от злости, при встрече с Борькой не выдерживал, бросался в драку, стремясь доказать свое превосходство в силе, но Борька не терялся, умел давать отпор. Мальчишки стояли за своего «командира».

Война прокатилась, умолкла... Многие отцы не пришли с фронта. Погиб на войне и Борькин отец. В эту пору Борька учился в шестом классе. Вперед не рвался, но и не отставал: держался твердо, уверенно. В школе о нем говорили, что «мальчишка способный, головастый». Он всегда носил китель отца, который был полковником, командиром летной части. Борька помнил и любил его. Однажды в классе шел разговор о том, кто кем мечтает стать. Борька Штурм поднялся и сказал, что хочет быть, как и отец, военным, полковником. Кто-то из мальчишек «поймал» его ответ, запомнил, да так и прозвали Борьку «Полковником»,

В те первые послевоенные годы каждый мальчишка имел свою кличку, разные поводы и причины рождали их. Если Борьку Штурма прозвали Полковником за то, что мечтал им быть, то Вальку Семенова, моего одноклассника, лучшего нападающего уличной футбольной команды, окрестили Семечкиным за его любовь к подсолнечным семечкам. Он щелкал их всюду и всегда, щелкал ловко, быстро, никто так не мог. Каждую семечку он издали забрасывал в рот, она попадала точно на зуб, щелкнув, освобождалась от скорлупы, которая с гулким хлопком вылетала вон изо рта. Витьку Генералова за его бегающий, мельтешащий взгляд прозвали Косым, меня за фамилию Рыжов - Рыжиком, Гену Блинова - Блинчиком. И так каждого. Никто не сердился, не обижался, все откликались, будто так и надо.

Ш

Мальчишки, как и прежде, дружили с Борькой Штурмом. Он обладал той невидимой, но притягательной силой, по воле которой мы невольно оказывались возле него. Без Полковника скучали, будто цементирующий материал, который собирал и крепил нас в одну дружную стайку, высыпался и расслаблял между нами незаметные упрочивающие связи. Без Борьки Штурма любая игра - не игра. В какие только забавы не увлекал он нас. Хлебом не корми, только бы поиграть на поляне за огородами в лапту, погонять по тихой улочке «попа-гоняла», попрыгать в чехарду. С особенной страстью он забивал с нами «набат».

У просторного почерневшего сарая из аккуратно сложенной кучи дровяного долготья мы выбирали не толстый, но и не тонкий - такой, чтобы можно было обхватить обеими ладонями, - березовый коротыш, длиной не более метра. Этот коротыш мы называли круглым поленом; или просто кругляком. С одной стороны кругляк точили топором. Из другого более толстого коротыша вырубали крупную колотушку. Далее игра заключалась в том, чтобы определить гольца. Для этого вся наша дружная команда (восемьдесят мальчишек) проворно выстраивалась на дороге против дома Солнышка (так за огненную рыжину волос и множество веснушек на пухлом лице прозвали мы Васю Кулакова). Внутри у каждого из нас все звенело, напрягалось, никто спокойно не стоял: мы топтались и дрожали на месте, будто кони, каждый с нетерпением ждал Борькиной команды.

Полковник не торопился. Он, как командир, важно, с высоко поднятой головой выходил вперед и, лукаво улыбаясь, цепко осматривал носки наших башмаков или пальцы ног: не вылез ли кто вперед, не перешагнул ли прочерченную на земле линию. Дождавшись выполнения команды, становился в ряд и сам. В эту минуту от нетерпения мальчишки сжимались до предела, как пружины.

- Марш-ш! — махнув рукой, как саблей, командовал Полковник.

Мы тотчас срывались с места, оставляя за чертой клубы серой пыли, стремительно мчались до нашего дома, шурша короткими штанинами.

Гольцом становился тот, кто отставал и прибегал к назначенному месту последним. Чаще эта роль доставалась мне, Тольке Бешметову или Вовке Зайцеву. Мы умели шустро убегать со старта, большую часть пути мчались впереди всех и все же на последних метрах выдыхались, сбавляли бег, отставали и прибегали последними.

Вслед за этим игра становилась еще напряженнее. Борька Штурм ставил заточенный кругляк вертикально острием в землю, легонько забивал его, чтобы он не повалился. Каждый из нас должен подойти к коротышу и колотушкой один раз ударить по нему. Если почва была твердая, каменистая,

то кругляк уходил в землю медленно, понемногу, и, наоборот, в мягкую почву после каждого удара податливо проникал глубже и глубже. Последние удары по неписанному правилу предоставлялись самому сильному, ему позволялось бить трижды. Такими были Полковник и Косой.

С застывшей улыбкой на продолговатом лице Борька, поплевав в свои широкие ладони, неторопливо поднимал тяжелую колотушку.

- Наба-ат!.. - кричал Штурм и, описав его полукруг над головой, ударял по торцу коротыша.

Услышав сигнал «Набат!», мы разбегались в разные стороны и прятались, кто, где мог. После третьего удара убежал и Полковник. У забитого в землю круглого полена оставался голец, который без лопаты и каких-либо приспособлений, одними руками должен раскачать и вытащить кругляк из земли.

Нелегкое предстояло дело, особенно тогда, когда березовый коротыш заколачивали в землю почти весь. Над землей оставалась, согласно мальчишечьим правилам, небольшая часть, равная высоте ладони, чтобы только-только зацепиться за кругляк. Вытащив его из земли, голец должен найти кого-либо из спрятавшихся, быстро вернуться к полену и забить его вновь в ту, же ямку, а самому убежать в заранее предусмотренное укрытие. Голить начинал тот, который не смог надежно спрятаться. Досаднее было для гольца, если он долго не мог никого обнаружить, а удалившись от «набата», прозевать кого-нибудь, выскочившего из укрытия, который подбегал к лежащему кругляку, поднимал его и с криком «Набат!» забивал в землю. Начиналось все сначала. Так могло повторяться несколько раз.

Не каждый выносил такую нагрузку, не каждый из мальчишек находил в себе силы, волю и выдержку, чтобы сдержать внутренний порыв, показать свою слабость. А срывы бывали: порой игра доводила до слез или до драки.

Однажды с нами играл Витька Генералов. Гольцом оказался Борька Штурм. Может, он нарочно упал перед финишем, чтобы спасти Зайчика, который отставал, или решил сам сразиться в игре с Косым - мир не брал их

по-прежнему, или Полковник действительно сбился на стометровке, - кто его знает... Хотя Борька не боялся Витьки Генералова, все же тот был и старше, и сильнее тремя ударами, Косой мог забить в землю кругляк на одну четверть, а то и глубже. Мало того, каждого из нас он заставлял бить по пятаку коротыша изо всех сил. Если кто-то бил слабее своих возможностей, а это не было исключением, мы горой стояли за Полковника и потому желали, чтобы ему на этот раз при игре с Витькой удалось легче и быстрее выдернуть березовое полено. Косой бросил на нас устрашающий взгляд и грозил поколотить. Но мы продолжали хитрить – чуть-чуть били слабее, чем могли.

Последним «набатил» Витька Генералов.

- А-а-а!.. – издал он тугой, громкий выдох, со всего плеча опуская колотушку на срез кругляка. – А-а-а!.. - еще раз со звонким треском опускалась колотушка. – Набат! – хрипло закричал Косой и замахнулся на последний удар.

Мы разбежались и спрятались.

- Вот теперь вырви! - Громко сказал Витька Полковник, ехидно посмеиваясь и убегая прочь. Из засады мы наблюдали за Борькой. Опустившись на колени, он неспеша отгребал руками от кругляка землю, выцарапывал, выковыривал ее по крохам до тех пор, пока крепко смог ухватиться своими широкими и цепкими ладонями за верхушку коротыша. Понемногу раскачал его, вновь подкапал, поковырял пальцами землю, снова покачал. Не один раз Борька штурм прополз вокруг забитого полена, попыхтел, попотел, но вырвал. Отдышавшись, осмотрелся вокруг, бросил, как победитель, кругляк на землю к ногам.

- Косой! – басовито прокатился по двору голос Полковника, - вылезай!

Мы удивленно высунулись из укрытий: не поверили, что Борька так быстро нашел Витьку. Косого тоже ошарашило, потому он и не выползал из своего укрытия.

- Вылезай! Вылезай, давай! – вновь требовательно вызывал Борька. – Вон твой красный башмак из-за поленницы высунулся!

Рысью вырвался из укрытия Витька Генералов и, сверкая глазами, метнулся к Штурму.

- Наба-а-ат! ... - услышали мы мощный голос Полковника.

Борька забил коротыш в ту же ямку, из которой только что его выдернул. Как разъяренный кот, согнулся Косой над забитым в землю кругляком, но вытащил его быстро, ему уже легче было чем Борьке.

Косой так же, как и Полковник, постоял у набата, внимательно осмотревшись вокруг прищуренными глазами, настороженно пошел вперед, то и дело оглядываясь. Никто не попался Косому на глаза, далеко спрятались, притихли. Остановившись, Витька прислушался, пошел дальше. Едва он удалился от набата шагов на двадцать, шумно распахнулась тяжелая дверь первого подъезда нашего дома, откуда выбежал Полковник и ринулся к кругляку. С криком «Набат!» двумя ударами он загнал коротыш в то же гнездо и вновь скрылся в первом подъезде.

- Ну, Полковник, погоди-и! – свирепо помахал Витька кулаком.

Косой снова согнулся у набата, яростно завертелся вокруг него. С ожесточением подергал забитое в землю березовое полено из стороны в сторону, вырвал его, да так резко, что едва не упал. Косой уверенно подбежал к подъезду, в котором скрылся Борька.

- Полковник, выходи! Никуда не скроешься! – самоуверенно гаркнул Витька. – слышишь, ты-ы, Полковник!...

От Борьки - ни звука, его и след простыл.

Косой заглянул в подъезд, на лестничную клетку, с которой легко сбегала черная кошка Блиновых. Витька негодуяще замахнулся на нее ногой. Кошка, пугливо бросившись из подъезда, темным комком перемахнула через крапивные заросли и скрылась в сарае.

Протяжно скрипнула тяжелая дверь подъезда, за которой скрылся Косой. Едва он шагнул на первую ступеньку лестницы, его вновь остановил Борькин голос:

- Наба-а-т!

Косой замер: «Не может быть! – тотчас высунулся из подъезда. – Точно!»

Полковник изо всех сил заколачивал кругляк.

- Наба – а-ат!.. – еще раз пронеслось над головой.

Борька будто с неба свалился. Как он мог оказаться за углом дома, никто не мог понять. И только после игры он рассказал, что, скрывшись в подъезде, вылез через открытое окно коридора на улицу, спрятался за углом дома.

У Витьки Генералова от безысходности и досады сдавило в груди. Ловко обвел его Борька Штурм! Отбросив в сторону громоздкую деревянную колотушку, Борька вприпрыжку помчался за дом, в укрытие.

- Ах так, Полковник, - злобно вымолвил Витька и кинулся вслед. Настигнув Полковника, ударил его кулаком в лицо и тотчас, боязливо оглядываясь, побежал со двора.

Борька опешил, вовсе не ожидая такого поворота в игре.

- Трус ты! - крикнул Полковник удалявшемуся Косому. - Трус!

- Я т-те припомню! - донеслось в ответ от Косого.

- Трус ты-ы! Тру-усл

IV

В середине лета, утром, носом к носу я встретился с Полковником у двери сарая.

- Рыжик, привет! - весело поздоровался Борька.

- Привет! - также ответил я и остановился.

- Зови наших, разговор есть.

- Какой? - нетерпеливо спросил я.

- Жми, после узнаешь.

Полковнику мы верили на все сто, он нас никогда не подводил. Это не Витька Генералов, который мог наврать целый короб. Меня, как ветром, сдуло от двери сарая, пострекотал искать мальчишек. Не прошло и четверти часа, как все собрались вокруг Полковника.

- За мной! - махнул он рукой. Мелькнула белая полоска подклада загнутого рукава военного кителя. - Только тише!

Один за другим, на цыпочках, по скрипучей деревянной лестнице мы забрались на чердак нашего дома. Здесь было сумрачно и тихо. Сквозь мелкие пробоины в железной крыше на чердак проникали упругие, будто натянутые золотые струны, солнечные лучи. Они перекрещивались между собой, в лучах висело и плавало множество пылинок.

Усевшись на широкие сухие перекладины против Полковника, закинувшего, как взрослый, ногу на ногу, мы замерли.

- Слышали? - живо спросил он, внимательно посмотрев нам в глаза. - Вчера в обед в огороде бабушки Фроси оборвали огурцы.

- Слыхали, - вяло кивнув головой, пробубнил Угрюмый (такая кличка пристала к Коле Знаткову за его тяжелый взгляд). - Они и к нам хотели, да не удалось. Это мальчишки с Рябиновой улицы.

- Они вчера многих прочесали, - звонко добавил Зайчик, сидевший верхом на перекладине.

- А мы чего, рыжие?! Смотреть на них будем? - повысил голос Полковник.

Мальчишки притихли, насторожились. Потом каждого будто уколото: заерзали, зашевелились на прочных пыльных перекладинах, зашептались.

- Точно! - первым выкрикнул Вовка Кудрявцев. - Давайте и мы залезем к ним в огороды, сегодня ночью, а-а?

- Не-е, - категорично покачал головой Полковник и поднял руку. - Не годится.

- А что же? - дружно спросили мы, удивленно подняв на Борьку глаза.

- Читали про тимуровцев? - Полковник посмотрел на каждого выжидательно - важным взглядом.

Гена Блинов, сидящий на корточках перед Борькой, выпалил, как из игрушечного автомата с трещеткой:

- Читал, читал и кино смотрел!

- Слышали! Нам рассказывали! - сыпались торопливые, будто наперегонки, ответы. Борька Штурм почти шепотом заговорил:

- Предлагаю организовать такую же бригаду, будем дежурить, воришек ловить.

- Во-о здорово! - радостно выдохнули мы. - Во здорово придумал!

- И помогать будем? - весело спросил Блинчик. - Наша соседка, тетя Маруся, заболела, а ей дров привезли. - Голова Гены Блинова с жиденькими прилизанными волосами поворачивалась то к Борьке, то к нам, она вертелась, как на шарнире: - Тетя Маруся-то одна, дядю Федю на фронте убило, кто ей дрова поколет?

- А как же, - тотчас с достоинством командира ответил Полковник, - помогать будем.

Штаб бригады решили разместить здесь, на чердаке. В этот день мы начали выносить с чердака на свалку мусор, разбитые старые стулья, ящики, какие-то коробки, тряпки...

Наши матери, заметив возню на чердаке и в коридоре, беспокойно и сердито заговорили:

- Что вы там делаете? Больше вам дел нет! Только по чердакам лазать, пыль собирать!

Нас защитил участковый милиционер дядя Ваня Зайцев - отец Зайчика.

- Ну, что вы пса - то на них спустили? Мальчишки доброе дело делают, чердак будет чистым, пожара минуем.

- Будет, будет, - неугомонно продолжали ворчать женщины. Но все же уразумели: а ведь дело человек говорит, махнули рукой, - пусть себе таскают.

Сохранившийся старый черный стол с округлыми ножками и крытое кожей кресло вытаскивать не стали: оборудовали место дежурному.

Вовка Зайцев прибежал в штаб раскаленный: щеки красные, глаза горят:

- Папка сказал, что ты, Борька, хорошо затеял, - слету выпалил Зайчик.

- И вот че дал, говорит, может, нам пригодится.

Вовка положил на стол бумажный рулон. Борька развернул лист, присмотрелся, радостно воскликнул:

- Карта?! Карта нашей улицы! Здорово!

Зайчик сиял от удовольствия, ходил по чердаку горделиво: еще бы, такую карту в штаб принес!

Только Бешметов на плече притащил небольшой, но увесистый медный колокол, который он выволок из заваленного щепками и мусором угла их дровяника. Мы его вычистили, отшлифовали кирпичной крошкой, он стал светлым, в лучах солнца играл, как самовар. Колокол подвесили у чердачного окна под крышей. К коньку чердачного окна прибили древко с самодельным красным флагом.

Командиром бригады, бесспорно избрали Штурма.

Вечером, после рассказа Вовки, дядя Ваня Зайцев, - светло улыбнувшись, заметил:

- Интересно даже, бригада Штурма!

Меня Полковник назначил заместителем по дежурной части. Паленого (так дразнили Тольку Бешметова) - по хозяйственной. Улыбнувшись, Борька добавил:

- У вас к этому склонности вижу.

В указаниях, которые написал Полковник карандашом на листах тетради в косую линейку, колоколом имели право пользоваться только в «аварийных» случаях. Бой колокола был настолько громким, что звон его слышно было далеко за пределами нашей улицы.

Железная кровля над чердаком - постаревшая, со всех сторон имелись оторванные листы, где можно было высунуться и с высоты увидеть, что делается в огородах, во дворах соседних домов и даже на других улицах.

Ежедневно утром вся наша бригада собиралась в штабе, Полковник проверял журнал дежурного, важно, на полном серьезе рассказывал о происшествиях и выполненной нами работе за вчерашний день, знакомил с заявками на сегодня, которые усердно собирал Толька Бешметов от жителей нашего и соседних домов.

С девяти утра и до десяти вечера, а то и позднее, пока нас не загоняли домой мамы, мы были на ногах, как заводные: дежурили в штабе, пололи грядки, кололи и складывали дрова, носили воду, навещали больных, бегали в магазин за хлебом и солью, играли.

Слух о добрых делах отряда распространился по всему нашему городку. Даже девчонок игравших всегда отдельно и избегавших мальчишек, тронуло любопытство. Они заходили в наш двор, заглядывали вверх, туда, где развевался небольшой красный флаг и солнечный луч высвечивал начищенный бок колокола.

- Примите и нас в свою игру, - попросила Полковника бойкая, с голубыми, как и ее глаза, бантиками на косичках, Галя Новикова.

- Мы не играем, - строго покосился на нее Борька, - а по - настоящему...

Дня через два-три на утреннем собрании Галю Новикову, веселую толстушку Зою Бякову и важную Веру Карелину приняли в нашу бригаду.

Мальчишкам сначала было не по себе, что рядом оказались девчонки. Спустя некоторое время привыкли, словно так и было.

V

Однажды все члены бригады только-только покинули штаб для выполнения очередных заданий. С шумом, гиканьем оставили чердачное помещение, по гладким и скользким поручням перил скатились со второго этажа на первый, разбежались, рассыпались, как горох, по разным сторонам улицы.

Я побежал к бабушке Фросе Юдиной, ее надо было проводить в больницу. На полпути нас остановил тревожный звон колокола. Звон лился через всю улицу непрерывно и зовуще.

- Ну-у, что же ты застыл? - легонько тронула меня за руку бабушка Фрося.

Я посмотрел на нее в раздумье: «Что делать? Не оставлять же бабушку на полдороге».

- Беги, беги, стряслось что-то, - настойчиво добавила она, - а я тут вот, на лавочке посижу, подожду тебя, не умру, чай.

Я мигом сорвался с места и припустил к нашему дому. Меня догнал Валька Семечкин.

- Что случилось? - громко спросил он на бегу.

- Не знаю! - не глядя на него, крикнул я и пошпарил дальше.

С другой стороны размашисто мчался Полковник. Задрал рыжую голову к небу, стелил Солнышко, за ним - Гена Блинов и остальные. Один за другим ворвались мы на чердак.

В колокол изо всех сил била Галя Новикова. Ее голубенький бантик развязался, узенькие ленточки раскачивались в такт движению рук. Рядом, будто защищая Галю, гордо стояла невозмутимая Вера Карелина.

- Что такое?! - остановил Полковник бой колокола. Побледневшая Галя, не поднимаясь с пола, глазами показала туда, где висела карта. Там стоял Витька Генералов. Он по-кошачьи бегающим, настороженным взглядом заскользил по нашим лицам.

Давно мы не видели Косого, пожалуй, с тех пор, когда он трусливо сбежал в разгар игры в набат. Недобрая, худая молва слыла о Витьке. Слухи о темных, грязных делишках Генералова навевали на нас неприятное чувство, на девчонок они нагоняли страх. - Чего тебе тут надо? - вытянув длинную шею, твердым голосом спросил Борька Штурм.

Мы, подавшись вперед и крепко сжав кулаки, стояли рядом. В любой момент готовы были ринуться на Косого и поколотить его.

- Забудем прошлое, Полковник, общее дело есть, - торопливо проговорил Витька.

Мы разом облегченно вздохнули. Но от своего друга не отходили ни на шаг, при необходимости готовы были вступить в бой.

- Какое дело? - недоверчиво, но уже более ровно и тихо спросил Полковник.

Косой махнул рукой и подошел к проему крыши, откуда, как на ладони, дом Фоминых.

Дом дяди Мити Фомина - рубленый из круглого леса, высокая железная кровля мрачная, как грозовая туча. Худая слава шла дяде Мите. Будто бы в начале войны он притворился больным, «купил» медицинскую справку; и поэтому ему удалось миновать фронт. Сами Фомины людей сторонились, держались особняком, дальше своей избы - никуда, разве что на работу.

Засмотрелся Витька на усадьбу Фоминых. Потом отвлекся, неслышно опустил на место проемный лист, медленно повернулся к Штурму.

- Что? - не без тревоги, настороженно спросил Борька Косого, исподлобья посмотрев ему в глаза. Косой, пряча взгляд, тотчас отвернулся, но заговорил:

- Слышал, что люди треплют о Фоминых?

- Ну –у, слышал...

- Так вот, это еще не все, - продолжал Витька генералов, вновь бесшумно приподнимая железный лист проема. – Надо бы понаблюдать за ними, отсюда хорошо видно, да в наш журнал записывать.

Косой смолк, Борьке в глаза не смотрел, затаенно ждал его реакции, ответа.

- Для чего? – коротко бросил Полковник.

Косой будто знал, что Штурм задаст именно этот единственный вопрос, и тотчас продолжил:

- Он ведь кладовщиком работает, - цедил сквозь зубы Косой каждое слово перед самым лицом Полковника.

- Таскает социалистическую собственность, ворует. Кулак кулаком, тьфу! – с видом ожесточенности и ненависти плюнул он в проем кровли. – Поймать бы его надо...

Долго размышлял Полковник над его словами. Все, что говорил Витька, походило на правду: крепко жили Фомины, не под стать соседям. «Не по деньгам» - как говорили люди.

И все-таки Борька решил посоветоваться, собрал всех нас на чердаке.

- Не верю я Косому, что-то он придумывает.

Сидевший рядом со мной Вовка Зайцев вдруг вытянул, как на уроке руку.

- Что, Зайчик? – качнул головой Полковник, - говори.

- А папа мой рассказывал маме, что Фомин на базе ворует, только его за руку не могут поймать, вот.

- А я сам видел, - бойко вскочил с места Солнышко, - как дядя Митяй в рваном мешке ковер тащил и еще на меня цыкал, чтобы я близко не подходил.

- Я тоже против Фоминых, - подняв обе руки, крикнул Вовка Кудрявцев.

- Чего против-то? – улыбнулся Полковник. – Чего они тебе сделали?

- Я как зайду к ним во двор, Катька меня сразу же гонит, говорит, катись отседова, нечего глазеть.

- Это точно, - рывком поднялся за мной Гена Блинов. – Во двор они никого не пускают, мама говорит, у них зимой снега не выпросишь.

Каждый из нас знал о Фоминых то, что ставило их под глубокое сомнение, ставило далеко не в порядочный ряд. В сущности, об этом говорил и Витька Косой.

«Неужели он прав?» - тягостно, с подспудным недоверием думал Борька. Неохотно согласился Полковник вести наблюдение за домом Фоминых.

- Ура – а! – загалдели, запрыгали, забили в ладоши мальчишки. – Вот это здорово! Во! Интересно!

В тетрадь мы записывали, в котором часу дядя Митяй, его круглая жена и полногрудая дочь Катька уходили из дому, когда возвращались, куда прятали ключ от входной двери, какие вещи приносили в избу, кто и когда к ним приходил. Короче, записывали все, что видели.

На восьмой день, в полдень, услышали беспокойный, судорожный звон колокола. Многие из нас перед этим сигналом разбежались по домам, и не потому, что мы проголодались, и надо было обедать. Нет. Просто со стороны дома Фоминых на город заметно надвигалась тяжелая и темная как ночь туча. Сорвался холодный ветер, поднимая по обочинам дороги высокие непроглядные вихри песка и пыли. Вот-вот ухнет гроза. Но, услышав непрерывно зовущий бой колокола, мы пустились в штаб. Там был Полковник и заступивший утром на дежурство Зайчик.

- ЧП! – разом оглушил нас Борька, выпучив голубые глаза.

- Пропал дежурный журнал!

- Как! – возмутились мальчишки, сраженные неожиданной новостью. – искать будем, где-нибудь здесь!

Но так в растерянности и застыли. Прерывисто и нестерпимо ярко осветило чердак, лица парнишек, карту улицы. Жутко, совсем рядом, над головой треснул гром, будто за крышей что-то развалилось на огромные куски и поползло в стороны.

По крыше непрерывно загрохотало, бешено ворвавшийся ветер мгновенно сорвал несколько железных листов с кровли.

Мальчишки устремились вниз и скрылись в квартире Полковника.

Около часа по нашему маленькому смиренному городку хлестала гроза. Как из ведра, лил и лил дождь, порывами из стороны в сторону неудержимо метался свирепый ветер, прижимая к земле березы и кустарник, срывая с тополей и лип крупные ветви, унося их с невероятно огромной скоростью по улице или наотмашь закидывая в огороды и дворы.

Многие дома пострадали от буйной грозы. Полкрыши смахнуло и с нашего дома. Из штаба вынесло карту, вместе с чердачным коньком сорвало флаг. Вниз, во двор, упал колокол, насквозь промочило весь чердак. Все, что мы увидели, сразило нас до слез, до нестерпимой дрожи во всем теле. Наш командир Борька Штурм, окинув беглым взволнованным взглядом штаб, тоже не выдержал; медленно опустился на промокшую перекладину, немо и скованно смотрел сначала в сторону стола дежурного, а потом долго куда-то ввысь, в провал промытого неба.

Многое вынесла буря из штаба, многое мы не нашли, не нашли и журнал для дежурного.

Беда не приходит одна. На следующее после бури утро по улице прокатилось: «Обворовали дом Фоминых». Внезапное известие тревожно всколыхнуло всех. С какой бы недоверчивостью ни относились люди к Фоминым, многих беспокоило: «Мало войны, мало бурь, кто-то еще ворует, кто-то еще мешает жить».

И вот в доме тихо, украдкой, проползла весть: вор-то — Борька Штурм, Полковник...

VI

Борька шел впереди, за ним вышагивал милиционер. Рядом с Борькой смахивая рукой с лица слезы, торопливо шла его мать.

- Как же так, Боря, как же так? - с болью заглядывая в глаза сына, тихо повторяла Анастасия Петровна. - Военным, полковником мечтал быть, - эх, отца-то нет...

Наша команда кучкой торопливо двигалась поодаль. Мы ничем не провинились перед Полковником, но испытывали что-то такое, что заставляло нас стыдливо отворачиваться от прямого взгляда друга. Происходящее на глазах выбило нас из равновесия, мы оказались несильным и что-либо придумать и помочь Борьке.

Спас Солнышко, его вдруг осенило:

- Зайчик! - громко позвал он Вовку Зайцева.

И Вовка и мы тотчас остановились, повернулись к Солнышку.

- Че ты?! – недоуменно откликнулся Вовка.

- Ай да к твоему отцу!

- Зачем? Он же в больнице лежит, у него рана открылась.

- К Фоминым Косой залез!

И наш журнал он украл! Ясно?!

Круглое красное лицо Солнышка вытянулось, застыло.

- А ты видел? – тихо спросил Семечкин, прищурив темные, как вишенки, глаза.

- Не видел! – неугомонно кричал Вася. - Все равно его Косой украл! Помните, как он уговаривал Полковника наблюдать за Фомиными? Помните? Еще Борька тогда сказал, что Косой что-то придумывает. Помните?!

Мы плотнее окружили Васю Кулакова, призадумались, представили всю цепочку действий Косого, которую увидел Вася.

- Точно! Так и было! Правда, Косой! А кто еще?!

- Вовка! - вновь беспокойно позвал Солнышко. – Бежим в больницу, расскажем все дяде Ване, он знает Полковника. Не вор Борька, не вор!

Обрадованные, мы сорвались и бросились бежать вслед за Васей Кулаковым и Зайчиком. Дверь длинной, одноэтажной деревянной больницы, где лечился участковый милиционер дядя Ваня, оказалась запертой. Руками и ногами мы нетерпеливо застучали по ней.

Вышла высокая, худая женщина в белом халате и таком же колпаке. Взгляд ее был хмур и задумчив. Она показалась нам очень сердитой. Будто по команде мы отстранились от нее, но, вспомнив о Борьке и дяде Ване, осмелели.

- Тетенька! - дружно заговорили мы. - Нам дядю Ваню Зайцева надо!

- Что такое? - светло и улыбнулась она. - Что случилось?

Мягкая улыбка спрятала, растворила всю хмурость и строгость на лице доктора. Мы приободрились, еще настойчивее и громче просили ее вызвать дядю Ваню.

- Ну, хорошо, - спокойным бархатным голосом вымолвила она. - Сейчас.

Дяде Ване начали мы говорить наперебой, подняв невероятный галдеж.

- Ну, что вы?! - не выдержал участковый, взмахнув руками. - Рассказывайте по порядку, кто-нибудь один. Говори, Володя, ты, тебя слушаю, - тронул дядя Ваня за плечо своего сына.

Зайчик поспешно, но внятно рассказал отцу о Борьке Штурме.

- Что-о? - удивленно оглядел нас дядя Ваня.- Борьку увели? Не может быть. Вот что, хлопчики мои, дуйте домой, да далеко не убегайте, вы мне еще понадобятся, поняли?

- Ага, - утвердительно закивали мы. – Поняли.

Участковый, тяжело прихрамывая, пошел и скрылся в больнице.

Мы разбежались по домам, договорившись вначале, что через час соберемся вновь.

Дома меня огорчили. Неделю назад к нам из-за Урала приехал дядя, мамин брат, который уговаривал нас поехать жить к нему. Мама упорно отказывалась, не хотела уезжать из этого дома.

- Куда нам без таких милых людей? – говорила она.

А мне тем более не хотелось ехать, как я мог оставить своих друзей. Мне казалось, что без них я вовсе не смогу жить.

Едва я захлопнул за собой дверь, мама меня сразу же ошарашила:

- Завтра, сынок, уезжаем.

- Как? - задыхаясь, вымолвил я и прижался к косяку двери. - Как? Ты же говорила, что не поедem? Не поеду! Не поеду! - иступленно закричал я.

Ко мне подошел дядя, мягко обнял за плечи, что-то ласково, едва слышно сказал, постоял вместе со мной у двери...

...Провожали меня все мальчишки, не было только Полковника. Незаметно каждый стремился прикоснуться к моему плечу. Из глаз моих катились слезы.

- Держись, Рыжик, - негромко говорили они, крепко пожимая мне руку.

Так я расстался с друзьями детства.

VI

Прошло немало лет. Никогда мне и в голову не приходило, что здесь, на берегу Чёрного моря, встречу Витьку Генералова. Все-таки правду в народе говорят: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком...»

У меня сильно стучит сердце. Сейчас я не имею права отворачиваться от Генералова: мне неизвестна его дальнейшая жизнь. Кто он сейчас? Чем занимается? Как относится к людям? Встречал ли он друзей моего детства? Его отношение к ним? Ничего я не знаю.

Я взволнован, думаю об одном: «Как к нему подойти? Как начать разговор?»

Получилось просто: утром в дверь моей комнаты постучали.

- Разрешите, - услышал я густой голос. В комнату вошел высокий мужчина со знакомой мельтешащей косиной крупных глаз.

«Это он, Косой», - я тотчас пошел навстречу.

- Скажите, - раскатисто заговорил вошедший, - не Рыжов ли поселился перекуривать по-соседству?

- Никак, Генералов?- сдержанно подал я свою руку.

- Я, Рыжик! - неудержимо звучно и естественно засмеялся Виктор. - Вот повезло, вот повезло!

Мы вышли в сад, в тени вьющегося виноградника разговорились.

- Ты не забыл, Герман, ты не забыл? – настойчиво напоминал Генералов о своих бедовых похождениях в детстве. – Забудь, слышишь, забудь, я уже давно не тот, давно «завязал».

- Эх, Виктор, да разве такое забывается, - глядя в упор, с укоряющей ноткой в голосе отвечал я. – Лучше скажи, чем сейчас-то занимаешься? Кто ты?

- На фабрике вкалываю, помнишь ее гудок? Снабженческими делами ворочаю.

Я пристально и долго смотрел на Генералова. Его бесцветные глаза, как и прежде, мельтешили, но смотрели на меня откровенно.

- Слушай, Виктор, что ты знаешь о Борьке Штурме? Где он?

- О Борьке Штурме – то? – Генералов подвижными глазами колко посмотрел на меня, потом, отведя в задумчивости взгляд в сторону, сказал:

- Когда его в милицию увели, помнишь?

- Помню, конечно, - ответил я сразу. - Как не помнить...

- Участковый докопался тогда, доказал, что журнал-то ваш я украл. Борьку выпустили ли, меня судили.

«Так тебе и надо, - подумал я, - так тебе и надо».

Генералов перекинул ногу на ногу, помолчал, снова лукаво посмотрел куда-то вдаль, сквозь кустарник и вновь забасил.

- А Штурм поколотил меня за тот случай, здорово поколотил, а я и не рыпался - правильно всыпал мне.

Виктор смолк, крепко сжал губы, видимо, ворошил что-то в памяти; потом, круто повернувшись ко мне, добавил: - Видел я его в прошлом году у нас в городе, в гости он приезжал. Полковником Борька стал, как и отец, летчик.

Мое дыхание разом перехватило, дрогнул всем телом:

- Правда?! - удивленно спросил я.

- Не веришь, что ли? Правда, конечно...

«Борька, - шептал я. - Борька, Полковник...»

Забыв Виктора, который, едва заметно улыбался, смотрел и смотрел на меня, я вспоминал моего друга детства Борьку Штурма. Как и прежде, видел его долговязым, с длинными руками и голубенью в глазах.

VIII

В конце отпуска в родные места я не поехал. Испытывал такое, словно побывал там, будто уже встретился с мальчишками нашей улицы, повидался с ними. Меня вдруг пронзило беспокойство, что встретившись с друзьями детства, но уже взрослыми людьми, могу утратить то теплое волнующее чувство, которым наполнено мое сердце. Мне хотелось постоянно видеть друзей моих - мальчишек такими, какими их знал, с какими дружил.

Но с Борькой Штурмом обязательно когда-нибудь встречу, мне хочется посмотреть на него, на военного, на полковника. Ведь он мечтал им быть, он им стал!

Далеко не каждый из наших мальчишек осуществил свою мечту. Далеко не каждый...

Родная музыка

На посиделках нынче –
Все народ душевный.
На посиделках нынче
Празднует душа.
Она грустит, поет, тоскует,
Слагает песни и стихи.
Грустите, радуйтесь и пойте!
Отдушину своей душе откройте!

В детстве, будучи мальчиком лет девяти – десяти, я часто наблюдал с крыльца нашего дома, как протекает жизнь на улице. Внимательно смотрел на играющих ребятшек, на безоблачное небо, на кур, кокочущих и копающихся у забора; на коров, лениво плетущихся с пастбища; на соседей, колупающихся у своих изб.

Однажды, в горячую сенокосную пору, когда свежий остро-пряный запах разнотравья разлился по улице, к соседнему дому подъехала, нагруженная сеном, большая машина, из кабины которой ловко соскочил

высокий, стройный человек в военной форме. Это был капитан, его семья квартировала в доме, хозяин которого держал две коровы.

В небольшом смиренном городке, где я жил, стояла артиллерийская часть.

Вслед за первой машиной приехала другая, из ее кузова быстро выпрыгнули несколько молодых солдат со смуглыми лицами.

Капитан распорядился поставить во двор автомашину и показал сарай, в который необходимо сметать сено. Солдаты, как один, коротко взмахнули руки под козырек фуражек. А капитан быстро скрылся в доме.

Едва парни открыли борт машины, взяли в руки вилы, из открытого окна дома, со стороны улицы полилась музыка. Она передавалась по радио из солнечного Туркменистана. И молодых со смуглыми лицами солдат, которые были туркменами, от машины будто ветром сдуло. Они, отбросив в сторону вилы, мигом подбежали к раскрытому окну и, сбившись в кучку, внимательно, недвижимо слушали. Из окна лились тонкие, но звонкие голоса молодых девушек и переливающиеся звуки музыкальных инструментов. Мне были непонятны слова песни, но ее мелодия была такова, что я увидел бесконечное солнечное небо, бескрайние зеленые поля и сады, окунувшиеся в жаркое марево, и весело кружащихся в танце ласковых девушек.

На лицах солдат застыла светлая улыбка, наверное, в эту минуту вспомнили родную теплую землю, родной дом, своих любимых. Мысли солдат слились с музыкой, на миг забыли обо всем: о машине с сеном, о службе, в их солдатской жизни наступила та редкая минута счастья, которая могла бы вдохновить на много дней, они даже не заметили, как к ним подбежал, выскочивший из дома капитан.

- Почему прекратили работать? – закричал он натренированной, будто луженой глоткой.

Солдаты, словно очнувшись от счастливого сна, кротко и тихо, как если бы извиняясь, заговорили:

- Товарищ капитан... родная... наша музыка...

Капитан сердито сверкнул белками глаз.

- Разго-оворчики?! Неме-едленно к сену...

Будто побитые, молодые солдаты уныло один за другим пошли к вилам...

С тех пор прошло много лет, но каждый раз, когда я встречаюсь с каким-нибудь молодым офицером, тотчас вспоминаю молодых солдат, соскучившихся по своей родине, и того капитана с выщербленной душой.

Святое

Милости Твоей, Господи,
полна земля;
Научи меня уставам Твоим.
Время Господу действовать:
закон Твой разорили.

Псалтирь

1

Сколько помню, я никогда не спал в праздничную ночь Крещения Господа Бога. Особенно тепло всплывает в памяти мое ребячество: еще загодя мою душу и сердце пронизывало необъяснимое, но приятное чувство того, что ожидает меня в эту таинственную ночь, которая была единственной из всех ночей в году, когда я оказывался в кругу многих людей, объединенных ожиданием той загадочной минуты, запоминающейся на весь уже начавшийся год.

Мои родители искренне и истово верили в Бога; в светлом, переднем углу нашего дома всегда находились золоченые образа Пресвятой Богородицы и Иисуса Христа. Отец и мать строго постились и ездили за сорок верст во Владимир в Божий Храм. Иногда брали в церковь и меня. У высокого аналоя, перед крупным сияющим иконостасом, отец поднимал меня и заставлял целовать образ святого. После поста мы разговлялись, по

возможности, ели скромную пищу. Прежде чем сесть за стол, приближались к образам, неторопливо, задумчиво полагали на себя крестное знамение и творили поклоны. Если я по своему ребячьему неразумению что-то делал не так, или еще хуже - богохульствовал, отец строго на меня смотрел и говорил: «Кого сквернишь? Проси прощения!..».

Я послушно поворачивался к иконе и шепотом винился перед Боженькой.

Была у нас и Библия - крупная, тяжелая книга с красивым прочным переплетом. Эту книгу, как и другие, я читал в ночные часы под большим кухонным столом, накрытым просторной скатертью, края которой со всех четырех сторон свисали почти до пола, образуя под столом как бы замкнутое пространство. В свои мальчишеские годы меня за уши не оттащить было от книжки, так я любил читать. Но вечерами, после занятий в школе, отец настойчиво, строго заставлял меня учить уроки. И только ночью, втайне, я сползал с постели и, чтобы не разбудить родителей и двух моих младших сестреноч, бесшумно проходил из спальни в кухню, где прятался под стол, осторожно протаскивая за собой сначала книгу, а потом керосиновую лампу. Мне казалось, что там, под столом, меня никто не видит.

Но однажды, и тоже ночью, в шкафу, где хранилась Библия, я ее не обнаружил. Внимательно осмотрел все углы, полки, подоконники, ящики в отцовском столе - куда случайно могли положить книгу, - но безуспешно. Утром на мой откровенный прямой вопрос: «Где она?» - мама твердо ответила: «Нет ее, забудь, а то и стол, и весь дом спалишь».

Так резко оборвалось мое дальнейшее познание Закона Божьего.

Спустя годы я понял, что никуда Библия у нас не пропадала, моя мама спрятала ее, «чтобы я забыл, что она у нас существует, и чтобы меня не исключили из школы». Школа не признавала Бога, не признавала его каноны, боялась их как огня. Одно, нечаянно произнесенное слово «Библия», приводило школу в ужас, в содрогание от страха, у многих учителей вызывало оцепенение или болезненный трепет.

Мой дед, который нередко навещал нас и к которому я иногда прибегал накануне Крещенской ночи, чтобы познать ее загадочное таинство, любил перечитывать страницы Библии. Перед чтением он совершал крестное знамение, целовал книгу, затем бережно, неторопливо перелистывал страницы. Узнав о ее «пропаже», вспыхнул было, а после, выяснив причину исчезновения, подолгу не находил себе места. Его душа восставала против ложного подхода к Библии. А однажды он обнял меня и проговорил: «Жаль мне тебя, Артем...». Я не понял тогда, почему он меня пожалел.

Выучившись, встав на ноги, я вылетел из отцовского гнезда далеко в Сибирь, на ангарскую землю строить новый город. Мое расставание с домом, с родиной дед Дмитрий не одобрил.

- Што... - громко спросил он, сверкнув крупными глазами, - тута работы нет што ли?..

- Техникум направил, - коротко ответил я, отведя взгляд от деда, будто провинившийся.

- Напра-авил?.. - задумчиво вторил он. - В ссылку что ли?.. В былые годы в Сибирь-то, в ссылку отвозили... - затем он помолчал, тихо обвел взглядом моих отца и мать и, выпукло окая, продолжил: - Свои родные-то места нельзя на погибель-то оставлять... Ну-у, заместо тебя сюда чужой прикатит, а что толку-то... что ему чужому-то? Неродное оно и есть неродное. Пошто так поступать?.. - вновь взволнованно спросил он меня, его крупные седые брови вскинулись над глазами и, не дожидаясь моего ответа, досказал: - Так вот нелюбовью страну-то и опоганите, один - там, другой - тут.

Мудрый, любимый мой дед... эти его слова я еще вспомню.

В Сибири, в новом городе, праздник Крещения я встречал в кругу уже своей семьи. Кого-либо приглашать, даже близких знакомых, было небезопасно, так как в сознание людей настойчивей и настойчивей вбивался «пролетарский новый бог», которым пытались затмить нашего Спаса Иисуса

Христа, а вместе с ним Православную церковь, все ее праздники, все жизненные устои.

Но сколько ни прячь правдивое былое, сколько ни убивай, ни притворяйся, ни лги - ложь заметно и болезненно набухала, как нарыв, и волей-неволей наступало время ему прорваться.

Однажды я решил пригласить к себе на Богоявленскую ночь моего хорошего знакомого.

- Иннокентий! - радостно заговорил я. - С наступающим праздником тебя!

- С каким?.. - недоуменно спросил он.

- С Крещением Господа нашего Иисуса Христа! Слышал, наверное?..

- Слышать-то слышал... и знаю... только вот не приверженник я, хотя вовсе не отрицаю...

- Иннокентий, и все же приходи, - настойчиво приглашал я его, - приходи сегодня вечером, посидим, потолкуем, душу отведем... тем более ты обещал ко мне зайти, и посмотреть на мое обиталище...

2

Иннокентий - сибиряк, на ангарской неласковой земле родился, мальчишкой слушал песню глухаря, собирал грибы и бруснику на древнем высоком обширном, берегу, метко названном «бурундуками» Толстым Мысом. В Ангаре, совсем рядом, за усадьбой отца, ловил хариуса, в разном виде заготавливали его на всю зиму. На удивление вкусен хариус! В красный день или после крепкой баньки едят его и врасколотку мороженого, и соленого, и жареного, неплох и в горячей ухе. Хороша рыбка! Старики-ангарчане нередко рассказывают, что в былые годы, в стужу, наловленный хариус обозами, на санях увозили в Петербург, к царскому столу. Недаром до сих пор здесь, на ангарских берегах, хариуса называют царской рыбой.

В тайге наколачивали кедровый орех. Возле дома выращивали помидоры и огурцы, другую зелень.

Недалеко от деревни, где родился Иннокентий, строили город. Поднимался он за Ангарой белоснежный, как корабль, и глаз радовал. Здесь Иннокентий заматерел, как крепкий кедр, тут собирался жить до конца своих дней.

За последние годы Толстый Мыс стал опорой для вытянувшейся поперек Ангары длинной гребницей плотины гидростанции. Тайгу на мысе повалили и вместо деревьев затащили на высокий берег электромачты, похожие на огромные, вытянувшиеся в небо, хвощи.

Поодаль от плотины, вопреки всему живому, втиснули завод, нередко источающий по всей округе зловоние и изрыгающий в Ангару отраву; завод, жадно пожирающий смолистую сосну, непрерывным потоком доставляемую из тайги.

Валили и валили тайгу, сдирали повсюду ее, как шкуру с убитого зверя. По берегу лес тоже сбрили подчистую и рассыпали вдоль Ангары строительные базы попеременно с временным нищенским жильем.

Познакомился я с Иннокентием в начале лета, на обрывистом берегу Ангары у строящегося мрачного гидроузла в пасмурный ветреный день, когда из-под плотины, через холостой слив, точно из пушки, бешено вырвалась вода. Потеряв в лёте скорость, всю тяжестью ухнула на широкую темную ангарскую течь, которая, будто от сильного взрыва, лопнула, вскипела и серым густым огромным облаком с шумом взметнулась к небу.

И хариус, тысячи хариусов, стремительно поднимавшиеся, как и в прежние годы, с низовья вверх, в ангарские притоки на нерест, остановились и скопились тут, у серой глухой стены гидростанции, оказались словно в ловушке, потому что дальше ходу рыбе не стало. Кишмя кишащая, принявшая на себя всю водяную массу, рыба безжизненно опрокинулась, сверкнув серебром брюшков, и вновь и вновь попадала под удар огромного водопада.

Мощные потоки воды в трудном движении, как бы в муках, отклонялись в стороны, выгибались, завихрялись, образуя воронки,

выбрасывались вверх, вышвыривая окровавленных хариусов на пенистые гребни бурунов, над которыми, будто в ужасе непрерывно витали и жалобно плакали чайки. И понесло битую, оглушенную рыбу плотной, сильной холодной течью вниз, к мосту, где ее без особого труда вылавливали местные рыбаки.

- Плакать надо, а им хоть потоп... - услышал я за спиной мужской голос. Обернулся. За мной стоял мужчина лет тридцати пяти с круглой рыжей бородкой и карими, но потухшими то ли от усталости, то ли от душевной боли глазами.

- До чего докатились... - горестно покачивая головой, возмущался он, - тут бьем, там топим, жгем и травим. Для чего живем?

Я тоже негодовал. Мы разговорились, после время от времени встречались, подолгу откровенно беседовали.

Изменения, происходящие в родном крае, не радовали Иннокентия, и с некоторых пор он начал поговаривать о том, как бы махнуть отсюда куда-нибудь подальше, чтобы глаза здесь ничего не видели. Слушая, я понимал, что Иннокентий в чем-то прав, но его стремления оставить родину не одобрял, старался перевести разговор на другую тему и однажды, как бы между прочим, тихо намекнул, что «человек нужен там, где рожден...».

3

Пока я грел самовар, собирал на стол, Иннокентий стоял в большой комнате у стены, где рассматривал две картины, написанные маслом и обрамленные в недорогие багетовые рамки. На одном полотне мой портрет, когда мне было четырнадцать лет. Портрет написан моим школьным учителем по рисованию, художником Николаем Михайловичем Виноградовым. В школьные годы меня влекло к творчеству: подолгу, в уединении, я сидел на берегу у старой мельницы и мечтал, писал стихи, читал и рисовал. Николай Михайлович заметил мою тягу к природе, к живописи и как бы случайно тоже приходил к старой мельнице, здоровался

со мной за руку, пристально рассматривал кусты ивняка и черемухи, шумно падающий водопад с колеса мельницы, дугообразный мост через неширокий зеленый приток реки, затем раскладывал рядом со мной этюдник. Не отрываясь, я подолгу смотрел, как художник живо и умело смешивает кисточкой на палитре краски и уверенно наносит мазки на тугий холст.

- Рисуи, рисуи, Жаворонок, - плавно растирая краски на полотне, спокойно говорил он мне, - рисуи...

«Жаворонок» - так прозвали меня в школе за мой маленький рост и жизнерадостный нрав.

Николай Михайлович отступал на шаг-два от этюдника, прищуривался, смотрел сначала на сверкающую излучину, песчаную отмель, простирающуюся вдоль противоположного берега, на сохранившийся с начала века мосток, потом переводил взгляд на полотно и, чуть склонив голову к плечу, внимательно рассматривал штрихи своего этюда.

Когда я видел теплый внимательный взгляд художника, направленный на тихую речку, безоблачное небо, молодые кудрявые дубки или на человека, с которым беседовал, то вспоминал его слова о том, что многие люди имеют великолепные глаза, смотрят ими, но не умеют или не хотят видеть. Из-за этого они многое теряют: не замечая прекрасного в окружающем, не постигают душу родного края, постепенно сердце свое облачают равнодушием, черствеют.

Я молча наблюдал за учителем и делал, как он: сощурился, неотрывно, сосредоточенно смотрел на протоку. На быстринке, под вечерними лучами солнца алела мелкая рябь. Временами при полном затишьи рябь расползалась, сходила на нет; и, наоборот, при наскоке ветерка зеркало быстринки морщилось и дрожало. Под крутым бережком - будто омуток, в который смотрелись невысокий ивовый куст, зависшее над головой светлое облачко, кусочек бирюзового неба... В одном небольшом пятачке реки сколько красок, сколько оттенков, сколько вобрано жизни!..

- Быть тебе, Жаворонок, художником, - вдохновлял он меня добрым словом, замечая, как я быстро улавливаю и применяю в деле его приемы.

Но художником я не стал: далеко не все в жизни складывается так, как мечтаешь. Вот и меня не по своей воле понесло в иную степь. От кого-то я тогда услышал, что детское горе непродолжительное. Неправда, оно, такое горе, гнетет человека всю жизнь.

В тот же невеселый, но теплый день, когда мне вручили свидетельство об окончании семилетки, с чем и кончились мои счастливые школьные годы, ко мне тихо подошел Николай Михайлович.

- Артем, - светло улыбнувшись, сказал он, - пойдём ко мне...

И я пошел. Два дня бегал к нему; два дня он старательно писал с меня портрет. Закончив работу, на обороте холста написал: «Жаворонку. Н. Виноградов. 1953 год». И продолжительно, задумчиво посмотрев мне в глаза, дописал: «Туго придется, взывай о помощи». И обняв и поцеловав меня, как сына, протянул портрет.

Вторую картину Николай Михайлович подарил мне, когда я был на своей родине в отпуске и посетил старого друга-учителя. Из многих работ он предложил мне выбрать любую, и я остановился на той, увидев которую, у меня закружилась голова. Картину эту Николай Михайлович писал при моем участии, и, как сейчас помню, мы дали ей название «В крещенскую ночь».

- Да-а, Артем Степанович, не ожидал, что эту выберешь, - всплеснул руками мой учитель, - надумал я было передавать ее в местный музей... Но что делать, уговор дороже денег, - и, вручая мне холст, досказал: - верится мне, что картина попала в надежные руки, и придет время, может быть, и сам передашь ее в наш музей.

Я понял друга-художника, обещал его просьбу выполнить.

Неотрывно глядя на картину, я вспомнил, как мы зачастили зимой к нашей речке; то на одном берегу разложим этюдники и пишем, то не спеша побродим и остановимся на другом...

- Нет, не то... - громко скажет Николай Михайлович, закончив этюд и неторопливо, тщательно протрет кисти, - не то, Артем, не то-о...

-Что вас мучает, Николай Михайлович? - серьезно, как взрослый, спрашивал я, понимая, что художник мысленно прикидывает, ищет место для этюда к новой картине, но не может пристать; и своим вопросом я как бы намекал ему, что, может, я подскажу.

- Надумал я, Артем, писать полотно... но никак не причалю, не могу найти, откуда плясать, - словно прочитав мои мысли, сказал он и раскрыл мне свою задумку.

Не подумайте, что я хвастаюсь, однако, вообразив содержание картины, я тотчас подсказал место реки, где можно попробовать.

- А что... - задумчиво проговорил мой учитель, - возможно, это и есть то, что мне надо...

Мое сердце растеплело: я радовался тому, что понимал друга-художника и что он прислушивался ко мне, как к равному.

- Ну-у, Артем, - продолжал он по-деловому, - теперь помогай искать мне натурщиков.

Так мы начали работать над этим полотном.

На холсте - разгар зимы; неширокая наша речка, берега которой высоко засыпаны снегом; возле ближнего берега - покосившийся деревянный плотик для полоскания белья; вправо и влево от него, во льду - проемы, вокруг которых скопились люди; в центре толпы, с воздетыми над головой руками, священник. С темного, но чистого и звездного неба на весь многолюдный, оживленный мирок равномерно и спокойно сыплется лунный свет. Вот бежит от проруби к берегу прямо на меня, в крупной шапке-развалюхе, как толстовский Филиппок, мальчонка, в котором я узнаю себя. У края проруби, опираясь на колено, поднимается молодая женщина. Это моя мама. Напротив мамы, у другого края проруби, стоял мой дед Дмитрий в высоких, с широкими голенищами, светлых валенках, на плечах тоже светлый овчинный полушубок. Дед, подняв голову, смотрел в звездное небо и правой рукой

совершал крестное знамение, левую прижал к груди, придерживая густую бороду. Рядом с ним черпал воду из проруби мой отец. Многих и родных и земляков увидел я на том дорогом холсте.

Картине, которую подарил мне Николай Михайлович, нет цены. В ней все неразрывно связано со мной, с моей сердечной памятью. Все, что во мне есть хорошего, зародилось и завязалось тут, на этом клочке Руси, изображенном кистью художника. И прав мой учитель, отметивший, что для него это святой уголок. Святой он и для меня.

...Я пригласил к столу Иннокентия, который с смиренно-застывшей улыбкой стоял уже у противоположной от картин стены, у книжной полки: взяв книгу, не без любопытства открыл ее на той странице, где мною вложена закладка; бегло прочитав несколько строчек, закрыл и вновь поставил на место. Я заметил, что его увлекли не сочинения моих любимых писателей и не толстые альбомы с репродукциями известных художников, а смотрел он книги и брошюры о Русской православной церкви.

За столом, затаенно улыбнувшись, Иннокентий поздравил меня с Крещением.

- Артем, - сказал он далее, неторопливо размешивая кофе, - твое увлечение живописью мне понятно, но, судя по книгам, закладкам в них и многочисленным отметкам, вижу твой большой интерес к Богу, к Церкви...

- Да, действительно... - ответил я после некоторого молчания. - Я убежден, что Бог должен быть в каждом из нас, внутри каждой души. Имея, как говорится, Бога в себе, соблюдая его правила, человек стремится к нравственной чистоте, обходит ложь, идет к правде. Еще в свое время Александр Невский говорил: «Не в силе Бог, а в правде».

Гость мой порывисто поднял голову, в упор направил на меня любопытно-вопрошающий взгляд. Я понял, что необычный, но прямой мой ответ задел Иннокентия за живое, заинтересовал его. И тогда я сказал другу, что дело вовсе не в слепой вере в Бога, не в слепом торжестве церковного праздника, а дело в раскрытии сути, понятии ее, умелом отборе в старой

традиции того, что может помочь нам преодолеть наши заботы, наши жизненные неурядицы и проблемы.

4

Меня хлебом не кормите, дайте только возможность найти и прочитать книгу, журнальную или газетную статью об истории Русской православной церкви. Втридорога, и ничуть не сожалея, приобрел Библию. Перечитывая ее страницы, каждый раз убеждаюсь: хорошее новое - хорошо забытое старое...

В свой еще небольшой век, где бы ни был я - в городе, селе ли, - везде сначала интересуюсь, имеется ли церковь. И посещаю ее. Неторопливо поднимаясь на широкую паперть, чуть склоняю голову и затем, так же не спеша, но не без волнения, проникаюсь таинством и покоем, торжественно объявляю высокие расписные свода и стены храма. Здесь же покупаю три тонких восковых свечи, укрепляю их на подсвечники и зажигаю в память об отце, матери и деде. Перед ярким иконостасом, перед большими образами в золотых ризах останавливаюсь, склоняю голову, горячо молюсь, стремлюсь забыть окружающий суетный мир. Сосредоточиваю мысли на то, чтоб моя душа соприкоснулась с Богом, каюсь перед ним за свои грехи, прошу, чтобы дал здоровья моим ближним.

Побывав в церкви, чувствую: становится легче, свободнее, моя душа будто приобретает крылья, а совесть очищается.

- Иннокентий, - заметил я, - ты сейчас удивился тому, что я сказал, подумал, наверное: «Ну-у, Артем Степанович, дает прикурить. Никогда бы не догадался, что в Бога верует...» Кстати, расскажи я так откровенно о своем равнодушии к Богу, к Церкви несколько лет назад, некоторые тотчас посмотрели бы на меня высокомерно, с недоумением, а может, брезгливо-недоверчиво и даже с опаской. Утверждаю это не голословно, знаю, такое бывало, да и сам в первые годы самостоятельной жизни попал в такой переплет, что по сей день, как вспомню, волосы дыбом встают, не от страха, нет, а за поступки тех людей, которые Бога не чтит и умом своим не жили. Да, как говорят, бог с ними.

Неравнодушен я к церковным праздникам и обычаям. Они напоминают о добре, внимательности друг к другу. И дай Бог, чтоб никогда насильно не ломались простота и привлекательность в сложившемся веками укладе народной жизни, не канули замечательные традиции, народные правила воспитания, поведения человека в семье, со старшими, в обществе, короче, везде. Церковь всегда внушала и внушает людям о том, чтобы беречь окружающие нас земли, воду, леса и воздух, и все живое в них, сознавая все это как святое.

Многое из моего детства связано с церковью, с ее праздниками. Уверен, из памяти моего поколения, и тем более старшего, никогда не выветрится ежегодное торжество христиан - Светлое Христово Воскресенье, или Пасха - проводимое с освященными куличами, караваями... Не забудется день памяти Рождества Христова, праздник Святой Троицы - Троицын день, накануне которого дружно сажали березы под окнами домов, за околицей деревни, вдоль дорог; в Троицу убирали цветами и лентами березку, вокруг нее весело хороводились разнаряженные девушки и парни. Радостно пели:

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут,
К вам красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.

В Троицын день люди украшали березовыми ветками, цветами окна и крылечки домов, затем шли в церковь и помогали украшать ее...

Но для меня особенно привлекателен праздник Крещения Господа, или, как в народе называют, - Крещение.

***

Я замолчал, окинул друга быстрым внимательным взглядом. Иннокентий слушал меня с таким откровенным, но теплым любопытством!

Какие у него удивительные глаза! Мне вдруг показалось, что его мысли, его душа высвечивали в его взгляде.

- Ну-у, что же ты молчишь? - улыбнулся мой гость. - Рассказывай.

- Подожди, - весело ответил я, - сейчас подогреем самовар, а там не грех и далее...

5

...В Крещенскую ночь на речке, которая выписана на холсте Николаем Михайловичем, без каких-либо громких сборов и призывов собиралась тьма людей: и старые, и молодежь, и дети. Еще днем туда дружно стягивались мужики - прорубщики, сбрасывали с упругих плеч полушубки и весело, охотно рубили топорами и пешнями лед: готовили проруби, и не одну, а три-четыре и более.

Моя мама говорила не «проруби», а «пролуби», не «прорубщики», а «пролубщики».

- Почему так? - вопросительно поднимал я на нее глаза.

- У нас в деревне, - отвечала она, - издревле так говорили, а почему - не знаю, пролуби да пролуби.

А отец, подшивая у окна валенки, прислушивался к нашему разговору. Будто выручая маму и подтверждая, что прорубь действительно называли пролубью, он напевал:

У пролубки две голубки воду пили, целовались;

Улетали, возвращались, снова пили, целовались...

Я поворачивался к отцу и смущенно улыбался.

- А вот отгадай загадку, - весело говорил он мне.

- Какую?

- На пролубке - две голубки.

Я долго смотрел в глаза отцу, задумчиво чесал затылок.

- Не знаю, - стеснительно пожимал плечами.

- Миска со щами, а в ней две ложки, - приблизившись ко мне, отвечал отец, громко смеясь. Запрокинув голову, я тоже радостно хохотал.

К полночи прижимал крещенский мороз, но он не останавливал народ, не загонял его в теплые избы; напротив, мороз ждали, к нему готовились, ему радовались: какое же Крещение без мороза! Теплее одевшись, спешили к речке, к прорубям, с ведрами, высокими четвертями, пузатыми бутылками, бидонами. Торопились за святой водой. Приближались вплотную к проемам - не терпелось увидеть Господне Крещение: ровно в полночь вода в проруби сама должна была колыхнуться.

За несколько минут до полуночи к центральной, самой крупной проруби верующие сопровождали высокого священника, одетого в темную длинную рясу.

- Смотри не обгоняй, - тихо предупреждала меня мама, - грех на душу примешь...

Ни священника, ни молящихся мы не обгоняли, однако, и вслед им смотрели как на святое провидение, свалившееся сюда, на лед, со звездного неба.

- Поздно батюшка-то пришел, - едва слышно, но не без упрека говорили между собой богомольные женщины, стоявшие неподвижной стенкой поодаль от пути, по которому спешил священник.

- Не ближний свет, из самого Владимира приехал, - как бы оправдывая его, ворковали другие.

- Да-а, жаль свово-то нет...

Я понимал, о чем тужил народ: по своей ли воле или по чьей-то указке решила местная власть взорвать, чтобы и духу не было, пятиглавый белокаменный собор, стройно возвышавшийся в центре нашего небольшого города. Немало пролито горьких слез в тот день, когда безжалостно сбрасывали с церкви колокола и золотые купола. Стены же величавого собора несколько дней не поддавались никакой взрывчатке, они словно и вправду были святыми. Но оголтелые все-таки одолели, уничтожили храм, а в центре кладбища, густой зеленью примыкавшего к церкви, как бы в

усмешку, наспех сколотили танцплощадку. Вот с тех пор и не стало батюшки в нашем городе.

Ровно в полночь, когда народ, замерев, напряженно, пристально всматривался в темную прорубь, кто-то из людской гущи неожиданно выкрикивал:

- Колыхну-улась!.. Колыхну-улась!..

Каждый раз с неудержимым волнением стремился я не пропустить тот момент, когда колыхнется вода. И каждый раз мне не удавалось его уловить. Но короткое незвонкое бульканье в проруби, где-то у ее противоположного невидимого края, слышал.

Люди спешили брать святую воду. Многие стремились зачерпнуть первыми. Отец мне рассказывал, что первым вода достается не только святая, но и чистая, как слеза. Мама набирала воду около священника - святее там что ли? Она неторопливо опускалась на колени у края проема, наклонялась и наполняла четверть. Рядом с мамой набирали другие женщины: и старше ее, и моложе. С другой стороны проруби опускали посудыны в воду мужики и мы - ребяташки. Двигались неспешно, краем глаза поглядывая на батюшку. Тот, остановившись у края проруби, после минутного сосредоточения, воздевал руки к небу и начинал молитву со слов благодарности Богу за милость жизни, за преподношение народу святой воды, чистого неба и всего, что под ним. Затем он осенял людей крестом и благословлял. Через некоторое время батюшка повторял свою молитву.

Наполнив посуду святой водой, люди отступали от прорубей, но домой не расходились: молча поднимали глаза на открытое, звездное небо и молились или что-то шептали.

- Задумай, сынок, и помолись, сбудется, - тихо на ухо говорила мне мама.

Я не крестился, но поднимал голову, смотрел на чистые, будто умытые святой водой звездочки и что-то нашептывал.

- Ну-у, задумал?.. - помолившись небу и поднимая со льда четверть со святой водой, спрашивала мама.

- Задумал, - конфузливо отвечал я.

- Что же?

- Пусть папа мне коньки купит...

- Где же денег-то взять, сынок?! - словно чего-то испугавшись, торопливо выговаривала она.

- Ты сказала задумать, я и задумал...

- Ну ладно, раз задумал, значит, будут тебе коньки, - легко вздохнув, сказала мама.

Новенькие коньки мне скоро купили.

Каждый загадывал свое, сокровенное. Девушки, мелко крестившись, грезили, чтобы в наступившем году влюбиться и выйти замуж. У замужних женщин свои тайны: и грустные и радостные. Мужчины тоже, задрвав головы к небу, тихо улыбались, думая о своем.

Дома отец осторожно ставил бутылку на стол, ближе к живому языку керосиновой лампы, долго и пристально смотрел сквозь стекло бутылки на прозрачную влагу.

- Ни пузырька, ни соринки, - заключал, подмигивая мне, - святая!.. Мама ставила на стол три стакана.

- Налей.

Он, бережно обхватывая двумя руками высокую бутылку, наливал.

- Ладно, — останавливала мама, - а то не хватит, год-то он ого-го-о какой... до следующего Крещенья еще дожить надо...

Я, как и мама, пил долго, наслаждаясь свежестью воды, и как бы проникался таинством ее святости. Отец выпивал быстро, после шумно кричал и, приложив широкую ладонь к животу, удовлетворенно восклицал:

- Вот это води-ица!.. Свята-ая!..

Затем старательно, плотно закупоривал четверть и осторожно лез в погреб.

- Поставь как следоват, - кричала мама сверху, - чтобы не разбить!
Поздно ночью, когда я калачиком сворачивался на покой в своей кровати, приставленной к теплому боку высокой русской печи, слышал негромкий ласковый голос мамы:

- Ну что, отец, крестись да в постель ложись...

Отец не только крепко верил в Бога, но и хорошо знал праздничные приметы, и был убежден в их силе.

- Собаки заливаются-я... - умиротворенно говорил он, - зверья-я, ди-ичи будет, - и, укутываясь плотнее одеялом, добавлял: - э-эх, мать, и поохочусь...

Через две-три минуты он, будто уже во сне, тихо молвил:

- И небо сегодня звездистое: и грибов и ягод наберем...

6

Святую воду попусту не тратили, только на дело. Помню, у моей младшей сестры заболел глаз. Не повела ее мать в больницу: бережно достала из подвала бутыл, тщательно сверху донизу протерла ее чистой тряпкой, осторожно налила воды в мелкое блюдце, из которого промыла больной глаз. На следующий день промыла еще раз. Дней через пять-шесть прошла болячка, заблестел глазок! Насколько же была чиста вода в нашей речке! Охраняли, берегли предки воду, недаром ее святили, понимали, что без чистой воды не прожить ни людям, ни всему, что в воде и вокруг.

Я часто помогал матери полоскать стираное белье на том плотике, который изображен на картине. Однажды летом, выполнив все мамины просьбы, я отошел к широким деревянным перилам. Облокотившись на них, долго смотрел в прозрачную толщу воды, сквозь которую отчетливо видел песчаное дно, пестрые камешки, спокойно плавающих красноперок, будто дремлющих среди водорослей полосатых окуньков. Без дела стоять я устал и начал плевать в воду. Незнакомая пожилая женщина, полощущая белье, тронула мою маму за локоть.

- Смотри, что твой вытворяет...

Мама тотчас обернулась, быстро поднялась и вскользь двинула мокрой ладонью по моему косматому затылку.

- Что ты делаешь?! Поганишь воду-то... Чтобы я больше не видела! - трясла она сердито пальцем перед моим лицом. Никогда в жизни после этого я не плевал в воду.

Некоторое время мой отец работал конюхом в городской пожарке. В теплые летние вечера мы выводили коней на водопой к речке. Поили всегда на одном месте и, боже упаси, если кто-либо нарушит установленный жителями города порядок.

Однажды на берегу разместился цыганский табор. Прискакав к водопою, мы увидели, что молодой курчавый цыган поит лошадей в «святом» месте. Отец - с места в карьер.

- Здесь нельзя! - крикнул он с коня. - Туда ведите! Там можно...

Цыган крутанул густой копной темных, как деготь, волос, злобно сверкнул крутыми белками глаз.

- Пшел-л! - коротко махнул он рукой.

Но отец был не из трусливых, пройдя всю войну, он многое повидал и перенес, поэтому мог насмерть постоять и за себя и за людей. Лихо спрыгнув с коня - бегом к цыгану.

- Нельзя тут! Здесь дети купаются! Туда ведите! - показал он взглядом в мою сторону.

- Пшел-л!.. - замахнулся кулаком цыган.

Тотчас отскочив в сторону и ловко поймав руку цыгана, отец потряс перед его горбатым носом своим крупным, как гиря, кулаком.

- Уводите коней туда! Мать вашу душу! - кричал отец.

На следующий день цыгане поили своих коней на водопое. Курчавый цыган добродушно, широко улыбнулся отцу. И отец и я ответили тем же.

Сколько помню, крепко-накрепко отложилось одно - вода святая, вода должна быть чистой. Об этом мне говорила не только мать, показывал пример не только отец; неназойливо, незаметно внушал то же мой друг-

учитель Николай Михайлович, с которым я на все лето уходил в путешествие по нашей спокойной речке на лодке с размашными веслами до самой Клязьмы, до самого города Владимира.

Но особенно часто я вспоминаю деда Дмитрия.

7

В трех-четыре верстах от тихого города, где я рос, недалеко от притока той реки, из которой мы черпали святую воду, выгнулась веселая деревня Бережки, в ней и жил мой дед Дмитрий: крупный, крепкий, и с бородой, как широкая лопата. Я часто прибежал к нему.

- Что, Жаворонок, прилетел?.. - негромко говорил он, ласково улыбаясь одними глазами и неторопливо поглаживая густую бороду.

- Раков, чай, хочешь?

- Ага-а, - радовался я, прижимаясь к деду.

- По-ошли, - протяжно окал он.

Дед брал в сенях своего дома большое чистое ведро и шел, я, босой, торопился за ним. Шагали по узкой, прогретой солнцем тропе мимо длинных гряд моркови, капусты, укропа, затем миновали густо разросшийся картофельный участок, за ним, вдоль упругой невысокой пшеничной полосы, выходили к неширокой тихой речке - притоку той, которая изображена на моем холсте. Идя по усадьбе, дед слегка касался рукой до травинок, как бы гладил их, неслышно разговаривал с ними. Глядя на дедушку, вытягивал в сторону руку и я, ласково проводил ею по нежным кисточкам укропа, мягкой ботве моркови, плотным, увесистым колоскам пшеницы. И все, что зеленело, и бесконечное звонкое небо, и легкие облака, и мы с дедом были пронизаны единой музыкой природы, ее единой нескончаемой симфонией. Дед Дмитрий оборачивался, ласково взглядывал на меня; налетевший теплый ветерок сбивал в сторону пряди его длинной бороды, а недалеко от деда, на старой, но густой березе вздрагивали гибкие, тонкие ветви.

На берегу, у высокой плакучей ивы, среди густой сочной травы, дед стаскивал с себя рубаху, облекавшую его крупное тело, сбрасывал легкие

лапти, которые плел сам, загибал выше колен широкие штанины холщовых брюк. У самой воды долго вытирал ноги о траву.

- Де-еда! - громко удивлялся я. - Ноги же чистые!

- Чистые, го-во-ришь? Однако не чище этой водицы, - окаяющим говором отвечал он, - а там раки живут, вдруг заразу каку затащу, - дедушка, опершись рукой о берег, не спеша, осторожно заходил в речку. Посреди ее останавливался, подолгу смотрел вниз, в воду, будто проверял, чем там, на дне, занимаются раки, как они живут. Затем наклонялся, шарил рукой под берегом, без боязни вытаскивал крупного темного рака и укладывал его в ведро. Я нетерпеливо стоял на берегу, меня трясло от радости.

- С десяток хватит? - спрашивал дед, ухмыляясь и поправляя бороду.

- Хватит! - громко отвечал я, жмурясь от солнышка, отражавшегося от речки. Я слышал, как раки шумно шелестели о стенки железного ведра. Дедушка внимательно считал.

- Чертова дюжина!.. - махал он рукой и, цепляясь за высокую траву, неуклюже вылезал из воды.

Варили раков на костре, в этом же ведре. Сваренные и порозовевшие, они меня не пугали. Они уже не могли схватить за палец цепкими, острыми, как иглы, клешнями. Я любил мясо клешней и хвостика, который по незнанию называл шейкой.

- Деда, - спрашивал я, - а ты чего любишь?

- Бутор, - лукаво улыбаясь, отвечал он.

Дед неторопливо, но ловко отрывал клешни, шейку и подавал мне. «И почему он любит бутор? - удивлялся я. - В нем и мяса-то нет, одни потроха».

Недалеко от костра, в речке у берега выбивался ключ, образуя на поверхности воды небольшой бугорок. Рядом, на сучке невысокого березового деревца висела берестяная кружка, которую смастерил и принес сюда дед Дмитрий.

- Чтобы носом в воду не лезли, - коротко и понятно объяснял он.

Здесь мы пили. Я ложился на берег, окунал руку в речку, где непрерывно бил ключ. Фонтанчик гладил мне ладонь.

- Как живой! - радостно кричал я.

- Он и есть живой! - приседая около меня, говорил дед Дмитрий. - Тут все живое, тут все святое!

Напившись, я подавал наполненную кружку деду. Встав и подняв голову к разомлевшему небу, и перекрестившись, он пил. Крупные капли ключевой воды скатывались на его густую бороду, играли на солнышке.

- Ой, внучек, го-о-о, - нахваливал он воду и просил меня, чтобы зачерпнул еще.

Молча и не торопясь, мы возвращались домой, забирались на сеновал, где счастливо укладывались на душистое мягкое сено, скошенное и высушенное дедом на берегу той прозрачной святой речушки, где мы ловили раков.

- Го-о-о-о... - тихо, но отчетливо повторял дед, закрывая глаза и засыпая. Я прижимался к нему, слушая, как он шумно дышит, и радовался тому, что у меня такой изумительный дед.

***

Много тепла дал моей душе дед Дмитрий. Он часто навещался к нам в гости. И отец, и мать, и я любили деда, до последних дней чтили его.

Однажды он пришел к нам, как дедушка Мороз, накануне Нового года. Поздно вечером улегся со мной спать на теплой русской печи, обняв меня твердой, будто из дерева, рукой.

- Деда, - тихо говорил я в его густую бороду, щекочущую мой нос, - расскажи святую историю...

Носом и щекой я чувствовал медленное движение его бороды: так всегда было, когда он улыбался.

- Историю, бачишь? - задумчиво говорил дедушка перед моим ухом. - Ты мне, Жаворонок, вот что скажь: почему тетрадки-то расшвырял? И портфель валялся под столом...

- Завтра соберу...

- Соберу-у, соберу-у, - корил меня дедушка, - втянешься так-то, непутевым станешь.

И как бы для подтверждения правоты своих слов рассказал «святую» историю. Он обычно так и говорил: «Вот послушай святую историю».

Через два дома от усадьбы деда Дмитрия стояла изба Кузьмы Демидова. Высокий и согнутый Кузьма походил на длинный ржавый гвоздь. Дед называл Демидова нескладным мужиком. Кузьма сам давал этому повод. Привезет, бывало, дров на зиму и недели две-три не складывает их, а сложив, не прибирает с дороги у дома мусор. Или поработает во дворе топором, да там, где рубил им, там и бросит. Застеклив осенью окна своей избы, осколки бросал за баню, в густую траву, или в речку, где мы ловили раков.

- Не грехи, Кузьма, убери из речки стекло, - негодовал дед Дмитрий, - с каким сердцем в Крещение сюда придешь?

Тот озлобленно отмахивался и уходил к себе.

«Да-а... добра от соседа ждать, как от вербы яблока... - еще раз убеждался мой дед в неисправимости Демидова и лез сам в воду, выбирал ржавые гвозди, осколки стекла, уносил их на свалку, закапывал, - подожди, Кузьма, подожди, Бог все видит, Бог все припомнит...».

В неприветливое утро в дом к деду постучалась жена Демидова, бабушка Мария.

- Заходи, заходи, - как и всегда, спокойно приглашал соседку дед Дмитрий, - да на тебе лица нет...

- Митрий Николаич, - убитым голосом заговорила она, - корова, Ромашка-то моя, что-то чахнет, не ест, не пьет, взглянул бы...

Для доброго дела дед никогда и никому не отказывал, не отказал и сегодня. Покряхтывая, натянул на ноги высокие яловые сапоги, смазанные душистым дегтем, пошел за бабушкой Марией.

- Пропадет, не спасти, - осмотрев Ромашку, коротко сказал он, как будто полосонул по живому косой, - пока не поздно валить надо.

Исстрадавшаяся бабушка Мария, уронив в сухие ладони почерневшее лицо, горько и громко заплакала.

Не стану рассказывать, как валили Ромашку, - тяжело разделав бедную животину, дед Дмитрий обнаружил в пищеводе старый кривой гвоздь. Долго вертел его в руках, смотрел, затем, отведя в сторону взгляд, призадумался, повернулся к Кузьме - тот, побелев как береста, неподвижно и молча стоял рядом.

- Дело ясное как божий день, - насупил густые брови дед, - знаешь? Не я ль т-те говаривал, убери гвозди из травы и из речки за баней, а ты-ы ухом не ведешь, все рукой машешь...

Бабушка Мария вся вдруг встрепелась, бросилась было на мужа. Дед Дмитрий поймал ее, успокоил.

- Нет в тебе, Кузьма, ничего святого, - уходя со двора, сказал дед, - попомни, сегодня твоя корова пала, завтра от твоего гвоздя корова соседа падет...

Дед закончил рассказ, но глаз не смыкал, смотрел в ночь.

- Жалко Ромашку... - выговорил я, крепче прижимаясь к деду.

- Да-а, непутевый Кузьма мужик, - задумчиво подводил итог своей мысли мой дед, - дай таким власть, все испоганят: и речку, и луг, и лес, никому жисти не дадут...

На одной «святой» истории разговор не прекращался, дед Дмитрий обязательно что-то еще добавлял. Каждый его сказ - как он сам утверждал - не попусту, а впрок.

- Жаворонок, - вновь повернулся он бородой ко мне, - ты штой-то с сестрицей-то повздорил? До слез ее довел. Боженька тебя накажет.

- За что? - отрывал я голову от подушки, стараясь через темень рассмотреть глаза деда.

- За двадцать ден до Новогодья, - тихо, говорил он мне на ухо, - и до самого Крещения людям нельзя говорить худого слова - только ласковое и тихое обхождение.

- Почему? - не успокаивался я, вороша его бороду.

- Грешить, Артем, непозволительно. Как разменяешь с грехом год-то, так с грехом и будешь жить, - ровно шептал дед. - Человек святое существо, и каждый должен уважать каждого. А то ведь как бывает: поначалу сердятся, опосля, смотришь, брань, а то и драка. Дале некуда: беда и только. Понятно ли?

- Понятно.

- А что в школе-то вас к этому не вразумляют? - повысив голос, спросил он.

- Не-ет.

- Во-от оно-о что-о, - повернувшись на спину, задумчиво окал в потолок дед Дмитрий, - потеряли святость-то, добра не жди. А нас наставляли...

Когда я окунулся в сон - не помню; а когда проснулся, дедушки на печи уже не было. «Кто рано встает, - нередко говорил он мне, - тому Бог дает».

Мировой у меня был дед. Умер он сразу. Тихо шел вечером из бани и вдруг, словно подстреленный, повалился на грядку с морковью, раскинув в стороны руки, как если бы изображая святой крест. Прожил он ни много ни мало - без двух годов сто лет. До последнего дня был на своем ходу, до последнего дня был хозяином своей усадьбы.

- Много было в нем святого, - вспоминали на поминках мужики, - за то и берег его Бог-то...

8

В прошлом году, навестив своего старого друга-учителя, я решил взглянуть и на Бережки. Миновав крайнюю улицу города, вышел в поле,

быстро поднялся на сопочку, с которой, как на ладони, увидел деревню деда. Стоят Бережки! И прежние и непрежние, но стоят. О-о, Боже! Сердце мое, как пойманная птаха, заколотилось в груди. Стоят Бережки! И слезы неудержимо сыпанули из моих глаз. Я заторопился под горку, порой переходил на бег. Быстрее, быстрее к деревне, к дому моего деда!

Чем ближе я подходил, тем мрачнее становились мои думы. «Вот здесь перед деревней стояли невысокие, крепкие бревенчатые амбары, где хранили зерно. Нет их... И улица словно опустела: ни людей, ни скотины, ни собак, ни кур... Вымерли все?»

Наконец, первые дома. Мне вовсе не по себе: окна забиты вкривь и вкось почерневшими от времени досками. Сбавляю шаг, медленно двигаюсь дальше - ни души, - испытываю такое, будто вхожу на кладбище: мертвая тишина, озноб по спине, хоть назад беги... Замечаю, что справа перед третьим или четвертым домом на лавочке, под густой кроной черемухи, неподвижно сидит бабушка, опершись руками на толстую сучковатую палку.

- Здравствуйте! - громко крикнул. Она молча кивнула белой головой, безразлично взглянула на меня бесцветными глазами.

- Что, людей нет?.. - снова громко, беспокойно спросил я.

И она снова молча качнула головой. Сорвавшись с места, быстро пошел дальше, к центру, к дому деда Дмитрия.

«Что это? - внезапно остановил меня незнакомый просвет. - Здесь же стоял дом... Да, да, здесь, именно здесь стоял дом моего деда... Точно! Во-он дом Кузьмы Демидова... Нет дома моего деда? Не-ет?! Не-ет! - зашумело у меня в голове. - Не-ет!».

Опустошенный, я неподвижно стоял против участка, заросшего густой и высокой крапивой, лебедой, осотом.

«К речке!..» - осветила меня мысль. Во всю силу продирался я через бурьян, оцарапав руки и лицо, вырвался на небольшой, заросший мелким кустарником склон, который вывел меня на длинную узкую впадину, заполненную невысокой рыжей осокой.

К глазам моим рыхлым облачком подступила темень; силы быстро оставляли меня, едва удержался, чтобы не повалиться в осоку; понял, что здесь протекала та речушка, где мы ловили раков. Не стало реки, заросла, высохла. Я остановился у сохранившейся плакучей ивы; она, подобно немощной старушке, которую увидел на лавочке в начале деревни, надломленно повисла над бывшим руслом реки. В месте, где когда-то выбивала прохладная ключевая вода, которую мы с дедом пили, лежала застарелая буро-зеленая торфяная масса.

Все!.. Ничего нет!.. Одна кладбищенская тишина. Изредка, правда, налетал сюда шальной ветер и, прошелестев пересохшей осокой, перескакивал на неприглядное, заросшее пыреем поле, где в прежние лета дымилась гречиха. Закрыв лицо ладонями, я запрокинул голову.

- О-о, Бо-оже-е... - тягостно вырвалось из моей груди, - зачем я отсюда уехал, зачем покинул эти места?!

- Но что это?.. - прислушался я. Сверху, от неба доходила до меня унылая непрерывно-вибрирующая трель. Я медленно опустил с лица руки, открыл глаза, всмотрелся в небесный простор. На фоне маленького светло-желтого облачка, схожего с недавно вылупившимся из яйца цыпленком, дрожащей точкой висел жаворонок.

- Жаворо-оно-ок! - закричал я, как мальчишка, во всю мочь. - Жаворо-оно-ок!.. Долго, напряженно наблюдал за пташкой, которая дрожала над умирающими деревней, полем, ивой и по-своему вытягивала жалобную песню.

Меня пронзил сильный, неудержимый озноб: мне вдруг показалось, что и жаворонок взывает о помощи. Я простер руки вверх, к Небу.

- Жаворо-оно-ок! - упавшим слабым голосом крикнул я, неподвижное светло-желтое облачко закружилось над моей головой. И, падая в жесткий бурьян, я словно проваливался в кошмарный сон и летел в темную пустынную бездну, где мощным, трубным голосом ревел Невидимый

Огромный Человек: «Вы-ы потеря-яли свя-ято-ое! Вы-ы потеря-яли свя-ято-ое! Свя-ято-ое!..»

- ...Все, не могу больше, - вымолвил я, мучительно качнув головой и взглянув на Иннокентия.

Тот неспешно поднялся с кресла, вновь подошел к картине, долго стоял и смотрел на нее.

Через несколько минут мы вышли погулять. На воле пощелкивал крепкий крещенский мороз. На темном, но чистом небе живо хороводились и подмигивали звезды. Со стороны временных деревянных домов непрерывно лаяли и завывали собаки, перебивая друг друга. Иннокентий вопрошающе-задумчиво, долго посмотрел мне в глаза, хотел что-то сказать, но промолчал; его молчание я понял, но и у меня не повернулся язык: оба мысленно уверенно склонились к тому, что ни зверя, ни дичи, ни грибов и ни ягод в нашем ангарском крае может скоро не быть...

***

Новая встреча с другом состоялась в Вербное воскресенье.

- Ты посмотри, ты только посмотри... - оживленно говорил он мне, протягивая три веточки вербы, - в лесу нетронутый снег, мороз держится, а они распустились... Ты только посмотри, какая сила! Какая борьба!

На веточках вербы из лопнувших почек выглянули живые светло-серые пуховые клубочки.

- Знаешь, Артем, - заговорил он снова, - я вот шел сейчас к тебе и думал, что мы - люди, - как и вербы, созданные Богом, должны в жизни тянуться к лучшему, к цветению... а у нас - все вразнобой...

Поставив высокую стеклянную вазочку с вербой на стол я, подумав, ответил:

- Ты правильно толкуешь, но беда вот в чем: Бог-то нас создал, а его каноны мы с пеленок своих не познаем, не впитываем в себя, или нам не позволяют это делать, а отсюда в наших головах сумятица. Вот и живем, кто во что горазд. Или я не прав?

Иннокентий присел к столу, долго смотрел на вербочки, потом промолвил:

- Так оно и есть. Куда сейчас ни махни - везде ломают дрова.

Мы еще долго беседовали, понимая друг друга, и в какой-то момент я заметил, что печать грусти на лице Иннокентия сменилась на светлую радостную улыбку, и меня вдруг осенила мысль, что он никогда не оставит свои родные ангарские края.

Счастье

Почти год, каждое утро, хожу я со своей дочкой одной дорогой: она - в детский сад, я - на работу. Торопливо и молча идем дождливым знобящим утром - осенью; чуть ли не бежим зимой, когда сибирский ядерный мороз крепенько «закручивает» за тридцать. Спешим-поторапливаемся. А где-нибудь у столба, под которым в утренних сумерках дрожит желтый свет, поглядываем друг на дружку: не обморозились ли. В эти минуты Татьяна моя немножко смешная, укутанная в большой теплый платок не идет, а катится колобком, лишь выглядывает слегка побелевший носик и блестят игриво глаза.

Когда же начинает пригревать апрельское солнце, движемся не спеша, задумчиво: весна будит мысли и взрослых, и детей. Сходим с поблескивающего асфальта тротуара, осторожно ступаем по тонкому, чистому ледку, слушаем, как он сухо скалывается, смотрим на мутную вырывающуюся из-под прозрачной корочки вешнюю водицу, будоражим ее носком ботинка...

Весной радостно и пташкам. Смотришь, прыгает впереди смельчак - воробышко, прыгает и... хоть бы что ему...

- К-ш-ш! - спугнет его весело Таня, взмахнув ручонкой.

А он, разбойник, чирикает и не испуганно, а громко, да так чисто, словно хохотнет от радости, отлетит метров на пять-шесть вперед и снова

прыгает, довольный такой, будто дразнит или играет. И опять дочь побежит за ним... Так и идем, она - до детского сада, я - дальше, мимо школы, на работу.

Майское утро «разменялось» свежим, светлым, бесконечным... В такое утро и просыпаешься рано, и собираешься вроде неторопливо, но споро.

Обычно, в хмурую погоду дочь моя едва справлялась со своими глазами: долго терла их своими кулачками, а потом лениво «выползала» из-под одеяла.

А сегодня легко соскочила с постели и... к окну.

— Солнышко-о! - негромко, ласково сказала она.

Только у меня в это утро на душе было смятенно и пасмурно. Что поделаешь, такова жизнь человека: не всегда его настроение совпадает с ладным, светлым «настроением» погоды. И порой, действительно, жить приходится не так, как хочется.

- Па-ап! - звонким голосом позвала Таня. - Я готова, а ты-ы?!

- Что-о..? А-а... да-да, пошли, - задумчиво ответил я.

У остановки, где уже собралась целая толпа людей в ожидании автобуса, мы перебежали улицу и по тротуару пошли дальше. Танюшке нравится обгонять меня. Она вприпрыжку, легонько отбежала вперед, встала, и в ясных глазах мелькнула лукавинка.

- Папа-а! Догони-и! - просит она с радостным трепетом в голосе. Мне бы тут откликнуться, ответить теплой встречной улыбкой, слегка побежать за девочкой, а не получилось. Слышал, доносится до меня ее голосок, но понять не смог, слова ее пролетели мимо ушей, задумался о своем, и все тут. Наверное, немудрено было не задуматься: несколько дней не ладились дела на работе. Сыпалась беда за бедой. И правду говорят люди: беда не приходит одна. Даже в этот единственный утренний час, когда мне удавалось побыть с дочерью, думы не отпускали.

- И не догнать тебе меня! - Не догнать! - вновь весело, без обиды кричала Таня и бежала. Властно брала мою руку, начинала качать ее, как

маятник, шла рядом, оглядывалась, совершенно серьезно и пристально рассматривала прохожих. То вдруг долго смотрела на мои и свои ноги, стараясь идти ровным твердым шагом в ногу со мной...

- Папа, я иду с тобой одинаково... ты слышишь?..

- Ну-ну, - невнятно отвечал я и невидящим взглядом смотрел на дочь. - Вижу, вижу...

- И не видишь, - вдруг как-то внушительно сказала она, - ты опять, как вчера, что-то думаешь.

Удивительная сила в ту же минуту встряхнула наплывшие мысли.

- Ох, и лепетунья ты стала, Таня, - старался я повеселее пожурить ее. - Только не сердчай, вижу, вижу, как ты вышагиваешь.

У детского сада остановились. Поглядел я на дочь, тепло улыбнулся ей глазами, мол, беги! Помахав ладошкой, она затопала ботиночками по дороге и скрылась за пестрым забором.

Я же поспешил вниз по лестнице. Навязчиво меня одолевали прежние думы. Прохладное утро освежило, думалось свободно, легко менялись мысли.

И уже было торопился скрыться за огромным серым домом, как сердце мое больно «оборвалось» и потяжелело от детского громкого обидчиво срывающегося крика.

- Па-па-а-а! Па-ап!

«Дочь», - осенила меня мысль. Обернулся - точно. «Что такое?», «В чем дело?» Испуганно задавал я мысленно себе вопросы. Таня что было духу неслась по ступенькам лестницы вниз, за мной.

- Па-апа-а! - еще раз крикнула она.

«Упадет сейчас... ушибется...» Я было рванулся с места навстречу, но едва мог переступить несколько шагов. Онемели ноги, тупая ноющая боль проползла по рукам. Остыло в груди. Такое бывает во сне: снится страшный сон, вот-вот тебя догонит какое-то чудовище, а ты вроде и силишься убежать, а не можешь, все ослабло, все отнялось. Так и тут.

«Сейчас упадет, убьется!», - мучительно метались мысли.

- Сто-о-й! - хрипло и сабо вырвалось из моей груди, и только успел подать голос, как моя Татьяна сбилась, упала и покатила по ступенькам вниз... Белый свет был не мил в этот миг, кругом повернулась земля - небо; солнечное, светлое утро, до этого казавшееся мне пасмурным, вовсе потемнело в моих глазах. Право, и не помню, подбежал я к ней или подошел. Поднимаю ее, захлебнувшуюся горькими слезами...

- Таня, что с тобой?..

А она, содрогаясь, медленно поднялась, взглянула на сбитую окровавленную ладошку и от боли заплакала еще горше.

- Та-аня, - начал ее успокаивать, - я с тобой...

- Ты вчера, - начала она прерывисто говорить сквозь слезы, - обещал зайти в садик...

Тупо заломило виски, в памяти вмиг все всплыло. «Как мог? Ведь вчера Таня принесла записку от воспитательницы, где она просила зайти в детский садик. И вот... забыл...»

- Ну, ничего-ничего, сейчас пойдем, - виновато успокаивал я ее.

Чистым носовым платком завязал ладошку. Девочка еще тяжело и глубоко всхлипывала, но реже. Она успокаивалась. «А ведь могла бы убиться...», - вновь ужаснулся я от вернувшейся мысли.

- Локотки не зашибла? Нет? Ну и хорошо! - радовался вслух я.

Мимо проходили взрослые, пробегали дети, они без внимания смотрели на нас, а я не видел никого... Нежно обнял дочь за теплые худые плечики и прижался виском к ее горячему лицу. Почувствовал, как по моей щеке заскользила ее последняя обидная слеза. Легкая рука нежно обняла мою шею. И тут я вдруг почувствовал, как стала наливаться моя грудь теплом, а руки мои стали приобретать силу. Мне стало так хорошо, так радостно от того, что рядом стояла моя маленькая дочь. Необъяснимое ощущение, которое овладело мной за это время, так неудержимо и бурно не волновало никогда. Вернее, радости порывы тепла были, но пронизывали они меня

вовсе не так. Те ранние светлые вспышки проходили как-то подсознательно, подспудно, как если бы это удивительное чувство таило в самой глубине души и никак не могло всколыхнуться и выплеснуться, чтобы объять все мое существо.

А сейчас я утешался радостью необъятной и необыкновенной, проникаясь незабвенным счастьем. И те неприятные думы о работе, которые не давали покоя и неотступно преследовали меня с утра, незаметно отступили, показались поправимыми почти пустячными.

Мы медленно, не спеша поднимались по ступенькам. Таня легонько прижалась ко мне и молчала. Девочка успокоилась

Давно это было. Однако сильное трепетное чувство уже никогда не мог забыть, оно не оставляло меня. Но одно не дает покоя: уловил я это глубоко чудное ощущение не в спокойные и ровные минуты жизни, в момент, когда едва не случилось горе.

Горе и счастье - два совершенно разных чувства, но как они близки друг к другу. Эта жгучая мысль нет-нет да и осеняет меня.

«Я помогу тебе, мама»

*Другу моему, Павлу Дмитриевичу
Поплаухину, который двадцать
пять лет ремонтирует турбины
Усть-Илимской ГЭС, посвящаю.*

1

- Павел... Павел Дмитриевич, - назвался он, почтительно поклонившись и крепко пожав мне руку. Передо мной стоял молодой, сухопарый человек с загорелым, мужиковатым, но приятным лицом. Он долго и прямо смотрел на меня, его прищуренные глаза тепло искрились, мужественные черты лица дышали волей и силой. Мне Поплаухин понравился сразу.

Знакомство наше произошло здесь, в Усть-Илиме, в конце жаркого семьдесят четвертого лета, когда многое говорило о том, что не за горами пуск первых агрегатов гидростанции. В это горячее время сюда, на

известную строительную площадку, начали подтягиваться энергетики - эксплуатационники из Иркутска, Братска, Красноярска, из других городов России. Прибывали сюда не только ради пуска ГЭС и не только ради романтики: мечтали получить квартиру, более высокую должность или разряд, чтобы улучшить бюджет своей семьи. Чего греха таить: в те годы, как и сейчас, в достатке тоже не жили, многие едва сводили концы с концами.

Расселяли прибывающих энергетиков по-разному: кого-то в гостиницу, кто-то останавливался у родных, старых друзей, знакомых. Направляли и в заранее подготовленные для этой цели квартиры. В одной из таких квартир мне и посчастливилось встретиться с Поплаухиным, который приехал из Братска и жил здесь уже более двух месяцев. Для скрепления нашего знакомства я сходил в магазин, купил "Русскую", кое-что закусить. Слово за слово, потихоньку - помаленьку разговорились. Пропустив по одной, Павел Дмитриевич налил еще, но выпивать не торопился. Он, взяв инициативу в нашей беседе, живее и живее развивал разговор, будто спешил выговориться, словно у нас не будет более времени для встреч. Поплаухин непринужденно, свободно сыпал в мою сторону вопросы, а я, облокотившись на стол, пристально рассматривал моего нового знакомого и не спеша отвечал ему. Моя прошлая работа, учеба, увлечения - все его интересовало. Но в какой-то момент он остановился, на его лицо опустилась едва заметная тень, будто легкое облачко прикрыло летнее вечернее солнце. Павел Дмитриевич взял стакан с водкой, зажал его своими крупными ладонями, как бы согревая, долго, напряженно смотрел в сторону, мимо моих глаз. Затем, продолжая держать стакан в руках, торопливо спросил:

- А ваша мама жива?

- Жива-а, - неспешно ответил я, вопрошающе и заинтересованно посмотрев на Павла, - старенькая моя мама стала...

- Помогаете ей?

- Да, по возможности... - тихо вымолвил я, продолжая пристально смотреть в лицо Поплаухина, в строгих, жестких очертаниях которого и в

глубине его широких глаз заметил устоявшиеся то ли озабоченность, то ли боль.

Необычного в вопросе Поплаухина не было, однако мне показалось, что в глубине души Павла Дмитриевича живет какая-то тайна, почувствовав которую, я попал во власть острого любопытства, побудившего и подтолкнувшего меня развить разговор. Загадка его волнения зажгла во мне жажду проникнуть и заглянуть в душу Павла Дмитриевича. Но, к моему огорчению, беседа не продолжилась: Поплаухину позвонили по телефону и попросили прибыть на ГЭС, чтобы принять из монтажа очередной узел гидроагрегата.

- Ну, во-от, - широко развел он руки, - ждут, надо ехать, иначе бригада монтажников до утра будет сидеть без дела...

Потом мы потерялись в вихре предпусковых и пусковых дел. За ними начались эксплуатационные заботы, но во все эти периоды мы находили "окна", чтобы собраться и выговориться. Тем более, что я не забыл нашу первую встречу, когда начавшийся разговор о маме взволновал меня, и уже тогда я поклялся себе мало-помалу при наших будущих беседах раскрыть и понять ту душевную боль, след которой я заметил в глубине глаз Павла Дмитриевича.

2

КРУТОГОРЬЕ... Деревенька на двадцать четыре двора, двенадцать по одну сторону, столько же по другую. Рассыпались ее дома, словно темные камушки на крутом взгорке, защищенном с холодной стороны торжественно-светлым березовым лесом, а с другой, южной - смотрящим на просторные поля, овеваемые рожью и пшеницей. Чуть на отшибе от деревни темнели скотный двор и конюшня, а еще подальше, как часовенка, прижавшаяся к старому вязу, выглядывала кузница, откуда с утра до вечера проливался тонкий металлический звук. Вот здесь, в деревне, в двухстах верстах от города Горького, и родился Павел Поплаухин. Кроме него в семье были младший брат, который тяжело заболел и старшая сестра, еще учившаяся в

школе. Росли при матери: отца в начале войны, как и многих мужиков, убило на фронте. На четыре рта две материнских руки, не разбежишься. Порой так становилось несносно, что казалось ноги протянуть можно. Сестра училась успешно. Закончив десять классов, упала перед мамой на колени с мольбой отправить ее в большой город учиться на врача. До боли сжалось сердце матери, несколько дней молчала и думала: "И надо бы собрать дочь, тянется она к учению... Но как? Младшего сына необходимо лечить, и ей помогать придется..." Однако собралась с волей и как отрубилась: продала корову, зингеровскую швейную машинку. Продала самое дорогое, что было в доме, купила дочери пальто и с Богом отпустила ее.

Среднему сыну, о котором я сейчас веду рассказ, только что закончившему пять классов, твердо, как взрослому, сказала:

- Все, Павел, выхода у нас с тобой нет, учиться тебя более не пущу, пойдешь работать, - и то ли задумчиво, то ли отрешенно, долго посмотрев сыну в глаза, досказала, - полтрудодня, но в дом приносить станешь...

Будто вспугнутый воробей встрепенулся в груди у мальчишки, запротестовало его сердце, но слезы не вырвались, не разревелся, сдержался. Наутро мать проводила Павла к председателю. Тот, еще не старый, но бывалый и мудрый мужик, мельком взглянув на Татьяну Андреевну - маму Павла, и всё поняв, не разводя длинных разговоров, направил мальчишку в конюшню.

- Там дел прорва, - скупно выговорил он.

Так мальчишка перешагнул границу круга своего детства, оставил мир счастливых школьных лет. Конечно, до него еще не доходило, что беззаботные времена детства утеряны навсегда и их уже не обрести. Эту невосполнимую потерю он осознает значительно позже.

Расставшись со школой, сначала он почувствовал сладостное облегчение: не надо сидеть дома за столом и готовить уроки, не надо бежать в школу, слушать учителей и отвечать на их вопросы, писать диктанты и учить стихотворения. С неосознанной радостью он убежал в конюшню, к

которой быстро прикипел, принюхался к ее терпким запахам, постепенно овладел секретами конюха; все в его руках ладилось и спорилось. Без напоминаний и толчков чистил пол в стойках, ездил на речку за водой, поил и кормил лошадей, расчесывал гребнем-великаном сбившиеся гривы и хвосты.

Через полтора-два года, словно на прорыв, его пробовали бросать на другие, более тяжелые и сложные работы, где нужны крепкие мужские руки. Получилось, не надорвался парень. Худой, вытянувшийся, жилистый, он не гнушался никакого дела: пахал, косил, заготавливал в лесу дрова, метал сено...

- Молодец, Поплаухин, - подбадривал его председатель, - до мужика ты еще не дотянул, но бабу уже перехлестнул, трудовень с хвостиком тебе писать буду...

3

Иногда вся эта однообразная работа в поле, в лесу, на скотном дворе начинала его угнетать, невольно опускались руки: парнишка не ощущал результатов своего труда, не видел их, не мог потрогать руками, порадоваться. И тогда, как на парах, убегал в кузницу, к своему соседу по усадьбе Николаю, который работал кузнецом. Николай недавно разменял двадцать седьмой год, в свое время отслужил в армии, где-то успел овладеть кузнецким ремеслом. Привлекательный парень, сильный, глаз не оторвать от его крепких, мускулистых рук, груди и спины. С горячими железками на наковальне у горна он расправлялся играючи, словно жонглер. Ежедневно, рано утром, во дворе родного дома он подолгу разминался гирями и самодельной штангой весом пудов пять-шесть, затем обливался холодной колодезной водой из крупной деревянной шайки.

Поздними вечерами, сидя на завалинке, склонив наискосок заросшую смолевыми кудрями голову, тонко и зазывно играл на гармошке. Отдушиной был для молодежи. Милые крепкие деревенские девушки преследовали его по пятам, но он почему-то не поддавался им, не бросался, очертя голову, в

таинственный омут страсти. "Все чего-то ищет, все чего-то ждет..." - говорили о нем в деревне.

В троицу - праздник, который шумно отмечался в Крутогорье и близлежащих деревнях - мужики, оглушившись крепкой самогонкой, прихватив с собой березовые колья, намотав на руки цепи, с выпученными, обезумевшими глазами бежали за деревню драться "стенка на стенку" или "деревня на деревню". Пыльскались насмерть. Но не дай Бог, если между "стенками" окажется кузнец, который был ярим противником бессмысленных деревенских пьяных побоищ. Он, раздетый по пояс, напрягшийся всеми мышцами, держа в руках короткую крепкую веревку, громко кричал:

- Останови-итесь, мужики-и! Вы что-о, оборзе-ели?!

Самый одурманенный и одичавший из драчунов, подняв над головой березовый кол, с ревом набрасывался на Николая. Тот, ловко уклонившись, отскакивал в сторону, затем одним прыжком приближался к озверевшему мужику и бил ему по рукам, да так сильно, что кол отлетал в сторону. Мужик тотчас падал на дорогу, в пыль, и от нестерпимой боли визжал, как боров, на всю округу. Так кузнец поступал еще с двумя - тремя драчунами. У остальных хмель будто вышибало, они сначала обалдело смотрели на сраженных корешей, скрючившихся от боли в пыли, затем на Николая и, опомнившись, рассыпались в разные стороны поля как горох. Николай еще долго стоял посреди дороги, помахивая короткой веревкой.

- Вы что?! Совсем оборзе-ели! - кричал он вслед разбежавшимся мужикам.

Николай понравился Поплаухину. "Во! Мировой!" - часто думал он о нем. Павел тоже приглянулся кузнецу. И пошел Поплаухин к председателю проситься в кузницу молотобойцем.

- Что, скис? - метнул взгляд председатель. - Не кисни, живи одним днем. Жизнь наша, как кривая - куда-нибудь выведет, - недолго подумав, договорил, - иди в кузню, поразминайся.

По душе пришелся небольшой горячий цех Поплаухину. Кузнец крепко держал длинными металлическими щипцами огненную заготовку, уложенную на широкую и высокую наковальню, и звонко ударяя по ней небольшим молотком с длинной ручкой, ритмично напевал:

- Бе-ей в одну точку, бе-ей в одну точку...

И Павел, уловив ритм ударов молотка, ловко и сильно бил увесистой кувалдой в раскаленно-податливое место заготовки, от которой в стороны то и дело отлетали огненные окалины и искры.

В тихое обеденное время, заправившись из узелков, кузнецы отдыхали. Николай обычно читал газеты, благо, в ту пору лимита на них не было, бесплатно бери в холодном деревенском клубе любую и читай. Возможностью такой кузнец и пользовался. Любил Николай почитать, читал и комментировал Павлу, рассказывал, что творится в нашей необъятной стране.

Однажды, в начале октября, прочитав газету, Николай сунул ее в карман фартука, сел на низкую крепкую табуретку, закрыл глаза, опустил шевелюристую голову на широкую грудь, богатырские руки и плечи обвисли, будто с кузнецом случилось что-то неладное.

- Что с вами, дядя Коля? - испуганно спросил Павел, рукой ткнув того в округлое жесткое плечо.

Кузнец неспешно поднял голову, прищуренными глазами долго, задумчиво посмотрел на парня, неторопливо поднялся, вышел из кузницы и, поиграв у входа двухпудовой гирей, тихо сказал:

- Уеду я отсюда, Паша...

- Почему, дядя Коля? - широко и удивленно открыл глаза молотобоец.

- Паша, дорогой мой человек, ловить тут нечего, жизнь наша тутошняя копейки не стоит. Ты только посмотри, - обнял он за плечи и притянул к себе Павла крепкой рукой, - мужики наши деревенские и бабы круглый год в навозе колупаются, а тепла им от него нет никакого...

Отпустив Павла, поднял голову, взглянул в очистившееся от тяжелых, вязких дождливых облаков небо, продолжил:

- Конечно, кто-то от этого навоза греется, но там, - показал он большим пальцем правой руки за плечо, - там, далеко... А наша жизнь никому не нужна, от ненужности мы все - деревенские - превращаемся в червей... - Кузнец опустил взгляд, задумчиво посмотрел на Павла. - Доходит ли до твоих мозгов, о чем я говорю? Нет? Тогда слушай. - Николай вернулся в кузницу, вновь опустился на табуретку. - Вот тебе председатель трудодни отмечает, а толку от них? У тебя в кармане что-нибудь скопилось? Хоть одним рублем своей матери ты помог? В закрома родного дома что-нибудь перепало?

- Нет, - качнул головой Поплаухин.

- Нет. То-то и оно... - громко, досадливо выговорил кузнец. - А вон взгляни на нашего механика Якова Байкова. Всю жизнь он в промасленном гараже возился, трактора ремонтировал, а что он имел за эту возню? Что? Кукиш с мукишем! А дома - дети, есть просят. Потому он и пьет сейчас, глушит: себя самогоном, не просыхает с утра до вечера.

Николай резко поднялся, взволнованно походил туда-сюда, озлобленно отшвырнул ногой валявшуюся на полу гайку и, подойдя к Павлу, вновь заговорил:

- Оказывается, так: и есть мужик дома, и нет мужика. То есть, проку от него никакого. Не нужна здесь моя жизнь никому, не нужна и твоя жизнь, и жизнь председателя, и Яшки Байкова... Потому надо нам отсюда драть.

И вновь Николай беспокойно вышел на волю, долго смотрел в небо...

- Смотри, - махнул он рукой вверх, в сторону, - видишь парящего коршуна?

- Вижу, - кивнул Павел.

- Цепкие у коршуна и взгляд, и когти, неотступно ищет себе добычу и, найдя, не отпустит, не потеряет... Вот и нам надо также искать и вгрызаться в

жизнь. - Кузнец вытащил из кармана сложенную газету, развернул ее, - Вот, читай.

Поплаухин опустил взгляд на текст, прочитал: "...в Забайкалье, в шахту, где добывают свинцовую руду, требуются кадры..."

- Туда и махну, - громко сказал Николай, - хочешь, и тебя возьму. Денег кучу заработаешь, маме поможешь, сам оперишься...

4

Я помогу тебе, мама, ты только отпусти меня с дядей Колей, - просился Павел, - я тебе денег пришлю, брата вылечишь и сестре поможешь...

- Куда-а, сын, на край света, в Сибирь, к медведям... Пропадешь, честное слово, ни за понюх табака пропадешь, и искать негде будет! Не пущу-у!

Однако дня через три-четыре Татьяна Андреевна успокоилась, втайне от сына навестила Николая, с которым долго говорила.

Отпустила сына в Сибирь.

Дорога длинная, темную громыхающую цепь поезда тащило и мотало из стороны в сторону паровозом, чад которого длинным черным хвостом дотягивался до последнего вагона, где на полках болтало Николая с Павлом.

Поплаухин, с легкой душой расставшись с деревней, в поезде вдруг упал, будто пришибленный. Два дня он лежал на полке ничком, не поднимаясь ни на минуту; тоска, холодом просочившаяся и заполнившая его душу, камнем давила на сердце, не отпускала, беспокоила. Теперь парнишка не представлял, как будет жить без мамы и родной деревни. Николай, заметив болезненное состояние Павла, не тревожил его, не успокаивал. Время, только время вылечит парня, думал кузнец. На третий день Поплаухина отпустило, он поднялся, прильнул носом к окну тесного купе, неотрывно смотрел на бескрайние просторы: такие же, как их деревня, нищенские селенья; многолюдные, шумные, прокопченные железнодорожные станции крупных городов; ослепительно сверкающий под солнцем в тишине Байкал; непроглядные, навевающие страх, туннели.

Постепенно в его сознание начало пробиваться изумление перед многообразием жизни. Поплаухин и не думал, что мир так велик. В деревне ему казалось, что мир - это родной двор, изогнутая коромыслом деревенская улочка, поля и лес, где осенью собирал рыжики. Конечно, он слышал, что за пределами деревни что-то еще есть, слышал он и о городах. Слышать-то слышал, но не верилось, ведь своими глазами не видел. Сейчас все было для него ново и необычно.

В поселке, где добывают руду, их внезапно настиг жестокий мороз. О жутком холоде в конце октября они и не предполагали, подсознательно надеясь, что здесь, в Сибири, как и на горьковской земле, в родной деревне, с сентября по январь то солнце, то дожди - в одних брюках, без кальсон, можно до самой весны прокантоваться.

Мужики, бывшие зеки, увидев в своем выстуженном логове продрогшего до костей парнишку, одетого в одни легкие брюки и рубаху, изумились, приняли его, обогрели и накормили.

Наутро Николая с Павлом провели к начальнику рудника. Он неспешно, но уверенно ступал по полу просторного кабинета. Брови поседевшие, но густые, тяжело нависли над широко расставленными глазами, прикрытыми тяжелыми веками, Лицо было широкое, массивное и не противоречило громоздким плечам. Послушав Николая, коротко махнул рукой, как бы прерывая его речь твердо и громко, будто робот, сказал:

- Пацана не возьму, нет восемнадцати...

Кузнеца ошеломило. Но, выдержав паузу, он ровным голосом спросил:

- Что же делать? Ему назад ходу нет.

Крупные губы начальника покривились в моментальной усмешке.

- Не знаю, - глухо выдавил он из себя. Поплаухин, молча стоявший все это время рядом с Николаем, побледнел, кругом пошли перед его глазами потолок и пол; Павел был бессилен возразить или что-то сказать человеку, как скала стоявшему напротив, у массивного стола. Какие силы помогли пареньку выдержать, не повалиться, сказать трудно. Поплаухина глубоко

пронизала дрожь, сквозь которую он начал сильно терзаться сознанием своего несовершеннолетия, сознанием того, что ты еще не в полной мере человек. Сильный, ловкий парнишка не мог понять, почему здесь людей разделяют возрастом.

- Ну что, - закричал Николай, в упор взглянув в крупные серые глаза начальника, - не примете?!

- Нет! - отрезал он, будто ударил кнутом.

В горячности, с какой вспыхнул Николай, проявилось необузданное, порывистое, явившееся следствием внезапной нерадостной мысли: "Тысячи верст тряслись, чтобы найти работу и заработать деньги, чтобы жить, помочь матери Павла, но не тут-то было. Уперлись в хозяина, будто в непробиваемую глыбу..." Поплаухин увидел, как сжались кулаки Николая и побагровела его короткая мускулистая шея. Самообладание, стоившее огромного внутреннего сопротивления, начало изменять ему. Павел испугался, что кузнец может сейчас показать всю свою страшную силу.

ВСЕ ПРОИЗОШЛО неожиданно, за полминуты. Против своей воли, уступая внезапному непреодолимому порыву, кузнец прыгнул к столу, взмахнул рукой и ударил по нему кулаком как гирей, тотчас проломив толстую столешницу, щепки от которой полетели в разные стороны.

- Он не от хорошей жизни сюда, к черту на кулички, докарабкался! - приступ отчаяния пронизал Николая, который уже не мог остановиться. - Отца его ни за хрен собачий на фронте убили, слабая мать с больным младшим сыном и дочерью в проклятой, никому не нужной деревне помощи ждут!..

Хозяин рудника по-прежнему оставался на том же мезге, где и стоял. Казалось, он и глазом не моргнув на удар Николая, был невозмутим, коварная улыбка будто приросла к его губам. Не исключено, что начальник видывал здесь картины хлеще и жарче. Через две-три минуты он прошелся по кабинету взад и вперед, пронзительно посмотрев кузнецу в глаза. Затем, с багровым от гнева лицом, подошел вплотную, цепко взял его за грудки и

резко, с силой тряхнув, посыпал палящий поток такой брани, от которой Павла сначала бросило в испуг, а затем в жар. Израсходовав всю обойму матерщины, начальник негромко, но твердо осадил кузнеца:

- Ты, шакал, не думай, что у тебя одного такая сила. Подожди, хребет-то сломаешь. - И, рывком освободив Николая, отойдя к столу, продолжал гулко говорить, но, уже слегка улыбаясь, - но ты мне понравился, за жизнь можешь драться. И далее, уже не глядя на кузнеца и Поплаухина, жестко досказал:

- Убедил, пацан пойдет в ремонтный цех, а за шакалий бедлам, который ты здесь нарисовал, - процедил хозяин рудника сквозь зубы и посмотрел на Николая жгучим прищуренным взглядом, - из зарплаты за пять столов вычту. Еще повторишь - как щенка выброшу, и след простынет...

- Каюсь, начальник, - склонил к груди голову кузнец.

5

Всю ночь Поплаухин спал крепким сном. Проснувшись, почувствовал себя так, словно гора с плеч свалилась. Он сразу подумал о хозяине рудника, но подумал о нем не плохо, без ненависти; в юной душе Павла пробился и протек ручеек теплого чувства признательности за то, что он, начальник, все же раскрыл перед ним дверь в новую, хотя еще и неизвестную жизнь. Сегодня Павел впервые смутно предугадал многообразие, сложность и тяжесть человеческой жизни. Впервые в его сознание начало стучаться и проклевываться понимание о людях: они разные; пословно недруги и, несмотря на это, как ни странно, не могут обойтись друг без друга.

Немалым показался Павлу ремонтный цех, где скрежетали и посвистывали токарные и сверлильные станки; - у дальней стены, под потолком, чмокал и похлопывал кран-грузчик, поднимая и опуская тяжелые железки; у широкой входной двери громко бранились мужики.

Поплаухина мастер провел через весь цех и остановился у длинного низкого верстака, нагруженного с одной стороны неисправным тяжелым инструментом. Рядом, на невысоком ящике, сидел человек и промывал в

широком ведре, наполненном керосином, небольшие втулки и болты. Он был худой, с темными мелкими пятнами на лице, будто побитом оспой, с длинными редкими волосами, провалившимся ртом. «Беззубый», - подумал Павел. Конвульсивное подергивание век и одной щеки указывало на сильное нервное расстройство этого человека.

- С ним будешь работать! - громко сказал мастер Павлу. - Учитесь ремонтировать отбойные молотки и перфораторы.

- Федор Лютый, - назвался он, неторопливо поднявшись с ящика и протянув Павлу руку.

Прошли день, неделя, месяц... Поплаухин близко знакомился со своим новым наставником. Федор не знает, когда и где появился на белый свет, впервые помнит себя «шибздином», когда его «вынули» то ли в приют, то ли в детдом. Примерно с тех лет Лютый вел счет своего существования, то есть ему не более полусотни лет, Никто его не присмотрел, не пригрел; долго и много бродяжничал, изнывал под тяжестью начавшейся страшной судьбы; затем, будто сильным прибоем, дало по колониям, лагерям и тюрьмам. Последние семь лет он гнул спину на «дядю» в опутанном колючей проволокой лагере, года два назад расформированном, который располагался здесь, при руднике.

- Никому не нужна жизнь моя отрешенно говорил Федор, - сломана она навсегда.

Вкалывая в деревенской конюшне, на скотном дворе, поле, в кузнице, Павел настолько натренировал и укрепил мышцы своих рук, ног, спины, настолько стал понятлив, что для него разобрать и собрать отбойный молоток оказалось плевым делом. Он поднимал пневмомолоток, легко подносил его к большим тискам, быстро, ловко разбирал, прочищал, промывал, внимательно осматривал изношенные или поврежденные части, спешил к токарям, чтобы проточить втулку, нарезать резьбу или бежал на склад за новой деталью. И так весь день. К концу рабочего дня он радостно сдавал на склад несколько отремонтированных, готовых отбивать руду,

тяжелых, грозных инструментов. В родную деревню маме писал, что цех, в котором он с утра до вечера крутится, ему по душе. Писал также, что скоро будет получать зарплату и пришлет ей денег. Через месяц его действительно пригласили к кассе, где получив и пересчитав деньги, не поверил: сумма была такая мизерная, что у Павла потемнело в глазах.

- Это же мало, - едва вымолвил он, - я вагон молотков отремонтировал.

- Сколько заработал, столько и получил. Отходи от кассы! - услышал он жесткий, равнодушный ответ.

В общепитии, лежа на койке без сна, Павел глубоко задумался: «С детских лет я гну горб, из меня все выжимают, а мне ничего. Почему так?»

Работа стала вызывать у него отвращение. Прошел год, ему продолжали платить, как ученику, разряд не давали, будто о нем забыли.

- Я не раз толкался к начальству за тебя, - взволнованно говорил Лютый, - но им все по боку.

Наставник резко, озлобленно бросил окурок в ведро с водой и, посмотрев на Павла воспаленными глазами, продолжал:

- Безнадежно, Паша, последние жилы из нас вытянут, никому мы не нужны...

После этого разговора Павла будто сглазили: исчезли его проворность и легкость; во взгляде, походке, во всей осанке невозможно было уже разглядеть ни надежды, ни предвкушения. Все в нем накалилось, вскипело. То, что Поплаухин сник, перестал сдавать на склад отремонтированный инструмент, заметил мастер цеха.

- Ты чего сачкуешь?! - закричал он злобно на парня.

- Я хрен клал на эту работу! - впервые в жизни не сдержался, рассвирепел Поплаухин и грудью пошел на мастера, держа в руках тяжелый отбойный молоток.

- Ты что, с ума сошел?! - возмутился мастер, широко открыв глаза.

- Это вы с ума-то посходили! - тотчас? вступился за Поплаухина Лютый, - вы только и горазды фуфлю двигать. Затравили крепкого парня в

учениках, ему жрать нечего! Посмотрите на него: штаны совсем сползли, хоть гвоздем их к заду прибивай! Какой он сачок?! Это вы здесь сачки!

Мастер, пригрозив Федору кулаком, убежал и два дня не показывался в цехе. На третий день Поплаухину присвоили второй разряд.

- Хрен редьки не слаще, - глухо сказал себе под нос, как пропилил, Лютый.

- Сам чувствую, что удавка, - понурил голову Поплаухин, - на хлеб мне, может, и хватит, а как маме помочь и не знаю...

- Вот так и загоняют нашего брата, простого мужика, в угол, как волка, - сверкнул глазами Лютый, - выход у тебя один.

- Какой? - не без надежды на добрый совет повернулся Поплаухин к наставнику.

- Быть тебе, Пашенька, гопником. И хочешь - не хочешь, пойдешь штопорить, - затем, опустив взгляд и помолчав, добавил, - но не дай-то Бог тебе этого...

Поплаухин слышал от Федора, что «штопорить» - это значит выходить темными ночами на «большую дорогу» и грабить. «Неужели и мне придется гнить в лагерях и тюрьмах, - тревожился Павел, - почему, почему не судят тех, кто за мою грязную и тяжелую работу не платит мне, кто толкает меня идти грабить и убивать?». Он помрачнел, еще острее, заметнее выделились на темном лице крупные скулы. Его начало подавлять сознание собственного ничтожества: «Я никому не нужный, никчемный человек». Будто тисками сдавливало грудь, неудержимо начинала трясти скрытая внутренняя лихорадка. Выхода не было. «Большая Россия, много в ней заманчивых городов и сел, а канать некуда, бардак везде одинаковый», - вспомнил он слова Федора. И Поплаухин в мыслях приходил к одному: лучшего пока не перепадет и надо терпеть. Но теперь парень не шустрил, не пел себе под нос веселые песенки, не торопился кантовать очередной пудовый инструмент, не бегал, как заводной, от верстака и назад. Понял, что начальству надо откликаться также, как оно аукается. Вместе с другими мужиками он,

разбитый душевно, уходил в коридор, садился на лавку перед широким помятым тазом, в который бросали окурки. Сидели, базарили и смолили не десять минут, как положено, а все тридцать, а то и более. На проходящего мимо мастера скалились, как волки.

- Сегодня хипиш поднимет, - злобились мужики, когда мастер скрылся в мастерской.

Однако на группу рабочих мастер шум не поднял, побаивался. Но Лютому за то, что он дерзко вступился за Павла, не простил.

- Все, Паша, жизнь моя окончательно смята, как вот эта бумага, - показал Федор в ладони скомканный газетный лоскут, - уволили, выбросили меня...

Вечером по цеху тихо прокатилось, что Федор застрелился. Чтобы существовать еще, сил у него уже не было, все выжали. Ушел по-мужски, достойно: вставил в рот ствол у кого-то добытого ружья и нажал на курок. А на девятый день, в день памяти Федора и в отместку за него, убили мастера.

- Лютовские кенты замочили его, - вкрадчиво донеслось до ушей Поплаухина.

Угнетали и пугали Павла время от времени повторяющиеся мрачные события, трудно сразу привыкнуть к ним молодому парню. Успокаивался он вечерами при встрече с Николаем, который, весь в серой пыли, почерневший, как крот, выползал из-под земли, где выковыривал свинцовую руду. Николай помогал земляку деньгами, советом. Даже от одного его присутствия Павлу становилось легче. Поплаухин смиренно засыпал; утром без гнетущей тяжести на сердце собирался и вновь уходил в цех, к своему верстаку.

Кузнец своей порядочностью, силой и трудолюбием обрел уважение у многих, с кем «ползал» под землей. Темными, длинными вечерами в общежитии он нередко брал в руки гармошку и подолгу играл, подпевая негромким приятным тенором, отогревая застывшие от худой жизни и холода мужиков. В соревнованиях он укладывал на стол руки многих забойщиков; в шахте без больших усилий приподнимал скатившуюся с пути

вагонетку; не испытывал трудностей, вгрызаясь отбойным молотком в скалу. Подземный авторитет Николая перелился на поверхность, дошел до руководства рудники, до того начальника, которому он проломил стол. Теперь хозяин с ним советовался и считался. И поэтому, когда Николай забрал в забой в свою бригаду Поплаухина, тот закрыл на это глаза.

- Канавщиком начинай, - сказал ему Николай, - отбойный молоток ты знаешь, как отбивать, научу...

Поплаухин несколько дней не мог привыкнуть к новому делу: сумрак, густая едкая пыль, стесненность, духота давили на него. Но осознание того, что за эти адские условия и каторжный труд он получит деньги, помогло преодолеть смятение. Павел запрягся в общую упряжь и попер, потянул жуткую ляжку. Силы и сноровки было не занимать, и он давил грозный инструмент так крепко, что тот, будто задыхаясь, глохнул. Павел вырубал и вырубал камень вдоль пути, по которому двигали вагонетки, отбрасывал широкой лопатой размельченные камни; получалась канава, отводившая обильно просачивавшуюся из трещин породы воду.

В шахте не посидишь, тянуть резину не позволят: закончил прочищать сточную канаву – таскай к забою рудостойку, пили, крепи свод штрека. Закрепив свод, собрав в сторону отходы и инструмент, Поплаухин торопился толкать вагонетку, наполненную тяжелой свинцовой рудой. Из всех сил упирался он. Боже упаси, если вагонетка остановится: тогда ее, хоть умри, не сдвинуть с места и помощи не докричишься. Свинцовая пыль, перемешанная с потом, под жесткой негнущейся робой насквозь пропитала рубаху, подол которой со стороны спины к концу дня сворачивался в скатку. Ноги в высоких резиновых сапогах потели, скользили, срывались. Пылью заволакивало глаза, сбивалось дыхание, больно поддавливало в голове. И так весь день, и каждый день. Там, в штреке, он не имел ни одной минуты для себя.

Павел и ранее, когда жил в деревне, знал изнурительную тягостную работу, но теперешняя жизнь стала для него откровением. Только сейчас он

понял, как приходится жить простому незащищенному человеку. Поплаухину и не снилось, что труд может быть так ужасен.

Сумма денег, которую он получил за каторгу в шахте, окрылила его. Павел сразу купил себе полушубок, штаны и ботинки. У него не было выхода: брюки, в которых он приехал из деревни, изорвались в клочья, подметки ботинок подвязывал веревочками, а без полушубка одубеть в Сибири – как дважды два. Следующую зарплату решил послать матери в деревню. Но вскоре, будто «по закону подлости», у Поплаухина все перевернулось. Он не заметил, как подкралось время призываться в армию. Два дня он лежал, не раздеваясь на постели, два дня не пошевелил ни рукой, ни ногой. «За что меня Бог так наказывает, за что?» – мучился Павел. В армию собираться охоты не было, и он решил убежать куда глаза глядят, пусть как будет, так и будет. Но в критический час вновь подоспел Николай.

- В том мире, Паша, никуда не спрячешься, – тихо промолвил он и, снисходительно посмотрев в глаза земляку, досказал, – белый свет и людей ты уже повидал, тебя теперь ничто не испугает, не пропадешь...

- Маму жалко, – едва слышно сказал Павел, опустив горестный взор, я же обещал ей помочь...

6

- И смешно, и грешно, – рассказывает Павел Дмитриевич, качая головой, – служил я в спортивной роте...

Поплаухин и не предполагал, что в армии существуют такие роты, или как их называют в частях, «роты бездельников». Попасть в эту роту ему «помог» курьезный случай. В полку объявили кросс, солдаты (а с ними и Павел) приготовились бежать в брюках, гимнастерках, сапогах. Те же, кто служил в спортроте, выстроились в трусах и тапочках. Поплаухин сорвался с места и мчался, как лось. Финиш пересек первым, всех обогнал, даже тех, кто бежал в трусах. Насколько же он был вынослив! Многих ошеломил, на него смотрели, как на динозавра.

- Ты откуда такой? - изумленно спросил капитан. - Ты кто такой?

- Из деревни, - спокойно, не моргнув глазом, ответил Павел.

Поплаухину бы радоваться, что попал на такую легкую службу. Он же, напротив, спокойно переносить ее не мог. Павел привык гнуть спину, ему казалось дикостью вот так, без пользы себе и людям, транжирить дни и годы. Нередко он думал: «Лучше бы всю эту роту крепких парней направили вкалывать в колхоз...»

Однажды Поплаухин не выдержал и эту мысль высказал командиру.

- Разгово-орчики, Поплаухин! - услышал он в ответ привычный командирский окрик. - Что, жить хорошо надоело?!

Повиновался Поплаухин, смирился: бегал, прыгал через «коня», вертел «солнце» на турнике, играл с гирями. Днем, бегая, прыгая, играя, он забывался. По ночам же не мог сомкнуть глаз. Думал о матери. В тихой темноте видел ее копошащейся в огороде или низко склонившейся над больным братом, или разгоряченной и озабоченной у шестка русской печи. Мама, милая моя мама, мучительно думал он, нет у меня возможности быть с тобой рядом, помочь тебе...

От мысли, что мать и брат живут впроголодь, у него в горле застревал хлеб. Поплаухин рывком отодвигал от себя тарелку, бросал ложку, поднимался из-за стола и покидал столовую.

- Что с вами, Поплаухин? - заметил неладное капитан.

Но Павел молчал. Теперь он был уверен в том, что какие - либо доводы с его стороны не смогут убедить копира. Он понял, что и здесь, в армии, как и на гражданке, многие начальники, чтобы устроить себе беззаботную жизнь, прижимают «к ногтю» подчиненных.

Отслужив, а вернее, пробездельничав и потеряв два года, Поплаухин сразу же вернулся в родную деревню. Он с беспокойством думал о матери, о родном доме.

Придирчиво осмотрел усадьбу и в груди защемило: дом осел, одной стороной будто в землю вошел; забор, установленный еще до войны отцом,

прогнил, начал падать; деревянный сруб в глубоком колодце обвалился, требует ремонта; текут кровли дома и хлева; лопнул чугунный котел в бане. Куда ни кинь - везде клин, без хозяина дом - сирота. «Дел - тьма, - озабоченно подумал Павел, присев на полусгнившую лавочку у колодца. - Как мама - то на все это каждый день смотрела... Сколько надо сил и нервов, чтобы вынести эту неустроенность, эту проклятую жизнь...»

Засучив рукава, молча, не спрашивая и не советуясь с матерью (в эти дни он как бы избегал ее, сторонился, словно его глубоко пронизало чувство собственной вины) с раннего утра до позднего вечера крутился по усадьбе.

- После службы-то отдохнул бы, Павел, - тихо сказа Татьяна Андреевна, остановив его у крыльца дома.

- Какой отдых, мама, о чем ты говоришь... – досадливо махнул рукой сын.

Залатав кровлю сохранившимся старым, но еще крепким тесом, пошел к соседям, чтобы выпросить крепкую длинную веревку, с помощью которой можно поправить колодец. Но тщетно, не нашлось веревки, вовсе обнищала деревня. Тогда он завернул по старой памяти на конюшню, может, там найдется. Повезло: конюх Николай Бешметов, длинный, как удильник, еще нестарый мужчина, вместо веревки предложил вожжи и сам не отказался помочь. Вожжи связали и заменили прогнившую часть колодца. Ведром выкачали из него позеленевшую, застоявшуюся, тухлую воду и, на радость Татьяне Андреевне, ввели колодец в действие. В гараже, где работал Яшка – механик (вскоре после отъезда Николая и Павла из деревни в Сибирь он от безнадежной жизни окончательно спился и умер), Павел за бутылку самогонки выпросил новую бочку из - под бензина. В кузне разрезал ее пополам, половинку с дном установил в бане вместо лопнувшего чугунного котла. Затем несколько дней он ожесточенно вырубал и очищал в лесу длинные жерди. Опять же за самогон пьяный тракторист приволок их к дому Поплаухиных, где Павел из этих жердей установил вокруг усадьбы крепкие прясла вместо прогнившего и завалившегося забора.

Продыху Поплаухин себе не давал ни на час, разве что ночью, когда подолгу не засыпал, обдумывал дела, к которым приступит утром. А на следующее утро он полез в подполье, чтобы осмотреть нижнюю часть пола и нижние ярусы дома. На животе, по-пластунски, прополз по земле (благо, опыт ползать под землей имел), осторожно освещая впереди керосиновой лампой. И ужаснулся! От двух прогнивших бревен дома и по всей площади пола протянулся белесый плотный грибок, будто намылили пол густой, светлой мыльной пеной. «Надо немедленно искать зародыш гриба, - тревожно точила мысль, - иначе съест весь дом».

Он выкарабкался наружу, вышел на улицу, безжалостно вскрыл топором и ломом еще крепкую завалинку, наполненную шлаком. Пощупал шлак рукой - мокрый, пропитало дождем. Влажный шлак породил грибок. Павел выгрузил и стаскал на свалку весь шлак, а изъеденные, гнившие венцы дома облил отработанным машинным маслом, которое «стрельнул» за бутылку самогона, вот уже который раз взятую у матери.

Приспособилась гнать самогон Татьяна Андреевна. Используя двухведерную флягу из-под молока и обыкновенный бачок для питьевой воды, смастерили мужики в кузне самогонный аппарат и подарили ей. Она и не предполагала, что это примитивное устройство может оказать добрую услугу. Настаивала и выпаривала на огне синюю жидкость из зерна и старого варенья, из свеклы и картошки. Старательно, терпеливо гнала из всего, что более-менее съестного попадало под руку. Четверть самогонки у Татьяны Андреевны в заначке хранилась всегда. А как иначе? Дров или сена из леса привезти, пашню весной на усадьбе вспахать, старенькие валенки подшить, да мало ли чего нужно было для дома, для семьи. Денег, чтобы расплатиться, нет. Вот и приходится «подмазывать» самогоном. Мужики на него падки.

Россия, Россия, твоя конвертируемая валюта - бутылка самогонки; не даешь ты своему родному работному люду другой валюты, потому и гибнет он на корню, будто дерево, отравленное заразой.

Пять недель Павел непрерывно колупался в грязи, не давал покоя ни рукам, ни ногам и, разумеется, наступил такой день, когда он не смог работать, его затошнило от нескончаемых дел, обессилел морально и физически. Нужен был отдых, и Павел завернул в гараж, где в компании трактористов напился самогона и тут же, в гараже, упал и, свернувшись калачиком на промасленных ватниках и ветоши, крепко уснул.

7

Вечером следующего дня Павел выпарился в бане; облегченно, без навязчивых дум, сел в кухне за стол, на который Татьяна Андреевна поставила вареную картошку, огурцы, хлеб и горячий чай, настоящий на листьях малины и смородины. Настоящего чая они давно уже не видели: не было его в сельмаге, да и не на что было купить. Еще мать налила сыну полстакана самогонки.

- Выпей, Паша, - тихо разрешила она сыну, - после баньки немного можно...

И он выпил, молча и жадно ел горячую картошку, огурцы, запивал чаем и поглядывал на мать; она тоже потихоньку ела и посматривала на разгоряченного, разруганного сына.

«Милая моя мама, - легко думал Павел, - ты даже не поругаешь меня, а надо бы поругать за вчерашнее, надо. Тепло твоей души выворачивает меня наизнанку... За благодарность твою завтра буду я бегать, как ошалелый, как ошпаренный: поправлю ворота, натаскаю из леса, напилю и наколю на всю зиму дров, сложу их; отремонтирую печи, а то смотри, как они дымят то тут, то там...»

- Паша, - порвала мать мысли сына, - ты послушай, о чем я сейчас думаю...

- Слушаю, мама, - внимательно посмотрел на нее сын.

- Взрослый ты у меня, и руки у тебя золотые, и голова светлая... А не у дел ты еще, Паша. Понимаешь ли, о чем я говорю?

- Да, мама. Ты хочешь сказать, что я должен иметь свое дело, вокруг которого мне и надо вертеться, строить свою жизнь. Так ведь?

- Да, сын, — не глядя на Павла, согласно кивнула она головой.

- Где же, мама, найти это дело?

- Трудно, сынок, найти, это верно... Но и здесь не найдешь. Запьешь, не захочешь, а все равно запьешь. Ты же видишь, сунуться некуда, в деревне половина окон уже забита, усадьбы пырей и лопух заполонил. Оставшиеся мужики до сорока лет не доживают...

Павел удивился глубине мыслей своей матери, ее понятливости, прозорливости, материнскому чутью. Далеко не всякая мать будет вот так «отталкивать» своего сына от себя. Напротив, примет все возможные меры, чтобы удержать свое дитя, удержать при доме, а там уж что будет, как Бог даст...

- Уезжать, Павел, надо, - тихо, но твердо сказала Татьяна Андреевна.

- Куда? Мама, - резко поднял голову сын, - везде нашему брату, рабочему люду, выкручивают руки, повсюду нас облапошивают, житья не дают. Недаром кругом пьют и спиваются, грабят, воруют и убивают... Хочешь верь, хочешь - не верь: вся Россия прогнила, как картошка в нашем колхозном хранилище.

- Решай, сын, сам, я ведь от сердца тебе говорю.

Она сложила горкой тарелки, подвинула их к краю стола, где собиралась помыть, и как бы между прочим сообщила:

- Сегодня утром по радио передали, что где-то в Сибири, в Братске... Слово-то какое - Братск, - светло улыбнулась она, - как если бы там одни братья живут, начали строить на крупной реке большую электростанцию. Молодежь туда едет со всей страны...

Ошарашенный известием, Павел откинулся на спинку стула, долго молча сидел. Опомившись, быстро поднялся, несколько раз прошелся по кухне и в задумчивости проговорил:

- В Сибири, говоришь? В Братске?

Его лицо засветилось, глаза заискрились. Волей, простором повеяло от этих двух слов. Павел вспомнил людей, с которыми гнул спину в Сибири, на руднике, тех, кого любил и кого ненавидел. Но и те, и другие, как показалось сейчас Поплаухину, были объединены некоторой общностью интересов, большинство вцеплялось за жизнь, надеясь на лучшее, чего не скажешь об оставшихся людях захирелой родной деревни в самом центре России.

Залатав многие дыры в родном доме, выслушав новость из уст матери и почувствовав крик собственной души, Павел собрался в Братск. Татьяна Андреевна молча проводила его за околицу деревни, где у пустых бревенчатых, еще крепких амбаров остановилась.

- Иди, сын, - взяла она руку Павла и долго, проникновенно посмотрела ему в глаза, - за меня не переживай, выдюжу...

Павел бережно, нежно обнял мать, его грудь содрогнулась, из глаз вырвались слезы, но, подавив в себе расслабленность, он отстранился от матери, смущенно взглянул на нее и, едва заметно улыбнувшись, промолвил:

- Что это я...

Затем снова ласково обняв маму, тихо сказал:

- Я помогу тебе, мама... Я обязательно тебе помогу...

8

Братск действительно закипал. Такие же, как Павел Поплаухин, молодые, крепкие, прибывали и прибывали сюда и, не волыня, рвались к делу, как в бой. Тех, кто имел за плечами институт, техникум, сразу выдвигали в мастера, инженеры, прорабы. Другим, как Поплаухин, с багажом в пять-шесть классов, пришлось плевать на ладони, брать кайлы, ломы, лопаты и гнуть спины, вытягивать жилы, потеть.

Вечерами на уютных пяточках поднимавшегося как на дрожжах поселка начинающие поэты читали стихи, другие торопились в школу рабочей молодежи, кто-то толкался на танцплощадке, пил водку и дрался. Зародившееся на диком берегу общество притиралось, начинало жить.

Ковыряя землю, сколачивая опалубку, таская на горбу доски и брус, утрясая густой бетон, Павел нет-нет да вспоминал слова матери о том, что он не у дел, и сейчас начал осознавать, что и этот ломовой труд не может стать его постоянным занятием. Намахавшись тяжелой лопатой, едва приволакивал домой ноги. А денег, которые здесь зарабатывал, не хватало самому, чтобы свести концы с концами. Маме в деревню отрывал от собственного тощего кармана, но отрывал крохи, из которых до конца жизни не соберешь сумму, чтобы отремонтировать дом в деревне, разве только на хлеб. Такие, как Поплаухин, познавшие сызмальства изнурительную, горбовую работу, изнашиваются быстро. Многие из них так и не выходят из этого адского тупика, не выдерживают нервы, не выдерживает внутри «мотор», рано падают с «копылков».

Ночами Павел долго не мог заснуть, мучительно думал, как выкарабкаться из замкнутого круга; как найти свое дело. И однажды, опять же ночью, осенило, что с его нищенской просвещенностью не вырваться из этой трясины, не определиться. Вот когда Поплаухин осознал, всем своим существом ощутил тот глубокий провал в знаниях, который вовремя не получил не по своей воле. И он рванул без оглядки в школу рабочей молодежи.

Время отстукивало быстро, все чаще и чаще вокруг поговаривали о том, что не за горами пуск Братской ГЭС. В очередной раз, услышав заинтересованный говор, он вдруг подумал: «Может, на ГЭС мое дело?» его затрясло, мысли об этом уже не оставляли.

В обеденное время и в часы простоя Павел, никому не говоря, убежал в котлован, туда, где поднималась, как огромный гребень, плотина ГЭС; к ее монтажной площадке то и дело подвозили громоздкие металлические панели, бухты с толстым проводом, трубы, задвижки, заполненные чем-то бочки. Не смысля в гидроэнергетике, Поплаухину трудно было понять, для чего все это сюда подтягивали.

Каждый день он торопился сюда, подходил к пустым кратерам, в которых будут монтироваться гидроагрегаты, осторожно спускался по темным маршам лестниц строящегося машинного зала, проходил по длинным галереям, где непрерывно сновали озабоченные строители и монтажники. Одни красили стены и потолки, укладывали на полу плитку; другие натужно затаскивали тяжелое оборудование, устанавливали его на фундаменты, заворачивали крупные болты и гайки. Но однажды на просторной монтажной площадке он увидел турбинное колесо, около которого скопилось множество людей, рассматривавших его. Со светлыми, одинакового профиля лопастями, оно стояло на крепких подставках и издали выглядело как игрушка.

- Вот это колесико, - воскликнул Павел. - Вот что будет вода-то крутить... Теперь мне понятно, — он долго не мог оторвать взгляда от колеса, подходил к нему ближе, нежно касался металла рукой, отходил и вновь любовался, - вот это колесико!..

В этот же день и здесь же Поплаухин узнал, что организуются курсы по подготовке специалистов для работы на действующей гидростанции, руководителем курсов назначен начальник машинного цеха ГЭС Гурбанов Илья Семенович. Поплаухин помчался к нему. «Куй железо, пока горячо. Бей в одну точку, бей в одну точку...» - вспомнил он слова своего земляка, кузнеца Николая.

Илья Семенович внешне своей напомнил Павлу хозяина свинцового рудника: такой же крепкий в плечах, с широко расставленными глазами и цепким взглядом.

- Кем хочешь быть? - внимательно, с ног до головы осмотрев Павла, громко спросил Гурбанов. Поплаухин растерялся, он не знал специальностей для ГЭС, потому не мог ответить.

- Я спрашиваю, на кого хочешь учиться? - вновь серьезно посмотрел руководитель курсов на Павла. Сконфуженный Поплаухин собрался было

пожать плечами и сказать: «Что предложите...», но, вспомнив рабочее колесо, которое недавно увидел на монтажной площадке, обрадовался и ответил:

- Хочу отремонтировать турбину...

- Во-о, теперь мне понятно, - широко и тепло улыбнулся Гурбанов.

Тяжко пришлось Павлу Дмитриевичу: работа, школа рабочей молодежи, курсы, семья (к этому времени он уже был женат). Свободного времени не оставалось ни минуты, разве только ночью. Успешно закончив курсы, начал слесарить по третьему разряду; платили меньше, чем землекопу. Поначалу сник, появилось сожаление о том, что оставил стройку. Но Гурбанов, заметив хватку, смекалку и силу слесаря, а также прослышав о причине его душевного колебания, срочно вызвал Павла к себе в кабинет.

- Поплаухин. - заговорил он, пристально посмотрев в глаза слесарю, — у тебя какое образование-то?

- Учусь в восьмом.

- Да-а, не разбежишься, - негромко выговорил Гурбанов. - Ну, ладно, в школе ты учишься, разряд тебе поднимем и заработок тоже, а поступишь в техникум или институт - мастером будешь. Бросишь учиться - тебе на пятки другие наступят, понял?

Поплаухин молчал, от радости заболело в груди, застрявший ком в горле никак не мог протиснуться.

- Что молчишь? - продолжал неотрывно смотреть начальник цеха на слесаря. - А об увольнении и не думай, не отпущу, - жестко, как строгий отец, добавил он, - иначе все потеряешь, и тогда уж от тебя мать помощи вовсе не дождется. Ты сейчас меня понял?

- Понял, - светло улыбнувшись, ответил Павел.

И тот, и другой слово сдержали. Павел Дмитриевич настойчиво цеплялся и поднимался, как по лестнице, от разряда к разряду. Поступил в техникум, стал мастером. Вот когда ему полегчало, вот когда он выкарабкался из удавки безденежья и в его кармане начали водиться не только свободная копейка, но и рубль. И вовсе Поплаухин распрямил свои

плечи, почувствовал в себе силу и уверенность, когда его пригласили на Усть-Илимскую ГЭС, где он также, как и на Братской, ремонтировал турбины, сначала в качестве старшего мастера, а затем заместителя начальника цеха.

Сейчас, когда Павлу Дмитриевичу перевалило за шестьдесят, он вновь вернулся в мастера, поближе к молодым рабочим, которые нуждаются в его помощи, поддержке и совете, как когда-то нуждался и он в опоре кузнеца Николая.

9

Недавно, в начале июня, я с Павлом Дмитриевичем встретился у меня на даче. У высокого цветущего куста жимолости, вокруг которого непрерывно летали трудолюбивые пчелы, мы сварганили стол, накрыли его, как подобает мужчинам, и отметили четверть века нашего знакомства. За эти годы Поплаухин мне стал настолько близким и своим, что мне сейчас кажется, разорвись наша дружба, разойдись мы, мое нутро не выдержит, остановится. Он один, с кем я могу откровенно и душевно поговорить или просто помолчать и посмотреть друг другу в глаза. При встречах нам никогда не хватает времени, чтобы выговориться.

Мы выпили по третьей рюмке «Кедровской» водки с медом и для разминки поднялись из-за стола, прошлись по даче, прогулялись по рощице, затем посмотрели грядки, теплицу, ульи, из летков которых вылетали пчелы, как пули из станкового пулемета. Отходя от ульев, я, как бы в продолжение нашего разговора за столом, сказал:

- Да-а, Павел Дмитриевич, нелегкая у тебя судьба... Поплаухин склонил голову, долго и задумчиво посмотрел мне в глаза:

- О-о, Федорыч,— медленно заговорил он, - тяжело мне приходилось, порой даже очень, но на судьбу свою я не жалуясь. Мне все время кажется, что меня кто-то вел по неплохой дороге.

Он смолк, закурив папиросу, продолжил:

- Главное, как мечтала моя мама, я нашел свое дело, плюс к этому, Федорыч, я никогда не обманывал, не воровал, никого не убивал... Совесть моя чиста, душа не больна, я здоров...

Затем он смолк, глубоко задумался. Вернувшись к столу, медленно, тихо заговорил:

- Но есть у меня одна болячка, Федорыч, до гроба она меня будет точить...

- Какая? - не без удивления поднял я глаза.

- С мальчишеских лет я стремился помочь своей маме, но когда она была жива, не мог, хотя крутился, пахал, тянул как вол, и все без толку, почти бесплатно. А когда мне стали мало-мальски платить и безболезненно мог бы помочь маме, ее уже не стало, - Павел Дмитриевич замолчал, его голова вдруг упала на грудь, но через мину-ту-две, успокоившись, договорил, - она умерла, когда я начал работать на Братской ГЭС, только-только сдал экзаме́н на четвертый разряд...

- Моя мама тоже умерла, - тихо промолвил я. Наполнив рюмки, мы, молча выпили в память о наших матерях.

Поздно вечером я проводил Павла Дмитриевича, у калитки крепко пожал ему руку. Не оглядываясь, он быстро удалился от меня пружинистой, цепкой, быстрой походкой. Я смотрел ему вслед и думал: «Многие из нас, как и Поплаухин, не по своей воле в вечном долгу перед своими матерями...»

Я еще долго смотрел на стремительно удалявшегося друга, и мне казалось, что он напряженно и беспокойно продолжает вспоминать свою маму.

Фотоархив Г.Ф.Муравьева

Г.Ф.Муравьев 50-е годы

Г.Ф.Муравьев в г. Судогда(3-й справа)

Г.Ф.Муравьев, студенческие годы

Г.Ф.Муравьев, 2000-е годы

Г.Ф.Муравьев в рабочем кабинете

Г.Ф.Муравьев, 80-е годы, на встрече с читателями в детской библиотеке

№4

На встрече с читателями в Центральной детской библиотеке, 2008г.

ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ МУРАВЬЕВ

Библиографический список литературы

Рассказы

Муравьев, Г. В крещенскую ночь : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1995. – 19 янв. – С. 2.

Муравьев, Г. В Янтарном : отрывок из рассказа // Усть-Илимская правда. – 1979. – 11 дек. – С. 3.

О пушкинском наследии в г. Судогде Владимирской области.

Муравьев, Г. Грачи // Вечерний Усть-Илим. – 1998 . – 25, 30 июня; 2, 7 июля; Сибирь. – 2002. – № 3. – С. 137–159.

Муравьев, Г. Депрессия : рассказ // Вечерний Усть-Илим. – 1996. – 9 нояб. – С. 4.

Муравьев, Г. Калеки // Вечерний Усть-Илим. – 2005. – 9, 16 июня.

О судьбах искалеченных войной.

Муравьев, Г. Клад : отрывок из рассказа // Усть-Илимская правда. – 2009. – 8 апр. – С. 7.

Муравьев, Г. Любовь : рассказ // Усть-Илимская правда. – 2008. – 13 нояб.

Муравьев, Г. Мальчик : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1984. – 21, 23, 24, 27, 28, 30 марта, 3 апр.; Сибирь. – 1984. – № 6. – С. 59–68.

Муравьев, Г. Мать Матвеевна : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1996. – 28 сент.; Сибирь. – 2007. – № 6. – С. 69 – 74.

Муравьев, Г. Полковник : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1985. – 15, 18, 21 мая.

Муравьев, Г. Родная музыка : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1996. – 9 нояб. – С. 4.

Муравьев, Г. Святое : рассказ // Усть-Илимская

правда. – 1989. – 19–25 авг.; Сибирь. – 2003. – № 2. – С. 72 – 88.; Земля. – 1992. – № 2. – 21 янв. – С. 8–9.

Муравьев, Г. Счастье : рассказ // Усть-Илимская правда. – 1981. – 30 мая.

Муравьев, Г. Я помогу тебе, мама : рассказ // Вечерний Усть-Илим. – 2000. – 9, 16, 23, 30 марта.

Публицистика

Муравьев, Г. Вера и неверие // Сибирь. – 2007. – № 1. – С. 186–194; Вечерний Усть-Илим. – 2007. – 15 фев.

О повести В. Распутина «Прощание с Матёрой».

Муравьев, Г. Высокий долг обязывает // Восточно-Сибирская правда – 1981. – 17 марта.

Анализ работы депутатских групп исполкома Усть-Илимского городского Совета народных депутатов в 10-й пятилетке.

Муравьев, Г. Гербу Усть-Илимска – 25 лет // Вечерний Усть-Илим. – 2006. – 14 сент.

Муравьев, Г. Главный инженер : очерк // Усть-Илимская правда. – 1994. – 27, 28, 29 дек.; Сибирский энергетик. – 2004. – № 15, 16, 17.; Сибирь. – 2004. – № 6. – С. 3–19.

О главном инженере Усть-Илимской ГЭС Е. И. Гвоздеве.

Муравьев, Г. Записки начальника цеха : очерк // Сибирский энергетик. – 2008. – 29 авг.

Муравьев, Г. «Звучный голос» // Усть-Илимская правда. – 1989. – 23 дек. – С. 3.

К 15-летию Усть-Илимской ГЭС.

Муравьев, Г. Как создавался герб Усть-Илимска // Вечерний Усть-Илим. – 2001. – 30 авг. – С. 2.

История создания герба города Усть-Илимска.

Муравьев, Г. Калюта // Усть-Илимская правда. – 2003. – 20 фев. – С. 4.

Очерк о директоре детского лагеря «Лосёнок».

Муравьев, Г. Ларец Арины Родионовны : очерк // Усть-Илимская правда. – Сибирь. – 2004. – № 3. – С. 92–99.

О хранильнице ларца Елизавете Александровне Пискуновой.

Муравьев, Г. На далекой таежной реке // Вечерний Усть-Илим. – 2009. – 15 янв. – С. 3.

К 35-летию города Усть-Илимска.

Муравьев, Г. Наш второй Сталинград // Усть-Илимская правда. – 2004. – 23 апр. – С. 3.; Восточно-Сибирская правда, – 2009. – 1 дек.

К 30-летию пуска первых гидроагрегатов.

Муравьев, Г. Пленные // Усть-Илимская правда. – 2006. – 31 янв.

О судьбе немецких военнопленных после разгрома фашистов под Сталинградом.

Муравьев, Г. «Поиск» открыт для всех // Усть-Илимская правда. – 2009. – 25 нояб.

К 40-летию литобъединения «Поиск».

Муравьев, Г. Требуется хозяин // Усть-Илимская правда. – 1990. – 14 дек. – С. 2.

О хозяйственных проблемах поселка Кедровый.

Муравьев, Г. Удача и протест: аналитический взгляд на картины художников Виктории и Владимира Кириленко // Усть-Илимская правда – 2005. – 4 марта. – С. 3.

Муравьев, Г. Чистый звон колоколов // Вечерний Усть-Илим. – 2002. – 12 сент.

Об открытии православного Храма.

Муравьев, Г. Чтобы не затух разум русского языка // Вечерний Усть-Илим. – 2006. – 5 окт.

Муравьев, Г. Я живу в ледяной продуваемой трещине // Усть-Илимская правда. – 1997. – 4 нояб. – С. 3.

О галерее Владимира Пламеневского.

О нем

Беловодова, Т. За развитие культуры Усть-Илимска – премия мэра / Тамара Беловодова // Вечерний Усть-Илим. – 2006. – 7 дек.

Премия мэра в номинации «За воспитание молодого поколения, за общественную и литературную деятельность».

Беловодова, Т. Г. Муравьев в «Свете» / Тамара Беловодова // Вечерний Усть-Илим. – 2007. – 14 авг. – С. 2.

О выходе статьи Г. Муравьева о Валентине Распутине в московском журнале «Свет».

Бутузова, С. Присвоено звание / Светлана Бутузова // Усть-Илимская правда. – 2009. – 30 дек.

О присвоении Г. Муравьеву звания «Почетный гражданин города Усть-Илимска».

Давыдов, А. Об этом забывать нельзя : о рассказе Геннадия Муравьева «Святое» / Анатолий Давыдов // Усть-Илимская правда. – 1989. – 7 окт.

Захаров, А. В. Геннадий Федорович Муравьев: от энергетика до писателя / А. В. Захаров // Сибирский энергетик. – 2008. – 29 авг.

Иванишина, Н. Территория сбывшихся надежд : твои люди, Усть-Илим / Наталья Иванишина // Усть-Илимская правда. – 2008. – 20 марта. – С. 6.

О Г. Ф. Муравьеве – писателе, строителе, ветеране города.

Нетецкая, О. С любовью к Родине / Ольга Нетецкая // Усть-Илимская правда. – 2004. – 23 апр.

Литературная конференция по рассказу Г. Муравьева «Грачи» в городской библиотеке им. Ю. Ф. Федотова.

Памяти товарища: некролог // Усть-Илимская правда. – 2010. – 28 июля.

